

О просвещении приволжских инородцев. Том 2

Том I →

Памяти архиепископа Никанора

В день выхода последнего в этом году номера «Сотрудника Братства Свят. Гурия» почил Высокопреосвященный Архиепископ Казанский, Владыка Никанор, с благословения которого миссионерский журнал Братства начал своё издание. – «Сотрудник», стремившийся посильно выполнить своё назначение, работал в течении целого года при постоянном сочувствии нашего почившего Архипастыря, неоднократно отмеченном им даже на Казанском Миссионерском Съезде июня 1910 г. Владыка Никанор принимал и лично деятельное участие в журнале в нескольких статьях и заметках, из которых последняя была написана им всего за несколько дней до его кончины.

Выпуская этот второй том, заканчивающий первый год издания, благодарный в своей памяти, «Сотрудник» оставляет своим читателям то слово, которым прощалась Казанская миссия со своим почившим Владыкой, и вместе с тем хочет выразить свою радость, что его архипастырское согласие, как последний завет, успело освятить и наступающие труды «Сотрудника Братства Свят. Гурия» в будущем 1911 году.

Памяти архиепископа Никанора

Приидите вси, любящий мя, и целуйте мя последним целованием.

Такими словами песни церковной почивший новопреставленный Архипастырь Казанский созывает ныне к своему гробу разноплемённую свою паству. Великие, трогательные слова, святые чувства! И если около гроба всякого истинного христианина должна и может быть только истинная любовь; если всякий гроб христианский говорит не столько о смерти, сколько о вечной жизни в любви Божественной, то тем более гроб православного Архипастыря. Здесь – около гроба, нет места ни разделению, ни разногласию,

ни пустым словам, ни лишнему шуму, – здесь должна пребыть только одна любовь христианская! «Приидите, любящие», и никто более; приидите отцы и братие, и с любовью вознесите молитвы к общему Небесному Отцу о почивающем во гробе.

Мы и собрались сюда, братие, ради любви к почившему и стоим сейчас, чтобы воздать ему последнее на земле приветствие.

Но не о себе лично и не о нас, здесь присутствующих, я начал своё краткое и немощное слово. Я хочу сказать о тех, кто почёл бы за величайшее счастье сказать ныне слово приветия почившему святителю Никанору, но кто не смог прибыть сюда, и кто даже не умеет говорить... Но ни пространство, ни недостаток знания не может изгладить из любящего сердца это святое чувство христианской любви. Да, там далеко, в Царёво-кокшайских черемисских лесах, или среди остатков чувашского Цивильского язычества говорить не умеют, но там умеют любить и в простоте сердца могут быть преисполнены самой безграничной благодарностью. Там Архиерею не окажут «блестящего» приёма, там нельзя услышать красивых фраз, но там с благоговением будут целовать края архиерейской ризы и с радостными слезами повергаться на землю целыми тысячными толпами в знак благодарности за одно ласковое слово.

Вот от лица этих то крещёных инородцев я и приношу ко гробу новопреставленного святителя Казанского – выражения чувства благодарности и сыновней любви. Это не предположения мои, это то, что сами мы слышали, что видели очами своими...

Мы видели десятитысячную толпу крещёных татар и чуваш, в благоговейной радости молившихся при освящении храма, в честь апостола Никанора, который создала архипастырская любовь почившего святителя. Мы слышали выражение искренней благодарности почившему от этой толпы, за память его, за архипастырское попечение его. И прихожане этого нового храма никогда не имели бы утешения сознательно молиться Господу, если бы о них не позаботился их Архипастырь.

Мы видели язычников-отцов, которые отдавали почившему святителю детей своих в воспитание и в учение. – Эти дети

ныне уже новокрещённые христиане... Это те дети, которые жили со своим просветителем Архипастырем под одной кровлей и первыми горько оплакали его кончину, не зная, кто теперь возьмёт их в свою любовь, кто о них позаботится.

Мы знаем школы, которые существовали только иждивением святителя Никанора и только потому, что его архипастырская любовь находила себе наилучшее приложение и утешение в этом научении «малых сих», жаждущих света истины.

Но все эти отдельные благодеяния новопреставленного Владыки завершены тем большим подвигом, который он вынес на закате дней своих. Я имею в виду Казанский Миссионерский Съезд нынешнего года, которым руководил почивший, и в постановлениях которого систематизированы его собственные взгляды.

И нужно отметить, что эти постановления – все глубоко и исключительно церковны. Нет в них ни одной уступки духу времени и случайным мнениям случайных людей, стоящих у власти. Все труды Съезда, повторяю, глубоко церковны, и это великая заслуга почившего пред делом христианского просвещения Приволжского края. Почивший Архиепископ прекрасно понимал, что воссоединить этих разноязычных инородцев с русским народом может и должна не «сильная государственность», а завещанная Господом Спасителем нашим братская любовь. Братство во Христе, семья церковная, – вот основа нашей русской жизни, а не грубая сила. И в деле школьного просвещения инородцев Владыка Никанор поэтому держался исключительно церковно-отеческих взглядов; он стремился только просветить светом Христовой истины не знающих её, твёрдо веря, что истинный христианин всегда будет и полезным гражданином, на каком бы языке он ни говорил. И, конечно, не ошибался в этом наш Архипастырь; и, конечно, Русь святая будет сильна не «вооружённым», а воцерковлённым народом, – не оружием силы, а оружием Христовой правды. История России слишком много являет примеров, как иногда «изнемогал лук сильных» и как «немощные препоясывались силою», чтобы забывать эту истину о народном воспитании, и

поэтому все истинно-церковные люди должны сделать глубокий поклон пред почившим Архиепископом Никанором, что он никогда в церковных делах не делал никому никаких уступок и оставался всегда на высоте понимания церковных идеалов.

И эту сторону деятельности Владыки-Никанора долго будут помнить Казанские инородцы и долго оплакивать утрату своего попечительного Архипастыря и Отца, как ныне проливают горькие слёзы осиротевшие приютяне Архиерейского Дома.

А Тот, пред Кем не может утаиться ни капля слёзная, ниже капли часть некая, – всемилостивый Господь, да упокоит душу новопреставленного в своих селениях со всеми святыми. Аминь.

Епископ Андрей.

**№ 31. Сотрудник Братства св. Гурия. 5
июня 1910 года**

Объединённое Правительство и разъединённые его слуги

Благая воля Православного Самодержца нашего, Царя Николая Александровича, создала у нас «объединённое правительство», т. е. такую власть, которая действовала бы вполне согласованно по всем вопросам государственной жизни и направляла бы эту жизнь по определённом и продуманному плану государственного строительства. Таким образом прошла ныне та удивительная пора нашей русской жизни, когда всю её решался переделывать и перестраивать всякий, кто оказывался половчее и побойчее и кто овладевал общественным вниманием.

И нынешнее объединённое наше правительство, конечно, ни в каком случае не будет подвержено таким резким колебаниям в своей внутренней политике, какие замечались при прежней жизни. Это уже и даёт себя чувствовать, и многие вопросы внутреннего нашего быта выдвинуты и проводятся в жизнь очень стойко именно потому, что они обдуманы в Совете министров, а не явились неким сюрпризом чьей-либо игривой фантазии.

Какая же очередная задача нашего объединённого правительства? – Несомненно: ему нужно изучить Россию, – это прежде всего! Россия представляет громаднейшую, единственную в мире Империю, вместившую в себя несколько отдельных и достаточно крупных государств.

Нужно изучить бытовые особенности этих царств, чтобы наилучшим, наиболее целесообразным способом собрать их воедино, спаять их нравственно около святынь православной Руси. Только за изучением России может и должно последовать её истинное собрание. Таковы задачи современного объединённого русского правительства, и начало их осуществления уже положено с большим успехом: все крупные государственные вопросы и их разрешение поставлены на очередь.

Но этого мало! Одно центральное государственное управление, стоящее на берегах Финского залива, не способно уследить за всем тем, что совершается в огромной России. Центральное правительство может дать только общий тон для провинциальных деятелей, оно может только намечать директивы. Всё остальное – дело патриотизма и благоразумия местных органов власти. А в этом отношении у нас и доселе замечается большой пробел, некое пустое место. Насколько центральное правительство объединено, настолько его исполнители иногда действуют исключительно по личному усмотрению, очень часто по безграничному произволу... И поэтому у местных, провинциальных деятелей и до сих пор в деле почти никакого объединения не замечается.

Многих примеров в этом отношении приводить мы не будем, – это может многим не понравиться; а мы обратим внимание на тот случай, который на основании 138 ст. Уст. о ценз. так милостиво нам сообщил заведующий калмыцким народом г. Козин (см. «Сотрудник», № 19). И воистину никакая фантазия не может иногда быть так фантастична, как сама жизнь.

Какая, например фантазия могла бы изобрести такую комбинацию, что у калмыков-ламаитов состоит «попечителем» киргиз-магометанин?! А между тем – это факт из российской жизни, засвидетельствованный г. Козиным исходящей бумагой за № 1810, от 23 марта 1910 года.

Но ведь это совершенно такая же нелепость, как если бы в Финляндию губернатором был выписан японец! Что делать?! Но, повторяю, это факт: киргиз-магометанин – попечитель калмыков-ламаитов... А потом мы будем исступлённо кричать: «инородческое засилье», инородцы-сепаратисты и пр. Нет, г.г. российские граждане, у нас нет инородческого засилья, а есть безграничная русская беспечность и непонимание русского дела там, где его нужно отстаивать и утверждать.

Но идём далее и внимательнее прочитаем «бумагу» за № 1810, столь обязательно нам доставленную г. Козиным.

Среди калмыков-ламаитов в «Калмыцком Базаре» была маленькая образцовая школка при двух-классной

миссионерской. В ней учились и крещёные и некрещёные калмыки и отчасти русские (и даже татары, как мы имеем сведения). Мирно они вместе учились и вместе привыкали жить.

Но в памятный 1905 год через переписку кого-то с кем-то в Калмыцком Базаре открыта другая школа, тоже начальная, но уже для одних калмыков.

В каких целях открыта эта вторая школа – «по типу существующих во всей калмыцкой степи аульных школ?» Если первой школы было мало, но она была русская по духу и полезная для дела, то нужно было её только увеличить, расширить, употребить все меры к её развитию!.. Ничуть не бывало! Вместо этого наняли помещение для *чисто калмыцкой* школы, чтобы и русского духа в ней не было. И так продолжалось четыре года, – ясно, что эта школа не очень-то развивалась и что её могло бы и совсем не быть. Но в 1907 году случилось невероятное происшествие, невозможное ни с какой точки зрения, – попечителем к калмыкам назначен киргиз-магометанин; и вскоре началась уже, конечно, капитальная постройка калмыцкой школы на средства общественного калмыцкого капитала и с разрешения Министерства Внутренних Дел.

Да ещё бы! Конечно, с разрешения... Не будь этого «разрешения», не было бы у калмыков и магометанского попечителя.

Так, совершенно на законном основании и выстроили калмыцкую школу вместо русской, для которой было подготовлено и настроение местных жителей – калмыков, уже привыкших и не боявшихся русской школы.

Но почему возможно всё это, – а таких примеров бесчисленное множество...

Потому, что у нас есть объединённое правительство в Петербурге и существуют его провинциальные органы, действующие по общему правилу, которое можно формулировать словами: «кто во что горазд».

И это – к великому вреду для общего русского дела. По нашему же мнению, во избежание таких случаев, как засвидетельствованный г. Козиным, и бесчисленного количества

им подобных, необходимо скорейшее учреждение хотя бы неофициального характера губернских (или губернаторских) совещательных собраний для выяснения того или другого обстоятельства. Впрочем, это мнение наше – не совсем наше, а людей, более нас компетентных.

Епископ **Андрей**.

Ещё на тему об изучении туземных языков чиновниками Средней Азии

Под таким заглавием в «Туркестанских Ведомостях» была напечатана небольшая, но достойная серьёзного внимания, газетная заметка Н. П. Остроумова¹.

«Ещё на тему...», как нельзя лучше говорит о том, что голос автора уже неоднократно раздавался по этому вопросу, и, как удостоверяет содержание названной статьи, всякий раз раздавался безрезультатно и исчезал бесследно, как звучное пустынное эхо, в близь лежащих горных теснинах.

Да, «одной физической силой нельзя управлять империями», да ещё такими, как империя Российская!

Святая, но до сих пор неусвоенная нами истина...

Во всей нашей окраинной и туземной политике мы следовали чисто азиатскому принципу, унаследованному нами, очевидно, от наших поработителей – татар: «повинуйся страха ради»... Правда, мы отказались от «батогов»² и ввели гуманные начала в туземные суды, дали туземцам самоуправление, хотя далеко ещё не отвечающие их воззрениям, но потребовали от них исполнения наших желаний только: «ради страха»... Морального начала в наши взаимные отношения с туземцами, а также равно и в отношения административные наши с ними, мы не внесли, и должны сознаться, что ещё долго, долго и внести не можем. Не внесём до тех пор, пока не будем владеть не телами и «животишками» их, а их сердцами, или вернее умами... А сердца человеческие покоряются словом, и только словом...

Туземцы, населяющие нашу туркестанскую окраину, несмотря на то, что давно уже покорились русской власти, покорность свою на самом деле выражают только чисто внешним образом... Сердца их далеко ещё не покорены нами: думы их всё ещё тяготеют к той дикой свободе, которой продолжают пользоваться их соплеменники по ту сторону Тянь-Шаня, Алтая, Копет-Дага и других наших пограничных высот.

Похвалы, которые так щедро сыплют волостные и аульные старшины из туземцев каждому представителю русской власти по адресу наших гуманных законов, похвалы эти льстивы, коварны, двуличны. Они немедленно исчезнут, как только минует в том нужда... Именно нужда... Теперь каждый азиат смиряется потому, что видит на нашей стороне физическую силу, и поэтому, конечно, всегда коварно льстит пред русской властью. Но не дай Бог подняться на нас какой-нибудь «жёлтой» опасности, как вчерашние наши льстивые друзья заговорят с нами другим языком...

Этого надо ждать со дня на день и чем дольше мы будем чураться от этого грядущего, как кажется многим, жёлтого призрака, тем ближе его воплощение, тем скорее придётся нам разочароваться в искренности этой азиатской любви...

Что же делать?

Ответ может быть один – заводить повсюду русско-туземные школы, вводить в них русскую грамоту, русский язык и поручать обучение в них русским, но владеющим туземным наречием, учителям.

Это первое.

Второе – стараться как можно больше привлекать детей туземцев в русские школы, а русских детей, обучающихся в наших окраинных школах, в средней и низшей, обучать языкам туземным.

Такой порядок нужен для того, чтобы приготовить из этих питомцев тот кадр местных чиновников, которые, владея языком туземцев, будут впоследствии при поступлении на службу владеть и их сердцами.

Третье – принять за правило – не назначать на ответственные посты в местной администрации лиц, не владеющих в совершенстве инородческими языками.

Четвёртое – обязать приходских священников, в районе приходов которых проживают туземцы, открыть доступ в школы грамоты инородческим детям.

Пятое – создать на окраине несколько миссионерских пунктов, с школами и интернатами при них, для приготовления миссионеров-проповедников из детей туземцев.

На устройство таких миссионерских подготовительных центров должны быть направлены все возможные средства от наших церквей и монастырей.

При успешном, функционировании таких подготовительных миссионерских школ можно будет рассчитывать на то, что архимандриты наших богатых монастырей будут хвалиться не количеством дохода, получаемого ими самими и вверенными им обителями, а количеством сумм, затраченных на миссионерские подготовительные приюты, количеством выпущенных за их счёт туземцев-миссионеров.

Хотя в настоящее время наша родная страна, даже в самом своём центре, сама нуждается в энергичных, дышащих любовью к делу евангельской проповеди, миссионерах хотя у нас нет теперь подготовительных миссионерских школ даже для самих себя, но это не должно уменьшать наших забот об окраинах, ибо окраинами охраняется спокойствие всего центра и всей России.

Сторонникам случайного рождения миссионеров по пословице: «война родит героев», – мы можем сказать, что такие самородки, как Макарии Глухарёвы, работавшие на миссионерском поприще без специальной миссионерской подготовки, рождаются не часто. По крайней мере в настоящее время на Алтае, да и во всей Азии, нет ни одного такого миссионера, каковым был приснопамятный (а в своё время даже гонимый) отец архимандрит Макарий Глухарёв.

Его проекты о практической постановке нашей инородческой миссии не только не осуществлены его преемниками, но многим нашим современным деятелям по миссионерскому вопросу они даже и не известны.

Так-то у нас интересуются миссионерским делом!

Очевидно, что должного интереса к нему нет ни в светском, ни в духовном мире, а потому миссионерское дело делается попутно и кое как...

Оно иначе и делаться не может, так как нет для него специально подготовленных людей, нет и школ...

И до тех пор, пока таких школ и желанных тружеников у нас не будет, пока окраинные чиновники будут набираться с борка и

сóсенки, до тех пор на окраинах и миссионерский вопрос, и наше административное влияние будут влачиться в жалком состоянии, как случайные путники, и мы не будем гарантированы от новых восстаний каких-нибудь фанатиков-ишанов.

А Н. П. Остроумов, Сыромятников и К^о – будут ещё много раз печатать свои заметки о том, что «для лучшего и более успешного воздействия на туземную массу необходимо русским чиновникам всех ведомств знакомство с местными наречиями, при помощи которых они могли бы иметь непосредственные объяснения с туземцами, а с другой стороны русское правительство путём школы распространяло бы знание государственного языка *среди детей* туземного населения и давало бы последним возможность непосредственного знакомства с русской письменностью и русской государственностью», а мы ещё добавим – и с евангельскими истинами.

Протоиерей **М. Колобов.**

О Церковной дисциплине

I.

Казанскому Съезду деятелей по инородческому просвещению Казанского края предложено, между прочим, сказать своё авторитетное слово по вопросу о церковной дисциплине (§ 1, отд. 3).

Да, это вопрос громадной церковной важности. И между тем – этот вопрос не только совершенно не выяснен в нашей церковно-общественной жизни, но и в сознании даже искренне преданных Церкви мирян занимает более чем скромное место.

Церковная дисциплина и полицейский порядок в храмах – это для многих представляется тождественными понятиями. И для многих не кажется странным, когда даже этот полицейский порядок в храме поддерживают полицейские-магометане!³ До такой степени утратилось в нашем церковном сознании самое элементарное представление об истинно-церковной жизни, да и вообще о Церкви. Между тем магометане и наши сектанты тем только и сильны, что среди них развито сознание общности жизни и интересов их религиозной общины. Они действительно *живут* в этой своей общине, а мы в Церкви только *числимся*, считаемся приписанными к тому или другому приходу и в то же время многие никогда не посещают даже своего приходского храма. Я знал одного человека, который с великим легкомыслием говорил о посещении им храма только, «когда Христос воскрес поют», – «при мне другого ничего не поют», кощунствовал он. А таких не мало; и мало-по-малу создалась около нас какая-то атмосфера пренебрежительного отношения к церковным уставам, по существу, – это атмосфера отпадения от церковной жизни. – Церковные установления, церковные взгляды на жизнь, церковная жизнь, – всё это переживает период какой-то странной ненормальности; около всего того, чем живёт св. Церковь, скопилось столько недоразумений, недоумений и – ещё чаще – круглого невежества, что невольно хочется остановиться на разъяснении всего этого и хоть

немного прояснить в обще-церковном сознании сущность церковной жизни.

Чтобы наша речь не показалась кому-нибудь из нашей интеллигенции скучной или, что ещё страшнее «клерикальной», воспользуемся прекрасной страничкой из характеристики Алекс. Степ. Хомякова, сделанной Юрием Самариным.

«Если нас спросят: да разве не все православные живут в Церкви? то мы не задумываясь ответим: далеко не все. Мы живём в своей семье, в своём обществе, даже до известной степени в современном нам человечестве; живём также, хотя ещё в меньшей степени, в своём народе; в Церкви же мы числимся, но не живём. Мы иногда заглядываем в неё, иногда справляемся с нею, потому что так принято и потому, что это иногда бывает нужно; например, под влиянием заботы о какой-нибудь нашей выгоде, положим хоть о сбережении наших полей от потрав, или наших лесов от порубок, мы вспомним, что Церковь учит нуждающихся терпению и запрещает посягать на чужую собственность. Учит – действительно, но ведь не этому одному, а ещё и другому и многому другому. Или, например, в одно прекрасное утро, узнав, что на Руси наплодились нигилисты, мы начинаем бросать в них и сводом законов, и политической экономией, и общественным мнением Европы, да уж за раз и религией, благо она подвернулась под руку. И здесь опять несомненно, что нигилизм осуждается верой; жаль только, что мы вспомнили об этом поздно, с перепугу, и что она нам понадобилась только, как камень.

Вообще можно сказать, что мы относимся к Церкви по обязанности, по чувству долга, как к тем почтенным, престарелым родственникам, к которым мы забегаем раза два или три в год, или как к добрым приятелям, с которыми мы не имеем ничего общего, но у которых в случае крайности иногда занимаем деньги. Хомяков вовсе не *относился* к Церкви, именно потому, что он в ней жил, и не по временам, не урывками, а всегда и постоянно, от раннего детства и до той минуты, когда он покорно, бесстрашно и непостыдно встретил посланного к нему ангела разрушителя.

Церковь для него была живым средоточием, из которого исходили и к которому возвращались все его помыслы; он стоял пред лицом Церкви и по её закону творил над самим собой внутренний суд; всем, что было для него дорого, он дорожил по отношению к ней; ей служил, её оборонял, к ней прочищал дорогу от заблуждений и предубеждений, всем её радостям радовался, всеми её страданиями болел внутренне, глубоко, всей душой. Да, он в ней жил, другого выражения мы не подберём.

Чтобы сколько-нибудь уяснить нашу мысль, укажем на факт по себе самый незначительный, но по наглядности своей, годный для примера. Когда нас зовут на свадьбу или на вечер, мы надеваем фрак и белый галстук. Почему мы это делаем? Только потому, что так делают все, так принято в той среде, в том обществе, которое мы называем своим. А почему мы подчиняемся уставам этого общества? Потому, что *мы не допускаем мысли, не смеем и не хотим* оскорбить его. А не хотим потому, что мы живём в нём и дорожим нашим с ним общением. Хомяков всю жизнь свою, в Петербурге, на службе, в конногвардейском полку, в походе, за границей, в Париже, у себя дома, в гостях, строго соблюдал все посты. Почему? – По той же самой причине: потому, что так делают все, т. е. все те, *которые для него были свои*, потому что для него не могло прийти на ум, нарушением обычая, выделиться из общества, называемого Церковью; потому наконец, что его радовала мысль, что с ним в один день и час всё его общество, то есть весь православный мир, загавливался или разгавливался, поминая одно и то же событие, общую радость или общую скорбь».

Так Самарин характеризует Хомякова и добавляет: «разумеется, большинство смотрело на это иначе и пожимало плечами».

И сейчас ещё большая часть нашего общества пожимает плечами, видя в ком-либо искреннюю церковность и любовь к церковным обрядам; наше общество этой церковности не понимает; не понимает, что Церковь есть общество и что всякий, к этому обществу принадлежащий, должен соблюдать те

правила, ту дисциплину, которыми это общество живёт. Иначе это общество, как и всякое иное, распадается, внутренняя жизнь его ослабевает и его одушевление перестаёт кого-либо к себе привлекать.

Церковник.

О чувашах Цивильского уезда

В Цивильском уезде 148.379 душ чуваш обоего пола, в том числе язычников 867 душ мужского и 429 душ женского, а раскольников чуваш 3 души мужского и 5 душ женского пола.

Религиозно нравственное состояние православных, в разных приходах уезда, не на одинаковой ступени христианского самосознания. Это зависит от местных условий жизни самих инородцев и от тех лиц, кому вверено – просвещение от духовенства и учителей. Немало приходов таких, где инородцы-чуваша в смысле духовного просвещения стоят уже выше русских. Причина этого та, что богослужение здесь давным-давно совершается на родном их языке, а в некоторых приходах даже и церковное пение сопровождается участием народного хора, как то в сёлах Кошелеях и Шоркисрях. Язычники-чуваша Цивильского уезда также стоят не на одинаковой культурной ступени, и это опять-таки зависит от местных условий жизни самих язычников и лиц коим вверено руководство ими.

В тех приходах, где язычники-чуваша отдалены от влияния ислама и живут среди чуваш православных, их по жизни можно назвать христианами. Эти чуваша-язычники внешним образом ничем не отличаются от православных, лишь только не носят на себе креста и не исполняют церковных треб и постов. Но у них есть уже хорошая сторона в их настроении: они храм Божий посещают, почитают праздники, в домах некоторые имеют даже святые иконы и принимают их с крестным ходом к себе в дом, как и православные чуваша. В настоящее время есть между ними и такие язычники, которые принимают, т. е. приглашают, местный причт для освящения домов своих – это видно из слов приходских священников.

В тех приходах, где язычники живут хотя и среди православных, но по жизни язычествуют и находятся в полном неведении христианского учения, они всегда в пример выставляют таких православных чуваш, которые живут не по учению Христа. При этом нужно сказать, что по мнению

язычников-чуваши, крещёные чувашаи сравнительно живут бедно, а потому крещение язычники считают вредным средством для жизни человека.

Ввиду сего, в этих селениях, где сами православные находятся на низкой ступени просвещения, необходимо скорее поднять их религиозное чувство, отсечь их от грубого язычества и сделать их истинными сынами Христовой Церкви. Потом уже можно будет взяться и за просвещение язычников, – для чего необходима живая проповедь. Также весьма полезно было бы распространять брошюры духовно-нравственного содержания на родном языке инородцев.

Наконец те селения, где язычники живут в соседстве с мусульманскими селениями, чувашаи-язычники постепенно сближаются с татарами и перенимают от них соблазнительное учение ислама. У мухаммедан всякий торговец, прохожий, пастух являются миссионерами среди темных чуваш. Вот 21-го сентября мы с уездным миссионером были в селе Старом-Тябердине в языческой семье. Мы долго вели там беседу. После некоторого времени жена язычника и говорит: «батюшка, вы уже неоднократно бывали у нас и всегда хвалите свою веру и доказываете превосходство её пред мусульманским учением, а вот перед вами здесь ещё был татарин – торговец, тоже хвалил свою веру и доказывал превосходство ислама пред христианством. Теперь мы сами не знаем, что хорошо и что худо, но ваша вера лучше нравится нам, поэтому мы не воспрепятствовали своей дочке принять крещение». Далее многие язычники-чуваши после долгой беседы заявляют, что они не хотят принять крещение потому только, что в этом нет надобности. Придёт пора, пожалуй, можно будет креститься, но и то не иначе, как по получении некоторых наград. Если скажешь им, что люди могут спастись только приняв с верой крещение, то они часто возражают, что там, т. е. на том свете, никто не был, и нам не известно кто будет в раю и кто – в аду, лишь бы здесь хорошо жилось. Для того, чтобы вразумить их христианской истиной, местным священникам следует почаще их навещать и наставлять в духе Евангельского учения.

Остановимся на некоторых отдельных фактах: Приход села Можарок Цивильского уезда состоит из трёх селений: села Можарок и чувашских деревень: Старой Бахтиаровой и Подлесной. В настоящее время в приходе 4572 души обоего пола. В числе их: русских православных 644 души, русских раскольников 2211 душ, чуваш православных 1693 души, чуваш раскольников 7 душ и чуваш язычников 15 душ.

Приходские деревни от села находятся: Старая Бахтиарова в 6-ти верстах и Подлесная в 5 верстах. Препятствий в путях сообщения между ними почти нет, но с религиозно-нравственной стороны бывает немало препятствий общению, потому что раскольники, исконные враги Православной Церкви, всячески старались и стараются препятствовать чувашам в этом приходе посещать храм Божий, оскорбляют их религиозное чувство, осыпая их насмешками, называют их еретиками и проч. И это всё ничего, но ещё печальнее то, что чувашам этих селений никогда не приходится слышать слово Божие на родном языке, разве только, если они сходят в ближайшее село. И вот следствием этого является, что православные чуваша, ничего не зная в вере, перешли в раскол. А что грозит в будущем? Здесь просвещение язычников-чуваш целиком лежит на уездном миссионере, но о. Зайков при всём своём желании более трёх раз в году не может у них быть, а местный священник по-чувашски не знает.

В Ново-Чурашевском приходе живут исключительно чуваша православные, численностью более 6000 душ обоего пола и около 200 душ язычников. Здесь и православные некоторых селений мало отличаются от язычников, как например в деревне Вудаялях, где чуваша в церковь почти не ходят, по словам их же самих. При посещении домов их одна женщина не узнала уездного миссионера. Она думала, что это приходский священник и выяснилось, что она не видала своего приходского батюшку, хотя сама христианка.

Чуваши этой деревни, за исключением нескольких семейств, постов не соблюдают, многие ходят без креста, и, к сожалению, местный причт, не знающий языка, нрава и быта инородцев, мало имеет на них миссионерского воздействия.

Затем, по словам местных обывателей, пропаганда ислама всё, усиливается, а потому здесь крайняя нужда в миссионерах. В деревне Вудаялях необходимо открыть воскресную школу для взрослых, или еженедельно вести собеседования в школе, где бы взрослые, находящиеся в настоящее время в полной тьме духовной, могли слышать Слово Божие. Язычники – чуваши в деревне Вудаялях очень упорны сравнительно с другими. Это объясняется тем, что их мало посещают те лица, на кого возложено их просвещение, и это ещё счастье, что у чуваш-язычников нет учения язычества, как строго обоснованной религиозной системы. «Отцы так жили и нам велели», вот их ответ на все убедительные речи миссионера. Когда рассказываешь об аде и рае язычнику, и он категорически заявляет, что там никто не был, то он вполне удовлетворяется этим. Все понятия его облечены в материальную форму; и ад и рай представляются ему продолжением земной счастливой и несчастной жизни. Понятие об духовности, не вещественности того и другого у чуваша отсутствует.

Школа и церковь совместно должны перевоспитать мышление чуваш и дать им ясное понятие о Боге и о загробной жизни человека.

Окончивший Казанские Миссионерские Курсы
Григорий Степанов

Из японской церковной хроники

Брак Японца с Россиянкой.

Долго проживавший в России японский юрист Нацуаки-Камеичи наконец вернулся в Японию, но не один, а с молодой девушкой-москвичкой, которую взял себе в супруги. По уговору с родными этой девушки, возвратясь на родину в Токио, он принял святое крещение, после чего сочетался с ней законным браком в христианском соборе в Токио 13 июля 1909 года. Это достойно внимания как первый брак японца с россиянкой.

Монашество в Японии.

Сознание высоты духовной жизни монашества проникло и в молодое, воспитываемое христианство Восточных христиан-японцев. И ими было понято великое значение его, конечная цель нравственной – совершенной жизни, следования по стопам Христовым, «распиная себя со страстями и похотями». И они пожелали идти высшей духовной дорогой, стремясь к горнему, небесному отечеству, которое отвратившийся от мира и отвергшийся от его суеты приобретает себе в вечное наследие.

Если, кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною (Лук. 9:23). Вот этот глас и его призыв проникли в глубь души катехизатора Моисея Минато (японца), который отличался и до принятия на себя монашества выделяющейся религиозной жизнью.

31 июня 1909 года Моисей Минато принял пострижение, с именем Серафима. Постриг совершал Архиепископ Николай... Этот торжественный, велико-трогательный обряд сильно повлиял на зрителей и на самого постригаемого, душа которого ликовала, ибо ей сорадовались небесные жители – ангелы. Итак, монашество проникло и в новый христианский мир – в Японию, где нашло сочувствие и принялось на слабой пока почве ещё мало возделанных душ язычников. Появилось христианство – началось и монашество. Лишь зародилось воспитание на христианских началах – как уже вступает в совершенство воспитания в проявлении монашества.

Дай, Господи, чтобы возросло в Японии иночество и нашло себе много последователей, это очень поддержит дух всех христиан на Востоке.

Михей Накамура.

**№ 32. Сотрудник Братства св. Гурия. 12
июня 1910 года**

Иерархия и иерократия

(Прощальное слово курсистам выпуска 1910 года).

Прощаясь с вами и отпуская вас в жизнь на дело пастырское, – если Господь удостоит вас Своей милости вверить вашему попечению души человеческие, – я хочу сказать вам несколько напутственных слов, а в вашем лице и тем моим ученикам, которые ранее вас окончили здесь своё обучение.

За последнее время приходится часто слышать, что пастырское служение становится с течением времени всё более и более трудным, что пастыри св. Церкви подвергаются ныне почти открытым издевательствам и оскорблениям. Вот – чтобы укрепить вас на перенесение скорбей пастырских, я и хочу сказать вам несколько слов.

Если ныне пастырское служение трудно, то помните твёрдо, что оно было таким всегда и не было времени, когда бы оно было лёгким. Оно и сейчас, и всегда, легко только для тех, кто не понимает той страшной ответственности пред Богом и пред людьми, которую несут на себе пастыри. Господь, когда оставлял Своих учеников и давал им последнее наставление, то предупреждал, их, говоря: *«если мир вас ненавидит; знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если вы бы были от мира; то мир любил бы своё, а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир»* (Ин. 15:18–19).

Да и не только пастыри, но и *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2Тим. 3:12). Таково общее положение жизни земной. Так было всегда, так оно пребывает и ныне. И это служители церкви должны знать твёрдо и к этому должны быть готовы, укрепляясь на врага только святым Крестом и молитвой. Никакие земные силы и вообще никто на земле не в состоянии ослабить этой страшной борьбы греха и злобы против жизни благодатной и против служителей Христовых.

Но предупреждая вас о предстоящей для вас борьбе с миром, я хочу вам сказать несколько слов о том, что мы не

должны с своей стороны подавать ни малейшего повода к тому, чтобы мир имел основание к нашему осуждению. Иначе говоря: мы не должны быть, хотя бы в слабой степени, виновниками чужих грехов.

Для того наша жизнь должна быть всецело христианской, полным осуществлением Христовых заповедей. А Он, Господь и Учитель наш сказал: «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг-другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам (Ин. 13:13–15). А в другом месте Он говорил о Себе: *Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих* (Мф. 20:28).

Усвойте твёрдо этот взгляд на своё дело, на цель своей жизни! Если вы идёте на пастырский подвиг, если вы решаетесь идти за Пастыреначальником – Спасителем нашим, то имейте единую цель: вместе с Господом послужить и отдать всю жизнь свою для спасения тех, кого Господь вам вверит.

Итак, пастырство это – только служение и только самопожертвование! Настойчиво предупреждаю вас об этом, чтобы вам в вашей деятельности не переживать ни разочарований, ни мучительного раздвоения совести, ни укоров от «внешних».

И если только вы будете соблюдать эту заповедь апостола: не стремиться господствовать над наследием Божиим, но подавать пример стаду, только тогда вы будете достойно принадлежать к церковной *иерархии*. Обращаю ваше внимание на это слово, которое давно вам известно и обозначает: *священную власть*. Вам святая Церковь, по милости Божией, может быть, скоро предоставит власть, право пасти словесное Божие стадо. – На чём власть и право ваше будут утверждаться? На словах Господа: «дадеса ми всяка власть на небеси и на земли: шедше убо научите вся языки»... (Мф. 28:18).

Господь получил власть от Отца Своего и передал её священной иерархии церковной. И она этой властью пользуется

до тех пор, пока исполняет заветы Господа и Учителя своего. Но если иерархия забывает о величайшей заповеди, полученной ею от Господа: «кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий», иначе говоря, если иерархия забывает о своих обязанностях и, уподобляясь земному начальствованию, начинает заботиться только о правах своих, то лишается и благодатной помощи свыше и власти над душами человеческими. *Иерархия*, как *духовная власть*, от Бога полученная врачевать немощных, переходить в какую-то грешную иерократию⁴, ни на чём не основанное стремление силой восполнить то, чего *никакая земная сила* сделать не в состоянии.

Вот, возлюбленные мои ученики, и бойтесь наипаче этого самообмана, бойтесь подмены Христовых святых заповедей, человеческими грешными преданиями и обычаями, бойтесь, чтобы служение Христово не помрачилось в вашем представлении желанием господствовать над наследием Божиим. Бойтесь этого, потому что это будет самым большим несчастьем вашей жизни, это будет и нарушением заповедей Божиих, и утратой вами церковных идеалов, ибо иерархия, как власть, полученная от Бога, нисколько не похожа на земное начальствование: *иерархия – не иерократия!*

Иерархия – учреждение Божественное, иерократия – это полное извращение церковного учения об иерархии, это грех некоторых членов иерархии нашей пред церковью.

Кончаю, братия мои, последнее своё наизидание к вам, прошу вас и умоляю: простите грехи мои пред вами, все они – грехи неведения, потому что намерения моего не было сделать зло вам. Но если мы, здешние учителя ваши и грешные, то при вас всё-таки остаётся во всей силе ваша обязанность: всё, что в этом храме и при ваших занятиях, вам велели соблюдать, соблюдайте и делайте, только по делам, если эти дела дурны, не поступайте, греху не подражайте; так некогда Христос учил народ, предостерегая его от грешных учителей.

Епископ **Андрей**.

О Церковной дисциплине

II.

Мы видели на примере А. С. Хомякова до какой степени истинный христианин может быть проникнут церковностью, до какой степени всякий мирянин должен любить церковные установления и по этим церковным установлениям располагать всю свою жизнь. – И жизнь всех праведников Божиих и имела главной свою отличительной чертой то, что она была проникнута церковностью, духом св. Церкви. Всякий шаг их жизни, всякое дело их неизменно носило печать истинно-церковного дела, освящено было церковной молитвой, направлено было к осуществлению церковных целей. И поэтому можно говорить как об общей норме духовной жизни, что чем более сторон своей жизни человек отдаёт руководству церкви, тем выше он становится в нравственном отношении и тем крепче сама церковная жизнь.

Но в полную параллель к этому общему принципу нужно знать и другой, касающийся уже не отдельного члена Церкви, но и всей церковной жизни: чем более сторон своей жизни христианское общество подчиняет Церкви, тем более жизнь этого общества приближается к церковному идеалу. Иначе говоря, через соблюдение церковных установлений (дисциплинарного характера) достигается церковное благополучие. И наоборот: падение церковной дисциплины в христианском обществе – это явный признак церковного неблагополучия. Вот этот период церковного неблагополучия мы и переживаем в настоящее время, потому что в существе дела ныне церковной дисциплины почти нет в церковной жизни, влияния этой дисциплины на общество вовсе не замечается! Поэтому же упало и внутреннее церковное одушевление, внимание христиан к их личной духовной жизни и к церковным нуждам.

Блаженный Августин так рассуждает о значении дисциплины церковной: слово дисциплина происходит от латинского слова, обозначающего: учиться (discere).

«Дом учения есть Церковь Христова.

Чему же здесь учат? а также для чего учат? Кто учащиеся и кто учит?

Учатся здесь тому, как надобно хорошо жить, чтобы прийти к жизни вечной; учатся – христиане; учитель – Христос.»

Вследствие этого Церковь и её представители всегда заботились, чтобы церковная дисциплина была всегда в полной силе, – чтобы в этой церковной школе церковной жизни было и учеников как можно более, и чтобы они учились как можно лучше. Эта церковная дисциплина, как средство к соблюдению церковного порядка, почиталась «спасительным кормилом во время бури», потому что она охраняла церковное благополучие, и всякий, кто нарушал дисциплину, признавался разрушающим это церковное благополучие⁵.

С этой точки зрения посмотрим на нашу церковную жизнь. Какие церковные законы, церковные правила живут сейчас в церковно-общественном сознании современных мирян? Какие стороны жизни общественной подчинены церковному влиянию? Наконец, по крайней мере, в каких случаях общество справляется с учением и мнением церкви?

На эти вопросы как-то странно и отвечать, и, конечно, ответ должен быть единственный: никаких сторон жизни наших христиан Церковь не имеет на своём попечении и никакими мнениями Церкви по общественным вопросам жизни никто не интересуется...

И, как это ни грустно, но это так!

Нынешнему христианскому обществу более или менее известно единственное дисциплинарное правило, это – устав Церкви о постах или вообще о пище. И мы решительно затрудняемся указать ещё какую-нибудь сторону жизни христианской, которая хоть в незначительной степени была бы включена в сферу церковности. Но ведь чем далее, тем более и эта последняя – указанная сторона жизни христианской выходит из-под церковного надзора: интеллигенция наша совсем уже не знает святых постов и нарушает их без всякого угрызения совести; и простой народ под развращающим влиянием интеллигенции перестаёт знать посты.

В отношении отправления Богослужения Устав церковный ещё имеет силу, но и тут приходится отметить, что если не буква богослужебного устава, то дух его всё более и более утрачиваются в сознании современных христиан.

Приведём несколько примеров.

Всякий, конечно, знает, что содержание праздника в богослужении отображается в стихирах, которые и раскрывают то или иное церковное торжество и в которых прославляются святые угодники Божии. И поэтому содержание бдения, например, на праздник Благовещения Пресв. Богородицы ни в одном слове не похоже на бдение воскресное, а остаются неизменными лишь ектении.

Таков устав. – А его исполнение вот какое: обыкновенно во всех приходских храмах стихире празднику не только не поются, но даже и не читаются, и от всего богослужения остаются неизменно только ектении. Таким образом, всё поэтическое разнообразие церковных песнопений, вся красота праздничной службы совершенно пропадает. Остаётся от богослужения только, так сказать, рамка, а сама картина – совершенно теряется.

В отношении времени богослужебный устав нарушается тоже до полного его извращения. Например: когда бдение отправляется вечером, то приходится слышать в 8 ч. вечера: «исполним *утреннюю* молитву». В других местах бдение отправляется утром, – и тогда приходится слышать ещё большую несообразность: «исполним *вечернюю* молитву», т. е. за прошедший уже вечер. В некоторых местах отправляется литургия преждеосвящённых даров в 7–8 часов утра! Здесь получается тоже величайшая несообразность: вечерня следующего дня отправляется в 7 часов утра.

И православные христиане так уже привыкли ко всем подобным нарушениям богослужебного устава, так «смирившись», что ни откуда не слышно никаких протестов, – напротив все очень довольны!..

И единственно у кого из православных ещё соблюдается и богослужебный устав и есть нечто похожее на церковный склад жизни, – это у православных старообрядцев (единоверцев). Они

ещё дорожат этим древне-православным церковным укладом жизни, а среди остальных православных христиан уже ничего подобного нет.

Настолько в настоящее время ослабела церковная дисциплина, настолько ничтожно влияние церковных узаконений на современную жизнь православных христиан.

Так сократилось взаимо-общение и внутреннее одушевление в церковно-общественной жизни православия: так православные христиане растеряли даже само представление о церковности.

Церковник.

Епархиальные стипендиаты на Миссионерских курсах

В жизни почти всех миссий ощущается один крупный недостаток, – это отсутствие деятелей, людей, специально дело изучивших и ему служащих. Нет, кажется, ни одной миссии, где этот недостаток не чувствовался бы с большей или меньшей остротой.

Между тем такой недостаток почти в полной мере можно было бы восполнить, если бы отцы начальники миссий, заранее избрав себе будущих помощников, отправляли их на Казанские миссионерские курсы для специальной подготовки к миссионерской службе. Такие случаи уже неоднократно имели место в прежние года в некоторых миссиях: и, разумеется, это было для дела только полезно.

Полезно было бы это и для миссионерских курсов, потому что создало бы такой состав слушателей, который был бы занят только своим любимым делом и не развлекался мыслью, что-де, может быть, «учишься, учишься, а потом всё-таки к настоящему делу не попадёшь».

Такое вообще тяжёлое настроение для всякого дельного человека тяжело вдвойне и лишает его энергии. Поэтому, если бы с каждой из приволжских епархий были отправляемы на Миссионерские курсы хотя по три стипендиата, то и жизнь их была бы гораздо содержательнее и цельнее, равно и миссии много выиграли бы, получив более сильных деятелей.

* * *

Но есть одна сторона этого вопроса, которая мало заметна, но даёт себя, однако, чувствовать и между проч. своей глубокой несправедливостью. Дело в том, что Спасо-Преображенский монастырь, содержащий здания Миссионерских курсов, едва ли будет в состоянии долго иметь на себе это послушание. Помимо того, что вследствие этого братия монастыря всегда и во всём себя ограничивает и не имеет ни просторного, ни отремонтированного помещения; но и вообще монастырь, затрачивая свои средства на содержание курсов и не имея

оборотного капитала, не может держать своего хозяйства на подобающей высоте. Между тем, он, Спасо-Преображенский монастырь, содержит учебное заведение, обслуживающее весь приволжский край и почти все православные сибирские миссии, и никакой ни откуда субсидии не получает. Вот если бы на курсах были слушателями Епархиальные стипендиаты, то этот денежный вопрос по содержанию курсов потерял бы значительную часть своей остроты. – Таким образом, с введением этого нового способа обеспечения миссий деятелями, обеспечилось бы и содержание их источника; и Спасо-Преображенский монастырь за свои безмездные двенадцатилетние труды получил бы нравственную награду и поощрение, к дальнейшим миссионерским трудам.

О работах Казанского Миссионерского съезда 1910

Насколько можно считать выяснившимся состав будущего Казанского Миссионерского Съезда, настолько выясняется и характер будущих его работ. Правда, эти работы предусмотрены утверждённой Свят. Синодом программой и с этой стороны съезд едва ли много может дать нового; но нет сомнения, что направление всей деятельности съезда принадлежит ему исключительно и в этом отношении он может проявить и много инициативы и достаточно творческого таланта.

Стоит этого лишь захотеть и на это решиться.

Впрочем, на такое решение с необходимостью должна побудить съезд сама «программа» съезда, утверждённая высшей духовной властью. – Если мы внимательнее её рассмотрим, то она представляется совершенно невыполнимой для того состава съезда, который определился. Действительно, членами будущего съезда будут лица исключительно духовные или служащие по духовному ведомству: преосвященные Архипастыри, священники и г.г. статские миссионеры. Другие ведомства от всякого участия в деятельности будущего *миссионерского* съезда совершенно отказались. Это сделано ими конечно, не без достаточных оснований, но для выяснения общего русского дела в Приволжье это – большой недостаток.

Ведь по важности переживаемого нами ныне времени, съезд должен быть не только миссионерский, а *съезд русский*. Должно быть созвано междуведомственное совещание, как помочь общерусскому делу в Приволжском крае.

Это по непостижимым для простого русского гражданина причинам не состоялось. И съезд оказался исключительно миссионерский, хотя с программой, несравненно более широкой, чем можно было бы дать для съезда миссионерского. Как это случилось, – судить не нам...

Но если программа отпечатанная не может быть выполнена удовлетворительно, то те её части, которые касаются церковной жизни, должны быть поставлены более широко, чем мы видим в этой программе, – местами она должна быть просто дополнена.

И вот какими пунктами она может быть и должна быть расширена:

- 1, методика собеседований с магометанами;
- 2, развитие церковного проповедничества в сельских приходах, как лучшее условие церковно-приходского благополучия;
- 3, о благочинии в храмах и около храмов; надзор за этим;
- 4, приучение православных к семейному прочтению утренних и вечерних молитв, дневного евангелия и пр.;
- 5, значение в деле миссии уездных наблюдателей церковно-приходских школ.

Это такие церковные нужды, для удовлетворения которых не требуется никакой высшей санкции. Всё может быть сделано в этой области церковной жизни, так сказать, домашними средствами, – и это большое преимущество таких постановлений пред противоположными совершенно очевидно.

Однако сделав всё, что нужно в области исключительно церковной, будущий съезд не должен уклониться и от того, чтобы оценить с церковной точки зрения и всё оно, то вообще в жизни имеет место и в частности деятельность других ведомств. На пример те §§ программы, которые касаются народного просвещения, должны быть очень серьёзно рассмотрены и ещё серьёзнее мотивированы будущие решения съезда, чтобы они были убедительны.

Например, очень интересно знать мнение съезда, *способны ли наши нынешние земские школы их обычно безыдейно-космополитического тона бороться с татаризацией.* Допустим, что магометане настолько сделаются культурными и терпимыми, что будут отдавать детей своих в земские школы. Это произойдёт даже не в далёком будущем, – сомнения в этом вопросе едва ли могут иметь место. Но если это пожелание наших либералов осуществится, то что получится в смысле обрусения инородцев?

Наше мнение таково, что будет один чистый минус в общегосударственном русском деле. Там, где татары будут учиться с русскими в земской школе, там произойдёт, конечно, личное знакомство учащихся и каждая национальность

останется при своих убеждениях. Но если напр. в Чистопольском, Тетюшском уездах среди чуваш или в Царевококшайском среди черемис в земских школах будут учиться стойкие в своём национализме татары рядом с бесхарактерными и дряблыми детками других инородцев, там будет происходить совершенно открыто и может быть даже на русском языке татаризация этих маленьких инородческих поколений.

В таком случае земская школа, ныне интернациональная по духу, будет для общерусского дела совершенно – бесполезной (если не более того).

Вот такие вопросы жизни, которые выходят из непосредственной компетенции духовного ведомства, если будут на Миссион. Съезде освещены и иллюстрированы достаточно убедительно, то, конечно, его голос прозвучит достаточно авторитетно и будет, несомненно, услышан.

Но нужно бы ещё несколько подобных вопросов по обстоятельнее разрешить, чтобы работы будущего съезда можно было счесть вполне законченными.

Русский.

Несколько слов по поводу предстоящего Казанского Съезда

Текущий 1910 год, по двум выдающимся мероприятиям на пользу инородческого дела, несомненно, будет отмечен на страницах истории христианского просвещения инородцев Волжско-Камского края, как один из выдающихся годов. Мы разумеем занятия Особого Совещания по инородческим вопросам при Министерстве внутренних дел, происходившие в январе месяце текущего года и предстоящий с 13 по 26 июня инородческий Миссионерский Съезд.

О занятиях Особого Совещания при Министерстве мы не имеем достаточных сведений, так как кроме кратких, отрывочных сообщений, своевременно печатавшихся на страницах газеты «Колокол» и более обстоятельных, но не законченных сообщений оренбургской татарской газеты «Вакт», отчётов о занятиях этого Совещания в печати не появлялось. Означенные Совещания при Министерстве, происходившие с участием некоторых выдающихся знатоков инородческого быта и видных административных лиц, судя по кратким газетным сообщениям, были посвящены всестороннему освещению инородческого дела в Поволжье. Ввиду этого весьма желательно, чтобы занятия Миссионерского Съезда не были в значительной своей части, повторением занятий упомянутого Совещания при Министерстве. Во избежание этого повторения, Казанскому инородческому Съезду необходимо уделить наибольшее внимание на внешней, административной стороне инородческого дела, а внутренней-вопросам организации миссии, выяснению методов ведения миссионерских бесед. Просматривая программу вопросов, подлежащих обсуждению Миссионерского Съезда в г. Казани, нельзя не заметить в ней весьма важного пробела в этом отношении

В параграфах этой программы мы видим, что составителями её обращено должное внимание на разработку вопросов о историческом прошлом инородцев вообще и на историю христианского просвещения их – в частности, на

современное религиозно-нравственное состояние их, влияние ислама и язычества на инородцев, юридическое положение их среди отступников и проч. (Отд. I, § 1–4).

Далее, в отделах II, III и IV отводится значительное число параграфов рассмотрению системы христианского просвещения инородцев, в особенности же – внешних мероприятий в дел просвещения инородцев и организации миссионерского дела. Но мы совершенно не видим в программе вопросов, касающихся живого дела миссии, не видим вопросов о том, как сеять семена христианского учения в души, заражённые магометанскими и языческими заблуждениями, с чего начинать эти беседы, как их вести и на что обращать большее внимание, а также – какими средствами пользоваться в борьбе с пропагандой ислама и язычества. Казанский инородческий Съезд привлечёт, несомненно, лучшие выдающиеся миссионерские силы, людей опыта, поэтому обмен мнений по вопросам миссионерской методики даст немало поучительного для большинства деятелей миссии, что особенно важно в переживаемое нами время вероисповедной свободы, когда меры чисто внешнего административного характера утратили своё значение и борьба с заблуждениями иноверия возможна только путём проповеди слова Божия.

Одним словом – если в программе не будет сделано дополнений, то Съезд не уделит надлежащего внимания весьма важной стороне миссионерского дела – миссионерской методике.

Наша литература по инородческим вопросам, сравнительно с литературой западноевропейской, вообще не может похвалиться богатством, но особенно бедна она по вопросу о методах ведения миссионерских бесед; при том статьи, касающиеся этого предмета, найти весьма трудно и не каждому миссионеру возможно, так как они напечатаны на страницах богословских журналов и епархиальных «Известий» прежних лет.

Специальных руководств для ведения миссионерских бесед с магометанами и язычниками мы не имеем, между тем

руководственные указания в миссионерском деле, особенно для начинающих миссионеров, крайне необходимы.

Как известно, мусульмане в этом отношении имеют перед нами преимущество, так как мусульманская литература имеет немало изданий на арабском, турецком и татарском языках, направленных к опровержению христианского учения; в беседах с миссионерами мусульмане пользуются и анти-христианскими сочинениями на русском языке западных писателей; кроме этого существуют заграничные издания на русском языке апологетических сочинений ислама, как например, «Жизнь и учение Мухаммеда или Дух Ислама», Берлин 1902 г., изд. Гуго Штейница и др. Ввиду этого ведение бесед с более или менее образованными мусульманами требует от миссионера не мало знаний и опыта. Впрочем, руководственные указания будут не лишними и в беседах с рядовыми мусульманами, которые всегда бывают достаточно вооружены знанием нападок на христианство, а также – смелостью и дерзостью.

Бывший в 1894 году съезд учителей и законоучителей инородческих школ в селе Янцеварах, Лаишевского уезда, под председательством покойного миссионера о. Василия Тимофеева, в предложенных обсуждению съезда 67 вопросах с особенной ясностью обнаружил потребность руководственных указаний для рядовых деятелей миссии – учителей инородческих школ и духовенства.

В заключение нельзя не пожелать, чтобы предстоящий инородческий Миссионерский Съезд, в интересах дела, восполнил указанный пробел и отнёсся к нему с должным вниманием, как к вопросу первостепенной важности.

Свящ. С. Багин.

«Иоанниты» среди чуваш

В Козмодемьянском уезде о. Иоанн Кронштадтский пользуется среди многих чуваш известностью, и они относились к нему, когда он был жив, с глубочайшим почтением и уважением. Когда в 90-х годах прошлого столетия, неожиданно-негаданно дважды заезжал приснопамятный о. Иоанн Кронштадтский в село Ильинскую Пустынь, Козмодем. у., то окрестные чуваш, каким-то образом узнавши, что он в Ильинском храме служит, съехались в несметном количестве, чтобы посмотреть на него и получить благословение. Знаю некоторых чуваш, обращавшихся к нему письменно с просьбой о молитве. Есть и такие, которые были у него в Кронштадте.

Несомненно – этим благоговейным почтением чуваш Козм у. к о. Иоанну Кроншт. и воспользовались «иоанниты». Они года три тому назад (молодые женщины или девицы) явились в Козм. у. (с. Больш. Сундыри, Б. Карачкино и др.) с проповедью об о. Иоанне, как воплотившемся Иисусе Христе. Устраивали среди чуваш собрания, беседы, творили нечто вроде моления пред портретом о. Иоанна и возжигали свечи. На увещания священников прекратить кощунственные выходки и на доказательства их, что един есть Ходатай Бога и человеков Иисус Христос, однажды воплотившийся от Пресвятой Девы Марии, «иоанниты» отвечали полнейшим издевательством и называли публично в лицо антихристом приходского пастыря.

Прошлым летом пишущему эти строки пришлось встретить «иоаннитов» в своём приходе. Здесь были один мужчина и две женщины. Мужчина типа не русского и с акцентом тоже не русским занимался продажей номеров «Кронштадтского маяка», где велась полемика с Киевским Миссионерским Съездом и Первосвятителем Русской Церкви, Митрополитом Антонием, и сочинений о. Иоанна Кронштадтского. Между прочим, некоторые сочинения о. Иоанна (кажется его Евангельские Беседы) переплетены были в роскошный переплёт с золотым тиснением на нём «Евангелие о. Иоанна Кронштадтского».

Женщины же продавали на жести большие портреты о. Иоанна и маленькие, в виде икон на шнурках.

На вопрос – «не иоанниты ли они» – мужчина уклончиво и, видимо смущённый и как бы задетый за живое, ответил: «а вы как полагаете? – ведь Иисус Христос в о. Иоанне, и он в Нём!»

Правда, ещё не заметно влияния «Иоаннитов» на чуваш, хотя и называют какого-то прогорелого кулака-яичника последователем «иоаннитов», видимо желающего поправить свои делишки своей пропагандой и, конечно, сборами, но всё же низкий пока уровень чувашского христианского мирознания, при беспечности пастырей и настойчивости пропагандистов, может найти удобную почву для распространения среди чуваш секты «иоаннитов».

Священник Транквиллин-Земляницкий.

**№ 33. Сотрудник Братства св. Гурия. 17
июня 1910 года**

О задачах Казанского миссионерского съезда 1910 года

Речь на открытии этого Съезда 13 июня.

Преосвященные Архипастыри, преподобные отцы и вы, братие и сестры, о Христе возлюбленные чада Церкви Православной!

Сегодня в неделю всех Святых, когда вселенская Церковь Христова празднует завершение Божиих обетований грешному роду человеческому, наша церковь Казанская, в частности, перевивает свои великие минуты радости духовной. *Днесь благодать святаго Духа нас собра, днесь и на нашем церковном обществе исполнилась песнь церковная о дарах Духа Святаго: вся подает Дух Святый, (точит) источает пророчества, священники совершает, некнижные премудрости научи, рыбаи богословцы показа, весь собирает собор церковный*«... Невольно хочется со псалмопевцем воскликнуть: *сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь. О, Господи, спаси же; о Господи, поспеши же*». (Пс. 117:24–25). И в эти святые минуты церковной радости, только бы и хотелось молиться всесвятому Духу Божию, чтобы Он подкрепил всех служителей Церкви в служении их во спасение людей Божиих, кровию Христовой искупленных.

Вот это и есть *первая* и главнейшая задача нашего собора церковного: молиться вкупе Господу, *да изведет деятели на жатву свою*, ибо жатва всё умножается, а деятелей мало: и ныне нас окружают народы смятени, яко овцы не имущия пастыря (Мф. 9:36). И если кто будет, как некогда в св. день Пятидесятницы, недоумевать и спрашивать о нашем молитвенном собрании, «что убо хочет сие быти», то пусть каждый твёрдо знает, что «*днесь благодать святаго Духа нас собра*» во спасение тех, кто послушает нас, *ибо не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия, а открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом. Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих* (2Кор. 4:3).

* * *

Такова первая наша задача: в радости и в смирении молиться Богу *о всех и за вся*.

Вторая наша задача – подобна первой, – является её продолжением: мы несём всем людям Божиим только мир, по заповеди Христовой. Любя всех о Господе и желая послужить всем, во спасение, мы благодатный мир Божий хотим дать всем, кто этого мира благодатного и вместе с ним душевного обновления желает. О, если бы это услышали сердцем своим те, кто нам так мало верит! О, если бы это узнали и поняли те, кто нас даже не знает! Мы, христиане, проповедуем любовь Божию, благовествуем мир, тогда как магометане только беспокоятся, потому что *не умеют любить* Бога; равно и язычники тоже не знают чувства любви к Единому Богу. И в ответ на это недоверие к людям и страх пред Богом так и хочется всем сказать это святое слово Господа: *мир вам*, мир Божий да почиет на вас, и пусть ничто и никогда не нарушит этого святого мира.

Вот наши пожелания и своим и чужим, и христианам и не христианам.

* * *

Но в этом отношении даже недавние воспоминания воспроизводят в нашей памяти ряд миссионерских ошибок. Поэтому необходимо решить, какой же должна быть наша миссия православная, чтобы ей не повторять этих ошибок?

Для этого миссия должна несколько переменить характер своей деятельности и много сократить круг своих ближайших задач. Цели миссии должны остаться неизменными, ибо вечны истины, которым миссия служит, но ближайшие задачи наших миссионеров должны быть более скромно определены и более строго очерчены.

Действительно, если мы спросим филолога, что такое «миссия», он не задумываясь ответит: миссия (mitto) это апостольство (apostello). Но если мы ближе всмотримся в современную постановку нашей миссии, то сейчас же заметим, что служение многих современных миссионеров чрезвычайно

непохоже на служение апостольское и почти по всем признакам, исключая цели.

Служение апостольское – это полное самопожертвование; служение наших миссионеров, – один из видов служебного положения, один из способов обеспечить себя, это вид занятий, дающий возможность существовать и самому миссионеру, и его семье.

С другой стороны, служение миссионерское или апостольское предполагает проповедь между иноверцами и только между ними. Понятна проповедь христианства в Индии, в Камчатке, в Японии; но миссия, как миссия, в центральной России, после почти 1000-летней жизни русских в христианстве, – это уже не миссия в собственном смысле слова, а нечто другое. Однако на вопрос нужна ли в таких приходах миссия, как она ныне называется и действует, мы не колеблясь ответим: «да, нужна, если среди этих русских или вообще православных приходов наблюдается усиление сектантства или раскола или магометанства или даже язычества. Нужно хоть что-нибудь, что спасло бы эти приходы от разложения». Это ныне делает так называемая епархиальная миссия, но повторяю, что в данном случае это не есть миссия в общепринятом смысле, это не есть в собственном смысле апостольство.

* * *

Какие же ближайшие обязанности наших миссионеров должны ныне признаны быть центральными, главнейшими? Прежде всего нужно научение самих православных в истинах православия, чтобы не мыслимы были дальнейшие отпадения от церкви православной; эта общая цель всех деятелей Церкви и наиболее миссии.

Миссия в таком случае на долгое время суживает свои задачи и главнейшей из них должна считать *устроение приходской жизни*, чтобы эта приходская жизнь могла сама себя охранять и существовать без помощи извне.

Но тут является вопрос чрезвычайной важности: неужели же нашей иерархии с её тремя степенями священства недостаточно, чтобы уберечь в православии православную паству? Неужели же пастырского *надзора* епископа и

пресвитерского *наставления* в истине, и пастырской любви его и диаконского служения мало, чтобы в церковной жизни было всё благополучно? Нет! Конечно, нет! Но воистину наша иерархия столь ныне обременена всякими сложными обязанностями и внешними поручениями, что ей *нужны временные помощники для устройства нормальной приходской жизни*. Эти помощники – наши миссионеры, которых с большим удобством можно было бы называть епархиальными катехизаторами или епархиальными проповедниками, ближайшими помощниками епископа, в подражание «служителю Божию» Тимофею, сотруднику в апостольском благовестии ап. Павла (1Фес. 3:2).

Ближайшая задача этих епархиальных катехизаторов должна заключаться в наставлении православной паствы и в организации церковно-приходских кружков ревнителей веры.

Эти ревнители веры из народа или из интеллигентной среды могут создать большое церковное одушевление, обновить нашу церковную жизнь и выдвинуть на служение Церкви многих деятелей, уже, так сказать, действительных миссионеров.

Такова третья задача нашего съезда: всем благовествуя мир и всех призывая к любви братской, *вызвать дремлющие церковные силы на церковно-общественную работу*, да всяко спасени будут и отпадающие и не знающие Христа.

* * *

Таким образом нынешние «миссионеры» на первое ближайшее время должны сделаться катехизаторами народными и сотрудниками новой организации церковной жизни. Это будет создание почвы для настоящей, истинной миссии. И незаметно нынешняя наша миссионерская полемика, как не способная к глубоким воздействиям на души человеческие, заменится благодатными подвигами общей христианской любви к тем, кто этой любви не знает. Никакая миссия, как только одна полемика, этой любви и за ней благодатного возрождения заблудших не даст; не даст полемика никому и мира душевного. Такое благодатное обновление души может дать только сердце, пламенеющее любовью о Господе и самостоятельно

источающее благодатные дары св. Духа. А этими дарами всецело владеет святая иерархия церковная; она же и раздаёт их, когда бывает свободна от многих попечений мирских, так насильственно отнимающих у нашей иерархии её время, столь нужное только для Церкви. И если иерархия и в частности наши приходские пастыри и церковные диаконы будут вполне осуществлять все функции своего церковного служения, то стадо церковное последует за пастырями и их Пастыреначальником; если же этого не будет, то придётся в каждом приходе иметь по отдельному «миссионеру».

Вот и ещё одна из больших задач нашего церковного собора: вдохнуть общей молитвой и одушевлением в верующие души мирян более любви к людям, не знающим благовестия Христова,, чтобы к тысячам наставников во Христе прибавились ещё новые силы, ибо Царствие Божие не в слове, а в силе христианской любви к братии.

* * *

Наконец последняя задача наша – это устройство таких школ народных, которые были бы рассадниками истинного просвещения и самого чистого и высокого патриотизма. В этом отношении положение русской христианской культуры в Приволжье чрезвычайно своеобразно. В то время, как на Западе русская жизнь соприкасается с племенами более или менее европейски культурными, но мало религиозными, на Востоке русская государственность имеет дело с таким укладом народной жизни, который всецело основывается на религии: магометане не отличают религии от национальности и стремятся эти два понятия в народном представлении вполне соединить. При таком положении русская христианская культура, чтобы быть сильной при соприкосновении с магометанством, должна опираться на школу ярко религиозного и патриотического характера. И если мы, христиане, будем воспитывать детей в строго религиозной обстановке, то сохраним их и для семьи и для государства; если же народная школа будет лишена этого церковно-воспитательного элемента, то этим будет создаваться почва для влияния на них со стороны религиозных фанатиков востока. От этого влияния и может

сохранить народ религиозная обстановка школы Н. И. Ильминского на долгое время.

* * *

Обеспечив же русское и православное направление народной школы, мы должны и подготовить учителей и законоучителей такой школы. Кроме них должны ещё быть и соответствующие учебники, и переводы, и руководства, и всякие пособия учебные и учёные.

Поэтому является необходимость в строгой системе провести и закончить раз принятый план русского и инородческого просвещения в тех местах, где православие соприкасается с иновением.

Должны быть школы учительские, и вообще необходимо подготовить кадр инородческих учителей, способных идейно проводить религиозно-патриотические русские начала.

За учительскими школами нужно позаботиться о школах для приготовления пастырей и народных катехизаторов, таких пастырских школ, которые были бы наиболее приспособлены для современных жизненных потребностей.

И всё это стоит в связи с вопросом о переводах на инородческие языки и учебных и богослужебных книг и книг для назидательного чтения народа и пр., и пр. Все эти переводы должны быть введены в систему и строго продуманы и быстро исполнены. Эти меры настоятельно нужны, чтобы была стройная организация просвещения народного: чтобы были люди, которые были бы способны и других научить (2Тим. 2:2); чтобы они знали, чему и как они должны учить, и чтобы никто не мог сказать, что он не знает истины потому, что не мог узнать истины и услышать её и потому безответен.

Таковы задачи наши – для всех ясные и всякому сердцу христианскому понятные. Ничего тайного и никаких затаённых целей мы не имеем. Мы несём мир людям, мы заботимся об умножении Божией любви на грешной земле.

Поэтому и заканчиваю своё немощное слово молитвою, которую верующие могли вчера слышать в храмах: *Праотцев, отцев, патриархов, апостолов и мучеников, пророков, святителей и преподобных Твоих... святую память*

*совершающе Христе Боже, всех подвизаем на молитву,
молящаяся: умири мир Твой теми, яко человеколюбец.*
Епископ **Андрей**.

Проект организации Епархиальной Миссии

По тем данным⁶, какие выработаны были съездом Уфимского духовенства (в январе 1909 г.), вместе с деятелями по миссии, по данным, полученным через командировку особых лиц и, наконец, по личному ознакомлению Преосвященнейшего Епископа Нафанаила, с состоянием приходов при обозрениях, для Уфимской епархии безотлагательно необходимо нужно организовать епархиальную миссию в следующем виде: 1, в каждом приходе инородческом и заражённом расколо-сектантством учредить кружок ревнителей православия, приходские миссионерские братства под председательством и руководством священника; 2, в каждом благочинническом округе руководство и наблюдение за жизнью и деятельностью кружков ревнителей православия или приходских миссионерских братств возложить или на одного из священников округа, по избранию от духовенства и учащих лиц такого-то района или Отдела Епархиального Миссионерского Комитета, или возложить по назначению на благочинного, когда последний будет отличаться способностями и дарованиями миссионерскими. Зачатки таких районных отделов есть в Мензелинском уезде в инородческих приходах; 3, руководство деятелями миссии в приходах и районах по каждому уезду поручить одному из опытных священников, присвоив ему наименование помощника уездного наблюдателя церковных школ или иначе окружной миссионер; 4, Миссии: приходская, окружн. и уез. объединяются и руководствуются епархиальной миссией в лице епархиальных миссионеров для епархии в количестве трёх деятелей специальных епархиальных миссионеров: одного против-магометанского, одного против-расколо-сектантского и одного против-языческого; 5, общее руководство жизнью и деятельностью миссии сосредоточить в одном учреждении, именно – в Епархиальном Комитете Православного Миссионерского Общества, ведающем все роды и виды дел внешней и внутренней миссии, (противо-языческой, магометанской, расколо-сектантской, инославной и

еврейской). При недостаточности духовенства в городе Уфе и местных деятелей вообще на миссионерском поприще, нет возможности организовать особливые Комитеты по каждой миссии в отдельности. Примерный устав соединённого Миссионерского Комитета должен быть в общем, за некоторыми незначительными изменениями, тот самый, какой выработан Святейшим Синодом для внутренней миссии и отпечатан в Церковных Ведомостях за 1908 год.

Пожелания Казанскому миссионерскому съезду 1910 года

Миссионерскому Съезду в г. Казани предстоит очень крупная задача указать меры к расширению в Приволжском крае круга церковной деятельности и к увеличению активных миссионерских сил против иноверия. Эти задачи требуют быстрого и наиболее приспособленного к жизни разрешения. Врагов у святой Церкви сейчас слишком много, чтобы выступать против них с какими-нибудь негодными средствами или надломленными орудиями борьбы. Враги церковные представляют из себя организованную массу; поэтому и церковные вообще, и миссионерские в частности, мероприятия должны быть между собой согласованы или, по крайней мере, взаимно не уничтожать одно другое.

Как ни элементарны подобные истины, но их приходится очень часто вспоминать, с сожалением, что они не оправдываются жизнью, и таким образом церковные силы получают или неподобающее им употребление, или вовсе пропадают.

Вот главнейшая задача и самое искреннее наше пожелание Миссионерскому Съезду, чтобы или во время самого Съезда, или после него, но непременно было обращено преимущественное, если не исключительное, внимание на местные церковные силы, и чтобы они были:

- 1, надлежаще изучены и
- 2, надлежаще использованы.

Это будет самый безошибочный и самый надёжный путь для организации миссионерской деятельности. Это будет пробуждение православной паствы от того летаргического сна, в котором она доселе пребывает; и это пробуждение необходимо и практически, и принципиально. Чтобы предохранить тело церковное от каких-либо болезней или ненормальностей в его жизни, нужно прежде всего, чтобы оно жило полной жизнью, и чтобы ничто не препятствовало его правильному развитию. А

может ли жизнь общественная быть нормальной, если она бессознательна?..

Между тем жизнь церкви нашей, именно как *общества* верующих, и находится совершенно в периоде такой бессознательности и летаргии.

Поэтому в нашем церковном обществе с одной стороны находят себе место всевозможные кривотолки, а с другой, и помимо всякого внешнего влияния, являются отклонения от церковной жизни и всякие религиозные заблуждения, иногда совершенно бессознательные.

Какие «миссионеры» могут их предвидеть? Сколько «миссионеров» должно быть в каждом приходе, чтобы предупредить эти заблуждения и отпадения? Какие «постановления» Съезда помогут в этом обще-церковном горе? – Разумеется, ответ на эти вопросы может быть один: нужно церковно-приходское обновление, нужно восстановление или учреждение вновь церковно-общественной жизни. Без этого ничто не поможет, и самые гениальные открытия Съезда окажутся бессильными исправить недостатки нашей современной миссии и сделать её сильной.

Пастырь, окружённый своей паствой, любимый ею и пекущийся о ней, – он сохранит её от всяких бед и без помощи «миссионеров».

Но если пастырь, когда сын его попросит у него хлеба, подаст ему камень (Мф. 7:9), то никакой миссионер не в силах будет спасти несчастного сына от уклонений от такого пастыря и всего его служения.

«Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы?» (Иак. 2:15–16). Совершенно так же и от красноречивых слов любого миссионера и от будущих, несомненно, очень основательных постановлений Миссионерского Съезда не будет пользы, если за ними не будут непосредственно следовать добрые дела пастырей Церкви, в виде всестороннего попечения о всех сторонах жизни их паствы.

Поэтому главнейшим постановлением Съезда должно быть следующее: *ни на какую внецерковную помощь не надеяться и немедленно заняться по приходам организацией церковно-приходской взаимопомощи и вообще приходской жизни.*

Все остальные постановления должны вытекать из этого, как главнейшего.

Но деятели Казанского Миссионерского Съезда должны при своих занятиях иметь ещё в виду горький опыт многих съездов ранее бывших. И чтобы в полной мере воспользоваться этим опытом, нужно постараться не употреблять в постановлениях двух слов: *просить и ходатайствовать.*

Дело в том, что постановления всяких съездов рассматриваются всегда чрезвычайно поздно и таким образом все постановления с просьбами и ходатайствами будут даже рассмотрены гораздо позднее, может быть, чем продолжится необходимость эти постановления исполнять. Кроме того, все такие постановления за неимением средств по рассмотрении их откладываются или на время или навсегда.

А если так, то на таких постановлениях успокаиваться и думать, что на них Съезд может и остановиться, – нет никаких оснований. Правда, нужно не только пред всеми власть имущими и пред всеми верующими выяснить положение вещей, но нужно, кроме того, постараться призвать на помощь всю местную церковную инициативу и только с молитвой, и рассчитывая главным образом на эти местные духовные силы, идти на врага Церкви. В таком случае борьба наша со тьмой и невежеством будет сильной и будет вестись с надеждой на успех.

Ведь магометане не требуют никаких и ничьих утверждений в своих действиях. Они изыскивают такие способы для ведения своей пропаганды, которые сразу и бесспорно всеми осуществляются, как бесспорно-целесообразные. –Таковы должны быть и постановления Миссионерского Съезда, – они должны быть бесспорны и осуществимы при наличности местных условий.

Епископ **Андрей.**

Вниманию Миссионерского съезда г. Казани

Решаюсь сказать несколько своих мыслей о христианской Миссии в магометанском крае.

Весьма желательно установить совершение ежегодно торжественного богослужения 4-го октября – день памяти обретения мощей (1595 г.) свв. Казанских Гурия и Варсонофия и в других епархиях с инородческим населением, с пением молебна о просвещении светом Христовым магометан и язычников. Чтобы неослабно возгревать в старо- и ново-просвещённых христианах молитвенный дух, а наипаче наставлять в истинах христианских, хорошо ввести в крещёно-татарских селениях утренние молитвы, с чтением на полунощнице акафиста Спасителю (вместо 17 и 9 кафизмы), чин обедницы с поучением и вечерние молитвы, с чтением на малом повечерии акафиста Божией Матери (вместо канона); так продолжать по все дни, исключая всех праздничных и великого поста. Для приучения и ознакомления крещёных инородцев с христианскими требами, к числу каковых принадлежат: во-первых, последования всех таинств, кроме Евхаристии и священства, а во-вторых, последования обрядов погребения, молебных пений на различные случаи, водоосвящений и панихид, – следует приурочивать их к вышеуказанным определённым временам общественных богослужений, предварительно вкратце поясняя их. Таким путём можно достигнуть того, что инородцы, поняв потребность упомянутых треб, будут охотно исполнять их и этот навык со временем перейдёт у них в благочестивое соревнование.

Для более успешного развития дела христианской проповеди среди инородцев, нужно признать желательным и целесообразным тип миссионера-странника, выступающего на поле деятельности, как апостолы, – с котомкой за плечами, посохом в руке и одним Христом в душе. Снабжён он должен быть только следующими пособиями: а) Кораном на арабском и русском языках, б) Евангелием на арабском, татарском и русском языках, в) 1 и 2 Приложениями к Корану, г) Священной

Историей Ветхого и Нового завета на татарском языке, д) Рассказами из житий святых на татарском языке, е) Акыл биря торган князя, ж) Имадеддином на русском и татарском наречии и т. п. (Сравн. 2Тим. 4:13). Вести разговоры о вере нужно исключительно путём мирного собеседования и чтения христианских книг, всячески избегая и даже вовсе не допуская с собою спора. – И нужно признать существенными, собственно, две категории миссионеров: осёдлых и странствующих. Доказывать совместность и общепользность существования тех и других излишне. По существу дела не трудно догадаться, что первые должны быть непосредственными руководителями вторых, являющихся прямыми делателями.

Свящ. **В. Каменский.**

Об организации миссии при монастырях

Казанский Миссионерский Съезд должен среди многих вопросов, подлежащих его рассмотрению, ответить и на несколько недоумений, связанных с миссией наших монастырей. О миссии наших монастырей говорилось уже неоднократно: и на Киевском миссионерском съезде, и на Монашеском съезде 1909 года в Троице-Сергиевой Лавре, и на епархиальных съездах. На всех этих Съездах всегда делались постановления о необходимости привлечь монастыри к миссионерской, т. е. церковно-просветительной, деятельности; а там, где эти постановления должны исполняться, они не произвели и не производят ни малейшего впечатления. В ответ на все пожелания Съездов иногда можно слышать такие соображения: «ничего этого не будет! Жили сто лет без всякой миссии, проживём и ещё; мы наживаем, мы и проживаем».

Мало того, является иногда недоумение: могут ли, имеют ли право монастыри заниматься миссией, как-нибудь содействовать Церкви в спасении заблудших чад её, или всё это – «мирской дух», мешающий нашим аскетам предаваться самоанализу и подвижническому самоуглублению...

Итак, *должны ли* монастыри наши заниматься миссией? – Мы отвечаем *должны*, и говорим это не по какому-нибудь пристрастию к миссии, а *на основании самого чина пострижения*.

Там, при вручении зажжённой свечи, постригающий говорит постригаемому: приими, брате, свещу сию, и виждь, яко отселе должен еси чистым и добродетельным житием и благими нравами, свет быти миру. Рече бо Господь: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех.

Итак, по самому чину пострижения каждый монах должен *"свет быти миру"*, разумеется, – добрыми делами: *чистым и добродетельным житием и благими нравами*.

Но как же монах может исполнить свой долг служения миру?

В этом должна проявиться вся мудрость настоятеля. Один монах способен быть только богомольцем, почти молчальником; другой способен нести какие-либо послушания по обители, вроде эконома, казначея, келлиарха и пр. Третий может при полной чистоте мыслей и чувств трудиться на каком угодно поприще просвещения. Но дело опыта и мудрости настоятеля указать каждому подвижнику послушание наиболее для него полезное. А наше иночество потому ныне так и разрушается, что послушаний в нынешних мужских монастырях почти вовсе нет, и настоятели не имеют достаточно авторитета, чтобы добиться повиновения братии. В очень многих монастырях братия спасается только по своему личному разумению и очень часто (почти всегда) неудачно: очень часто она в таком случае «искушается» своеволием и «утешается» совсем не духовными утешениями. Избыток физических сил не находит никакого выхода, молитва без руководства теряет силу и одушевление, и монах, особенно из молодых, впадает в тоску и уныние даже при самых идеальных своих намерениях.

Такие иноки должны непременно своё молитвенное настроение охранять через внешний, физический труд. А те из них, кто уже несколько окреп для того, чтобы владеть собой и своим настроением, но ещё не возвысился до созерцания, до полной созерцательной молитвы, – такие иноки без всякого ущерба для себя и с великой пользой для св. Церкви *могут исполнить свой долг: «свет быти миру»*, т. е. потрудиться на поприще христианского просвещения и миссии.

Настоятели монастырей вообще, и миссионерских обителей, особенно, должны знать таких своих духовных чад, которые могли бы «душу свою погубить» (т. е. положить, пожертвовать) ради Спасителя и св. Евангелия.

К сожалению, такого взгляда на монашеское самопожертвование как-то не приходится встречать; иначе говоря, настоятели и настоятельницы даже миссионерских обителей ни воспитывать миссионеров, ни вообще служить миссии не желают и в этом отношении никакие постановления Съездов на них воздействовать не могли.

Кроме того, нет у наших настоятелей и сведений и представления, как они могут осуществить те требования, которые им предъявляет церковная жизнь, нет для этого и умения. Поэтому вопрос о миссии монастырей сводится в очень большой степени к отысканию людей, отдавших себя на служение св. Церкви. Если бы на каждую епархию нашёлся хоть один человек, любящий монашество и готовый самоотверженно послужить св. Церкви, то этого было бы уже почти достаточно: он мог бы, по крайней мере, научить других настоятелей, как взяться за дело церковное. В этом отношении замечателен настоятель Никольского (на Каме) монастыря Уфимской губ. Отец игумен Анастасий, великий аскет, живущий, однако, нуждами Церкви и служащий ей от всего сердца.

Если бы игумен Анастасий мог быть руководителем миссионерской деятельности монастырей какой-либо епархии, то нет сомнения, они что-нибудь непременно делали бы. Между тем без такого человека никакие постановления Съездов ничего не принесут и миссии нисколько не помогут. В каждом деле важно иметь человека, преданного делу; тем более это важно в деле духовного строительства. А если ныне администрация всех почти без исключения монастырей воспитана только на идеалах внешнего их благо-украшения, то ей, конечно, трудно усвоить какую-нибудь другую точку зрения.

В этом отношении требуется помощь самая твёрдая и отчётливая, которая всемерно поддержала бы самые монастыри в их должном настроении и в то же время сумела бы поставить эти церковные светильники на должную высоту.

Е. А.

**№ 34. Сотрудник Братства св. Гурия. 24
июня 1910 года**

О Церковной дисциплине

III.

Мы уже указали⁷ до какой степени достигла среди христиан церковная недисциплинированность или, проще выражаясь, христианская неблаговоспитанность, внецерковность, безрелигиозность. Между тем такое положение является источником величайшей опасности для церковной жизни и признаком её полной ненормальности. Следующая историческая справка может дать нам более твёрдые основания к такому утверждению⁸.

Церковным воззрением на это был тот взгляд, что в церковной жизни известной поместной церкви должен соблюдаться в наивозможной строгости общеобязательный единообразный порядок, в противоположность всяким попыткам отдельных членов церкви к выделению себя из церковного общества, не признававшим необходимости какого-либо порядка в церковной жизни. На этом основании всякое уклонение от установившегося порядка, как свидетельство о разрушении истинной церковности и уклонение от Церкви, достойное только еретиков, уже Тертуллиан называл *еретической недисциплинированностью*. А еретики так и называются Тертуллианом – «люди недисциплинированные», т. е. буквально: не благовоспитанные. Это, конечно, и понятно, потому что где нет любви, там нет и церковности, а есть церковное бесчинство, ибо «любовь не бесчинствует» (1Кор. 13:5). Поэтому всякая попытка доказать ненужность церковной дисциплины всегда является доказательством того, что авторы таких попыток не хотят жить дисциплинированно, и вовсе не в силу каких-либо возвышенных соображений.

«Характеризуя состояние церковной жизни и порядков, Тертуллиан говорит, что у еретиков всё делается без дисциплины; ниспровержение всякой дисциплины они, еретики, называют простотой, а заботу о дисциплине считают притворством. Но и та дисциплина, которая есть у еретиков, не тверда, ибо они сами же отступают от собственных правил, и

это оттого, что каждый из них изменяет по собственному усмотрению то, что сначала признавал за правило. В Церкви же православной, по Тертуллиану, наоборот есть твёрдая дисциплина, от которой никому не позволено уклоняться, и эта твёрдая дисциплина служит у нас свидетельством истины» (1. с. 104).

Так Церковь Христова смотрит и ныне на соблюдение церковных установлений; она, святая Церковь, и своих сынов учит святости, святой жизни, воспитывает в этой святой жизни греховную природу человека и изгоняет из неё всё, что не совместимо с церковною святостью. Об этом тот же Тертуллиан рассуждает так: «Дух противления св. Церкви обнаруживает себя непостоянством в учении, повреждая ранее всего правила веры, а через это повреждая и порядок дисциплины... А Параклит, т. е. св. Дух Утешитель, имеющий научить людей многому из того, что Господь возвестил, во первых будет свидетельствовать о Самом Христе, а потом... откроет многое из того, что касается дисциплины. Но, однако это будет дисциплина не иного Христа, а Того же, Который обещал послать Своего Духа» (с. 12).

Таким образом во св. Церкви – *«един Бог, едина вера, едина и дисциплина»*, т. е. один и порядок жизни. Таков церковный идеал церковного благоустройства и церковного благополучия. И прошу теперь истинных сынов св. Церкви сделать беспристрастный суд о нашей современной церковной жизни.

Здесь каждый, любящий святую Церковь и святое её учение, должен сказать одно: *«у тебя, Господи, правда, а у нас на лицах стыд»*. И это одно признание будет уже великой нашей победой, наиболее трудной: победой над нашей духовной ленью, над нашим нравственным расслаблением.

За этой первой нашей нравственной победой последуют и другие – церковно-общественного характера, и так начнётся церковное наше обновление и исцеление, которое сделает невозможными наши современные церковные несчастья.

Церковник.

Из жизни крещенского скита

24 июля 1905 года близь деревни Малое Некрасово Лаишевского уезда был заложен крещёно-татарский монастырь. Накануне и в самый день закладки со всех концов Лаишевского и Мамадышского уездов стекались русские и крещёные татары на место закладки. Толпами шли и ехали крестьяне: старики, старухи, взрослые мужчины и женщины, даже и детей не оставили дома в такой выдающийся день. У всех были радостные лица; всюду оживлённо беседовали о предстоящем торжестве. Особенно радовались крещёные татары, что и в их крае будет монастырь, в котором службы всецело будут отправляться на их родном языке, тогда как в приходских церквях службы выполняются на половину по-русски, на половину по-татарски, а по-русски большинство крещен не понимает.

В день закладки в приходской церкви села Батерякова была совершена Литургия, по окончании которой на место закладки вёрст за пять направился крестный ход. Духовенство, с архимандритом Андреем, ныне Епископом Мамадышским во главе, шествовало с пением церковных песнопений. В этом ходе принимала участие и многочисленная толпа крестьян. Среди них виднелись и интеллигентные люди. Наконец шествие приблизилось к месту закладки. Окрестность с многочисленной толпой народа представляла прелестнейшую картину и как бы просилась на полотно художника...

Началось молебствие, далеко разносилось стройное пение русского хора. Но вот слышалось не менее стройное пение и крещенского хора на родном языке. Велика была радость крещен по случаю этого торжества. Многие из них, а особенно старики и старухи, проливали горячие радостные слёзы и, как видно было по выражениям их лиц, возносили пламенные молитвы Всевышнему... Во время этого молебна при чудном летнем дне прошёл три раза дождь: в самом начале молебна, во время Евангелия и во время последней молитвы, когда народ стоял на коленях. Это произвело на всех большое

впечатление, потому что дождь считается среди народа явлением милости Божией.

По окончании службы о. архимандрит Андрей произнёс слово. В своей речи он говорил о значении монастырей и монастырской жизни, причём обратился с увещеваниями и просьбой к подвижникам, намеревающимся жить в будущем ските, чтобы они вели жизнь, приличествующую братии во Христе и подобающую сану иноков. При этом о. архимандрит наложил *проклятие* на все спиртные напитки на этом святом месте, из которого должны идти только уроки святой жизни, а не соблазнительные примеры жизни дурной, которых много и без монастырей...

За архим. Андреем сказал речь на крещёно-татарском языке священник села Горохового Поля (ныне села Серды Лаишевск. уезда) о. Архип Иларионов. Он первоначально ознакомил народ с деятелями, старавшимися о постройке монастыря; затем говорил о благодетелях, о первых просветителях инородцев Казанского края – св. Гурии, св. Варсонофии, св. Германе; о крещёно-татарской школе (на Арском поле в Казани), как первом рассаднике образования среди инородцев крещ. татар; о трудах и деятельности покойного Ильминского и, бывшего заведующим вышеупомянутой школой, покойного же священника о. Василия Тимофеева; и наконец, о значении только что заложенного крещёно-татарского скита. Крещёные татары внимательно слушали речь проповедника...

Теперь в Трёхсвятительском Ските два иеромонаха, иеродиакон и до тридцати человек послушников. Жизнь безукоризненно трудовая и страшно суровая в отношении и молитвы и пищи.

И. И.

Необходимость порайонных совещаний

В настоящее время среди наших деятелей нет единства направления⁹. Всякий мудрит по-своему. Один потому, что не признаёт других мнений, кроме своего, другой – по крайней неразвитости, третий – по недостаточной устойчивости в убеждениях. Между тем, если когда-нибудь, то именно ныне у христианских просветителей должна быть одна душа, одна воля, один ум; все должны слиться воедино.

Среди наших учителей, братских, церковных, земских, министерских нет согласованной деятельности. Наблюдаются случаи пренебрежительного отношения министерских учителей к братским ввиду незначительного развития последних.

Чтобы устранить это нежелательное явление, следовало бы всех учителей, например, 2 или 3 раза в год собирать на уездные совещания. При этом, если мы хотим действительно служить целям христианско-просветительным, то непременно должны осведомить каждого учителя и каждую учительницу о системе Н. И. Ильминского и расширить их кругозор в этом направлении. На этих порайонных совещаниях учителей и учительниц можно было бы устраивать уроки по предметам школьного преподавания, знакомить их с новейшими дидактическими и методическими приёмами преподавания, с наилучшими пособиями книжными и наглядными, с инородческой транскрипцией, с литературой на соответствующем инородческом языке (чуваша-учителя с чувашской литературой, вотяка-учителя с вотской и т. д.).

Лекторами могли бы быть наилучшие учителя. Наблюдателями – учебное начальство.

В конце каждого учебного года следует созывать губернские совещания.

И уездные и губернские совещания могли бы для успеха дела подразделиться на секции: татарскую, чувашскую, черемисскую, вотскую и т. д.

Для усиления приходской деятельности в приходах с инородческим составом тоже положительно необходимо

устраивать совещания пастырей инородческого происхождения. Пусть собираются отдельно хоть 2–3 раза в год священники из чувашей, из черемис, из татар. На этих собраниях выяснятся полностью нужды татарских приходов, чувашских и т. д.

Необходимо – также, чтобы на этих совещаниях руководителем был заведующий Казанской миссией, и чтобы на собраниях читались лекции по миссионерским предметам – по языкам, по истории христианского просвещения инородцев и т. д.

Может быть полезно было бы читать лекции и по другим наукам, имеющим прямое отношение к приходской жизни инородцев.

Эти совещания священно-церковно-служителей могли бы воодушевить их на миссионерское делание, ободрить упавших духом, словом, придать некоторую стройность и цельность деятельности наших инородческих батюшек. Здесь каждый из них мог бы взять на себя ту или иную переводческую работу, проверять совместно с другими сделанную работу до совещания, подумать о мерах к распространению этих переводов.

Насколько полезны такие совещания, об этом очень много мог бы сказать любой из участников съезда, напр., учителей в 1893 г. в Казанской Центральной Крещёно-татарской школе, или в с. Шептале Бугульминского уезда Самарской епархии в 1909 г.

Братчик.

Чем сильна католическая миссия

Католическая миссия сильна религиозным одушевлением католиков. Она сильна церковностью католической паствы и строжайшей дисциплиной тех, кто принадлежит к Церкви и не ушёл из неё открыто.

Католикам не на кого рассчитывать, неоткуда получать помощи. Они это хорошо знают. Они знают, что всякий успех католической миссии есть дело и радость всей Церкви; и всякое горе миссии есть личное их горе и тёмное пятно, так сказать, на каждом из них – католиков.

Одним словом, дела католической Церкви и миссии – это дела католиков всех вместе и каждого в отдельности.

Так католическое духовенство сумело воспитать свою паству.

Такова ныне католическая паства.

Переходим к подробностям, заимствуя их из превосходной книжки о. протоиерея Буткевича: *О миссии католической и протестантской*.

Католические миссионеры прекрасно знают по многочисленным опытам прежнего времени, что последствия проповеди среди неверных не могут быть устойчивы сами по себе; нужно укрепить новообращённых в усвоенных ими верованиях и оградить их от влияния враждебных миссий. Нужно строить среди обращённых церкви, школы, госпитали, сиротские дома, богадельни; нужны на местах миссии постоянные причты, даже епископы, духовные семинарии и коллегиумы. А для этого нужны громадные денежные средства. Вот тут-то на помощь миссионерам и приходит католическое общество с его бесчисленными братствами, союзами, конгрегациями и тому подобными учреждениями, чтобы изыскивать денежные и другие материальные средства. Таких миссионерских обществ насчитывается более 300. Их перечислить, и указать различные способы их миссионерской помощи, не представляется возможным. Укажем только некоторые из них.

1. *Лионский союз* или Общество для распространения веры. Цель его – молитвой и деньгами оказывать содействие католическим миссионерам, отправляющимся в далёкие страны для проповедания слова Божия. Имеет два журнала в Лионе и Кёльне.

Денежные средства этого Общества – громадны: ежегодные поступления от его членов составляют сумму в 5–5 $\frac{1}{2}$ миллионов марок (марка стоит около 46 наших копеек).

2. *Конгрегация св. Духа*; это общество на свои средства содержит миссии в Азии и в западной Африке.

3. *Общество св. Сердца Иисуса* содержит миссии в Новой Померании.

4. *Общество св. Сердца Марии* содержит миссии в Африке и Индии.

5. *Общество Божественного Слова* содержит миссии в Земле Импер. Вильгельма.

6. *Бенедиктинское миссионерское Общество* имеет на своём содержании миссии в Восточной Африке и Египте.

7. *Общество св. Венедикта* содержит миссии в Северной Америке, в Индии, в Эквадоре.

8. *Общество св. Лазаря* в Париже содержит свои миссии в Абиссинии, Персии, в Китае, Сирии, Болгарии, Турции и Америке.

9. *Алжирское миссионерское Общество*, основанное в 1868 г. содержит свои миссии в Алжире и в Сахаре.

10. *Союз детей* или *Общество св. детства Иисуса*, основанное в Париже в 1843 году, обладает громадными денежными средствами и даёт возможность католическим миссионерам содержать и воспитывать тысячи сирот в языческих странах. Членами этого Общества состоят только дети. Из их пожертвований составил капитал в 66 миллионов марок (более 30 миллионов рублей). Как члены Общества дети должны оканчивать свои ежедневные молитвы словами: «Пресвятая Дева Мария! молись за нас и за бедных язычников – детей».

12. *Кёльнский союз для поддержания детей бедных язычников*. Членами этого союза могут быть, как дети, так и

взрослые. Союз этот обладает также большими денежными средствами.

13. *Общество св. Марии*, основанное в 1836 году в Лионе и Париже, содержит миссии в Новой Каледонии, в центральной Океании и др. местах.

14. *Общество францисканцев* имеет своих миссионеров в Палестине, Сирии и северном Египте.

15. *Общество всесвятейшего Искупителя* содержит миссию в Суринаме.

16. *Общество школьных учителей* содержит на свои средства миссионерские учреждения в Северном Ассаме.

17. *Общество Траппистов* содержит свои миссионерские монастыри в Англии, Канаде, Соединённых Штатах, в Боснии, в южной Африке.

18. *Общество св. Иисуса* в 1903 году содержало на свои средства 1728 священников и 1140 братьев миссионеров, не имеющих священного сана.

19. *Китайский миссионерский союз* имеет миссии только в Китае.

20. *Северо-Американский союз* содержит своих миссионеров среди американских негров.

Вот двадцать Обществ из трёхсот католических миссионерских Обществ и союзов. По кругу деятельности этих Обществ можно уже заключить, что католическая миссия охватила все страны мира и что преданные Церкви католики изыскивают все средства для поддержания миссий и считают это своей обязанностью.

Вот чем сильна католическая миссия!

Е. А.

О крещёных татарах Вятской губернии и миссии среди них

В обширной Вятской губернии, обильно населённой инородцами, встречаются и крещёные татары. Ближайшими их соседями почти везде являются мухаммедане, находящиеся с ними в постоянных торговых и вообще деловых сношениях. Каждому известно, что всякий татарин-мухаммеданин – торговец в душе, одновременно и не плохой миссионер. Можно быть уверенным, что влияние таких дельцов на крещен очень велико. Факты на лицо: нежелание некоторых крещен принимать священника с иконами, с крестом, с св. водой и постоянная встреча в их домах татар-портных, покупателей, продавцов и т. д. Поэтому недружелюбное отношение таких пасомых к пастырю нельзя объяснять проникновением в их среду социалистических, материалистических и т. под. учений новейшего направления; это было бы только смешно. Религиозный индифферентизм крещен находится в связи с влиянием на них мухаммеданской пропаганды, способной проникать всюду и увлекающей кажущуюся простотой религиозно-нравственных требований менее стойких в вере.

Спрашивается: на сколько крещены в настоящее время обладают стойкостью в вере? Этот вопрос решается не одинаково: местное русское духовенство считает всякое опасение об отпадении крещен лишённым основания, но пастырь-инородец, входящий в близкое соприкосновение с ними и знакомый с положением дела в иных губерниях до отпадений, а затем проследивший картину отпадений и причины их, не может удовлетвориться таким ответом; он считает положение вещей серьёзным, требующим вдумчивого отношения к делу; он поражается невежеством крещен в вопросах христианской религии; он страшится повторения возможных ошибок прошлого в истории отпадений, при том отношении, какое питает много уважаемых отцов духовных к инородцам и миссии среди них.

Допустим даже на минуту, что крещены Вятской епархии составляют не опасный элемент; но отсюда не вытекает, что

они должны оставаться в таком состоянии; счастье миссионера, если его инородцы представляют счастливое исключение: тем легче ему утверждать их в Христовой вере; но необходимо неустанно работать, чтобы показать им свет Евангелия, привлечь к храму Божию теми средствами, кои считаются наиболее радикальными с точки зрения миссионерства, а не теми, какие предлагаются некоторыми почтенными деятелями на ниве Божьего дела, к сожалению считающими Богослужение на инородческом языке «роскошью для них».

Но, как выше было сказано, всякий мухаммеданин по требованию своей религии, веками выработанному своему обыкновению, проповедник и миссионер; его жизнь без этого не полна, не удовлетворяет его духовным потребностям; по этому ни одного крещенина нельзя считать свободным от этого влияния до тех пор, пока крещены сами не в состоянии будут отражать наносимые им удары ислама сильнейшим орудием христианства.

Какие же средства могут считаться самыми действительными в деле просвещения инородцев? Миссионерская литература давно уже ответила на этот вопрос: родной язык в начальной школе, Богослужение на родном языке, распространение полезных брошюр на родном языке и т. д. Таким образом миссия старается о создании в инородце души христианской, истинный же христианин не может не русеть в русском государстве. Следовательно, условием является христианизация инородца, обрусение же вытекает, как следствие; обратное построение ведёт к грубейшим и непоправимым ошибкам. Между тем есть люди и даже их большинство (хотя не из миссионерского мира), возражающие против такого основоположения, выставляя на вид отпадения, происшедшие как раз при инородческих священниках. По ассоциации, такое возражение может вызывать представление о строгом хозяине, укоряющем рабочего за то, что тот не решился остановить тяжесть, которую не могли удержать при спуске по наклонной плоскости десять дюжих рук. Однако, честь и хвала молодому миссионерству, что оно решилось противопоставить себя стремительности натиска отпадений; если нельзя сказать,

что оно удержалось на своих позициях, то в этом не его вина: легче и часто полезнее делать что-либо новое, чем склеивать разбитое и чинить старое. Весь процесс отпадений строго связан с отношением духовенства к вопросу об инородческой миссии: в этом вопросе между миссионерами и не миссионерами никогда не было единства: пока происходили суд да дело, татары не теряли времени, до того, что положение крещен стало наконец до очевидности опасным».

Что же из сказанного следует: то, что в вопросе о просвещении инородцев не должно быть двух решений, что после решения Миссионерского Съезда, единство в этом важном деле будет залог успеха, и что ни один миссионер не должен быть ни на минуту спокойным до тех пор, пока нельзя будет с полным основанием сказать: се аз и дети мои!

Новик.

Мысли о противомусульманской миссии

(К Миссионерскому Съезду в г. Казани).

Среди татар-мухаммедан сравнительно высоко развита грамотность; это – преимущество немногих даже культурных народов. Чтобы с успехом использовать данное средство, следует прибегнуть к безгласной проповеди – распространению Библии. «Это есть великий безгласный миссионер. Живые миссионеры приходят и уходят. Они не могут быть всегда в одном и том же месте; они даже не могут быть долго в каком-нибудь месте. Но это может быть всегда везде». Поэтому она для магометанина или язычника в большинстве случаев гораздо действеннее, чем живое и, по-видимому, убедительное слово хотя бы и миссионера. «Надеюсь, что я не ошибусь, если стану защищать, что следует посылать нехристианским народам отдельные части Библии, а не целую Библию. Требуется много знания, много опытности, чтобы понять Библию в её целом виде. Для миссионерских целей я положился бы на Евангелие, иногда даже на отдельные Евангелия: они содержат простое повествование о Кресте, которое до сего времени с невыразимой силой действует на человеческие души». Притом книга имеет то неоценимое преимущество, что она только учит – сказала и своё дело сделала, от миссионера же ждут не только учения, но и примера, а ведь миссионер человек и далеко не может сказать про себя: «яже глоголю – последую, и яже учу – сотворю первее». «Таким образом следует постараться, чтобы книги Священного Писания на инородческих языках могли быстро распространяться решительно везде, и чтобы нигде и никогда не ощущалось в них недостатка.

Всякий, конечно, знает, в чём состоит служба книгоноши, но не многим, без сомнения, известно, что не всякий может заниматься таким, по-видимому, простым, но в действительности очень тяжёлым и сложным делом продажи книг Священного Писания. Для этого дела нужны особые люди, обладающие природной способностью, которые, притом, должны получить известную подготовку. Собственно говоря,

продажа книг Священного Писания должна носить характер высокого христианского служения, а потому взявший на себя труд должен иметь благодать Божию в своём сердце. Кроме того, общие познания в Писании существенно необходимы для всякого, кто занимается продажей книг Священного Писания. Едва ли кто купит книгу, не задавши наперёд книгоноше несколько вопросов относительно её и не получивши достаточного представления о её содержании. Для продажи книг Священного Писания в таких местах, в которых преобладают религиозные секты или иноверие, книгоноше нередко приходится испытывать серьёзный искуc, – как избежать причинения ненужных обид и как поступить, чтобы достигнуть успешных результатов и с противниками, и с вопрошающими о истине. Книгоноша также знает, какой подбор книг Священного Писания лучше всего будет отвечать нуждам всегда различного общества или населения.

В течение своей годовой деятельности книгоноши Миссион. Общества должны вести ежедневную запись или дневник, где записывались бы не только число проданных народу священных книг и вырученных от этой продажи денег, но также факты и впечатления, из которых было бы видно, как простое население в различных местностях Российской Империи относится к книгам Священного Писания. Результаты могут и не обнаружиться в многочисленных экземплярах проданных книг, но Евангельская закваска, под действием Духа Святого, произведёт своё влияние на бедную человеческую природу.

Свящ. **В. Каменский.**

Пожелания приходского батюшки миссионерскому съезду

Позволяю себе высказать некоторые соображения по поводу устройства библиотеки для народных чтений для чувашей, с туманными картинами, и посылаю список брошюр, которые желательно бы перевести для этого на чувашский язык.

Устраивать чтения необходимо, во 1-х потому, что народ в массе своей не может сам читать, во 2-х грамотных очень мало, но и у тех нет навыка и привычки к чтению, потому что русские книги им непонятны, а чувашских нет; в 3-х, чтения привлекают народ, а с картинами, безусловно, ещё больше. Съезд должен бы это дело узаконить и обставить, как следует.

Прежде всего одному человеку, конечно, нет возможности осуществить эту задачу скоро и достаточно хорошо. Необходима общая работа. Последняя всегда нуждается в разумном и толковом руководительстве (в переводах и особенно при печатании).

Для русского народа существуют тысячи работников и книг, брошюр и листов для него издано тьма.

Всем этим духовным богатством чуваша (разумеется и другие инородцы) не в состоянии пользоваться вследствие недостаточного владения русским языком. Но отсюда не следует, чтобы их надо было оставить без духовной пищи. Бояться тут нечего, лишь бы уметь выбрать из безпредельной массы книг и брошюр для народных чтений – лучшее. А для этого необходимо прочесть эти книги. Нужна общая работа в самом выборе материала и в переводе книг.

Как это следует сделать, нужно обсудить на съезде и работу распределить. Все книги, вошедшие в прилагаемый список, мною читаны лично, или слышаны на чтениях, устраивавшихся другими священниками. Хорошо бы на первое время их перевести и напечатать с указанием, где можно и за сколько приобрести картины к ним для волшебного фонаря. В первую очередь могут идти библейские рассказы, а затем и

русско-исторические. Для начала это было бы достаточно. Что скажут на это?

Список книг и брошюр для чувашей

А. Священная История:

Библейские рассказы Ф. Пуцыковича числом 20:

Сотворение мира и всемирный потоп. Праотцы-патриархи: Авраам, Исаак и Иаков. Иосиф Прекрасный. Пророк Моисей, Иисус Навин. Гедеон и Иеффай – судьи Израильские. Сампсон. Руфь. Пр. Самуил. Саул – первый царь Израильский. Царь и пр. Давид – псалмопевец. Соломон Мудрый. Св. Пророки: Илия, Елисей и Иона. Ездра и Неемия. Товит. Иудифь. Эсфирь. Многострадальный Иов. Пр. Даниил. Иуда Маккавей.

С. Опатовича: – Слава на земле Господа нашего Иисуса Христа. Уничтожение на земле Господа нашего Иисуса Христа. Чему учил Господь наш Иисус Христос. Церковь Христова со времён Апостолов до Константина Великого. Чтение 1-ое.

А. Кочетова. – Церковь Христова до разделения церквей. Чтение 2-ое.

В. Певцова. – Гонение на христиан от язычников и свв. мученики. Чтение 1-ое и 2-ое.

Б. Русская История.

Издание Комитета народных чтений: Начало христианства на Руси.

И. Певцова: Распространение и утверждение Христианства в России после св. Владимира.

И. Хрущева: Сыновья св. Владимира, св. Ярослав, Борис и Глеб. Владимир Мономах и его завещание.

Издание Комитета народных чтений: Нашествие татар и князь Михаил Тверской.

И. Хрущева: Св. благов. Вел. князь Александр Невский.

Кроткова: Невская битва и Ледовое побоище.

Е. Тихомирова: Куликовская битва.

А. Майкова: О св. Московских митроп. Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище. Иоанн III Васильевич. Царь Иван Васильевич Грозный; Чтение 1. до взятия Казани и 2-ое – Завоевание Сибири.

И. Петрова: О смутном времени на Руси. Чтение 1-ое и 2-ое. Издание Комит. народных чтений: Царствование Михаила Феодоровича. Царствование Алексия Михайловича. Пётр Великий: Чт. 1-ое, 2-ое, 3-ое.

И. Петрова: О преемниках Петра Великого до Екатерины II. Издание Комитета народных чтений: Императрица Екатерина II Великая.

А. Яхонтова: Царствование Импер. Александра. I – Благосл. Народная война 1812 года: Чтение 1, 2, 3-е.

Теплова: Император Николай I.

А. Арсеньева: Славное Севастопольское сиденье.

Издание Комитета народных чтений: О жизни и деяниях Императора Александра II: Чтение 1–2.

И. Петрова: Царь-Миротворец Александр III.

Издание Комитета народных чтений: Милость Божия над Царём, явленная земле русской 17 окт. 1888 г.

Издание Комитета народных чтений: Священное Коронование их Императорских Величеств.

В. Отечествоведение.

Издание Комитета народных чтений: Петербург чтение: 1–2. Москва.

Н. Александрова: Где на Руси какой народ живёт и чем промышляет: Чтение 1–2.

Издание Комитета народных чтений: Волга и её значение на Руси.

М. А-ий.

**№ 35. Сотрудник Братства св. Гурия. 3
июля 1910 года**

От редакции

В ближайших номерах «Сотрудника» предполагается дать наиболее интересные сведения о трудах **Миссионерского Съезда в городе Казани 1910 года** с указанием значения, принятым им постановлений.

О призвании женщины на служение Миссии

(Доклад Казанскому Миссионерскому Съезду).

На одном из заседаний секции «церковно-миссионерской» Казанского миссионерского съезда 1910 г. в подвергнутых обсуждению пунктах, было высказано пожелание дать возможность женщине-миссионерке присоединить и свои смиренные труды к общему служению великому делу православной миссии среди наших инородцев.

Одновременно было сделано весьма ценное добавление о желательности на последующих миссионерских съездах, в том или ином согласованном с канонами виде, иметь и женских представительниц, что, конечно, помимо других благих результатов, во всяком случае послужит к ознакомлению женщин, решившихся потрудиться для миссии, с различными сторонами миссионерской деятельности и тем отношением к миссионерским вопросам, которое через них установилось.

Наконец, на миссионерском съезде был указан пример женской миссии на Западе, что, однако, вызвало внезапные несочувственные движения некоторых членов собрания.

Можно только сказать, что преждевременно даже проводить какую-либо параллель между миссионерским значением женщины в православной России, где она ещё и не привлечена к непосредственному служению миссии – и той работой, которая предоставляется ей во внешней миссии Западной Церковью и протестантством. Бесчисленные католические женские общины-монастыри и ассоциации имеют такие отделы, которые дают своим членам специально миссионерскую подготовку, может быть и представляющуюся весьма чуждой здесь в России, но после которой духовные конгрегации уже не боятся отправлять своих духовно-вооружённых и закалённых миссионерок, вполне дисциплинированных в духе католичества, в наиболее отдалённые страны. – Ничего подобного нет у нас. – Но мы и не будем долго останавливаться на этих примерах Запада, который сумел даже из детей (Chroits childreo Lenu) именем Христа создать бесчисленные объединённые кадры

маленьких работников, служащих миссии внешней и внутренней во всех частях света и даже самых отдалённых колониях.

Нет, мы обратим взоры на Восток и на то непосредственное женское миссионерство в мусульманской среде, которое приходится наблюдать даже в своём непосредственном соседстве. Замкнутость жизни мусульманской женщины общеизвестна. Но вместе с тем известна её особенно фанатичная приверженность к исламу. Женщина мусульманка защищена строем своей жизни от внешних влияний, и она же способствует её укреплению в том круге понятий, с которым она сроднилась. Женщина мусульманка готова быть всегда исповедницей своей веры и когда только ей представляется возможность, является даже и усердной миссионеркой среди соседнего женского элемента наших крещёных инородцев. На страницах «Сотрудника Братства свят. Гурия», в заметке: «Женское образование в селениях татар-мусульман» (№ 9 от 29 ноября 1909 г.) рассказывалось, каким образом мусульманская женщина (а муллица обязательно) являются учительницами, даже в частных домах и даже неграмотные мусульманки наставляют девочек в своей вере, иногда с голоса, и обучая их рукоделию. В эти малозаметные женские школки, в местностях, склонных к отпадению попадают девочки-инородки и об этом, несомненно, можно было бы привести гораздо более иллюстрирующих фактов. Такое примитивное образование оказывается однако вполне достаточным, чтобы создавать те упорно магометанствующие женские типы, о которых повествует напр. тот же «Сотруд.» (№ 8 за 1910 г.) в заметке: «Необходимость школьного обучения для девиц крещёных татар».

Что же, однако, может противопоставить этому женщина православная?

Если мы обратимся и к самым кратким учебным статистическим данным, то представится картина крайне печальная для настоящего времени и очень назидательная в смысле обширности возможной будущей миссионерской работы женщины:

Оказывается, что в Казанском крае, даже среди русского населения, приходится одна учащаяся на 55 женщин, тогда как у мусульманок то же отношение выражается цифрами 1:12 – и в общем магометанские девочки учатся даже больше, чем русские мальчики. Что касается обучения крещенок, то здесь благоприятные цифровые данные совершенно минимальны, так как по указанию осведомлённых лиц сравнительно с общей инородческой массой «девочки, ходящие в школу, представляют почти исключение». Не лишне также отметить, что при широко распространённой грамотности у магометан, однако во всей Казанской губ. напр. за 1900 г. всего 69 девочек мусульманок обучалось в школах русскому языку. (Цифры эти заимствованы из доклада С. В. Чичериной в Обществе Востоковедения).

Итак, рядом с повышенной грамотностью мусульманки и вместе с тем её отчуждённостью от русского языка, девочки инородки ещё весьма недостаточно испытывают на себе воздействие русской христианской школы, чтобы из них образовались те стойкие православные элементы, которые были бы способны даже в своей среде являться оплотом веры и не только бы не поддавались влиянию иноверия, но и сами оказывали бы воздействие на татарок ещё не крещёных.

Мусульманки, укрывшиеся за своей непроницаемой для священника и миссионера стеной, остаются упорными в своих заблуждениях и пока беспрепятственно могут и пропагандировать их. Но те же мусульманки доступны женскому влиянию и представляют обширную сферу для деятельности православной миссионерки.

По мере того, как разрабатываются материалы нашего Казанского съезда всё более выясняется, что ещё на долго предстоит громадная работа христианизации русского Востока и что она далеко превышает силы одиноко действующих миссионеров, но что при объединении всех православных сил, нет непреодолимых препятствий на пути этого необходимого святого дела.

Отсюда естественно рассмотреть всё, что могло бы служить миссии, оценить значение каждого благого влияния и не

отвергать труда женщины, издавна привыкшей в семье научать младших членов начаткам веры и воспитывать новые поколения в любви ко Христу. Нужно, чтобы и она пришла на помощь в великом деле христианского милосердия по отношению к младенцам в семье народов, населяющих обширную Россию. И если бы православная жизнь являла в данное время момент такого напряжённого одушевления, какое мы наблюдаем даже у магометан, то и не приходилось бы обсуждать, желательна или нет женская миссия, и как она должна выразиться, – она явилась бы и действовала бы в гармонии с общей церковной жизнью в том разнообразии форм, которые никакие постановления предусмотреть не могут. Даже наши сектанты дают в этом отношении, хотя нравственно неприемлемые для нас, но интересные примеры: на Киевском миссионерском Съезде указывалось значение того «Бюро баптистской женской прислуги», которое учредили эти сектанты для распространения в частных домах своей веры и для приготовления благоприятной почвы к обращениям в свою секту. И это, конечно, одна из многочисленных, приспособляющихся к обстоятельствам и изменяющихся форм сближения в целях духовного влияния.

Православие не нуждается в заимствованиях и должно идти своими путями, но то, что наша разрозненная церковная жизнь сейчас не творит сама, то нужно создать, нужно наметить первые шаги для женской работы во славу миссии. И нужно, чтобы поле этой деятельности по возможности развёртывалось на местах. Когда и простая русская женщина и крещёная татарка так окрепнут в истинах христианства, так твёрдо будут воспитаны и обучены правилам веры, чтобы являться всюду и их естественными исповедницами, тогда только миссия будет иметь очень надёжную опору.

Мы наблюдаем постепенное образование кружков ревнителей православия, но не слышим о подобных, или объединённых с ними женских кружках, работающих в том же направлении. Такие женские организации могли бы служить целям миссии под руководством приходского священника с неременным участием женских членов его семьи (обычно

имеющих образование Епархиальн. учил.), ближайших школьных учительниц и др. Женский элемент среди наших инородцев, так мало приобщённый к православной русской культуре и недостаточно пользующийся её преимуществами, пока не может иметь никакой самоотстойчивости, пред враждебным натиском магометанства. Здесь пока и недостаточное первоначальное обучение и очень малое христианское воспитание, нет здесь и в должной мере подготовленных для этого педагогических элементов. Вполне отсутствует и профессиональное образование и даже простейшие прикладные знания. До того времени, как официальная школа восполнит все свои недочёты, женские миссионерские кружки всему этому могут содействовать, как вспомогательные учреждения. Нужно, чтобы поскорее обучение грамоте, рукоделиям и пр., ставши по условиям жизни как бы привилегией мусульманок, употребляющих его, как ступени для укоренения ислама, находилось тоже в женских руках, но православных. Если наши инородки получают хотя бы возможность дома обучиться практическим рукоделиям, сверх того примитивного способа пряжи, или тканья, который единственно им известен, то они уже не пойдут в своих поисках заработка, к искусным в рукоделии мусульманкам, попутно подготовляющим их к принятию ислама. С другой стороны, крещёным татаркам, уже духовно окрепшим, очень важно дать начала медицины (хотя бы при помощи временных курсов), чтобы они, наоборот, понесли свет истины, вместе с первой медицинской помощью женщине мусульманки, лишённой благ леченья по условиям шариата, не допускающего к ней доктора. Женщина миссионерка, на ряду с религиозно-нравственными беседами, всегда найдёт много различных случаи, для христианской помощи в этой тёмной среде, внося сюда и, свои знания и сострадание своего любящего сердца. Часто там, где побоятся впустить официального миссионера, путь для женщины оказывается открытым.

Женщина миссионерка может и должна быть помощницей и школы, и пастыря. Мы слышали на одном из секционных заседаний Миссион. Съезда (школьного отд.), что в ведении

священника находится иногда одновременно до 5–6 школ, где ему совершенно оказывается невозможным лично провести все уроки по программе. Мы слышали тогда же красноречивый пример Преосвященнейшего Андрея, как одна молоденькая русская учительница, в черемисской деревне, не зная местного языка, в год времени, не смотря на свою неопытность, успела однако хорошо обучить детей положенным молитвам и началам русского языка и сама обучилась по-черемисски, несомненно, по своей горячей любви к делу и миссионерскому призванию. Эти примеры могут укреплять в мысли, что женская миссия может быть организована с великой и разнообразной пользой в той или иной форме.

В данное время имеются в Казани уже готовые для этого ячейки – мы разумеем: Кружок Сестёр Сотрудниц Братства Св. Гурия и Женские Богословские Курсы, но они не связаны между собой и не имеют непосредственного сношения с самим инородческим населением, да и сами ещё весьма малочисленны. Но можно ли удивляться их малым размерам, когда Закон Божий, в наших учебных заведениях составляет не более, как предмет преподавания и никак не образует в окончивших девочек того основного содержания жизни, которое вызывало бы в них потребность деятельного служения Церкви и искания более глубокого знания её жизни. Тем не менее малый Круж. Сест. Сотр. за 1 ½ года своего существования успел уже оказать разнообразную материальную и нравственную помощь в разных областях школьно-миссионерского дела, и интересующихся этим мы отсылаем к последнему годовому Отчёту Брат. Св. Гурия и дальнейшим протоколам заседаний Кружка.

Но деятельность этого Кружка, несомненно, приумножилась бы и во всём приобрела больше интенсивности, жизненности и воодушевления, если бы и в разных отдалённых деревенских углах женщины служили тому же делу. Казанский край и здесь идёт этому навстречу своей Покровской Просветительной Общиной, между прочим оказывающей и некоторую медицинскую помощь населению, и она-то и должна быть противоположной точкой опоры для той сети женских Кружков и

отдельных подвигов миссионерок, которых бы желательно было видеть не только в Казани, но и в окраинах уездов. Не меньшее, конечно, значение, притом объединяющее и завершающее практическую миссионерскую деятельность, может иметь и то богословское образование, которое вскоре приобретут слушательницы открытых в этом году в Казани первых женских богословских Курсов. Программу их нельзя ещё считать вполне установившейся, но и в настоящее время, она включает наряду с обще-богословскими предметами: (Основное богословие, Нравств. богослов., Библейская Ист., Церковная история, Свящ. писан. Ветх. и Нов. Завета, Литургика, Философия) – и предметы специальные, могущие послужить миссионерским целям – как, изучение ислама и раскола.

Весьма желательно было бы иметь в числе предметов преподавания на этих Курсах татарский язык, уже изучающийся частным образом некоторыми отдельными слушательницами, так как это облегчит их необходимое сближение с инородческим населением, которому они должны послужить с христианским усердием.

Богословские Курсы в ближайшем будущем дадут своим слушательницам более глубокое и сознательное усвоение христианства и укрепят их для защиты дорогих истин веры, – дадут тот тип православно-образованной женщины, – ныне отсутствующий, которая приобретённые многоценные сокровища твёрдой веры и церковного знания может делать постепенным достоянием как своей семьи, так и широких кругов общества, и меньшей братии наших ещё не просвещённых инородцев.

И Кружок Сестёр и Богословские Курсы ещё находятся в периоде формации; но они своим возникновением свидетельствуют о наступившем горячем желании женщины быть приобщённой к сознательной церковной жизни, к активному служению Церкви и Миссии и таким образом делают своевременным и уместным для миссионерского Съезда именно здесь в Казани, определить и дальнейшие формы возможного применения сил и способностей женщины-миссионерки и объединить их во славу Божию.

Сестра Сотрудница Братства свят. Гурия Ольга Ермолаева.

Съезд по выслушании и обсуждении сего доклада женщин единогласно принял такую резолюцию:

1) Желательно привлечь женщин к приходской миссии, в кружки ревнителей православия, в миссионерские комитеты и в их подотделы.

2) Ввиду того, что мусульманки лишены медицинской помощи, желательно привлечь крещёных инородок к изучению медицины на курсах.

3) Желательно, чтобы во всех женских монастырях были книгоноши и чтицы религиозных книжек для инородцев, фельдшерицы-послушницы для помощи крещёным и некрещёным инородцам.

4) Поощрять всякую инициативу женщин и вообще лиц в их служении св. миссии через школу, медицинскую помощь и пр.

5) Необходимо устройство воскресных занятий для взрослых по изучению Закона Божия, по преимуществу для женщин, как менее христианско-просвещённых; это совершенно необходимо среди крещёных инородцев и в особенности среди крещёных татар.

6) Предложить интеллигентным женщинам высшего круга всячески помогать переводами и изданиями книг, переводов с иностранных языков, что уже делается на Западе.

7) Обратить внимание епархиального начальства на то, что русские женские монастыри могут нести вообще культурную работу, обучая окрестное население садоводству, плодоводству, интенсивному сельскому хозяйству и т. п.

Отрадные факты из жизни крещёных татар

За последние два-три года, с обнародованием закона от 9 ноября 1906 года о выходе крестьян из общины, крещёные татары нескольких селений Казанской, Уфимской губерний, по причине малоземелья, стали переселяться в Сибирь на отводимые здесь правительством им земли, а также переходить на отрубные участки для ведения хуторского хозяйства. В настоящее время число переселившихся в Акмолинскую область крещёных татар из одного только Цивильского уезда, именно: из сел Большого Тябердина. Старо-Тябердина, из деревень Янгозино-Сурина и Хозесановой доходит до 10–15 семейств; всех же переселившихся на новую землю близ г. Петропавловска Акмолинской области крещёных татар из Казанской и Уфимской губерний теперь насчитывается более 25 семейств. Такое же количество семейств крещёных татар из деревень Верхние Меретьяки, Верхние Казыли и Кибечи, Лаишевского уезда, осенью 1909 года перешло на хуторское хозяйство при деревне Рогозиной Лаишевского же уезда.

Те и другие, выделившись из общины и переселившись на новые места, хотя довольно хорошо устроили своё новое хозяйство, но чувствуют себя оторванными от своих прежних односельчан и лишёнными того миссионерско-просветительного влияния на них родной миссионерской школы, которое они имели на родине. Об этом свидетельствуют нижеследующие два письма их на имя отца заведующего Центральною Крещёно-татарской школой, приводимые здесь в переводе на русский язык.

Письмо 1-е от крещёных татар, переселившихся в Акмолинскую Область, близ г. Петропавловска, подписанное крещёным татаринцом Ефимом Болгаровым:

«Любезнейший отец наш Тимофей! Мы, крещёные татары, переселившиеся на новую землю близ г. Петропавловска, Акмолинской области, слава Богу, устроились хорошо, назад возвращаться не думаем. Нас здесь много: есть из Цивильского уезда Казанской губернии, из Мечелинского и Белебеевского

уездов Уфимской губернии, есть и из Самарской губернии; вместе с нами живут 20–30 лет тому назад сосланные в Сибирь крещенцы, из которых многие за это время, к сожалению, уже успели отпасть в магометанство: надели тюбетейки, носят татарские имена; но со времени нашего переселения сюда и они стали возвращаться в христианство: бросили тюбетейки, стали ходить с нами в церковь, крестить детей и венчаться по православному; теперь, живя с ними вместе, мы берём их девиц замуж за своих сыновей, а они наших. Это всё хорошо, но нет у нас здесь школы, детям нашим негде учиться, нет родных наших книг на татарском языке. Посылаем два рубля денег на пересылку книг. Пришлите, пожалуйста, нам Св. Евангелие, послания Апостольские и богослужебные книги.

Родные наши, не оставьте нас на чужбине, присылайте нам родных книг¹⁰. От нас всем вам большой поклон. От сего письма остаёмся живы и здоровы и вам того желаем от Господа. Ради Бога не забывайте нас».

Письмо 2-е от хуторян крещёных татар при деревне Рогозиной, Лаишевского уезда, подписанное крещёным татаринном Петром Харитоновым:

«Ваше благословение, добрейший отец Тимофей! Вследствие переселения нашего на новое место, где живут смежно с нами и мухаммедане, мы испытываем крайнюю нужду в книгах на своём родном языке для религиозно-нравственного воспитания себя и детей наших. Здесь нам достать таковых книг трудно и не откуда, школы у нас нет. Пришлите, пожалуйста, для нас, как грамотным христианам, из Вашей библиотеки следующие книги по одному экземпляру, а если найдёте возможным, то и по два: 1) Священная История Ветхого и Нового Завета, 2) Иман княгяге – молитвенник, 3) Чьи ден – Начатки христианского вероучения и нравоучения, 4) Св. Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, 5) Часослов, 6) Превосходство христианства перед мухаммеданством, 7) Пасхальная служба (обязательно два экземпляра), 8) Воскресная служба, 9) Рассказы из житий святых, 10) Поучения, 11) Дванадцатые праздники. 12) Псалтырь, 13) Жития

святителей Казанских Гурия, Варсонофия и Германа и 14) прочих, необходимых для православных, книг».

Из приведённых писем переселенцев – крещёных татар обнаруживается отрадный факт в их жизни, свидетельствующий о том, что они, благодаря просветительному влиянию на них родной школы, в последние годы стали и сознательными христианами, читающими христианские книги и понимающими их содержание, и разумными хозяевами, охотно и сознательно стремящимися воспользоваться Высочайше утверждённым законом 9 ноября 1909 г., для улучшения своего хозяйства на новых разумных началах.

Не менее утешителен в первом письме и другой факт, свидетельствующий о том, какое религиозно-нравственное и миссионерское влияние могут иметь крещёные татары, благодаря родной школе успевшие достаточно утвердиться в христианской вере, на своих сородичей, склонных к магометанству и даже на отпадших из них в магометанство. Этот факт ясно доказывает необходимость продолжения дела религиозно-нравственного просвещения крещёных татар и других инородцев, по испытанной уже в течение многих лет просветительной системе Н. И. Ильминского, и нравственно обязывает всех лиц, продолжающих дело незабвенного Николая Ивановича, неуклонно и твёрдо идти по испытанному пути в деле просвещения инородцев, не смотря ни на какие недоразумения, сомнения и возражения, встречающиеся в последние годы по этому вопросу.

С. Т. Е.

Из Астраханской губернии

(Письмо миссионера).

Посёлок Казанка образовался в Орде в начале 70-х годов прошедшего столетия; первыми его жителями были казанские татары, в числе 33 дворов, почему посёлок, вероятно, и назван «Новая Казанка». Вместе с татарами здесь поселилось одно русское семейство (торговец), – но потом число и татар, и русских стало мало-по-малу увеличиваться, стали селиться и киргизы; в 80-х годах здесь уже насчитывалось, приблизительно, до 100 душ русских. У татар с основания посёлка явились мечеть, школа и мулла, и началось общественное моление, русские же люди долгое время лишены были духовного утешения: не было у них ни храма, ни школы, где бы они воспитывались в духе веры Христовой и преданности Престолу и Отечеству, не было и пастыря, который руководился бы их духовной жизнью. Умрёт-ли, бывало, мусульманин, родится-ли, мулла совершает положенное моление, а православным приходилось хоронить своих собратьев без напутствия священника, младенцев крестили нескольких месяцев, а то и году, а были случаи, что и умирали дети без св. крещения. Приходит мусульманский праздник «Рамазан», «Курбан», толпами спешат татары и киргизы к мечети; приходят великие христианские праздники – Светлое Христово Воскресение, Рождество Христово – и некуда идти православным помолиться; тяжело было нам (я говорю нам, так как раньше и мне пришлось более 4-х лет жить здесь без храма), не обходились некоторые из православных в такие дни и без слёз.

И вот Господь призрел на эти слезы и внушил людям, чтобы здесь создан дом для прославления Его Святого Имени. В самом начале 90-х годов такое печальное положение православных жителей Казанки было описано учителем школы К. Пирожковым в письме к своему бывшему директору, известному просветителю инородцев Н. И. Ильминскому, который написал об этом К. П. Победоносцеву... В 1894 году русское поселение было обрадовано добрым известием: св.

Синод, приняв во внимание печальное положение православных и в видах миссионерских – отпустил на построение храма в Казанке 24.000 рублей. И вот 21 марта 1898 года здесь началось служение Богу Живому и Истинному. И увидели киргизы, что и у русских есть Бог, есть и служение Ему.

Храм был построен деревянный, холодный... С 25 октября 1901 года мне, грешному, пришлось быть совершителем бескровной Жертвы в сем св. храме. Тяжело было служить зимой в холодном, огромном храме при 40–70 человеках молящихся (здесь всего православного населения с детьми сейчас около 170 душ обоего пола), и вот я задумал устроить тёплый придел в трапезной храма. Господь помог мне.

Тотчас по приезде в Казанку – я обратил внимание на то, чтобы не прервать прежних отношений с киргизами, стал их располагать к своей новой школе (до меня здесь была построена небольшая школа из саманного кирпича, под земляной крышей, которую мне удалось довести до прекрасного здания под железной крышей, имеющего теперь 11 сажен длины и 15 ½ арш. ширины, внутри 10 комнат).

В школу поступило первый же год два киргизёнка: я возбудил пред Комитетом ходатайство об открытии при школе приюта на 5 киргизят, что было Комитетом уважено, потом открыли 10 стипендий, а нынешний год уже 15, всего же киргизят теперь в школе 20 человек (пятеро обучаются приходящими), и русских учеников 31 (мальчики и девочки, – все дети русского населения обучаются в нашей школе).

Открытие приюта при школе для киргизят я придаю в интересах обрусения края и постепенной христианизации его большое значение, ибо киргизята при воздействии на них школы чисто в русском духе, находясь вместе с русскими детьми, скорее знакомятся с русской речью, мало-по-малу перенимают русские обычаи, а также слышат ежедневно христианское учение, а уезжая на каникулы в аулы своих родителей (за 50–70 вёрст от Казанки и далее), рассказывают и одноаульцам, что видят и слышат в школе и, таким образом, мало-по-малу разносят свет Христова учения по обширной киргизской степи.

Полезно и то, что киргизята, находясь всегда под надзором и руководством священника и учителя, меньше имеют сношений с *татарами* и *отатарившимися* киргизами, для которых наша школа с приютом для киргизят бельмо на глазу. Эти дети меньше слышат хулы на веру Христову; ближе себя чувствуют (как ученики-киргизы, так и их родители) – к священнику и учителю, поэтому нам в летнее время легко поехать к ним в аулы, как к хорошим знакомым, где можно вести и религиозные беседы (когда возможно беседую как в Казанке, так и в степи, раздаю иногда, где умеют читать, бесплатно мелкие брошюры) (изд. Мис. Общества) ... Киргизы, поучившиеся в нашей школе, не смотрят уже на русских, как на кяфиров и гяуров, как смотрят на нас татары и киргизы, особенно поучившиеся в татарских школах.

Татары здешние и отатарившиеся киргизы сильно мешают (и будут всегда мешать) просвещению киргизов в христианско-русском духе, – сами они боятся русской школы, особенно церковной со священником во главе, и киргизов всячески стараются удерживать от неё, наговаривая разную ложь детям и их родителям о школе, запугивая их тем, что кто учится в нашей школе, тех мол будут крестить, брать в солдаты и пр. Татары добивались даже того, что некоторые киргизы брали своих детей из школы. Тогда я шёл в дома этих киргиз и разубеждал их в наговорах татар, выяснял пользу обучения русской грамоте, и они извинялись предо мной и опять отдавали детей в школу; один из таких, окончив нашу школу, потом поступил в 4-х классное городское училище.

Лет пять тому назад мне удалось приобрести для школы прекрасный волшебный фонарь со множеством (до 300) картин, – чтение с туманными картинками тоже привлекает киргизов к школе; хорошее впечатление производит на них картина «исцеление св. Алексием Тойдуллы», историю эту я рассказываю кратко, когда бывают киргизы, и на *киргизском языке* (я хорошо владею киргизским разговорным языком).

С 1-го сентября 1906 года удалось открыть при школе продажу книг на русском, киргизском и татарском языках религиозно-нравственного и патриотического содержания, а

также разных учебников и книг для изучения киргизами русского языка (словари русско-киргизские, первоначальные учебники рус. яз. для киргизов и др.). Это дело я начал на 27 рублей, собранных по подписному листу, а потом Миссионерский Комитет, увидев пользу этого, прислал 100 рублей; и теперь книг в складе есть рублей на 180-ть. За три года разошлось по степи до 1500 экземпляров христианско-русской книги.

Продажа книг открыта главным образом в противовес мухаммеданско-татарской пропаганде, тысячами распространяющей свои книги среди киргизов, в целях укрепления их в исламе и возбуждения в них интереса к подражанию татарской жизни...

Священник **И. Сиротов.**

Женщины-католички на службе миссии

Католическая миссия, имеющая очень большие средства и нравственные и материальные, не пропускает ни малейшей возможности расширить круг своих помощников и вместе с тем и круг своей деятельности, – Между прочим католики, зная громадное влияние женщины на семью и способность её к самопожертвованию, привлекли и женщин на службу миссии.

Поэтому в католической миссии уже очень давно существуют женские миссионерские Общества. Перечислим некоторые из них.

1. Дщери Доброго Пастыря.
2. Сёстры св. Иосифа.
3. Милосердые Сестры.
4. Дщери Марии (с 1829 г.)
5. Христианские сёстры.
6. Дщери св. Креста.
7. Сёстры бедных.
8. Ирландские сёстры милосердия.
9. Бедные служанки Иисуса Христа.
10. Сёстры бедного дитяти Иисуса, и мн. др.

Эти католички, эти сёстры и дщери, ставившие задачей своих Обществ дела христианской любви и милосердия, приносили католической миссии великую пользу, ухаживая за больными, за сиротами и т. п. – Известно, что сам Вольтер, непримиримый враг католической Церкви, писал: «Быть может, на земле нет ничего большего, как та жертва, которую приносит женский пол, – чтобы в госпиталях смягчать тягость всякого человеческого страдания, вид которого так смиряет нашу гордость и так возмущает нашу беспечность». (Из кн. пр. от. Буткевича – о католической миссии).

Е. А.

**№ 36. Сотрудник Братства св. Гурия. 10
июля 1910 года**

Об открытии в Туркестанской епархии среднего духовно-учебного заведения

(в связи с общим положением русского дела в Туркестане).

Среднее духовно-учебное заведение в Туркестанской епархии должно быть учреждено с двоякой целью:

а) подготовить достойных кандидатов для духовной службы в приходах епархии из местных уроженцев;

б) оказать духовенству епархии помощь в деле образования своих детей. Достижение этих задач ввиду исключительного положения православной церкви в обширной Туркестанской епархии, населённой миллионами инородцев магометан, имеет особенную важность, как для самого духовенства, так и для всего православного населения.

Туркестанская епархия по числу лет своего существования в ряду других молодых епархий русской православной церкви занимает уже далеко не последнее место. Но не смотря на то, что значительная часть православных приходов епархии учреждена ещё в период завоевания русскими Средне-Азиатских областей в сороковых, пятидесятих и шестидесятих годах прошлого столетия, не смотря на то, что самостоятельная Туркестанская епископская кафедра существует уже более 35 лет, – до сих пор в личном составе Туркестанского духовенства почти нет людей местного происхождения, выросших в тех условиях жизни, в каких им приходится нести свою приходскую службу, и состав Туркестанского духовенства и по происхождению, и по воспитанию, и по образованию крайне разнообразен.

До учреждения кафедры в Верном, приходы Семиреченской области принадлежали к Томской епархии, а приходы Сыр-Дарьинской области – к Оренбургской и духовенство в этих приходах было по преимуществу из указанных епархий, заключая в себе наиболее слабые в различных отношениях элементы, так как Туркестанские приходы ввиду их отдалённости, трудности условий жизни и малообеспеченности,

являлись в некотором роде местами ссылки для в чём-либо провинившихся священников.

С учреждением Туркестанской епархии кандидаты на священство и лица, уже носившие священный сан, выписывались Туркестанскими архиереями и сами приезжали в Туркестан из разных мест Европейской России, как из внутренних губерний, так и из окраинных – с севера и юга, востока и запада, а в Закаспийскую область и с Кавказа – также большей частью вынужденные к переселению в отдалённую Среднюю Азию различными неудачами на родине. Контингент низших членов приходских принтов получался преимущественно из лиц, служивших в войсках Туркестанского края, происходивших из разных сословий и получивших образование в духовных и светских школах. За недостатком кандидатов, окончивших духовные семинарии, часто в священный сан возводились церковники из солдат, не окончившие курса даже в духовном училище, или учившиеся в различных светских учебных заведениях, средних и низших, а иногда и лица с домашним образованием. При таких способах удовлетворения нужды в приходском духовенстве, оно в Туркестанской епархии в общем мало отвечало задачам пастырского служения, а разнообразие его состава по происхождению и воспитанию постоянно проявлялось в далеко не братских отношениях членов приходских принтов между собой, во взаимных спорах и интригах, вызывавших массу судебных дел.

Эта рознь заметна и в настоящее время: и теперь в духовенстве епархии почти *нет сознания солидарности интересов, нет корпоративного духа, своего общественного мнения*. Мало знакомые с исключительными условиями жизни местного православного населения, часто мало подготовленные к духовной службе, не связанные с прихожанами близкими отношениями, а потому и не дорожащие ими, священники, диаконы и псаломщики ведут, можно сказать, кочевой образ жизни, переходят с прихода на приход, из одной области в другую при всяком представившемся случае, чему нужно заметить, Туркестанские владыки не только не оказывали

должного противодействия, но и сами приучали к этому своих подчинённых, как например, епископ Паисий, переместивший за три года своего управления епархией большую часть священников и псаломщиков на другие места, причём многих перемещавший по несколько раз в один год. Нечего и говорить, как вредно отражается на церковной жизни епархии этот случайный подбор духовенства, это отсутствие связи, близких отношений между пастырями и пасомыми, эта рознь в среде самого духовенства и неразвитость сознания общности своих интересов.

Между тем, будь в Туркестанской епархии открыта духовная семинария вместе с учреждением епископской кафедры, давно бы уже в огромном большинстве приходов духовенство состояло из питомцев этой семинарии, преимущественно детей местного духовенства, а если и светского происхождения, то во всяком случае, местных уроженцев, знающих край и население, а не из съехавшихся со всех концов Российской империи неудачников на своей родине. Но, конечно, и теперь скорейшее открытие в крае духовной школы представляет в высшей степени важный вопрос, разрешение которого удовлетворит самую насущную потребность Туркестанской епархии в нужном для православного местного населения и подготовленном для местной приходской службы духовенстве.

Какой должна быть эта школа, с каким учебным планом и программами, в данное время, ввиду предположенного преобразования духовно-учебных заведений, говорить об этом подробно нет нужды, так как и будущая Туркестанская духовная семинария несомненно организуется по общему новому типу духовной школы. Но, принимая во внимание, что двойственность задач духовной школы, служащей для подготовки кандидатов священства и вместе с тем дающей детям духовенства общее среднее образование, признаётся и всеми епархиальными архиереями и особым подготовительным к церковному собору присутствием при Св. Синоде, и руководящим началом при реформе духовной школы является приспособление её к требованиям жизни, а следовательно и к местным условиям, — не будет лишним указать, какие

особенности в организации Туркестанской Духовной Семинарии наиболее отвечали бы местным нуждам епархии.

Раскинутая на огромном пространстве в 1.700.000 кв. вёрст, заключающая в себе пять областей с многомиллионным магометанским населением, Туркестанская епархия имеет сравнительно наибольшее количество православных приходов, гнёздами разбросанных в разных концах её территории. Настоящий Епархиальный центр её, г. Верный, находится в углу епархии, в Семиреченской области, наиболее заселённой русским элементом; административный же центр края г. Ташкент, занимающий действительно центральное положение в Туркестане, отдалён от Семиречья многими сотнями вёрст трудного пути. Поэтому какой бы пункт ни был избран для устройства в нём духовно-учебного заведения, город ли Верный или гор. Ташкент, он во всяком случае будет далёким для большинства приходов епархии. При нужде, конечно, духовенство повезёт своих детей и за тысячи вёрст. Но с какой затратой средств это будет сопряжено, какие лишения будут испытывать и родители, и учащиеся дети, если из-за непосильных расходов на проезд, будут вынуждены отказаться от свидания даже в вакационное время. Особенно дети младшего возраста. А устройство духовных училищ в разных областях края потребует больших затрат на постройки и крупных ассигнований на содержание их, да и не соответствует количеству духовенства в епархии.

Но есть полная возможность избежать указанных неудобств и затруднений, если курс духовно-учебной школы будет согласован с курсом школы начальной и общеобразовательной. Если при предстоящей реформе гимназий будет проведён в жизнь принцип единства общеобразовательной школы, на чём настаивает в настоящее время большинство школьных авторитетных деятелей, если из двухклассной или четырёхгодичной школы будет прямой переход в третий класс гимназии, если затем в духовную семинарию будет простой приём окончивших курс прогимназии и четырёх классов гимназии, тогда трудная для Туркестанского духовенства задача воспитания своих сыновей значительно облегчится. С каждым

годом в русских селениях Туркестанского края увеличивается число двухклассных школ, в которых обучаются и дети духовенства, имея возможность жить в своей семье до 12–14-летнего возраста. А закончив про-гимназический курс в ближайшей гимназии, что для содержащих их родителей хотя и тяжело, но всё же как-нибудь достижимо, они будут иметь подготовку и для поступления в духовную семинарию, где в общежитии содержание будет дешевле, а для сирот и неимущих будут и казённые стипендии.

Нужны ли какие-нибудь отклонения от общего типа в учебном плане Туркестанской духовной семинарии, отвечающие исключительным местным условиям приходской службы – этот вопрос может быть рассмотрен и решён с точки зрения местных задач приходского духовенства. Если в число этих задач будет поставлено миссионерство среди магометан, то и семинария должна получить специально миссионерский характер. Но насколько возможна правильная организация миссионерского дела в Туркестане, есть ли для этого удобная почва и позволительны ли какие надежды на успех, миссии?

Нужно сознаться, что до сих пор представители православной церкви в Туркестане христианской проповедью среди иноверного населения края не занимались и, если бывали и теперь случаются обращения инородцев в христианство, то это факты единичные, редкие и случайные, причём крестятся почти исключительно те иноверцы, которые с детства воспитывались в православных семьях или желают вступить с православными в родственные отношения. Единственным исключением может служить факт крещения нескольких сотен *язычников-калмыков, солонов, сибо и маньчжуров*, бежавших в Семиречье из Китайских пределов от истребления их магометанами во время Кульджинского восстания дунган в 1868 году. Но и тут язычников побудило креститься их бедственное положение и желание найти у русских защиту и покровительство, и обращение их в христианство не было прочным... Как только миновала опасность, Кульджинский край успокоился и был возвращён китайцам, крещёные эмигранты уже прочно успокоившиеся в

Сарканской станице и зачисленные в Семиреченское казачье войско, в большинстве ушли назад в Китайские пределы и едва ли там сохранили какие-нибудь начатки христианской веры.

Нельзя, однако, сказать, что Туркестанские архиереи не думали о православной миссии среди иноверцев епархии. Наоборот, все они интересовались миссионерством, а некоторые, как епископы Александр и Григорий, правильную организацию миссионерского дела ставили в число важнейших задач Туркестанской кафедры и прилагали серьёзные усилия к осуществлению своих миссионерских планов. Эти преосвященные находили, что Туркестанские иноверцы представляют удобную почву для сеяния Слова Божия и для успеха дела нужны лишь умелые сеятели. Таких сеятелей преосвященный Александр рассчитывал готовить к их делу в основанном им в 1882 году Иссык-Кульском монастыре, который, по мысли основателя, должен был состоять из образованных монахов, могущих быть проповедниками христовой веры и надёжными руководителями ново-крещёных в христианской жизни. Но надежды на монастырь не оправдались: образованных монахов в нём не было, и в 1894 году преосвященный Григорий, проектируя в епархии сеть миссионерских станок, уже рассчитывает получить деятелей из слушателей миссионерских курсов при Казанской Духовной Академии, а преемник его *Преосвященный Никон в 1897 году возбудил ходатайство пред Св. Синодом* об открытии в Туркестане Духовной семинарии для приготовления не только кандидатов священства, но и миссионеров.

Проекты Туркестанских Архиереев об организации православной миссии в здешней епархии не осуществились даже в самой малой степени и, прежде всего, за полным отсутствием денежных средств, а затем и людей. Но всё же думается, что если бы нашлись и средства, и люди, то всё-таки, так оптимистически смотреть на условия развития дела православной миссии в Туркестане, как смотрел преосвященный Александр в своей записке об основании миссионерского монастыря на Иссык-Куле и как потом повторил преосвященный Григорий в своём проекте организации миссии –

рискованно. Буддисты-ламаиты не так легко склоняются к христианству, как кажется преосвященному Александру, приводящему в пример успехи Забайкальской миссии. Эти успехи всегда были не велики и скорее можно говорить о неуспехе этой, имеющей более 20 правильно организованных станом и школ, миссии, присоединившей ко Христу за всё время своего существования довольно незначительное число инородцев, да и то почти исключительно шаманистов, в то время, как ламаизм распространился и прочно утвердился среди всей массы инородческого населения Забайкалья. В настоящее же время, с изданием новых законов о вероисповеданиях, масса крещёных бурят-шаманистов отпала в ламаизм, как говорят газетные известия.

Да в Туркестанской епархии с возвращением Кульджинского края Китаю и совсем не осталось язычников; теперь все инородцы в пределах Туркестана исключительно магометане.

В основу своих взглядов на возможность развития христианской миссии среди магометан преосвященный Александр кладёт два положения: во 1-х, что вообще у всех магометан Туркестанского края сила приверженности к своей вере в настоящее время весьма невелика, и во 2-х, что разные инородцы Семиречья – дунгане, киргизы и даже сарты, исповедующие ислам, далеко не в одинаковой степени привержены к своей религии. Преосв. Александр говорит: *киргизы плохие магометане*: у них нет ни знания исламизма, ни учёных мулл, ни медресе, ни Корана, ни других книг на своём языке. Они легко поддаются всяким запрещённым исламом соблазнам при первом мирном столкновении с русскими; во множестве живя в услужении у русских, они совсем не соблюдают магометанских обрядов; их аристократия бывает охотно в русском обществе и ведёт себя, как русские. *Дунгане, переселившись из Китая*, принесли с собой более народно-религиозных китайских верований, домашних обрядов, обычаев, суеверий и предрассудков, чем чистого магометанства. *Даже сарты, считавшиеся до завоевания Туркестана за самых солидных и рьяных магометан*, с переходом под власть русских, как практичный народ, пошли

навстречу мирному сближению к русским, оставляя в стороне прямые интересы своей религии и жертвуя некоторыми из них ради материальных выгод».

Итак: нет ни фанатизма, ни сильной приверженности к своей вере, нет даже единения в исламе среди туземцев Туркестана, по мнению преосвященного Александра, разделяемого и его преемниками по кафедре. Это готовое поле для сеяния Слова Божия. Какой же, значит, великий грех со стороны русского православного государства пренебрегать таким важнейшим и в смысле религиозном, и в смысле государственном, делом, как обращение в христианство здешних инородцев! Или откладывать его на далёкое будущее, упуская благоприятный момент под совершенно ничтожным предлогом, неимение денежных средств на правильную надлежащую постановку православной миссии! Но дело в том, что представители высшей административной власти в Туркестане далеко же так оптимистически, как здешние архиереи, смотрели на возможность распространения христианства среди магометан Средней Азии. Так ещё первый и наиболее выдающийся по правильному пониманию русских государственных задач в Средней Азии Генерал-Губернатор Кауфман утверждал, что *«мусульманство в Туркестане едва ли не самое фанатическое в свете»* и утверждал не без серьёзных оснований: Бухара и Самарканд много столетий были центрами магометанской учёности; медресе Самарканда, Коканда, Ташкента, знаменитые ещё в XV веке, хотя может быть и пережили уже свою былую славу, но продолжали выпускать сотни мулл, далеко не чуждых старого фанатизма и ещё не потерявших своей репутации среди разных мусульман Средней Азии. С исламом нужно было считаться не только как с религией, но как с политической системой, *что и доказало Андижанское восстание*. И русские администраторы завоёванного мусульманского края, стараясь понемногу приучать миллионы мусульман к русской власти, более всего боялись чем-нибудь затронуть их верования. Православная миссия, миссионеры, миссионерские станы и школы – всё это были для них ужасные слова, обозначающие крайне опасные

вещи. Способствовать их учреждению в крае, значит, безумно раскладывать костры в соседстве с горючим материалом. А там пожар, взрыв, потоки крови и, вместо спокойного управления мирным краем, тяжёлая борьба с озлобленным многомиллионным населением, требующая напряженной энергии, выдающихся способностей. И они по-своему были правы. В особенности прав был Кауфман, говоря, что «русские в Туркестане прежде всего должны обнаружить пред магометанами полную и всецелую преданность требованием своей веры и фактами доказать превосходство христианской цивилизации над магометанской». И этого нельзя оспаривать. Суть не в вероучении ислама: оно для рядового мусульманина всё в положении – нет Бога, кроме Бога и Магомет пророк Его; суть не в обрядовой стороне, хотя мусульмане несомненно более точны в исполнении своих обрядов, чем православные туркестанцы; суть в морали ислама. Ислам для его последователей – закон жизни и не в смысле нравственных положений, а в смысле положительного права. Пусть мораль ислама невысокого достоинства, не выдерживает никакого сравнения с моралью Евангелия, но она практична, и весь мусульманский мир смотрит на поступки человека с точки зрения правил Корана и осуществляет эти правила в жизни. Авторитетный писатель о Туркестане Н. П. Остроумов в книге «Коран и Прогресс», с удовольствием вспоминая о своих 35-летних непосредственных сношениях с исповедниками ислама, особенно из туземцев Туркестанского края, отмечает их покорность, трудолюбие, бережливость, доверчивость, услужливость, честность, трезвость и скромность, как результат воспитывающего влияния Корана, дающего руководство к правильным действиям, к правильным мыслям, к правильным словам, требующего благочестия и оправдания добрыми делами. И сам преосвященный Александр пишет, что «для ознакомления с христианством, для суждения о высоте и святости его учения, у наших иноверцев имеется один только способ, одно средство – это видеть нашу жизнь и по нашей деятельности судить об исповедуемой нами религии.» «Но, к несчастью», продолжает преосвященный, «окружающие нас

иноверцы не настолько к нам приближены, чтобы видеть лучшие безупречные и чисто христианские стороны нашей жизни и деятельности, и не настолько развиты, чтобы из фактов, совершающихся на их глазах, делать правильные и безошибочные выводы». Владыка, однако не указал, что же видят магометане в жизни русских. А чтобы сделать правильные из его положений выводы, совершенно необходимо было показать, как живут православные в Туркестане, что хорошего и дурного представляет их жизнь с точки зрения магометан.

С занятием Туркестана русский элемент в этом крае представляли прежде всего войска и чиновники, а вслед за ними во всех городах, где стояли войска и где образовались большие или маленькие административные центры, появились русские торговцы, подрядчики, искатели лёгкой наживы, сомнительные предприниматели, авантюристы. При таком первоначальном составе русское общество в Туркестане могло ли показать окружающим магометанам образцы истинно христианской жизни и снискать их уважение к себе и к своей религии? Генерал Губернатор справедливо противопоставляет точному исполнению магометанами требований своей веры *пренебрежительное отношение русских к своей государственной религии; о нравственности их он не говорит, но в русской литературе достаточно картинных изображений так наказываемых ташкентских нравов и типов, а в делах Туркестанской Духовной Консистории можно найти документальные доказательства соответствия этих картин здешней действительности.*

С течением времени возросло русское население городов, завелись торговые предприятия, с проведением железных дорог появился в значительном количестве рабочий элемент, во всех областях основались и русские селения. Но не говоря уж о городском населении, о высших классах, об офицерстве и чиновничестве, как и везде, более или менее равнодушных к требованиям своей веры, и низший класс, и рабочие и крестьяне, поселившееся в Туркестане, представляют из себя очень сомнительный элемент и в религиозном и в нравственном

отношении, за исключением, быть может, более старого крестьянского населения Семиречья.

Как смотрят на русских магометане – это ярко обрисовалось в многочисленных показаниях, собранных следствием по Андижанскому восстанию. Важно было узнать, что могло подвигнуть магометан на их безумную попытку истребить русских, когда для них должны быть очевидны блага мирной и спокойной жизни, достигнутые только благодаря подчинению края русской власти, заменившей туземных деспотических правителей, при которых ни собственность, ни жизнь их подданных никогда не были в безопасности. И все допрашиваемые единогласно показывали, что они понимают преимущество русского управления, что они не терпят особенных несправедливостей и притеснений со стороны завоевателей, но *что они ненавидят русских за тот разврат, какой они вносят в жизнь магометанского населения; что соприкасаясь с русскими, не уважающими своей веры и своего закона, и мусульмане начинают пренебрегать правилами ислама; что от русских они научаются пьянству, расточительности, обманам и сутяжничеству; что русские внесли разврат в семейную жизнь магометан и благодаря им появилась неизвестная в Туркестане ранее проституция. Даже киргизы – плохие магометане, совсем не культурный народ, с патриархальными, или скорее, примитивными нравственными понятиями, – и они убеждены, что русским нельзя верить и что поэтому их следует тоже обманывать; и они говорят, что русские лентяи и пьяницы, нехорошие люди.*

И так, значит, принимаясь за дело христианского просвещения Туркестанских инородцев, прежде всего нужно вспомнить Евангельскую заповедь: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела и прославят Отца вашего, иже на небесех» (Мф.5:16). Этим и определяется главнейшая задача духовно-учебного заведения в Туркестане. Оно должно дать русскому населению добрых пастырей, строгих ревнителей христовой веры и благочестия, способных влиять на вверенных их попечению православных

овец так, чтобы в их жизни ясно обнаружились высокие преимущества христианского нравственного идеала.

Конечно, это требование не временного и не местного характера. Но несомненно, что теперь наступило такое время, условия и задачи пастырского служения резко изменились, предъявляемые к пастырям требования увеличились и усложнились, а местные особенности в положении Туркестанской паствы получили новое значение. События и народные движения последнего времени сильно отразились на отношении православного населения к своему духовенству, к церкви и даже к самой православной вере. Индифферентное или даже пренебрежительное отношение к церкви, проявлявшееся ранее только в так называемой интеллигенции, в высших классах общества, в значительной мере распространилось теперь и в низших слоях населения, в рабочей среде и даже более или менее ясно проявляется и в крестьянстве. И сельское население, недостаточно знакомое с православным вероучением, религиозные обязанности полагающее, главным образом в исполнении обрядовых требований, стоящее далеко не на высоте ясного понимания христианского нравственного закона, представляет удобную почву для сеяния всяких плевел и само не может дать серьёзного отпора во множестве проникающим в его среду пропагандистам неверия и лжеучения, нередко опирающимся на своё якобы бы понимание Евангелия; не может разобраться и отнестись сколько-нибудь критически к идеям, распространяемым либеральной печатью, теперь уже всё увеличивающимся, с каждым днём потоком льющей в народ свои произведения. С изданием Высочайшего указа 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости, предоставляющего каждому свободно переменить веру, даже за своих малолетних детей, православие, можно сказать, перестало быть господствующей церковью. Законные меры против отпадения от православия отменены и православное население уже не ограждено от возможного влияния иноверия; дозволено даже отречение от христианства тем, у кого предки не были христианами. С большой вероятностью можно ожидать,

что пока ещё не утверждённый закон о свободе совести пойдёт в этом направлении ещё дальше и разрешит иноверцам свободу пропаганды или, по крайней мере, отменит судебное преследование за неё. Да и если и не отменит, то на практике, при теперешнем настроении общества, суд не решится карать за пропаганду иноверия, как и ранее он почти всегда освобождал от всякой ответственности отпавших от православия. Тогда, можно предсказать заранее, пастыри Туркестанской епархии станут лицом к лицу с пропагандистами магометанства и не в среде здешних инородцев, каких-нибудь киргиз, а в среде русского населения.

Нечего закрывать глаза на возможность такого положения и покоиться на уверенности, что магометанство глубоко чуждо русскому народу. И при существовании ранее карательных законов против отпадающих в магометанство русских, случаи отпадения бывали. Их знает Туркестанская Духовная Консистория, ещё, вероятно больше знает Консистория Оренбургская, так как в светской печати не раз на них обращалось внимание, а о прочном сожителстве с магометанами киргизами русских уральских и оренбургских казаков, формально не переменивших своей веры, есть даже целое исследование. Недавно в Верном перешла в магометанство и целая казачья семья чисто русского происхождения.

И немного нужно знать магометанство в его современном состоянии, чтобы видеть всю величину угрожающей с его стороны опасности. Во всех епархиях, где организованы противомусульманские миссии, миссионеры, а за ними и епархиальные архиереи указывают на трудность и даже невозможность борьбы с распространением ислама. В то время, как при всех условиях миссий, при правительственной поддержке, миссионеры с трудом достигают присоединения к православию каких-нибудь немногих десятков инородцев-язычников, и то делающихся сомнительными христианами и часто отпадающих в магометанство, последнее приобретает среди тех же язычников сотни и тысячи своих адептов и уже прочно и бесповоротно. На памяти ещё живущего поколения

почти все инородцы Поволжья и многочисленный киргизский народ сделали магометанами. Преосвященный Александр, как приведено выше, считает киргиз плохими магометанами и потому доступными и влиянию христианства. Совершенно верно; но также верно, что скоро те же киргизы сделаются и хорошими магометанами. *Сила магометанства в общем одушевлении, в общем фанатизме, как говорят миссионеры. Проповедниками магометанства являются не специалисты вероучители, не муллы только, а все магометане вообще и каждый в отдельности.* Особенно это нужно сказать про татар. Предприимчивый, торговый народ – татары проникают всюду, как деловые люди. Но входя в деловые сношения с другими инородцами, как фанатичные приверженцы ислама, они являются и пропагандистами его; с щепетильной строгостью относясь к предписаниям своей веры, они и примером, и словом и экономическим влиянием укрепляют новых магометан в правилах своей веры и нравственности; своей массой они парализуют деятельность православных миссий. На свои средства строят мечети, содержат достаточно для кочевников образованных в казанских медресе и фанатизированных мулл, заводят многочисленные школы; они учреждают общества вспомоществования нуждающимся магометанам, как известное *Троицкое общество Оренбургской губернии*, широко распространившее район своей деятельности и располагающее большими средствами и силами или как недавно возникшее Ташкентское. Нельзя не сознаться, что миссионерская деятельность казанских татар – хороший, заслуживающий подражания пример для православных миссий. Вот как нужно работать православному духовенству и в Туркестане, чтобы православная миссия имела прочный успех.

Можно питать уверенность, что те же татары, при свободе пропаганды, оставят без внимания русское христианское население и что в среде его они не могут рассчитывать ни на малейший успех? А если такая уверенность сколько-нибудь сомнительна, если признать, что магометанство с его потворством чувственности, простотой культа, кажущейся лёгкостью, удобопонятностью и практичностью нравственных

требований, правил жизни, может иногда оказаться, а как упомянуто выше и оказывается соблазнительным для отдельных лиц русского происхождения и православного вероисповедания, если принять во внимание, что и русские христиане нередко попадают в экономическую зависимость от магометан, ставящую в опасность и религиозную их совесть, то борьба с магометанством и на русской почве неизбежна и, готовясь к ней, православной церкви в Туркестане заранее нужно вооружиться.

Таким образом будущая Туркестанская Духовная Семинария, кроме общих с другими такими Семинариями задач, должна поставить себе исключительную, местную, может быть частную, но большой важности задачу: готовить борцов с исламом. Чтобы с успехом бороться, прежде всего нужно знать противника и его слабые стороны, а потому изучение магометанства в его сущности и в его истории и обличение его недостатков непременно должно войти в курс семинарского образования. Рассчитывать на выигрыш битвы можно, только зная в совершенстве поле сражения, а потому местная география, этнография и история должны будущими войсками креста Христова изучаться в подробностях. Наконец, им необходимо уметь пользоваться и оружием противника – языком его. А так все Туркестанские магометане говорят на разных наречиях тюркского языка, владеет им и значительная часть русского сельского населения, то и в Туркестанской духовной Семинарии тюркский язык теоретически должен изучаться в его общих основах, с указанием разности в наречиях, а практически – языки сартовский и киргизский по выбору, с которым нужно сообразоваться и при назначении окончивших курсы на места службы. Желательным следует признать и введ. в семинар. курс хотя бы не обязательного изучения арабского языка, без которого изучение Корана затруднительно, а пользование магометанской богословской литературой, ввиду отсутствия её переводов, совершенно невозможно. Правильно поставленное теоретическое изучение этих языков, при исключении из семинарского курса языков древне классических, может иметь значение и в смысле содействия формальному развитию

учащихся в семинарии, усовершенствованию способности логического анализа и синтеза, приучению к точной, ясной литературной передаче мыслей.

Кроме того, введение в курс духовной семинарии всех перечисленных предметов, сообщая ей местный характер, даст возможность готовить в этом учебном заведении не только кандидатов во священники, но людей наиболее основательно знающих местные условия жизни, местное население, наиболее способных к деятельности в крае на всяких поприщах государственной и общественной службы, в каких страшно нуждается Туркестанский край. Уже одно это обстоятельство придаст особенное значение новому заведению, сделает его ценным в глазах высшей администрации края и во мнении общества, а это предохранит от крайне отрицательного, проявляющегося теперь во всей России, отношения к своей школе со стороны самих учащихся, открывая перспективы свободного выбора будущей службы и деятельности для питомцев его, не чувствующих склонности к пастырской службе, получающих образование в Духовной Семинарии лишь экономического характера, какой элемент всегда в духовно-учебных заведениях был и наиболее вредно влиял массы учащихся, по отношению к воспитывающей его школе.

Программы перечисленных предметов должны быть составлены возможно сокращённые в смысле подробностей: в программах новых в семинарском курсе предметов, отвечающих местным потребностям, достаточно одних общих положений, а подробности даёт практика и способность преподавателей приспособиться к предмету и к требованию жизни и возможно разумнее и педагогичнее использовать то количество учебного времени, какое может, быть отведено на изучение этих предметов, сообразно с новым учебным планом будущих духовных семинарий.

И. Брызгалов.

**№ 37. Сотрудник Братства св. Гурия. 18
июля 1910 года**

Апостольский пост 1910 года в Казани

Во время апостольского поста в Казани ныне произошло событие, которое может быть очень памятным в истории русской церкви в Приволжье. Мы говорим о Казанском Миссионерском Съезде, имевшем целью обсудить назревшие вопросы просвещения приволжских инородцев светом святого Евангелия. Этот съезд начался в первый день святого поста в честь св. Апостолов и окончание его совпало с последними днями поста апостольского. Хотя это было, по-видимому, только совпадение, но совпадение высоко знаменательное: самые святыя вопросы церковной жизни обсуждались и решались в дни церковного воспоминания о святых апостолах, великих и несравненных миссионерах... И ныне, восстанавливая в памяти все подробности бывшего съезда, – вспоминая всё, чем жили в то время его участники, всякий может сказать, что только сила Божия, благодатная сила любви христианской могла направить съезд на тот добрый путь, который ныне пройден. Если какой-нибудь беспристрастный наблюдатель сравнит съезд миссионеров 1897 года в Казани, 1908 года в Киеве и нынешний Казанский, то, несомненно, должен будет отдать справедливость последнему: так он был сравнительно скромен по количеству участников и так он был серьёзен по их настроению. Здесь в 1910 году всё было гораздо проще, не было почти ничего лишнего, бьющего только на эффект; во время занятий съезда не было и особенного красноречия, – всё было очень деловито, продумано, прочувствовано и обсуждалось только ради дела без всяких партийных выступлений или соображений. Такому настроению миссионерского съезда помогло, несомненно, то обстоятельство, что участниками его были лица почти исключительно духовного сана. Поэтому один строгий наблюдатель и судия Казанского съезда нашёл возможным сказать, что участники съезда по своему деловому и даже иногда вдохновённому настроению оказались вполне на высоте

своего звания, на той высоте, которой от них можно было требовать.

Такое настроение на Съезде повлияло соответственным образом и на его работы. Огромное большинство предположений съезда, почти все его пожелания основаны на изучении жизни и её запросов и потому можно надеяться на осуществление всех этих пожеланий, как вызванных самой жизнью.

Отличительной чертой нынешнего съезда было и то, что на нём вовсе не было заметно того повышенного боевого настроения, которым отличались все съезды предыдущие. На этих съездах господствовал знакомый для матушки России тон: шапками – дескать закидаем; таким тоном проникнуты были многие речи и последнего Киевского съезда, чрезвычайно пренебрежительно отнёсшегося ко всем сектантам и раскола-учителям, как к людям и невежественным и нечестным и вообще ничтожествам во всех отношениях. Известно, что Киевский съезд вовсе замолчал (хотя, по моему мнению, искусственно) и необходимость нашей церковной реформы и общей, и частной.

Не то мы видим на Казанском съезде. Здесь взгляды с самого начала его занятий были совсем другие: с первых слов секционных занятий были очень решительно выдвинуты два вопроса программы: о церковной дисциплине и о приходской миссии с помощью приходских организаций. В этом отношении была интересна в высшей степени речь протоиерея Уфимской Епархии о. Стрелкова.

Этот ревностный батюшка горько сознавался, что нет у нас порядка ни в церкви, ни около церкви. «Нам, отцы, нужно самим взяться за дело, одушевлённо говорил о. Стрелков, среди нас много стало встречаться беспечных, ленивых пастырей, которые должны бы были других за собою вести, другим истинный путь жизни указывать. Среди этих беспечных пастырей первый есмь аз, продолжал со слезами на глазах говорить батюшка, и я никого, в частности, не обвиняю, но все мы вместе должны взяться за дело церковное и всею мыслью и всем сердцем послужить миссии. Мы должны вести народ за собой, а теперь

народ идёт за другими, идёт ко всяким лжеучителям, их слушает...» Речь искренняя и глубоко сердечная этого батюшки, одного из лучших наших священников, произвела глубокое впечатление на всех работников съезда и ещё более выдвинула вопрос о поднятии церковной дисциплины во всей церковной жизни, начиная с частной молитвы мирян и кончая поведением самих пастырей церкви.

Вторую речь, которую ныне пришлось услышать на Казанском съезде, и которая была встречена единогласным сочувствием, это речь преосвященного епископа Пермского Палладия о приходских организациях и братствах. Ничего подобного на прежних съездах быть не могло. Там мысль о приходских организациях признавалась признаком большого либерализма, и — идеалом миссионера признавался красноречивый чиновник, побеждающий на публичных диспутах какого-нибудь безграмотного начётчика. Увеличение числа таких чиновников миссионеров и было центральным пожеланием прежних съездов. Ныне — не то! Прекрасной по форме, редкой по содержанию речью в защиту приходских организаций, преосв. епископ Палладий убеждал всех участников съезда заняться этой стороной церковной жизни и окружить себя помощниками из верующих мирян. Преосв. Палладий ссылался и на исторические заслуги православных братств на западе в борьбе с католичеством и на то, что всё иноверие сейчас только и сильно народным одушевлением при всём своём нравственном и умственном убожестве и речь Владыки Палладия вызвала к нему самое искреннее чувство благодарности со стороны всего съезда. — Вопрос о народной миссии был решён единогласно в пользу её развития.

И так прошёл весь съезд: чувствовалось на каждом заседании, что здесь делают церковное дело, что здесь идёт большая работа собирания ныне разрозненных церковных сил и изыскания способов к их развитию и расширению. Так все это и чувствовали, так и думали и решали. Так протекли дни напряжённого труда на пользу св. Церкви! Святые дни, незабвенные впечатления!

Таков был в Казани в 1910 году апостольский пост.

Епископ ***Андрей***.

Ответ проф. Владисл. Франц. Заллесскому

(См. ст. Казанск. Телегр. №№ 5158–5160)¹¹.

Полный разгром «Системы Ильминского», здания, устроенного с великой, по-видимому, предусмотрительностью! Такой разгром, что, кажется, не осталось щепок в количестве, достаточном для растопки печки бедного инородческого двора!.. И что всего печальнее, так этот разгром начал сам Ильминский, а его последователи уже dokonчили блистательно это дело разрушения. «Более тридцати тысяч крещёных татар, отправших в магометанство; отатаривание чуваш и, даже, кое-где, переход их из православия в мусульманство; нарождение инородческих литератур, пан-мусульманские веяния; неясные, но тем не менее весьма интенсивные, мечты о «Туркистане», имеющем объять все местности, населённые тюркскими племенами, исповедующими и имеющими исповедывать ислам, – вот осязательные результаты пятидесятилетнего просвещения инородцев по системе Ильминского!» К этой характеристике результатов системы Ильминского, обнаружившихся к настоящему времени, сделанной г. Залесским в начале заметки, мы с одинаковым правом могли бы прибавить от себя ещё следующее; если к числу зловердных результатов системы Ильминского относится отпадение 30-ти тысяч крещёных татар в мусульманство, то почему сюда же не отнести и переход Золотой Орды при хане Узбеке из язычества в магометанство? Ведь всякому жителю Поволжья известно, а не учёному профессору только, что массовые отпадения крещёных татар в магометанство начались ещё задолго до появления «системы» Ильминского, и что само появление на свет этой системы вызвано именно этими массовыми отпадениями. Если были подобные отпадения и после того, как начала действовать система Ильминского, то уже вовсе не в таких страшных размерах. Да ещё вопрос, осталось ли бы сколько-нибудь крещёных татар к теперешнему времени в христианстве, если бы не существовала система Ильминского. Не нужно забывать и того, что система Ильминского вводилась медленно, с

большими затяжками, встречая немалые затруднения от сопротивления лиц, державшихся старого взгляда на средства инородческого воспитания, именно взгляда, предпочитавшего быструю, без пособия инородческих языков, русификацию инородцев¹². Откуда взяты г. Залесским сведения о 30-ти тысячном количестве отпавших в магометанство по вине системы Ильминского? Так как г. Залесский не указал источника этого весьма важного сообщения, а мы не имели возможности ни опровергнуть этой огульной цифры, ни выделить из неё число крещёных татар, отпавших в магометанство с того времени, когда стала действовать система Ильминского, то оставляем этот упрёк, сделанный системе Ильминского, на совести г. Залесского, чувствуя свою обязанность расследовать это надлежащим образом в ближайшем будущем. Одинаково с положением крещёных татар до введения системы Ильминского было положение и чуваш; следовательно, об упреке системе Ильминского за отпадение и чуваш в магометанство нужно сказать то же, что сказано нами относительно крещёных татар. Затем, если пан-мусульманские веяния и мечты о «Тюркистане» относить к зловерным следствиям системы Ильминского, то почему не относить к следствиям этой системы также и Цусимскую катастрофу и неурядицы в России в последующее за этой катастрофой время? Ведь даже не нужно быть профессором университета, чтобы знать источник и время зарождения панисламистских и пантюркских стремлений.

Теперь касательно «нарождения инородческих литератур.» О каких, собственно, инородческих литературах говорит г. Залесский: о магометанских, или же о литературах крещёных инородцев Поволжья? Если о литературах магометанских, то чем может быть виновна в их возникновении система Ильминского? Если о литературах крещёных инородцев, то, где же эти литературы? Неужели следует считать этими литературами «Образцы народной поэзии Мордвы», выпуск I изд. в 1882 г., действительно изданные за весь 50-летний период деятельности переводческой деятельности г. Ильминского и переводческой комиссии? Ведь не станет же считать г. Залесский «уклонением г. Ильминского и его

последователей от первоначальных задач», поставленных системой Ильминского, издание переводческой комиссией инородческих словарей и грамматик, так как эти книги, ведь, гораздо более нужны для учителей из русских, обучающихся в инородческих школах, чем для учителей инородцев?

Впрочем, после такого жестокого выпада в начале заметки против системы Ильминского, г. Залесский смягчается несколько: «но не будем», говорит он, «слишком суровы и подождём с окончательным суждением». Срок ожидания этого окончательного суждения самый краткий: двое суток, до появления № 5160-го газеты, в котором изложены и прибиты, так сказать, к дверям *инородческой-христианской* церкви обвинительные тезисы реформатора.

Высказав, после краткой истории инородческого образования в Поволжье до появления системы Ильминского и после краткого очерка возникновения последней системы, снисходительно похвалу учёности и прозорливости Ильминского и упомянув о том, что И-ский «до такой степени, всё-таки был уверен в своей системе, что надеялся на обращение в православное христианство татар-магометан и предсказывал, что крещёные татары сыграют в этом великом деле благородную и благотворную роль», – г. Залесский грозно спрашивает: откуда же теперь такое горькое разочарование? Какие причины могли извратить результаты столь по-видимому совершенной системы?» – и сам же даёт ответы на свои вопросы: «причин этих много: давнишние пан-мусульманские стремления татар; склонность наших инородцев тюркского и финского племени к отатариванию; разлагающие либерально-масонские веяния последнего десятилетия, бездействие и слабость государственной власти; и – главным образом, невыдержанность самой системы Ильминского, заметная уже в его собственных воззрениях и доведённая до крайности его преемниками».

Таким образом, в этом вопле г. Залесского досталось, кроме И-го и его преемников, уже «всем сестрам по серьгам» и обществу последнего десятилетия, заражённому масонством и недейственной и слабой государственной властью. Вот что значит:

«не быть слишком суровым и подождать с окончательным суждением!» (Замечательно, что главными виновниками зла г. профессор считает тут И-го и его преемников. Слишком высокая честь для них!). Но, во-первых, существуют ли причины для «горького разочарования?» Горькое разочарование от системы И-ского существует только у тех лиц, которые, не имея и тени той специальной подготовки к деятельности в области инородческого образования, которую они невольно должны признать за Ильминским, способны рекомендовать от себя свои измышлённые, очень энергичные, меры обрусения. Ильминский же вплоть до конца своей жизни не разочаровывался, глубоко верил в плодотворность и, – не лишне прибавить, – честный характер своей системы. И последователи заветам И-ого вовсе не думают разочаровываться.

Во-вторых: «если пан-мусульманские стремления татар» тоже служат причиной извращения результатов «столь по-видимому совершенной системы», то как согласить эти слова г. Залесского с его заявлением в начале заметки, что к «плодам» системы И-го относятся и «пан-мусульманские веяния?» По логике г. З-го одно и то же влияние одновременно может быть и причиной, и следствием для самого себя. В-третьих: у какого это финского племени есть «склонность к отатариванию?»

Православный.

О положении мусульманской женщины

Один башкир-земледелец¹³ Оренбургской губернии и уезда, владеющий русской грамотностью и относящийся вполне сознательно к своему ходатайству, просит русское Правительство:

1) «Обратить внимание на жалкое и грустное положение башкирских женщин и вообще на женский пол мухаммеданства и прийти в помощь им и защиту».

2) «Для этого воспретить многожёнство, как отзывающееся гибельно на женском поле и являющееся позором для российских подданных мусульман».

3) «Обычай многожёнства среди мусульман, особенно среди башкир – по заявлению ходатая – поддерживается исключительно муллами, да жадными к женскому полу – татарами, которые считают это священной обязанностью мусульман, обусловливаемой шариатом, тогда как в Коране говорится так; «берите одну, двух, трёх и четырёх, но предпочтение перед Богом тому, кто будет доволен одной». Коран требует равной любви, что при имени четырёх жён – дело немыслимое».

4) «Разрешение это последовало пророку Мухаммеду в Аравии, во время войны с неверными дикарями, когда после войны осталось много вдов и сирот женского пола без приюта и призрения».

5) «Тогдашний обычай не применим к нашему времени, поэтому известны *тысячи случаев самоубийств женщин, отравления и вообще неестественной смерти*».

6) «Во избавление от подобного несчастья нужно прекратить многожёнство и уравнивать женщину мусульманку в правах с христианской женщиной».

7) «Против этого желательного положения будут заявлены протесты и неудовольствия, но они будут исходить от мулл-многоженников и от татар-многоженников, а не от общей массы мусульман».

При склонности мусульман оправдывать – для вящего успеха в доказательствах – все бытовые стороны жизни кораническими предписаниями о вере, вопрос о положении женщины найдёт несомненно опору в заветах и доктринах Корана. Предвидя поэтому заранее, подобно «башкиру земледельцу», всю силу возражений мусульманских казуистов против раскрепощения женщины, полагаю правильным вникнуть в этот вопрос как с догматической точки зрения, так и со стороны практических велений шариата.

Первой мусульманской женщиной справедливо считать Хадиджу, занимавшуюся и по смерти её двух первых мужей торговыми делами. Ведение этих дел, требовавших поездок с караванами на юг Аравии, она поручала своему приказчику Мухаммеду, который первоначально, по свидетельству историка Мюллера, был погонщиком верблюдов. Физическая красота Мухаммеда и его душевные свойства привлекли к нему сердце Хадиджи, которая, не смотря на своё относительно знатное положение, пренебрегла неудовольствием семьи и вступила в третий брачный союз. По изысканиям Sprenger'a, Хадиджа, выходя замуж за Мухаммеда, имела 38–39 лет, тогда как ему было в эту пору 24–25 лет. Неравенство брака было сглажено несколько тем, что дядя жениха внёс в кассу новобрачных двадцать ок золотом, что равнялась стоимости двадцати верблюдов.

Хадиджа не была расположена впускать в свой дом совместительниц и поэтому Мухаммед оставался в течении всего меккского периода своей жизнедеятельности и пророчества одножёнцем, не посягавшим на заведение гарема. Переселившись в Медину (622 г.), он круто изменил свой образ жизни и, выйдя из-под ферулы¹⁴ Хадиджи, обратился в полигамиста, на что время от времени и получал кораническим путём разрешения Аллаха.

В первый же год гиджры спутницей его жизни очутилась дочь Абу-Бекра, отроковица Айша, занявшая впоследствии первенствующее положение в быстро разросшемся гареме. Айше было около девяти лет и хотя этот малолетний возраст и принят впоследствии мусульманами за нормальный минимум

брачного возраста, тем не менее известно, что Айша долгое ещё время и после замужества играла в куклы и забавлялась детской беготнёй взапуски¹⁵. Следом за брачным союзом с Айшой полигамист Мухаммед обратился к дальнейшим союзам, отчасти ради политических целей, отчасти и ради удовлетворения чувственных увлечений. В 624 г., скрепляя дружбу с Омаром, он взял в жёны его дочь Хавсу, а в следующем году женился на Омм-Саляме. В 626 г. он женился к общему удивлению даже язычников, не стеснявшихся в брачных союзах родственными отношениями, на Зейнабе, с которой, чтобы доставить удовольствие своему покровителю, развёлся усыновлённый им Зейд. В 628 г. он женился на Омм-Хабибе и Суфие, в 629 г. на Маймуне, в 630 г., будучи уже в шестидесятилетнем возрасте, он пополнил свой гарем Фатимой и Асмой. Вообще же известны имена более десяти жён Мухаммеда, в счёт которых не входят конкубины¹⁶, каковы Райхана невеста убитого Хейбарского начальника, Мария Коптянка и др.

Казуистам мусульманства и особенно их верослужителям достаточно этого рода супружеских связей пророка, чтобы утверждать народную массу в понятии о полигамии, как о божественном учреждении и о сопротивлении полигамии, как о враждебном отношении к самой вере истых последователей пророка. В действительности же, брачный институт мусульманства представляется в совершенно ином виде, если только, отбросив казуистику, произросшую на почве одних лишь чувственных вождлений, обратиться к доктринам Корана, освобождённым от случайных наслоений и особенно от фарисейских его истолкований. Из Корана, как божественного откровения и шариата, как законодательного кодекса, доступно установить следующие положения:

I. Полигамия мусульманского мира обязана своим широким развитием как личным склонностям пророка Мухаммеда, так и его политическим расчётам.

II. При всей силе своего обаяния и значения своей власти, Мухаммед был не в силах выдерживать среди своей

семьи душевное равновесие, что и вызывало по временам в его гареме бурные несогласия.

III. Размножение жён отягчило наконец самого Мухаммеда и нарушило его душевный покой.

IV. Закоснелые формы брачных условий мусульманства не в силах противостоят свободолюбивым веяниям нашего времени.

V. Допустив полигамию, Коран отдал в конце концов предпочтение одножёнству, что, однако, не привилось к убеждениям властных и состоятельных классов мусульманства.

Каждое из сих положений доказывается подлинными указаниями Корана, в котором отведено так много страниц субъективным вожделениям и случайностям в жизни пророка.

(Продолжение будет).

Вл. Череванский.

Собрание Царевококшайского миссионерского кружка

(Журнал № 2.).

1909 г. Октября 23 дня члены Царевококшайского Миссионерского Кружка собравшись под председательством местного о. Благочинного, священника А. П. Азановского, в здании Монастырской Царевококшайской школы, приступили, после пения молитвы Духу Святому, обсуждению текущих дел Кружка

1) Заслушав протокол предыдущего заседания Кружка, имели суждение по поводу не сообщения приходскими Кружками ревнителей Православия – Ронгинским, Нурминским и Цибикурским – Царевококшайскому Миссионерскому Кружку никаких сведений как вообще о их миссионерской деятельности, так в частности о случаях отпадения от православия некоторых инородцев местной церкви.

Постановили: подтвердить вновь приходским миссионерским Кружкам ревнителей Православия неукоснительно сообщать Царевококшайскому Миссионерскому Кружку вообще о своей приходской миссионерской деятельности, а также о могущих встретиться затруднениях и недоумениях в деле миссионерского воздействия. В случаях же готовящихся отпадений от православия, или крупных языческих мольбищ, заблаговременно сообщать о том Миссионерскому Кружку для принятия своевременных миссионерских средств, а в случаях экстренно неотложных обращаться за помощью и советом непосредственно к о.о. Миссионерам благочиннического округа. О чём поставить в известность вышеназванные приходские Кружки ревнителей Православия.

2) Слушали отзыв Редакционной Комиссии Кружка о представленном о. Пчелкиным письменном изложении «Домостроительство Божие» (Извлечение из Священной Истории Вет. и Нового Завета). Постановили: так как, по мнению Комиссии, означенное изложение о. Пчелкина отвечает своему назначению, то передать его для перевода на черемисский язык

в переводческую комиссию кружка, а затем представить на одобрение в Совет Братства Св. Гурия в качестве пособия при ведении миссионерских бесед.

3) Имели суждение о выписке листов и брошюр религиозно-нравственного содержания для ведения бесед и бесплатной раздачи их на беседах слушателям и о приобретении волшебного фонаря. Постановили: просить о. Казначая Кружка-Игумена Серафима выписать по своему усмотрению означенных листов и брошюр на сумму до 30 руб., выбрав подходящие брошюры и из местного склада при Царевококшайском Монастыре. По приобретении названных листов и брошюр поручить переводческой комиссии перевести некоторые из них по своему выбору на черемисский язык. При выписке брошюр просить о. Игумена Серафима выписать 100 экзempl. «молитвословов» и «училище благочестия» на черемисском языке. Волшебный же фонарь, стоимостью 28 р. 50 коп. поручить приобрести у священника о. Преображенского.

4) Слушали предложение о. Председателя Кружка, священника Азановского, о желательности выписать издаваемый при братстве Св. Гурия журнал.

Постановили: выписать пять экземпляров «Сотрудник Братства Св. Гурия» журнала для Миссионерского Кружка, двоих о.о. Миссионеров и приходских Кружков ревнителей Православия Ронгинского и Цибикурского.

5) Слушали отношение Братства Св. Гурия от 25 Августа с. г. за № 685 по поводу бывших в дер. Нужъял случаев отпадения от православия и о принятии более широких, соответствующих сему, мер миссионерского воздействия на обывателей названной деревни прихода села Нурмы.

Постановили:

1) в целях религиозно нравственного воздействия на обывателей дер. Нужъял и смежных с ней селений признать желательным и необходимым служение в названной деревне до 6 раз в год молебнов на черемисском языке пред Чудотворным Образом Св. Жен Мироносиц, весьма чтимом населением всего края. На служение молебнов бывший на собрании Игумен Мироносицкой пустыни о. Серафим изъявил своё полное

согласие и готовность. Служение молебнов сопровождать стройным пением нескольких послушников Мироносицкой пустыни, также на черемисском языке; в служении молебнов просить принимать участие, помимо местного причта, одного из миссионеров благочиннического округа, а после молебна вести беседы с бесплатной раздачей слушателям листов и брошюр религиозно нравственного содержания.

Служение таковых же молебнов пред Чудотворным Образом Св. Жен Мироносиц признать необходимым ещё в следующих селениях: Ашьямучаше Цибикурского прихода, Курсоле и Кугенер Ронгинского прихода и Шуашнуре Кузнецовского прихода.

2) Просить члена Круга Е. В. Боровицкую возможно чаще посещать дер. Нужъял для ведения бесед при помощи диакона села Нурмы Петропавловского, как знающего черемисский язык, и сопровождать беседы демонстрацией волшебного фонаря с бесплатной раздачей слушателям листов и брошюр.

3) Просить учительницу Нужъялского земского училища вести по праздничным дням религиозно-нравственные чтения в школе как для детей-учеников, так и взрослых.

4) Перед временем служения молебна просить местного священника заранее оповещать окрестные селения. Время же служения молебнов выбирать по взаимному соглашению о. Игумена, местного причта и о.о. миссионеров благочиннического округа; более желательным днём для служения молебнов признать пятницу, в каковой день черемисы, придерживающиеся языческой старины не работают, особенно же приурочивать служение молебнов к тому времени, когда известно будет собрание черемис для языческих молебн.

6) Имели суждение по поводу желательности открытия в г. Царевококшайске Воскресной школы для взрослых.

Постановили: признавая Воскресную школу для взрослых учреждением весьма полезным, как одно из могучих средств религиозно нравственного воздействия на взрослое население, окончательное решение этого вопроса оставить пока открытым

до всестороннего и детального уяснения всех условий, касающихся открытия и организации Воскресной школы.

Собрание закончилось пением молитвы «Достойно есть».

Свящ. **Ал. Азановский**.

Ещё о языках школьного преподавания

Наши читатели уже осведомлены¹⁷ о том, что «совещание об инородческих школах постановило учредить школы инородческие во всей Европейской России, в Сибири, на Дальнем Востоке и в средней Азии. В качестве инородческих языков, на которых может вестись преподавание, совещание признаёт языки: польский, литовский, немецкий, эстонский, латышский, армянский, грузинский и татарский». Здесь не упоминается ни один из языков Приволжья, каковы: чувашский, черемисский, вотский и др. Как будто и нет народностей, говорящих на этих языках, как будто не было и системы Н. И. Ильминского!

Между тем, по существу дела должны быть упомянуты и эти языки. Возьмём для примера народность чувашскую.

Чуваши живут в губерниях: Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Астраханской, Tobольской, Томской, Енисейской, Пензенской, Нижегородской. Всего их около 1 миллиона.

Количество чувашских школ, учащихся и учащихся представляется в таком виде: *чувашских школ*: двухклассных и второклассных 20, одноклас. 1213, учащихся чуваш 45.150, учащихся 1243. Здесь не включены чуваш, обучающиеся в различных средних и высших учебных заведениях. *Чувашских православных приходов* 600, и в них духовенство, за некоторыми исключениями, руководится системой Н. И. Ильминского. За последние 20 лет среди чуваш возникло 6 монашеских обителей, а именно: 1) в Казанской губ. – 1 муж. мон. в Козмодемьянском у. и 1 жен. монастырь в Ядринском у., 1 женская община при г. Чебоксарах, 2) в Симбирской губ., – 1 жен. община при дер. Сярмвисах и 1 жен. общ. при с. Старых Айбесах, Буинского у. и 3) в Уфимской губ. – 1 жен. община при дер. Бугабаш, Белебейского у. В означенных обителях чуваш 80 м. п. и 250 ж. п.

У чувашей есть и своя письменность и литература. На чувашском языке ежегодно выходит печатных произведений от

10 до 20 названий в нескольких десятках тысяч экземплярах.

В отношении самобытности чувашская поэзия превзошла любую из инородческих и в этом случае чувашаи далеко оставили за собой даже татар-мусульман. Чувашский «такмак» «урожайный год», «поэтические произведения», «мотивы» – не имеют себе равных произведений в татарско-мухаммеданской литературе.

Система Н. И. Ильминского стала применяться к чувашской народности в 1870-х годах. Она сплачивает чувашское население с коренным русским народом внутренними духовными узами и есть единственное орудие против татаризации.

Выкинуть эту систему из чувашской школы, это значит: 1) прекратить начатое умственное и религиозно нравственное развитие чуваш в духе Христовой веры и русского патриотизма и 2) оттолкнуть их от русских на сторону татар-мухаммедан.

За исключением Ядринского, Козмодемьянского и частью Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губ. и Курмышского у. Симбирской губ., чувашаи живут среди некрещёных татар разбросанными селениями, в виде оазисов и, в случае изгнания из школы их системы Н. И. Ильминского, неминуемо должны растаять под сильнейшим и постоянным разрушительным влиянием на них со стороны мусульман, превосходящих чуваш как своей численностью, так и умственным развитием и религиозным фанатизмом.

Сказанное применимо и к другим народностям: черемисам, вотякам и пр.

Учитель **Н. Юркин.**

**№ 38. Сотрудник Братства св. Гурия. 25
июля 1910 года**

О церковной дисциплине

IV.

После того, как мы выяснили необходимость дисциплины для церковной жизни и её укрепления, постараемся указать её пределы.

В этом отношении церковную дисциплину вполне можно сравнить со всем дисциплинарным ветхозаветным законом. Как в ветхом завете вся жизнь подзаконного человека проходила под руководством закона, так и вся жизнь каждого христианина должна подлежать воздействию св. Церкви, вся без исключения находится под воспитательным её контролем. О ветхозаветном законе и его влиянии на жизнь св. Писание говорит так: *«Люби Господа, Бога твоего всем сердцем твоим и всей душой твоей и всеми силами твоими. И да будут слова сии (т. е. Закона Божия), которые Я заповедаю тебе сегодня в сердце твоём, и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая: и навязи их в знак на руку твою, и да будут они повязкой над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих»* (Втор. 6:5–9).

Таков идеал исполнения ветхозаветного закона. – В полную параллель к этому должна быть введена и церковная дисциплина: нужно, чтобы вся внешняя обстановка христианской жизни напоминала христианам о Боге; необходимо, по крайней мере, в идеале представлять церковную жизнь такой, чтобы ничто христиан не отвлекло от Христовой истины. Святой Киприан Карфагенский поэтому и доказывает справедливость того истинно церковного принципа на основании самого свящ. Писания, что нужно как можно более расширить сферу жизни, подлежащую дисциплинированию со стороны церкви и ни в каком случае её не сокращать. «Если в свящ. Писании, – рассуждает св. Киприан, – часто и повсюду приписывается дисциплина, и если соблюдение установленного есть как бы основание религии и веры, то чего наиболее прилично нам желать, и чего держаться, как не того, чтобы стоять твёрдо против искушений и смущений мира и достигнуть

даров Божиих через соблюдение божественных заповедей». (Кипарисов; о церк. дисциплин. с. 23). Св. Киприан даже одежду христиан желает подчинить церковной дисциплине и при том ссылается на апостола Павла, который устанавливал порядки даже и в этой незначительной области, вследствие своей незначительности, по-видимому, подлежащей полной свободе; даже и здесь, по мнению Киприана, христиане должны руководиться «церковной дисциплиной во всей её божественной благодати». Поэтому же в частном христианском быту св. Киприан считал требованиями дисциплины такие предметы: не брить бороду, вставать на ноги, когда идёт пресвитер: та или другая одежда женщин считалась также подлежащей церковным взглядам, почиталась соответствующей или не соответствующей церковной дисциплине (Ibid).

У Тертуллиана упоминается дисциплина единобрачия, дисциплина покрывала; – кроме того, дисциплина молитвы и дисциплина священства; вообще Церковь, по Тертуллиану, требует дисциплины и в малом, и в великом. Перечисляя ряд чисто литургических актов и обычаев, как то: молитва за усопших, непреклонение колен в день воскресный, празднование дней мучеников, Тертуллиан называет всё это дисциплиной. (Ibid).

* * *

Совершенно такие же взгляды на церковную дисциплину мы находим и в одном из древнейших памятников церковных: «Постановления апостольские». Если кто-нибудь решится прочитать этот замечательный памятник древности, то может убедиться, до какой степени некогда христиане высоко ставили церковную дисциплину и насколько высоко было воспитательное её значение. Можно без всякого преувеличения сказать, что без исключения вся жизнь была под водительством Церкви, всё в жизни христиан напоминало им об их обязанностях и всё в их жизни было связано взаимной любовью и Божиим благословением через епископа.

Вообще принципом дисциплины церковной почитается в «Постановлениях апостольских» такое правило: всячески старайся делать любезное Богу и, вспоминая изречения

Христовы, непрестанно поучайся, ибо Писание говорит тебе: в законе Его поучишься день и ночь, ходя в поле и сидя в дому, лежа и вставая, да смыслити во всех, яже твориши. (Нав. 1:7–8; Втор. 6:7).

Сообразно с этим «Пост. Апост.» указывают порядок жизни христианина с раннего утра и до вечера: указывают на самые мелкие подробности жизни и вставляют её, так сказать, в церковные рамки.

Делаем выписку наиболее характерных указаний на развитие церковной дисциплины, в то время и на ту простоту жизни и искренность, с которыми христиане отдавали себя в церковное обучение и воспитание.

1. *О молитве.* Всякий верующий или верующая, встав по утру от сна, прежде нежели начнёт дело, пусть умоется и помолится: «а если будет какое слово поучения, то слово благочестия да предпочтёт делу.» – «Молитвы совершайте вы утром, и в третьем часу, и в шестом, и в девятом, и вечером, и в петлоглашение¹⁸: утром, благодаря, что Господь осветил вас, проведши ночь и наведши день; в третьем часу потому, что тогда Господь принял осуждение от Пилата; в шестом потому, что Он был тогда распят; в девятом потому, что когда распинали Владыку, все поколебалось, трепеща дерзости нечестивых иудеев, не терпя поругания Господа: вечером – благодаря, что Он дал нам ночь для упокоения от дневных трудов; в петлоглашении потому, что время это благовествует приход дня для делания дел света».

2. *О внешности христиан* и предел заботы их об этом. – Красоты, данной тебе от природы Богом, не разукрашивай, но смиренно-мудренно умеряй её пред людьми... Носи только то, что потребует степенность и нужда. И золотого перстня не надевай ты на пальцы свои. Всё это – признаки распущенной жизни... Если хочешь нравиться Богу, то воздерживайся ото всего, что ненавидит Он и не делай ничего, что не нравится Ему.

3. *Наставления женщинам.* Лица, данного тебе Богом, не расписывай; ибо в тебе ничего нет такого, что нуждалось бы в украшении, потому что всё, что только создал Бог, весьма

хорошо (Быт. 1:31), а безмерное украшение хорошего бесчестит дар художника. Путь свой совершай, смотря вниз, с покрытой головой, как прилично женщинам.

4. О суде. Прекрасная похвала христианину ни с кем не иметь дел; а если бы по чьему возбуждению или искушению случилось у кого дело, то пусть постарается прекратить его, хотя бы и надлежало понести от этого какой-либо урон и да не идёт христианин на судище неверных (язычников). И вы не терпите, чтобы о вас судили начальники мирские, ибо через них диавол причиняет рабам Божиим укоризну, будто мы (христиане) не имеем ни одного мудрого, который мог бы рассудить враждующих или разрешать тяжбы.

Мы сейчас привели всего несколько отрывков из «Постан. Апостольских»; но и они достаточно указывают, что у христиан должно быть всё без исключения благообразно и по церковному чину, чтобы во всех отношениях христианская жизнь была образцовой.

Церковник.

Источники Ислама

III глава

(Продолжение¹⁹).

III. Прибытие царицы Савской к Соломону.

История Белькис, царицы Савы, пространно рассказанная в Коране, так близко соответствует тому, что мы находим в II Таргуме²⁰ книги Есфирь, что она очевидно взята оттуда, будучи услышана Магометом из какого-нибудь еврейского источника. Дальнейшее приводится из Суры (27):

17. Некогда собралось к Соломону войско его из гениев, людей и птиц, разделённое на свои отряды. 18. Вот, когда они пришли на долину муравьёв, тогда один муравей сказал: муравьи! войдите в жилища свои: Соломон и войска его не передавили бы вас... 19. Тогда он улыбнулся... он сказал: Господи! внуши мне... делать доброе, благоугодное Тебе! введи меня в милость Твою, какая у Тебя к добродетельным рабам Твоим.

20. Он делал смотр птицам, и сказал: что это я не вижу здесь (гюдгюд) потатую²¹? Или он в числе отлетевших? 21. Я накажу его жестоким наказанием: или велю зарезать его, или пусть представит он мне достаточное оправдание. 22. Он замедлил ненадолго; и сказал: я узнал, чего ты не знал доселе: я прилетел к тебе из Савы с верным известием. 23. Я нашёл женщину, царствующую над ними; она наделена всякими вещами; и есть у неё великий престол. 24. Я нашёл, что она и народ её поклоняются, кроме Бога, солнцу. Сатана представляет им дела их прекрасными; он отклонил их от пути сего; и они прямой стезёй не ходят: 25. не поклоняются Богу, который выводит сокровище в небесах и в земле, знает и то, что таите, и то, что обнаруживаете. 26. Бог... кроме Его нет никого достойного поклонения: Он Господь великого престола. 27. Он (Соломон) сказал: посмотрим, правду ли ты сказал, или ты один из лжецов. 28. Отнеси это письмо моё, доставь его им и потом возвратись от них. Смотри, что ответят они. 29. Она (царица Савы) сказала: Сановники! мне доставлено важное письмо: 30. «От Соломона. Во имя Бога, милостивого, милосердного. 31. Не восставайте против меня; но приходите ко мне, будучи покорными». 32. Она сказала: сановники! дайте своё мнение в

моём деле; я не решусь ни на что, доколе вы не присудите чего-либо. 33. Они сказали: мы могущи силами, грозны крепким мужеством, но распоряжение в твоей власти: так смотри, что ты должна приказать нам. 34. Она сказала: когда цари входят в какой-нибудь город, то разоряют его, а сановных из его жителей делают ничтожными. Так поступают они. 35. Я пошлю к ним дары, и посмотрю, с чем возвратятся посланные. 36. Когда пришёл он (посол царицы) к Соломону, тогда он (Соломон) сказал: уже не хотите ли помочь мне каким-либо имуществом? То, что дал Бог мне, лучше того, что дал Он вам. Да, этими дарами только вы можете утешаться. 37. Возвратитесь к ним; мы приведём на них войско, им не устоять против него; мы изгоним их оттуда униженными, и они будут ничтожны. 38. Он сказал: вельможи! кто из вас принесёт сюда престол её прежде, нежели придут они ко мне покорными? 39. Гыфрит, один из гениев, сказал: я принесу его к тебе прежде, нежели встанешь ты с места своего; для этого я силён, верен. 40. Тот, у которого было знание Писания, сказал: я принесу его к тебе прежде, чем повторится у тебя миг очей. И когда он увидел его стоящим пред ним, то сказал: это одна из милостей Господа моего, чтобы испытать меня, благодарен ли я буду, или буду непризнателен. Кто благодарен, тот благодарен в пользу души, своей: а кто непризнателен, тот... Господь мой богат, щедр. 41. Он сказал; сделайте, чтобы она не узнала престола своего; посмотрим, по прямому ли пути идёт она, или она одна из тех, которые не ходят по прямому пути. 42. А когда она пришла, ей было сказано: это не твой ли престол? Она сказала: как будто он. Нам даровано познание прежде неё, и мы покорны Богу. 43. её не допускало к этому то, чему, oprичь Бога, поклонялась она; потому что она была из народа неверного. 44. Ей было сказано: войди в этот дворец. Когда увидела она его, то почла его водоёмом, и открыла свои голени. Он (Соломон) сказал: это дворец, устланный хрустальными пластинками. 45. Она сказала: Господи! я делала зло себе самой: теперь вместе с Соломоном покоряюсь Богу, Господу миров.

Таковы сообщения Корана о царице Савской. То, что здесь говорится об её престоле, только немногим разнится от

Таргума, где сказано, что он принадлежал Соломону и не имел подобного в иной стране. К нему вело шесть ступеней из золота, с двенадцатью золотыми львами на каждой, а двенадцать золотых орлов было расположено вокруг. Двадцать – четыре других орла бросали сверху тень на царя и, когда он хотел куда-нибудь перенестись, эти могучие орлы спускались и подымали престол и переносили его, куда бы царь ни пожелал. Таким образом они исполняли согласно Таргуму ту же обязанность, которую, говорит Коран, несли гении. В остальном, по отношению к царице Савской, её посещению Соломона, письма, которое он послал ей и пр., имеется удивительное сходство между обоими свидетельствами, правда, кроме того, что вместо потатую Корана, Таргум говорит о тетереве – эта разница в самом деле не очень существенна! Вся эта история рассказывается в Таргуме так:

Однажды, когда сердце Соломона возвеселилось вином, он отдал приказ зверям полевым, птицам воздушным, пресмыкающимся по земле демонам вверху и гениям, чтобы они пришли и плясали вокруг него, так чтобы все цари, собравшиеся почтить его, могли созерцать его величие. И все царские писцы возглашали имена перед ним; действительно все оказались на лицо, кроме пленников и заключённых и тех, кто сторожили их. Как раз в это время развлекавшийся чем-то тетерев не мог быть найден; и царь Соломон сказал, чтобы схватили его и привели силой, и истинно он искал убить его. Но тут тетерев предстал перед царём и сказал: О повелитель, царь земли! приложи ухо твоё, услыши слова мои. Всего только три месяца, как я принял твёрдое решение в самом себе, что я не вкушу крошки хлеба и не буду пить капли воды, пока не увижу всю землю и не совершу через неё свой полёт, ибо я сказал себе: я должен узнать город и царство, которые не подвластны тебе, мой Господин и Царь. Тогда я нашёл укреплённый град Китор в странах востока, и вокруг него камни из золота и серебра на дорогах его, во множестве, как хлам, и деревья, посаженные от начала мира, и реки орошающие его, текущие из райских садов. Там много людей, украшенных венками из близкого сада. Они мечут стрелы, но не могут пользоваться

луком. Ими управляет женщина, называемая царицей Савы. Если же угодно будет повелителю-царю моему, раб твой, опоясавшись, выступит к укреплениям Китора в Саве; и «сковав царей их цепями и сановников их железными обручами» приведёт их пред твоё присутствие. – Это предложение понравилось царю, и писцы приготовили послание, которое было положено под крыло птицы, и она отлетела высоко в небо. Там она усилилась окружившей её стаей птиц и достигла крепости Савы. Случайно царица Савская удалилась с утра для поклонения морю; и так как воздух был затемнён множеством птиц, она пришла в такое смятение, что разодрала одежды от страха и ужаса. Тогда-то тетерев спустился подле неё, и она увидела письмо под крылом его, вскрыла письмо и прочла, что гласит далее: «Царь Соломон шлёт к тебе свой привет и говорит: Вышний и Святой поставил меня над зверями полей, и пр.; и цари четырёх стран земли посылают узнать о моём благоденствии. Если захочешь ты прийти и узнать о моём благоденствии, я поставлю тебя высоко над всеми ими. А если не пожелаешь ты, я пошлю войска и царей против тебя; – звери полей – народ мой, и птицы воздушные – всадники мои, и демоны и гении враги твои, – чтобы схватить тебя и убить, и кормиться тобою». Когда услышала это царица Савская, она снова разодрала одежду свою и, послав за своими сановниками, спросила их совета. Они не ведали Соломона, но посоветовали ей послать корабли морем, наполнив их богатыми украшениями и драгоценностями, вместе с 6000 юношей и девушек в пурпурных одеждах которые все были рождены в один и тот же миг; а также послать письмо, обещающее идти посетить его в конце года. Это был путь на семь лет, но она обещала быть в три. К тому времени, как она наконец явилась, Соломон послал встретить её вестника, сверкавшего, в блистающем покрове, подобно утренней росе. Когда они сошлись, она спустилась со своей колесницы. «Зачем делаешь ты это?» – спросил он. «Разве же ты не Соломон?» – сказала она. «Нет, я только слуга его, который предстоит пред ним». Царица немедля обратилась с притчей к своим спутникам в похвалу ему и затем была введена им ко двору. Услышав, что

она пришла, Соломон встал и воссел в хрустальном дворце. Когда царица Савская увидела его, она приняла стеклянные плиты за воду, и проходя через них, подымала свои одежды. Тогда Соломон усмотрел волосы на ногах её и воскликнул: красота твоя есть краса жены, а волосы твои, как волосы мужей; власы хороши для мужей и не идут для жён. На это она сказала: Господин мой, я имею спросить тебя три загадки. Если ты сможешь ответить на них, я буду знать, что ты человек мудрый; если же нет, то ты подобен всем окружающим тебя. Когда он разрешил все три загадки, она возразила в удивлении: Благословен Господь Бог твой, Который поставил тебя на престоле, чтобы ты мог управлять по праву и справедливости. И она дала Соломону много золота и серебра; и он давал ей, что бы она ни возжелала.

Мы видим, что, по еврейскому сообщению, царица Савская дала Соломону разрешить несколько загадок; хотя это не упоминается в Коране, но также имеется в мусульманском предании. Тоже самое и относительно рассказа о ногах её: так в Араишаль-Маджалис мы находим следующее: – Когда Царица была готова войти во дворец, она приняла стеклянный пол за водяную поверхность и *обнажила свои голени*, чтобы перейти к Соломону; и вот голени и ступни её были покрыты власами; увидев это, Соломон отвратил взгляд свой от неё и воскликнул: пол просто стеклянный.

Здесь мы бы спросили: есть ли вообще что-либо действительное во всей этой истории? На самом деле, есть на столько, сколько находится в 3 книге Царств 10, 1–11²², а именно.

Царица Савская, услышавши о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством; верблюды навьючены *были* благовониями и великим множеством золота, и драгоценными камнями, и пришла к Соломону и беседовала с ним, обо всём, что было у неё на сердце. И объяснил ей Соломон все слова её, и не было ничего незнакомого царю, чего бы он не изъяснил ей. И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил, и пищу за столом его, и

жилище рабов его, и стройность слуг его и одежду их, и виночерпиев его, и всесожжения его, которые он приносил в храме Господнем. И не могла она более удержаться и сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей: но я не верила словам, доколе не пришла, и не увидели глаза мои: и вот, мне и в половину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала. Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои, которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудрость твою. Да будет благословен Господь Бог твой, Который благоволил посадить тебя на престол Израилев! Господь, по вечной любви Своей к Израилю, поставил тебя царём – творить суд и правду. И подарила она царю сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний, и драгоценные камни: никогда ещё не приходило такого множества благовоний, какое подарила царица Савская царю Соломону. – Таковы только факты посещения царицы, лежащие вне области вымысла. Сами евреи соглашались, что это так, исключая, правда, великолепный престол Соломона, но не его поднятие. Повествование Корана о владычестве Соломона над демонами, гениями и пр. находится в полном согласии с тем, что мы привели из Таргума; и интересно узнать, что как говорят учёные евреи, источник этого понятия заключался в сходстве двух еврейских слов с двумя родственными словами, означающими *демоны* и *гении*; смешение их невежественным толковником повело к этому странному заблуждению.

Заканчивая нашу заметку о сказочном случае, который мы привели из еврейского Таргума, мы могли бы сказать, что он напоминает один из подобных рассказов, находимых нами в «Тысяче и одной ночи». Но странно, что пророк не взглянул на это таким же образом. Услышав его от своих еврейских друзей, он очевидно вообразил, что рассказ был прочитан ими в их богодухновенных Писаниях, и как таковой ввёл его, как мы его теперь находим, в Коран.

Происхождение мусульманского многожёнства

(По первому положению).

II.

По обращении Мухаммеда в полигамиста, Коран выделил его из зауряд человечества и предоставил ему по части женолюбия многое, что воспретил мужчинам общего порядка. Стих 49 суры 33 разрешил Мухаммеду неограниченное число жён, без стеснения в степенях родства и это в виде особой привилегии пророка, на которую не должны были посягать его последователи. – «Пророк!²³ Мы разрешили тебе брать в супруги тех, которым дашь ты брачные дары; невольниц, какими владеет рука твоя из той добычи, какую доставил тебе Бог; дочерей дядей твоих и дочерей тёток твоих по отцу; дочерей дядей твоих и дочерей тёток твоих по матери; тех, которые вместе с тобою переселились сюда и всякую верующую женщину, если она отдаст себя Пророку и если Пророк захочет жениться на ней; это твоё особенное право, а не всех верующих».

В эпоху Мухаммеда арабы осудили уже многие из своих прежних обычаев и считали непозволительным делом женитьбу сыновей на родных матерях или женитьбу отцов на родных дочерях. Пророк однако увлёкся Зейнабой до того, что вступил с ней в брачный союз, хотя она, будучи замужем за усыновлённым им Зейдом, считалась его дочерью. – «Ведь Зейда мы звали не сыном Хариса, а сыном Мухаммеда; как же он взял жену его?» спрашивали смущённые мединцы. Коран ответил на этот вопрос ст. 36–40 суры XXXIII, в которых значится, что если Бог и Его посланник решили «это дело», тогда женщине осталось только повиноваться их решению. Для того-же, чтобы унять народные толки, Коран разрешил попутно не называть усыновлённых – детьми усыновителей, чем и разрешалась женитьба на разведённых супругах усыновлённых лиц.

Однако размножение гаремного персонала привело и самого Мухаммеда в затруднительное положение. Поступление

в его гарем было очень лестно для аравитянки, которая могла рассчитывать на лучшее помещение сравнительно с её дырявым шатром или глинобитной саклей и на наряды, которым, как свидетельствует Коран, женский пол и того времени придавал высокую цену. Вероятно, навязчивость в жёны пророка, величие которого отражалось и на приближенных к нему лицах, дошла до той степени, когда, уже потребовалось издание закона. – «На будущее время тебе не позволено брать других жён, ни менять их на других, когда даже тебя обворожит их красота, исключая невольниц, которых приобретать ты можешь». Во время издания в Медине этого 52 ст. XXXIII суры, у Мухаммеда было девять жён, не считая конкубин – невольниц. По изъяснениям толковников комплект из девяти жён мог быть пополняем только при убыли по случаю смерти или развода. Настоящему примеру последовали имамы, как преемники Мухаммеда.

Справедливость требует отметить, что ни одно женолюбие побуждало Мухаммеда сформировать возле себя женский рассадник, побудительными к тому поводами служили и более высокие побуждения. По обычаям времени и страны все захваченные в плен женщины считались невольницами, т. е. теми, «кем овладела рука» победителя. Участь их была тяжела и вот, ведя непрерывные войны с язычниками, Мухаммед нашёл для военных пленниц гуманный исход отчасти в многожёнстве, отчасти в форменном конкубинате, который, не считаясь простым делом любодеяния, занял в мусульманстве низшую ступень брачных союзов. Понятно, что эти поводы к полигамии, оправдываемые правами VII ст., должны бы при движении и усовершенствовании культа утратить смысл и значение в XX веке, когда полигамия представляется уже уродливым явлением в культурной сфере священных основ семейного права.

Вл. Череванский.

Из истории применения системы Н. И. Ильминского на Кавказе

Светлая идея Н. И. Ильминского нашла своё место не в одной только восточной России. Семя его доброго христианско-просветительного слова принесло свой плод и на далёкой Кавказской окраине. И здесь засияли лучи его воспитывающего слова, заглянув за наши русские Альпы, обогрев души многих и многих насельников ущелий и скатов гор дикого Кавказа.

Вот имеющаяся предо мной небольшая историческая справка, относящаяся к весьма любопытному и, кажется, ещё незатронутому вопросу о влиянии системы Н. И. Ильминского на дело христианского просвещения кавказских инородцев.

В 1894 и 1895 г.г. на миссионерском поприще в Закатальском округе, входящем в состав Грузинской епархии, подвизался миссионер свящ. о. Тарасий Иваницкий, много принёсший пользы делу просвещения инородцев в Закавказье, обративший не мало язычников в лоно христианской церкви и сослуживший свою многополезную и плодотворную службу Обществу восстановления православного христианства на Кавказе по части утверждения в христианстве новообращённых язычников и мусульман. Согласно его представлению, совет упомянутого Общества вполне согласился с мыслью о. Иваницкого, в интересах соединения некрещёных ингилойцев²⁴ с крещёными в единое стадо Христово, открыть в Закатальском округе школу среди иноверцев и воспитывать в ней детей таким методом, чтобы они постепенно проникались христианскими идеями, но так, чтобы против лжеверия их ничего не было упоминаемо в книгах, предназначенных для школы; дать ингилойцам учителя из их сородичей или из другой национальности, но владеющего родным для них языком; для обучения инородческих детей русскому языку и вообще введения среди ингилойцев русской культуры составить на понятном им родном языке букварь русскими буквами²⁵; издать кроме букваря и другие книги педагогического и церковно-богослужебного содержания, напечатанные также русскими

буквами; для приготовления полезных деятелей среди крещёных и некрещёных инородцев (а не только одних ингилойцев) и для расположения последних к христианству учредить центральную миссионерскую школу.

В своей миссионерской деятельности по отношению к мусульманам Закатальского округа о. Т. Иваницкий, по отчёту Совета Общества за вышеуказанные годы, «следовал гуманной, мирной, надёжной и основательной системе просвещения инородцев Н. И. Ильминского»²⁶. С этой целью о. Иваницкий прежде всего составил букварь для Кавказских татар, говорящих на турецко-азербайджанском языке с русской транскрипцией. В первой половине 1895 года инородческий отдел букваря был уже отпечатан Казанской переводческой комиссией Московского миссионерского общества, а русский отдел его, составленный о. Иваницким, был передан г. Н. Бобровникову для напечатания его. Кроме букваря о. Иваницкий составил в двух книжках «Первоначальный учебник для Кавказских татар». В 1897 г. букварь был отпечатан; «Первоначальный учебник», по пересмотре его кандидатом на священническое место в Белоканском ингилойско-христианском селении, воспитанником Казанской инородческой семинарии Парфёновым, был также отпечатан Переводческой Комиссией Миссионерского Общества и в 1897 г. вместе с «Букварём» был распространён в школах Закатальского округа, находившихся в ведении о. Иваницкого.

В добавление к настоящей краткой заметке считаю долгом упомянуть, что о. Иваницкий состоял в переписке с Н. И. Ильминским, рекомендовавшим²⁷ о. Иваницкому «не вести с мусульманами противомусульманской открытой полемики, так как эта полемика может лишь повредить делу, возбуждая в последователях Магомета фанатизм, а отсюда даже вражду и ненависть к христианству».

Ввиду истекшего 9 июня с. г. пятидесятилетия Общества восстановления православного христианства на Кавказе, не мало руководившегося в своей просветительной деятельности системой Н. И. Ильминского, было бы весьма желательно проследить историю применения на Кавказе идей почившего

просветителя инородцев во всей её полноте и последовательности, выпустив в свет эту историю особым изданием. Такое издание, полагаю, было бы достойным кавказским венком на могилу незабвенного Н. И-ча, этого бесспорно крупного, исторического деятеля нашей Церкви и родины.

Грузинский Епарх. миссионер **Д. ПЛАТОНОВ.**

Черемисское воззвание

За последнее время черемисы-язычники и придерживающиеся языческого обычая и обряда, стараются восстановить умирающее язычество среди своих сородичей. С этой целью они посылают воззвания во все черемисские края к ворожеям и картам (старикам-сновидцам). Последние, пользуясь популярностью среди своих сородичей-поселян и читая эти воззвания, привлекают к язычеству не вполне утвердившихся православных христиан-черемис, которые вместе с картами и ворожеями отправляются на место языческого жертвоприношения, где и принимают в нём участие. Одно из таких воззваний гласит так: «Светом, Милостивому и Основателю света, Создателю хлеба, Создателю детей света, Создателю мёда, скота и птиц для жертвы и нам для жизни, Дающему нам здоровье и силу, Создателю богов и людей, Создателю белого и светлого солнца, Создателю матери природы, подателю прибыли и подателю всего того, что нам нужно для жизни». «Соберитесь все молиться этому Богу с жертвами!» «Передать всем!»

Приведённое воззвание послано из деревни Семи-Сола Тор-Яльской волости, Уржумского уезда, Вятской губернии, к черемисам-картам и ворожеям Царевококшаиского уезда, Казанской губернии. (Послано 20-го июля 1909 г.).

После этого воззвания в скором времени состоялось языческое моление с жертвоприношениями, а именно: двадцать седьмого августа 1909 г., в нём участвовало около шести сот человек. При таком стечении народа жертвы достигают крупных сумм; к этому народ готовят ворожеи и карты. Как только они получают воззвания, тотчас же начинают ходить из дома в дом; объясняя своим единоплеменникам, что нужно приносить Богу жертвы. Также посещают и другие соседние деревни. Обладая красноречием и ловкостью на родном понятном языке, они начинают грозить своим единоплеменникам, говоря, что за их уклонение от жертвоприношений и за оставление других языческих обрядов и обычаев, Бог пошлёт несчастья

общественные и частные: неурожаи, болезни и т. д. Кроме того, эти ворожеи и карты являются при разных несчастных случаях советниками и руководителями; очень часто, только из-за этого единоплеменники слушаются и исполняют их просьбу и угрозы. Мужик даёт обещание принести в жертву, что только может, некоторые через этих ворожей и карт беднеют до нищенства; они исполняют, боясь смерти и несчастья.

На упомянутом молении более половины составляли черемисы православного вероисповедования. Но, по истине сказать, они числятся православными только по церковным документам. На месте жертвоприношений жрецы, сновидцы, ворожеи, знахари и шептуны, состоя в великом почтении, внушают своим единоплеменникам, что нужно приносить богам жертвы общественные и частные. Объясняют, кто и как должен поступать при жертвоприношениях. Усиленно увещевают, что если черемисы оставят Авраамову веру, как черемисы называют свою веру, тогда постигнут их несчастья. Почему и просят своих сородичей не оставить свою веру.

На молении черемисы собираются вёрст за сто и более.

Воззвания рассылаются от одного до трёх раз в год.

Священник **И. Николаев**.

**№ 39. Сотрудник Братства св. Гурия. 1
августа 1910 года**

Великая Княгиня на службе святой миссии

Нет никакого сомнения, что мы переживаем сейчас один из самых значительных периодов истории русской церкви. Никогда Святое православие не терпело столько нападков отовсюду, как ныне, и никогда злейшие враги Христова Евангелия ранее не осмеливались так нагло, кощунственно издеваться над нашими святынями, под сенью которых выросла и окрепла Русь Православная.

И с другой стороны, сами православные русские люди так растеряли духовные свои силы, так ослабели нравственно, что совсем не считают для себя обязательным защищать святую Церковь. Конечно, в этом повинны и те исторические условия, среди которых выросли два–три последние русские поколения, но во всяком случае мы все виноваты пред святой Церковью, что отошли от её жизни, перестали подражать святым заветам родной старины, устроили жизнь общественную вне указаний Церкви...

И среди этой полумёртвой тишины в нашей церковной жизни вдруг разразился над жизнью Церкви шквал в виде двух манифестов о веротерпимости: 17 апреля и 17 октября 1905 года! Русские люди, не привыкшие к самостоятельности, не знающие достаточно своих врагов и врагов православия, во всём привыкшие только исполнять приказания начальства, – русские люди растерялись...

Начались отпадения от Церкви. И даже духовенство не отдавало себе отчёта во всём, что вокруг него совершается! Даже духовенство причину всех отпадений от православной Церкви видело только в том, что «начальство де своим делом не занимается и Церковь не защищает». А многие «миссионеры» закон о веротерпимости истолковали, как распоряжение начальства о прекращении их деятельности; «если все веры разрешены, значит, нам нечего делать», таков был взгляд некоторых «миссионеров» на своё апостольское служение и на его значение в Церкви...

Закон о свободе вероисповедания приняли с радостью только все иноверные и инославные вероисповедания. Они поняли его, как свободу прежде всего пропаганды, проповеди своего учения. Иначе эта свобода вероисповедания и не может быть понята, – в этой свободе пропаганды и заключается и весь смысл, и вся жизнь всякого вероисповедания.

И только православные и доселе пребывают в полной апатии, в полном непонимании своих обязанностей по отношению к Церкви и совершенно не умеют и не желают воспользоваться законом о свободе вероисповедания.

А этот закон обозначает настоятельное требование жизни, чтобы все православные люди по мере сил и средств духовных и материальных служили святой Церкви.

Свобода вероисповедания – это непрестанный труд верующих на пользу своего вероисповедания.

* * *

И ничто, никакие рассуждения нас не могут подвигнуть на это служение сильнее, чем добрый пример какой-либо святой души, преданной святому православию.

На великую нашу радость мы имеем ныне такой великий пример, светлым лучом прорезывающий нашу мрачную жизнь. Мы говорим о путешествии на богомолье в беднейший черемисский Николо-Березовский (на Каме) монастырь её Императорского Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

Великая Княгиня посетила бедных несчастных инородцев, Сама познакомилась со всей нищетой их жизненной обстановки. Сама Великая Княгиня изволила осмотреть несчастные школы инородцев (80–100 руб. – годовое содержание школы). И весь этот подвиг Великая Княгиня, – известная всей России христианка-подвижница, завершила трёхдневной молитвой пред Чудотворным образом Святителя Николая, который Сама изволила в страшный зной (до 40 град.) нести среди собравшихся инородцев, за всех них воссылая Господу Свои праведные молитвы..

Вот подвиг любви! Вот пример для всеобщего подражания! Вот то, чего так мало в нашей жизни, – *подвиг служения св.*

Матери нашей – Церкви Православной, вот то, чем св. Церковь может быть сильной и славной.

Но этот подвиг завершён ныне ещё телеграммой её Высочества на имя преосв. Нафанаила, Епископа Уфимского, сегодня (20 июля) отпечатанной в казанских газетах: телеграмма такова:

Покидая вашу Епархию, уношу в душе отпечаток глубокой радости, благодаря молитвенному соединению с вами и вверенной Вашему Преосвященству паствой. Никогда не забуду так мало заслуженного счастья нести Чудотворную Икону небесного покровителя Уфимского края. Дай Бог, чтобы молитвами Святителя Николая Я могла хоть немного принести пользы вашему святому делу миссионерства. Ещё раз примите и передайте вашим сослужителям и сотрудникам Мою искреннюю благодарность. Поручаю себя вашим святым молитвам.

Елисавета.

Итак, Великая Княгиня призывает помощь Божию на её служение святой миссии! Итак мы, инородческие миссионеры, не знающие сочувствия общества, не привыкшие ко вниманию сильных мира сего, мы имеем счастье знать, что и наших инородцев, и нашу миссию изволила осчастливить Своим высоким вниманием боголюбивая Великая Княгиня, Елисавета Феодоровна. «Господи! Благодарим Тебя за эту радость!» – вот что воскликнет всякий убогий служитель миссии и крещёный татарин, и черемис, и вотяк! А весь инородческий мир?! А все эти чада Церкви Православной, ещё немощные в вере, ещё колеблющиеся в доверии своём к русскому народу, но детски чистые сердцем и жаждущие любви и ласки своих просветителей, – все они могут возблагодарить Великую Княгиню за её внимание к ним только слезами благодарности и своей наивной, но, несомненно, чистосердечной и угодной Богу молитвой о своей новой Покровительнице Великой Княгине Елисавете Феодоровне. – У православных инородцев имеются свои помянники, в которых записаны имена их просветителей и покровителей. Эти немногие имена – святыня наших инородцев... Пусть же к этим именам, написанным чистой

любовью и молитвой, прибавится это новое святое имя русской подвижницы XX века, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Пусть это светлое имя одушевит всех православных инородцев в их борьбе за святое православие и пусть объединит их в одну российскую тесную христианскую семью.

Инородческий миссионер.

Рост органической миссии в казанской епархии

Давно уже заметна полная необходимость народной, так называемой, органической миссии. Давно люди, следящие за жизнью, видят, что с одними миссионерскими наездами ничего прочного, никаких глубоких, в собственном смысле церковных улучшений достичь невозможно. Эти разъезды господ миссионеров, эта миссионерская авиация может только более или менее не благовременно, с пропуском самого дорогого времени, указать где-либо церковное неблагополучие, раскрыть церковные непорядки, но исцелить болезнь церковную, напр. пресечь или развитие сект или в другой форме отклонение от Церкви, эти миссионеры-авиаторы не могут.

Это доказывают последние 40–50 лет истории нашей церкви. Миссионеры в большинстве случаев – люди с высшим образованием, тогда как их противники – это начётчики, почти понятия не имеющие о систематическом образовании. На всех логомахийных²⁸ состязаниях наши «миссионеры» – всегда победители, а секты растут, как грибы; отпадения от Церкви не только не уменьшаются, но увеличиваются. Ясно, что одного словопрения, одних ловких «миссионерских» приёмов красноречия для жизни церковной мало, – нужны большие церковные реформы, нужны добрые примеры жизни, а не только красивые фразы.

Не смотря на очевидность этой истины, находятся противники развития этой народной миссии и защитники старой формы её с разъездными миссионерами.

Эти же противники органической народной миссии являются в то же время и защитниками централизации миссии в Петербурге, в будущем миссионерском департаменте. Это – не очень хорошее предзнаменование для этого учреждения...

Но, как бы то ни было, мысль об изменении всего характера нашей миссии начинает осуществляться, – сама жизнь этого настойчиво требует; и народная миссия во многих местах уже начала принимать вполне реальные формы. А вместе с этой

миссией начинает проявлять себя и сама Церковь, как общество верующих. Начинает формироваться это общество церковное.

* * *

Нынешнее лето ознаменовано для Казанской миссии двумя крупными событиями из местной церковной жизни; имею в виду основание уездных отделов Братства Святителя Гурия в г.г. Мамадыше и Чистополе. Первый из этих отделов основан Его Высокопреосвященством, самим Владыкой, Архиепископом Казанским Никанором; и это, – несомненно, – целое событие в истории Казанской миссии. Действительно, те люди, которые в недалёком прошлом считали церковное дело, – только «поповским» занятием, – они становятся живыми участниками в этом деле. Там, где вовсе не было даже понимания задач церковных, где на христианское «просвещение» смотрели только со снисходительным пренебрежением, – там ныне строится уже сама церковная жизнь, там по милости Божией создается ныне великое дело просвещения светом Христова учения тех, кто лишён ещё этого света.

Воистину мы живём на заре новой церковной жизни! И великая ответственность лежит ныне на всех православных христианах, потому что будущее в церковной жизни зависит исключительно только от них, от их усердия и молитв. Это многие из православных христиан и начинают уже сознавать и признают себя обязанными посильно служить святой Церкви. Таковы, конечно, и те добрые христиане, которые записались в члены отделов Братства свят. Гурия в Мамадыше и Чистополе.

Задачи этих отделов таковы:

1. Материальная помощь крещёным инородцам и намеревающимся креститься (оглашенным).
2. Устройство приютов при школах для мальчиков и девочек, в особенности для недавно крещёных.
3. Общее попечение о недавно крещёных из язычников и вообще из инородцев. Нахождение восприемных отцов и матерей.
4. Издание и распространение полезных книг всякими средствами.

Таковы задачи отделов, насколько они могут быть сформулированы. Но в этих формулах должна быть заключена, собственно говоря, вся церковная жизнь со всеми её разновидностями, и ни одна из церковных нужд не должна быть опущена из внимания этими миссионерскими, церковными организациями. Несомненно, это так и есть. И да благословит Господь успехом эти нарождающиеся отделы Братства свят. Гурия; из этого зерна церковной жизни да произрастёт величавое церковное древо, способное под своими ветвями дать приют всем местным православным христианам: и русским, и инородцам. Помоги, Господи, всем нам!

Е. А.

Новая опасность

(По поводу доклада г. Евсевьева Казанскому Миссионерскому Съезду о мордве).

На одном из заседаний Казанского Миссионерского Съезда преподаватель Казанской учительской семинарии М. Е. Евсевьев прочитал довольно обстоятельный доклад о мордве, демонстрировав важнейшие положения его фотографическими снимками. Этот доклад прошёл как-то незамеченным и даже не был внесён в протоколы съезда; между тем и большие труды г. Евсевьева по собиранию материала, и его доклад заслуживали самого большого внимания и тщательного изучения. Всё то, о чём сообщил г. докладчик, требует немедленного принятия мер по возвышению религиозно-нравственного уровня мордвы в духе православия.

Дело в следующем.

Мордва живёт в губерниях: Самарской, Пензенской, Нижегородской, Оренбургской, Казанской, Тамбовской, Уфимской, Саратовской, Симбирской, Томской, Енисейской, в Акмолинской и Тургайской областях. По переписи 1897 года всего мордвы в империи считается 1.027.841. С 1897 г. прирост мордвы составляет приблизительно 10%, т. е. надо считать около 1200 тысяч. Часть этой мордвы (около $\frac{1}{2}$ миллиона) находятся в расколе старообрядчества, часть (около $\frac{1}{2}$ миллиона) обрусела, остальные находятся или в периоде двоеверия, или полного язычества; есть местности, где приносится языческая жертва, напр. в Пензенской губ. Г. докладчик, между прочим, сообщил, что у мордвы, которую принято считать вовсе обрусевшей, в настоящее время процветает почти весь языческий культ даже в тех селениях, которые говорят по-русски. Это автор доклада подтвердил фотографиями, сделанными им в нынешнем году. Замечательно, что на языческом мольбище, судя по фотографическому снимку, очень мирно присутствует иногда и местный батюшка (русский!).

Г. докладчик подробно выяснил и причины печального положения мордвы в религиозно-нравственном отношении. Главная мысль докладчика здесь была та, что где дети мордовские не воспитаны в школе в знании закона Божия, там язычество почти нисколько не поддаётся христианским влияниям.

Между тем дети среди мордвы у матерей, почти сплошь не говорящих по-русски, лишены всякого воздействия церкви и христианской школы, потому что нет переводов на мордовский язык, которые могли бы достаточно обслуживать и школы, и церкви среди мордвы.

Переводчество на мордовский язык тормозилось прежде всего установившимся отрицательным отношением в русском обществе к этому вопросу, ввиду якобы полной обруселости и христианизации мордвы. Немалым препятствием к этому служило также отсутствие миссионерских школ среди мордвы по типу Казанской центральной крещёно-татарской школы и деление мордвы в языковом отношении на две ветви – эрзю и мокшу.

Да и те мордовские издания, которые делались Казанской переводческой Комиссией, до 1895 года велись только при наличности нравственной и материальной помощи г. Попечителя Харьковского учебного округа, тайного советника Н. П. Воронцова-Вельяминова. По его инициативе были начаты эти переводы и от него Комиссия получала денежную помощь.

Главная работа Комиссии до 1895 г. состояла в обследовании говоров мордовского языка и религиозно-нравственного состояния мордвы, – обследованы были их похоронные обряды и многие другие. Такая работа, чисто научного характера, давала прочный материал по составлению учебников на мордовском языке.

После 1895 года дело о мордовских изданиях уже не имеет для себя ни в ком сочувствия, кроме, разумеется, самой Комиссии, и потому идёт медленно и без видимого влияния на самое население: ни в школах, ни в церквях мордовских не слышно мордовского языка.

Г. Евсеев просил Казанский миссионерский съезд обратить внимание на эту ненормальность и на то, что многие инородцы, о которых уже привыкли думать, как о вовсе обруселых, на самом деле нуждаются в самом бдительном попечении со стороны русских властей и до такой степени, что во многих местах у таких инородцев ещё совершенно необходимо применить систему Н. И. Ильминского.

Последовавший за докладом обмен мнений выяснил, что не лучше, чем у мордвы, и религиозное состояние прочих «обруселых» инородцев: вотяков, чуваш, черемис. «Наши вотяки», заявил один священник-миссионер из Вятской епархии, «обрусевшие не через школу Ильминского, а только на городских и сельских базарах, в отношении нравственности были прежде гораздо лучше, нежели теперь: так воровства среди них прежде вовсе не замечалось семейные устои были твёрдыми, отношения к старшим почтительные, а теперь и воровство и многое другое появилось». Другой участник съезда заметил, что вотяки тех селений, в которых они живут совместно с русскими, гораздо больше пьянствуют и сквернословят (на русск. яз.), нежели те вотяки, которые живут в глухих и отдалённых от русских селениях.

Почти тоже говорили и об «обруселых» пермяках, с таким только добавлением, что такие пермяки Чердынск. уезда Перм. губ., приносят жертвоприношение в честь Флора и Лавра. Иллюстрацией этого были фотографии, отпечатанные в «Этнографическом Обзрении» (1909 г. № 4).

Тяжёлое впечатление от этих сообщений усиливалось новыми дополнениями о движениях среди «обруселых» инородцев (не прошедших через школу Н. И. Ильминского) в сторону раскола и сектантства.

По словам о.о. миссионеров, среди чуваш Ставроп. у. Самар. губ. распространяется уже беседничество, вид хлыстовства, хотя и смягчённой формы. В Уфимской губернии замечается переход в раскол; было несколько подобных случаев и в Казанской губернии. В Нижегородской губернии среди «обруселых» инородцев распространяется пашковщина.

Выражалось опасение, что если это движение в сторону сектантства усилится, то явится для православия новая громадная опасность: «обруселая» часть инородцев в руках умелых пропагандаторов сектантства сделается проводником сектантских заблуждений среди всей инородческой массы и притом на родных языках. Чуваш-раскольник, конечно, легко привьёт раскол своим единоплеменникам, так как сумеет просто и ясно, на понятном им языке рассказать о своей вере. Опасность эта тем более очевидна, что христианство без аскетизма, без иерархии, без строгих догматических основоположений православия, для неразвитых инородцев понятнее церковного учения, не всегда доступного для неразвитых умов.

Ввиду вышеизложенного представляется положительно необходимым следующее:

1) Выяснить точно, действительно ли обрусели, т. е. совершенно свободно говорят и мыслят на русском языке те инородцы, которые доселе официально были известны под именем «обрусевших», а потому не представлявших никаких препятствий к школьному воздействию на русском языке и богослужебному воспитанию на славянском языке. Для этой цели необходимо командировать в среду соответствующих племён с научной целью людей, достаточно опытных в этнографическом деле.

2) Соответственно с показаниями научной этнографической экспертизы, в местах действительного обрусения, где языком всей семьи, а не только отдельных членов её, является русский язык, усилить влияние русских пастырей и учителей, — а в местах фиктивной обруселости применить систему Н. И. Ильминского: в школьное и церковное употребление ввести родной язык соответствующего племени; в частности озаботиться немедленным введением системы Н. И. Ильминского среди «обруселой» мордвы Пензенской и Самарской губерний.

3) Озаботиться изготовлением школьных и церковных книг на языках: пермяцком, зырянском и мордовском.

4) Принять немедленно меры по изучению говоров пермяцкого, зырянского и мордовского языков. Пермяки и зыряне в отношении говоров представляют пока область совершенно неизученную. Пермяки имеют говоры Чердынский и Соликамский. Какая разница между этими говорами? Есть ли возможность переводами, напр., на Соликамский говор пермяцкого языка удовлетворить школьные и церковные нужды Чердынских пермяков и наоборот?

Нет ли у них такого общего лексикона слов, при посредстве которого, без излишних денежных затрат, можно было бы печатать книги, одинаково понятные для той и другой части племени?

Надо сознаться, что в этом отношении у нас мало что сделано.

В отношении мордвы дело это обстоит несколько лучше.

Мордва распадается на эрзю и мокшу. Уже изучено большинство говоров мордвы. Выяснилось, что у этой мордвы существует четыре говора: два эрзянских и два мокшанских. Говоры эти можно назвать мокшанские – Пензенским и Тамбовским, эрзянские – Симбирским и Тамбовским. Кроме этих главных, есть несколько мелких подразделений этих же говоров. Остались необследованными говоры мордвы, живущей в Саратовской губ., за Волгой и в Сибири. Результатом работы явились словари говоров мордовского языка, к сожалению, остающиеся ненапечатанными.

5) Необходимы миссионерские и диалектологические атласы по каждому данному племени. Средства для этих атласов должны изыскать наиболее заинтересованные ведомства, т. е. Вед. Правосл. Исповедания, Мин. Нар. Просв. и Мин. Внутр. Дел.

Для осуществления приведённых положений необходимо полное участие и центральной власти, и местных учреждений, участие не в виде только общего покровительства, но и щедрого ассигнования.

Участник Съезда.

Беды во лжебратии

(см. № 5179 «Казанск. Телегр.»).

«Члены миссионерского съезда не должны забывать, что инородческое образование является не христианским только просветительным делом, но и делом, употребляя выражение Ильминского, «величайшей политической важности».

Эти слова одного казанского педагога были в качестве упрёка брошены бывшему Казанскому миссионерскому съезду в «Казанск. Телеграфе». Отцам миссионерам вменяет в обязанность г. влиятельный педагог не только миссией заниматься, но и политикой!..

А ещё чем? Вот удивительный взгляд на миссию! Всем она должна угождать и на всё быть готова: и Богу служить и мамоне, – и Христа проповедовать и «высшую политическую важность» не забывать...

А г.г. урядники должны по той же логике не только своё прямое дело делать, но и миссией заниматься... И последнее гораздо естественнее, гораздо более согласно с делом, чем первое, – урядник, как человек, как христианин, может от безделья и о Христе поговорить. Но если священник будет не только о Христе говорить, но и чистой политикой заниматься, то будет соваться не в своё дело, унижая собственное служение. *Служение Церкви есть дело служения миру и любви*, – это и есть естественное служение государству со стороны Церкви. Но если служитель Церкви начнёт политиканствовать, то дело мира у него отойдёт уже на второе место.

И будет в жизни получаться прежняя несообразность, когда полиция воображала себя поставленной охранять Церковь, а служители Церкви – на этом основании ничего не делали... В заключение такого «объединения Церкви и государства» получились всем известные отпадения от Церкви и пренебрежительное отношение к государственной власти.

Очень интересна и эта ссылка на Ильминского. – Он всегда говорил, что дело христианского просвещения приволжских инородцев есть дело государственной важности, что поэтому

государство должно помогать всеми средствами христианизации инородцев, – иначе они подвергнутся исламизации. Таким образом Ильминский призывает государственную власть на служение Церкви, указывая, что это необходимо прежде всего для самого государства.

Но требовать от служителей Церкви, чтобы они занимались делами «политической важности», – Ильминский до таких афоризмов никогда не додумывался. Его мысль была слишком ясна, трезва и тверда, чтобы пускаться в такие удивительные смешения Божественного и человеческого, небесного и земного элементов в иерархическом служении. Для Ильминского важно было, чтобы государство воздавало «Богovi» то, что Ему подобает, но Ильминский всегда твёрдо знал, что есть Божие и что есть кесарево.

Замечательно в настоящее время такое явление: высшие государственные деятели выражают явное негодование, что деятели церковные не делают своего огромного, первостепенной важности, дела перевоспитания русского народа, а слуги церковные и педагоги духовных школ – занимаются политикой и той же политики требуют от пастырей Церкви и даже миссионеров!

Бедные миссионеры! И от своих «домашних» только беду они видят.

Беспристрастный.

Библиотека миссионера среди магометан

(Составлена прот. Е. Маловым для миссионерского съезда 1910 г.).

I.

1) Святое Евангелие на татарском языке. Перевод Мирзы Казем-Бека. С.-Петербург. 1855 г. – Ц. 2 р. 50 к.

2) Деяния Святых Апостолов на татарском языке. Перевод Мирзы Казем-Бека. С.-Петербург 1861 г. – Ц. 2 р. 50 к.

3) Пространный Катехизис, Митрополита Московского Филарета на татарок, языке. С. П. Б. 1865 г. – Ц. 1 р.

4) Св. Евангелие на крещёно-татарском языке. Казань. 1892 г.

5) Псалтирь на крещёно-татарском языке. Казань. 1891 г. и разные другие крещёно-татарские переводы (см. особый каталог).

6) Коран. Арабский текст с параллельным русским переводом *Г. С. Саблукова*, с указанием стихов, как в арабском подлиннике, так и в русском переводе, на лучшей белой бумаге (Казань. 1907 г.). – Ц. 5 р.; тоже на хорошей бумаге – Ц. 4 р.

7) Коран. Один русский перевод с арабского языка. *Г. С. Саблукова*. Казань, 1907 г. – Ц. 2 р. 50 к.

8) Приложение к Корану. Вып. 1-й. Казань 1898 г. (Предметный указатель). – Ц. 1 р. 50 к.

9) Сведения о Коране, законоположительной книге Мохаммеданского вероучения. Казань. 1884 г. Ц. 2 р.

10) Сличение мохаммеданского учения о именах Божиих с христианским о них учением. *Г. С. Саблукова*. Казань. 1873 г. – Ц. 2 р.

II.

Миссионерский Противомусульманский Сборник, труды студентов

миссионерского противомусульманского отделения.

I) Выпуск 1-й; в нём: а) сведения *Е. А. Малова*, О миссионерском отделении при Казанской Духовной Академии; б) *Виноградова*: «Метод миссионерской полемики против татар-

мухаммедан» и в) В. И Петрова: «Причины упорной привязанности татар мухаммедан к своей вере». Казань. 1873 г. – Ц. 1 р.

II) Вып. 2-й: Соч. А. Я. Леопольдова: «Опыт изложения мухаммеданства по учению ханифитов. Казань. 1873 г. – Ц. 1 р. 25 к.

III) Вып. 3-й: а) Соч. Н. Ильина: Доказательства неповреждённости книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета против мухаммедан и б) А. Н. Филимонова: «Доказательства неповреждённости священных книг Нового Завета, против мухаммедан. Казань. 1874 г. – Ц. 1 р. 50 к.

IV) Вып. 4-й: Соч. Н. П. Остроумова: Критический разбор мухаммеданского учения о пророках. Казань, 1874 г. – Ц. 1 р. 50 к.

V) Вып. 5-й: Соч. А. Г. Хрусталева. «Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края. Казань. 1874 г. – Ц. 75коп.

VI) Вып. 6-й: Соч. а) Ф. Д. Кудеевского: «Главные мысли и дух Корана» и б) Вейля: «Историко-критическое введение в Коран – перевод с немецкого языка Е. А. Малова. Казань 1875 г. – Ц. 1 р. 50 к.

VII) Вып. 7-й соч. а) А. И. Заборовского: «Мысли Аль-Корана, заимствованные из христианства»; б) Я. И. Фортунатова: «Места Корана, благоприятные для обращения мухаммедан в христианство» и в) «Что Мухаммед заимствовал из христианства» – перевод с английского языка. Казань. 1875 г. – Ц. 1 р. 25 к.

VIII) Вып. 8-й: соч. Священника А. И. Светлакова: «История иудейства в Аравии и влияние его на учение Корана» Казань. 1875 г. – Ц. 1 р. 50 к.

IX) Вып. 9-й: соч. П. Раева: «Признаки истинности православного христианства и лживости мухаммеданства». Казань. 1875 г. – Ц. 1 р. 25 к.

X) Вып. 10-й: соч. М. А. Машанова: «Мухаммеданский брак в сравнении с христианским браком в отношении их влияния на семейную и общественную жизнь человека». Казань. 1876 г. – Ц. 2р.

XI) Вып. 11-й: соч. Я. В. Разумова: «Историческое значение Мухаммеда». Историко-богословское исследование. Казань. 1876 г. – Ц. 1 р. 50 к.

XII) Вып. 12-й: соч. а) М. Боголепова: «Взгляд на способы, коими, по сказанию мухаммедан, сообщались свыше Мухаммеду откровения» и б) Е. А. Малова: «Ночное путешествие Мухаммеда в храм Иерусалимский и на небо». Казань. 1876 г. – Ц. 1р.

XIII) Вып. 13-й: соч. а) Тихова-Александровского. «Обозрение мусульманских молитв»; б) «Мусульманская евхология» – перевод с французского языка, священника А. Н. Тринитатова; в) «О Мухаммеданской молитве» –перевод с латинского языка И. Ювенского и г) «О мусульманской молитве» – перевод с немецкого языка А. П. Яблокова. Казань. 1877 г. – Ц. 1р.

XIV) Вып. 14-й: соч. а) А. Ив. Агронома: «Мухаммеданское учение о войне с неверными» и б) Е. Н. Воронца: «Мировоззрение мухаммеданства и отношение его к христианству». Казань. 1877 г. – Ц. 1 р. 50 к.

XV) Вып. 15-й: соч. М. А. Миропиева: «Религиозное и политическое значение хаджа, или священного путешествия мухаммедан в Мекку». Казань. 1877 г. – Ц. 1 р. 25 к.

XVI) Вып. 16-й; соч. Н. А. Бобылева: «Патриарх Иосиф по Библии и Корану». Казань. 1882 г. – Ц. 1 р. 25 к.

XVII) Вып. 17-й: соч. М. А. Машанова: «Очерк быта Арабов в эпоху Мухаммеда, как введение к изучению ислама, ч. 1. Очерк религиозного быта арабов-язычников в эпоху Мухаммеда. Казань. 1885 г. – Ц. 4 р.

XVIII) Вып. 18-й: Гордия Семёновича Саблукова: «Рассказы мухаммедан о Кыбле». Казань. 1889 г. – Ц. 1 р. 50 к.

XIX) Вып. 19-й: соч. Ф. А. Смирнова: «Зависимость мнимо-божественных откровений Корана от обстоятельств жизни Мухаммеда». Казань. 1893 г. – Ц. 2 р.

XX) Вып. 20-й: «Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мусульман». Казань. 1894 г. – Ц. 2 р.

XXI) Вып. 21-й: соч. *А. Ф. Михайлова*: «Сказания Корана о Новозаветных лицах и событиях и критико-политический разбор этих сказаний». Казань. 1894 г. – Ц. 2 р.

XXII) Вып. 22-й: соч. *П. К. Жузе*: «Мутазилиты. Догматико историческое исследование в области ислама». Казань. 1899 г. – Ц. 2р.

XXIII) Вып. 23-й: соч. *Я. Д. Гоблова*: «Антропология Корана в сравнении с христианским учением о человеке». Казань 1905 г.

(Окончание следует).

От редакции

В редакции «Сотрудник Братства свят. Гурия» можно получать, след. только что вышедшие книги:

1) **О просвещении приволжских инородцев.** Сборник из №№ «Сотрудника» с приложением особого оглавления. Ц. 1 р. 50 к. с пересылкой.

2) **Современное состояние татар мухаммедан и их отношение к другим инородцам.** (Доклад профессора Казанской Дух. Академии М. А. Машанова Миссионерскому Съезду 1910 года).

Эта книга превосходно излагает русскому читателю, что представляют из себя магометане России, к чему они стремятся и чего от них можно ожидать. Цена 50 к. с пересылкой.

**№ 40. Сотрудник Братства св. Гурия. 8
августа 1910 года**

Духовенство, жизнь и политика

Мы уже не раз говорили, что ныне и всё наше отечество и, в частности, деятели Церкви должны изучить новые формы жизни, должны изучить и оценить всё вновь создавшееся политическое положение и собрать около себя наличные свои силы, чтобы не оказаться без всяких сил. Но в этом отношении многое уже и сделано: многие русские деятели уже поняли всю силу общественности, и мы, несомненно, переживаем сейчас период объединения русских людей и собирания Земли Русской не в географическом отношении, а в нравственном. И это до крайности теперь необходимо, потому что русское дело в сильной степени проедено какой-то нравственной червоточиной и потому ослабело.

Нам всем русским людям нужна нравственная мощь, а для этого необходимо объединение. Но что нас может объединить? Какой идеал, какой нравственный принцип может собрать воедино разрозненные русские силы? Что новое в жизни русской произошло, на что можно было бы возлагать надежду?

Многие русские идеалисты надеются, что делу объединения русских людей послужит наша Государственная Дума, что она способна хотя в малой степени удовлетворить народное искание земной правды, или хотя бы возможное к ней приближение.

Но это совершенно невозможно! Построенная на ошибочном принципе, разбитая на вечно враждующие партии, питающаяся скандалами Государственная Дума совершенно не способна исцелить наши народные язвы или возродить нравственные силы. И как бы кто себя ныне ни утешал, как бы себя ни обманывал, но нынешняя беспринципная Государственная Дума в конце концов будет источником великих внутренних тревог нашего отечества. Она же будет когда-нибудь и организацией совершенно явно противоцерковной. Ныне эти попытки её идти против церковных устоев довольно слабы, хотя уже и с ними приходится считаться; а скоро и, быть может, очень скоро антицерковное настроение думской интеллигенции будет

организовано совершенно определённо. – И тогда народ, внизу по-прежнему представляющий из себя бессознательную массу, а по местам и сбитый с толку ораторами Государственной Думы, – может отнести к Церкви ещё более индифферентно, чем это было в 1905–1906 годах. И тогда русская жизнь будет уже в несомненной и величайшей опасности как по отношению ко всей её целокупности, так и по отношению к православной Церкви, в частности.

Что же нужно, чтобы предотвратить эту опасность и спасти наше отечество от духовного разложения?

Нужно восстановление в полной мере церковного духа в народе, т. е. организация, объединение духовных сил его – около святой Церкви, около её бесспорных, идеалов ещё живущих в народном сознании, сохранивших наш народ от великих бед в годы революции и олицетворённых в идее Царя-Самодержца. Это будет, так сказать, осуществление Самодержавия. Ведь идея о православном Царе-Самодержце, несомненно, носит на себе церковный теократический характер, и народная метафизика Самодержавия носит на себе все признаки религиозных идеалов народа.

Но рядом с этой идеей о Царе, православном Самодержце, в жизни народной ныне нет ничего, что основывалось бы на тех же великих религиозных принципах, что было бы отображением и осуществлением этих народных мечтаний о правде небесной на земле.

До учреждения Государственной Думы в народной жизни в этом отношении просто ничего не было; и народ знал и верил, что «*милостив* Царь, но»...; что «*законы святы*, но»... и пр. Тогда было просто пустое место, по крайней мере, никого не обманывавшее. Ныне у нас имеется Государственная Дума... Это удивительное сооружение лишено нравственных принципов, в нём всё, что хорошо, то случайно, а что заранее предрешено, то предрешено не по нравственным мотивам. Таким образом насколько идея о Царе-Самодержце есть идея исключительно нравственная, настолько Государственная Дума является этой идее антитезой с явными намерениями преувеличивать свои права; поэтому ни Самодержавие православного Царя, ни все

его любящие, никакого основания не имеют возлагать какие-либо надежды на *нынешнюю* Государств. Думу и должны искать каких-нибудь других опор для сохранения единственной в мире власти православного Самодержца.

Что же нужно? Где эти опоры?

– Только в Церкви, только в организации православных приходов. Эти хотя мелкие, но нравственно здоровые организации, основанные на церковном учении о взаимопомощи и осуществляющие в жизни церковные идеалы, они могут служить единственной, но надежнейшей и несокрушимой опорой для Самодержца православного, и в то же время Он явится защитником этой нравственно безупречной единицы народного самоуправления и церковно-народной свободы. И если тогда при Самодержце и будет его *Царская Дума*, избранная на приходских началах, то он ни в каком случае не будет ни властолюбивой, ни социал-революционной.

Таким образом, если наше современное православное духовенство желает создать силу, способную защищать православие, то оно должно немедленно и энергично заняться устройством приходских организаций. Эти сильные народные общественные силы, среди которых духовенство должно постараться занять первое место. Послужат самым надёжнейшим фундаментом для вечного процветания власти русского Царя, которая в этом случае будет вполне осуществляться и в идее, и в жизни. В возможности такой жизни на Руси кроется вся её сила, вся её историческая задача; и в этом случае и православное духовенство нисколько не политиканствуя, и вообще не занимаясь политикой, будет делать великое государственное дело. Бог в помощь!

Епископ **Андрей**.

Французский журнал о татаризации приволжских инородцев

В майской книжке «Православного Собеседника» (за 1910 г.) появилась прекрасная статья Преосв. епископа Алексия (Дородницына). Она излагает мнения французского журнала *Revue du monde musulman*²⁹, в частности какого-то муллы Аминова о татаризации приволжских инородцев и благоприятствующих для неё условиях.

Условия эти, по словам Аминова, таковы: «каждая мусульманская деревня имеет мечеть и потому в каждой деревне есть мулла, который обучает детей чтению, письму и начаткам мусульманской веры. Жёны муллы обучают девочек, которые, за весьма редкими исключениями, все получают элементарное образование. Сами муллы – люди испытанной нравственности, которые проводят вполне правильную жизнь, согласную с требованиями Шариата.

...Твёрдая социальная организация и почти всеобщее распространение образования делает мусульман преданными своему религиозному культу, благодаря чему они делаются ревностными миссионерами в среде своих единоплеменников-христиан, стараясь совратить их в ислам. Пропаганда эта тем действительнее, что татары-христиане не знают своей религии и вообще слабо развиты. Особенной ревностью в деле пропаганды ислама в среде крещёных татар занимаются женщины. По частным сведениям, благодаря указанной пропаганде, многие татары-христиане посещают мечети и отдают своих детей для обучения в медресе, но благодаря сплочённости татар, эти факты ускользают от взоров русских властей, и исламизация крещёных татар идёт быстрыми и верными шагами. Недалеко то время, *по мнению г. Аминова*, когда все крещённые татары перейдут в ислам, и русское правительство не в состоянии этого предотвратить.

Замечательно, что в то время, как русские школы пользуются значительной правительственной субсидией, мусульманские школы обязаны своим цветущим состоянием

исключительно заботам самих мусульман и содержатся на их средства. И однако в деле народного образования татары стоят несравненно выше русских, – напр. в Казанской губ. у мусульман почти в пять раз более образованных женщин, чем у русских.

Вот та почва, на которой, по мнению Аминова, развилось названное движение: 1) принципы национализма и идеи национального развития мусульмане позаимствовали от русских и отчасти от народов западной Европы, с которыми они всё более и более входят в соприкосновение; – 2) улучшение средств сообщения, благодаря которым установился обмен идей и постоянное общение между русскими-мусульманами и мусульманами Турции и Туркестана служит могущественным фактором пробуждения национального сознания мусульман; – 3) присоединение к России огромной части центральной Азии, населённой мусульманами, способствовало пробуждению в массе приволжских мусульман сознания собственной силы, так как теперь они почувствовали за своей спиной огромную народность, близкую им по географическому своему положению и родственную по языку; – 4) мусульманская молодёжь, получившая университетское образование, усиленно работает над тем, чтобы к идее религиозной солидарности всех мусульман привить идею национальную и с этой целью сильно заботится об образовании обще-мусульманского языка, стараясь в то же время всячески подавить местные диалекты. Это движение, начавшееся в Крыму, быстро распространилось в среде русских мусульман, благодаря органу г. Гаспринского «Terciuman³⁰», прочно осело в Казани и в настоящее время, по словам г. Аминова, всецело овладело умами мусульман, благодаря периодической прессе и богатой мусульманской литературе, произведения которой в численности своей растут в гигантских размерах...

Из сказанного следует, что меры, принятые русским правительством для обрусения татар, оказались бессильными остановить не только националистическое движение в среде мусульман, но даже исламизацию крещёных татар. Основная причина этого неуспеха заключалась, по мнению автора, в

индифферентизме русского общества к инородческому вопросу и в неумелом ведении дела противо-мусульманской миссии русским духовенством, которое де больше надеялось на административные меры, чем на свои духовно-просветительные силы. Если что и сделано для русификации татар, по словам г. Аминова, то только благодаря частной инициативе. В этом отношении замечательный пример представляет бывший профессор Казанской Д. Академии, Н. И Ильминский, основатель известной во всем Приволжье крещёно-татарской школы в г. Казани (1864 г.) которая и до настоящего времени остаётся *единственным* серьёзным миссионерским институтом в Казанской губ.

(Окончание следует).

Турецкие просветители в Крыму

Как только началась в России война с Японией, в Крым в особенности, и вообще в Таврическую губернию стали приезжать из Турции и открывать мектебы (училища) турецкие учителя, так-называемые муаллимы. С объявлением же «свобод» у нас и объявлением конституции в Турции, наплыв этих учителей стал всё более и более увеличиваться. И вот, в настоящее время, министерства народного просвещения и внутренних дел обратили особенное внимание на общеобразовательные мектебы нового типа (турецкого) в Таврической губернии, открываемые этими муаллимами. Таврическое магометанское духовное правление, которое ведаёт только вероисповедные мектебы конфессионального характера, отказалось от этих новых мектебов, о чём Таврический муфтий заявил официально Таврическому губернатору. Очевидно, г. Таврический муфтий (глава татарского духовенства) не ручался за благонадёжность турецких учителей и пожелал вовремя снять с себя всякую ответственность за могущие произойти последствия.

Всех мектебов в Таврической губернии – до 600. Функционируют они без всякого контроля, ибо не находятся в ведении какого-либо министерства... Казалось бы, в России не должно быть незаконно существующих школ с турецкоподданными учителями, которые фактически являются агентами Турции. Вопрос о передаче мектебов в ведение министерства народного просвещения – вопрос давно назревший, и провести его в жизнь необходимо, как можно скорее: хоть в этом случае правительство не должно опоздать.

Другой, ещё более важный вопрос – об учреждении в Таврической губернии должности директора и инспектора народных инородческих училищ, неоднократно возбуждавшийся в министерстве народного просвещения, до сих пор почему-то затягивается, несмотря на то, что такие должности давно уже существуют в губерниях Уфимской, Казанской, Оренбургской и на Кавказе... В Таврической же губернии, как уже сказано,

бесконтрольно процветают 600 татарских школ, от которых в официальной бумаге отказался сам таврический муфтий.

К вящему удивлению, в Таврической губернии есть ещё так-называемые мектебе-руштие, чисто-турецкого типа, в которых турецкоподданные преподаватели, специально выписанные из Турции нашими кадетами из мусульман, «читают» лекции по всем предметам на турецко-татарском языке, в том числе русскую историю и географию... Конечно, для контроля этих школ необходимо, чтобы директор и инспектора крымских уездов знали татарско-турецкий язык, так как преподавание на родном татарском языке в татарских школах разрешено по Высочайшему повелению. К сожалению, во всей Таврической губернии ни директор народных училищ, ни инспектора, за исключением одного, окончившего восточный факультет, не знают татарско-турецкого языка. Кстати, считаем нужным отметить, что учителей турецкоподданных в Симферопольском районе гораздо меньше, чем в других, ибо инспектор этого района *путём убеждения на татарском языке* доказал влиятельным татарам, что нет никакой надобности в учителях из Турции, которые больше занимаются политикой.

(Из С. П. Б. Ведом.).

Так магометане находят возможность более и более укрепляться, объединяясь между собой; они находят и людей, которые преданы религии своей и служат ей.

Нужны силы и христианские, которые противостояли бы этим силам, враждебным христианству. Таких сил нужно очень много, всем найдётся дело в нынешние тяжкие для св. Церкви времена.

Е. А.

О превосходстве христианства пред мухаммеданством

Казань, 1910. 8°. 42 стр. С рисунками. Цена 20 коп.³¹

Так озаглавлена эта небольшая книжка. На пространстве 24 страниц здесь дан краткий, сжатый, очень существенный, сравнительный обзор основных догматов христианства и мусульманства.

Одно учение противопоставляется другому. Читатель выносит ясное впечатление о несомненном превосходстве христианства пред мусульманством, Христа пред Мухаммедом. Читатель невольно задаёт себе вопрос: как это находятся ещё люди, которые исповедуют ислам. К его сожалению, в России этих исповедников свыше 20 миллионов душ. Хочется верить, что недалеко то время, когда «обличение мухаммеданства» войдёт в круг школьных наук и вышепоименованная книга будет введена в качестве книги для чтения и учебника во всех школах, сопредельных с мусульманами.

Ю.

О языке преподавания в школах для восточных иностранцев

С.-Петербург. 1910. 8°. 18 стр. С Чичерина.³²

В этой книге даны сведения о положении просветительного дела в Приволжье и западной Сибири и о благотворном влиянии на иностранцев просветительной системы Н. И. Ильминского. Несмотря на это, система Н. И. Ильминского находит для себя многих противников. Между тем ислам усиливается и увлекает за собой мелкие народности: чуваш, вотяков, черемис и пр. Мусульмане в России сильны своей сплочённостью и единодушием на почве пропаганды, к тому же пользуются большими правами, напр., правом употребления родного языка в школе, правом пользования услугами деятелей единоверных. Почему же лишаются этого права православные иностранцы? «Безусловно необходимо, чтобы крещёные иностранцы в отношении пользования природным языком имели те же права, как и татары-мусульмане». (17 стр.) Только при этом условии и возможно удержать крещёных иностранцев от татаризации, а вместе с этим от враждебного настроения к русским.

Ю.

Кое-что о пермяках

Пермяки народность невеликая, всего их до 200 тысяч человек. Язык их распадается на несколько наречий, которые не вполне сходны одно с другим, настолько же, насколько вятское – русское разнится от казанского – русского. Переводы на эти языки создавались в незначительном количестве, да и те больше шли в единичные руки, а не ко всей народности. Причина этого кроется в воззрениях местного духовенства на пермяков, как на обруселых, вполне владеющих русским языком. Действительность, однако, говорит иное. 18 августа 1908 года А. П. Платонов снял фотографию с жертвоприношения пермяков-христиан в день Флора и Лавра в д. Кочи, Чердынского уезда, Пермской епархии. Снимок этот напечатан в «этнографическом обозрении» (1909 г. № 4, стр. 35). К 18 августа пермяки этого уезда тщательно готовятся: моются в бане, подбирают чистый пермяцкий костюм, избирают лучших быков, и моют их: затем все направляются в д. Кочу. Прежде чем приступить к закалыванию быков, пермяки служат молебен на р. Унылве. В это время пермячки заходят в реку по пояс, желая этим очиститься от грехов плоти. По окончании молебна, пермяки, приведшие жертвенных быков, берутся за тупые ножи, принесённые ими из дома и приступают к своему делу. Владелец быка пилит ему ножом шею; по его представлению, чем дальше мучится бык, тем жертва приятнее Богу. Затем закалывается другой, третий бык и т. д. («Этн. об.») 34 стр., И. Н. Смирнов («Пермяки», стр. 251).

Часть жертвы отдаётся присутствующим, другая часть сельской администрации.

Насущная нужда у пермяков в родных деятелях, родных книгах и в широком распространении этих книг.

Очевидец.

Миссия в Пензенской Епархии.

Для более широкого осуществления миссионерских задач, а также для усиления материальных средств на нужды православно-русских миссий в пределах Европейской и Азиатской России, по предложению председателя миссионерского общества, Высокопреосвященного митрополита Московского Владимира, 15 февраля 1904 года в г. Пензе был открыт епархиальный комитет православного миссионерского общества. Чтобы означенный комитет надлежаще функционировал в этой епархии, следует открыть должность епархиального миссионера, каковой до сего времени не имеется несмотря на то, что в Пензенской епархии насчитывается до 80.000 магометан. Самым удобным пунктом для первоначальной его деятельности нужно признать г. Пензу, при церкви обновления храма Воскресения Христова, которая смежна с татарской слободкой (в ней насчитывается до 700 душ магометан); к тому же в этом храме находится и историческая святыня икона Христа Спасителя, почитаемая жителями чудотворною. Икона эта, по преданию, прислана в г. Пензу царём Иоанном Васильевичем Грозным, после его похода на Казань.

Что касается окружных миссионеров, то их должность установить не по уездам, а по округам, сообразуясь при этом не с административным делением губернии, а с географической картой расположения язычества и магометанства по данной епархии. Так, напр., Пензенскую епархию, по крайней мере, следует разделить на три миссионерских округа: в 1-й должны войти уезды – Пензенский, Городищенский, Мокшанский, Н.-Ломовский и Чембарский, с населением 23.921 души магометан: во 2-й – Инсарский и Саранский, с населением 31.444 душ магометан и в 3-й – Краснослободский, Наровчатский и Керенский, с населением 24.385 душ магометан; а всего в епархии – 79.750 душ.

В миссионерской деятельности особенное внимание должно быть обращено на возвращение в православие бывших некогда

христианами татар-магометан епархии. Для сего следует изучить на месте условия, которые могут содействовать успешному распространению христианства в округе и представить соображения о способах наилучшей постановки миссионерского дела в названных округах; при этом на уполномоченных возложить: 1) составить подробное описание всех местностей, где между мусульманами жили и живут старо- и ново просвещённые, с показанием количества душ в отдельности как магометан, так и крещёных татар; 2) наметить более центральные пункты, где можно основать миссионерские станы; 3) проследить, в каких именно местах миссионеры могут надеяться на хороший приём, чуждый фанатизма и грубого недоверия, и 4) изучить общее религиозное состояние, быт и миросозерцание жителей местности, с указанием на сохранившиеся в ней древние обряды и обычаи.

Свящ. **В. Каменский.**

Библиотека миссионера среди магометан

(Составлена прот. **Е. Маловым** для миссионерского съезда 1910 г.).

(Продолжение).

III.

Труды разных других авторов:

а) Профессоров миссионерского противомусульманского отделения:

1) Миссионерство среди мухаммедан и крещёных татар. Сборник статей Протоиерея *Е. А. Малова*. Казань.

1892 г. – Ц. 2 р.

2) О Новокрещенской конторе *Е. А. Малова* Казань. 1878 г. – Ц. 1 р. 25 коп.

3) Об Адаме по учению Библии и по учению Корана; Прот. *Е. А. Малова*. Казань. 1885 г. – Ц. 1 р.

4) Об Аврааме по учению Библии и по учению Корана. Разговоры прот. *Е. А. Малова* с учёным муллой: Казань. 1910 г. – Ц. 1 р.

5) Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (Опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране). Казань. 1890 г. – Ц. 2 р.

6) О таинственной книге Биллион (против мухаммедан и евреев). Казань. 1893 г. – Ц. 50 коп.

7) Условия веры, или мухаммеданский Букварь с русским переводом. Казань. 1894 г. – Ц. 20 коп.

8) Мухаммеданский Букварь (Миссионерско-критический очерк) Протоиерея *Е. А. Малова*. Казань. 1894 г. – Ц. 50 коп.

9) Сведения о Руси. По книге Казанского муллы Шигаб ед-дина (1885 г.) Казань. 1909 г. – Ц. 30 коп.

10) Св. Мученик Авраамий Болгарский и сказание о его чудесах. Протоиерея *Е. А. Малова*. Казань 1908 г. – Ц. 30 коп.

11) О татарских мечетях в России, *Е. Малова*. Казань. 1868 г.

12) Очерк религиозного состояния крещёных татар, подвергшихся влиянию мухаммеданства. (Миссионерский

дневник). Казань. 1871–1872 г. *Е. А. Малова*.

13) О влиянии еврейства на чуваш. Опыт объяснения некоторых чувашских слов (религиозных терминов). Казань. 1882 г. *Е. А. Малова*.

14) Сведения о Мишарях. Этнографический очерк. Казань. 1885 г. *Е. А. Малова*.

15) Приходы старокрещённых и новокрещённых татар в Казанской Епархии. Москва 1866 г. *Е. А. Малова*.

16) Ахыр заман китаби – Мухаммеданское учение о кончине мира, *Е. А. Малова*. Казань. 1897 г.

17) О переводе Корана с арабского языка на русский Г. С. Саблукова. Критическая заметка Янея Бабая. *Е. А. Малова*. Казань. 1878 г.

18) Несколько слов о необходимости приволжской противомусульманской миссии. *Е. А. Малова* (см. в журнале «Дух Христианина». 1865 г. Февраль).

19) Гордий Семёнович Саблуков, Профессор миссионерского противомусульманского отделения при Казанской Духовной Академии (некролог) *Е. А. Малова* Казань. 1880 г.

20) Открытие Казанского миссионерского приюта. Казань. 1876 г. *Е. А. Малова*.

21) Житие и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, наречённого Кирилла, учителей Словенских. Славянский текст с переводом на татарский язык П. Н. Ахмерова. Издано под редакцией Профессора Казанской Духовной Академии, Протоиерея *Е. А. Малова*, на средства Святейшего Синода. Казань. 1899 г.

22) Православная противомусульманская миссия в Казанском крае в связи с историей мусульманства, в первой половине XIX века. Казань. 1868–1870 г. *Е. А. Малова*.

23) Сочинения М. А. Машанова:

1) Религиозно-нравственное состояние крещёных татар Мамадышского уезда, Казанской губ. Казань. 1875 г. – 30 коп.

2) Европейские христиане на мусульманском Востоке. М. А. Машанова. Казань. 1889 г. – 50 коп.

- 3) Обзор 25-летней деятельности Братства Св. Гурия. Казань. 1892 г. – 1 р. 25 коп.
- 4) Верховная власть в исламе. Казань. 1878 г.
- 5) См. ещё X и XIII выпуски Миссионерского противомусульм. Сборника.
- 24) Сочинения *Н. П. Остроумова*:
- 1) IV-й выпуск миссионерского противомусульманского Сборника.
- 2) Мухаммеданский пост – Рамазан. Казань. 1875 г. и 1877 г.
- 3) XX-й вып. Миссионерского противомусульманского Сборника (см. выше).
- 4) Что такое Коран? По поводу статей Г. Гаспринского, Давлет-Кильдеева и Мурзы Алима. Ташкент. 1893 г.
- 5) Коран и прогресс. По поводу умственного пробуждения современных Российских мусульман. Ташкент 1901–1903 г.
- 6) Сарты. Этнографические материалы. Выпуск I. Ташкент. 1890 г. Выпуск II. Ташкент. 1893 г. Народные сказки сартов. Выпуск III. Пословицы и загадки сартов. Ташкент. 1895 г.
- 7) Сарты. Общий очерк. Изд. 3 (с портретами сартов). Ташкент 1908 г.
- 8) Искандер Зуль Карнайн; Александр Македонский (двурогий). Ташкент. 1896 г.
- 25) Сочинения Евстафия Николаевича Воронца:
- 1) Материалы для изучения и обличения мухаммеданства: Выпуск I-й: Первоначально-Богооткровенная истина Единства Божия в древней до мухаммеданской религии Аравитян. Казань. 1873 г.
- II-й: О свободе веры по русским законам и о противных ей действиях мухаммедан в России. Орёл. 1876 г.
- Вып. 3-й: Отпадения инородцев христиан в мухаммеданство с русской государственной точки зрения. Орёл. 1876 г.
- 2) Зачем учатся и учат грамоте христиан. Книжка для чтения в русских народных школах. Харьков. 1877 г.

3) По поводу борьбы православия с отступничеством. С.-Петербург. 1885 г.

4) По поводу предстоящих Съездов Архипастырей в Казани и в Иркутске. С.-Петербург. 1885 г.

5) О необходимости единодушия в миссионерской деятельности со стороны Церкви и государства. Речь Ф. Н. Орнатского и открытое письмо Е. Н. Воронца. Москва. 1890 г.

6) Нужны ли для России Муфтии? Москва. 1891 г.

7) Мировоззрение мухаммеданства и отношение его к христианству. Казань 1877 г. (см. в XIV вып. Миссионерского Противомусульманского Сборника).

8) О свободе веры и о современных внутри России отпадениях от христианства в мухаммеданство. Дополнения к книжке 3-й выпуск материалов для изучения и обличения мухаммеданства. Казань. 1877 г.

9) Нужна ли теперь противомухаммеданская миссия для миллионов инородцев восточных областей Европейской России? (См. Чтения в обществе любителей Духовного Просвещения за 1883 г. январь).

10) Необходимое возражение на статью в Московских Ведомостях об исследовании ислама и о Коране Мухаммеда. С. Петербург. 1887 г.

26) Сочинения многих других авторов:

Письма о магометанстве. *Муравьева*. Казань 1875 г.

Епископа Викторина. 1) О превосходстве христианства перед мухаммеданством. Казань, 1874 г. и 2) Понятия о женщине и быте её у мухамедан и у христиан. Казань. 1875 г.

А. И. Яблокова. О почитании святых в исламе. Критический очерк, читанный в частном Казанском миссионерском приюте. Казань. 1884 г.

Яблоков А. П. О происхождении чина присоединения мухаммедан к православной христианской вере. Казань 1881 г.; О сущности и характере мухаммеданского Богослужения сравнительно с христианским Богослужением. Казань 1887 г.

Дервиши в мусульманском мире. Исследование *П. А. Позднева*. Оренб. 1886 г.

Учение Корана и мухаммеданского предания о Боге и предопределении *А. В. Васильева*. Казань. 1887 г.

Мухаммеданская космогония. Разбор мухаммеданского богословского сочинения на турецком языке: История сорока вопросов, предложенных иудейскими учёными Мухаммеду. Соч. *А. И. Архангельского*. Казань. 1889 г.

Ф. А. Смирнов: Магомет. Пособие к учению происхождения ислама. Владикавказ. 1891 г.

Мухаммед в фактах жизни и словах Корана. *Ф. А. Смирнова*. Казань. 1891 г.

Ему же принадлежит сочинение в XIX вып. Миссионерского противомусульманского сборника (см. выше).

Ислам, его происхождение и сущность, по сравнению с христианством. Свящ. *Н. И. Боголюбского*. Самара. 1885 г.

И. Григорьев. О путешествии Мухаммеда на небо. Беседа с татарами *Богдана Колостова*. Казань. 1901 г.

– Беседа с татарами о Мухаммеде, *Богдана Колостова*. Оренбург. 1901 г.

Я. Д. Коблов: Правда о Мухаммеде. Краткая история жизни Мухаммеда. Казань. 1903 г.

Беседа священника с мухаммеданами. *В. В. Доронкина*. Рязань. 1898 г.

Беседы священника (Касимовского миссионера *В. В. Доронкина*) с мухаммеданами о путешествии Мухаммеда по небесам. Рязань. 1899 г.

Касимовская православная противо-магометанская миссия за первое 10-летие своего существования. *Священника-миссионера В. В. Доронкина*. Касимов. 1909 г.

Н. Н. Одигитриевский. Ответы мусульманину на его возражения против христианства. Малмыж. 1910 г., – цена 1 руб.

Сунна. Мусульманское предание, его образование и развитие. *М. Ив. Третьякова*. Макарьев на Унже. 1903 г.

Краткий очерк жизни Магомета и некоторых мест из его учения в сравнении с христианством. Владикавказ. 1908 г. *Диакона А. А. Стефанова*.

Разговор с муллой о пророке Мухаммеде. *П. Н. Ахмерова*. Казань. 1892 г.

Св. Мученик Авраамий' Болгарский. Издание Агента Общества Пароходства *А. А. Зевеке, А. П. Косых*. Русский текст составлен протоиереем *Е. А. Маловым*, татарский перевод исполнен *П. Н. Ахмеровым*. Казань. 1898 г.

Н. Ф. Красносельцев. Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. Казань. 1872 г.; Христианство и христианские миссии в Персии. Казань. 1872 г.

Попов, Протоиерей Е. А. Об усердии к миссионерскому делу. Пермь. 1873 г.

(Окончание следует).

**№ 41. Сотрудник Братства св. Гурия. 15
августа 1910 года**

О церковной дисциплине

V.

Практика древней Церкви, как было указано, знала церковную дисциплину и осуществляла её в полной мере и с определённо выраженной тенденцией распространения этой дисциплины на все мелочи частной христианской жизни. Несомненно, такое религиозное одушевление, такая строгость жизни христиан делали их общину сильной во всех отношениях и они, несомненно, и пользовались тогда полным уважением среди людей, к их обществу не принадлежащих. Но как Христово учение полно любви, так и жизнь христиан по преимуществу украшалась всегда делами любви и благотворительности. Апостол прямо заповедует: «будьте единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны» (1Пет. 3:8). Таков был дух церковной дисциплины.

Во исполнение всего евангельского закона и подобных заповедей апостольских, Церковь Христова первых веков имела на своём попечении всю благотворительность; иначе говоря, вся благотворительность включалась в церковную жизнь и подчинялась церковной дисциплине. И во главе своей церковно-общественной благотворительности, как современно естественно можно ожидать, стоял сам епископ. Так об этом читаем в «Постановлениях Апостольских»: «О бедных помни, епископ, простирая к ним руку помощи и заботясь о них как домостроитель Божий, благовременно раздающий приношения каждому; вдовицам, сиротам, беспомощным и находящимся в бедствии. А если иные и не вдовицы или не вдовцы, между тем нуждаются в помощи по бедности, или по болезни, или для пропитания детей? Ты должен всех призирать и обо всех пещись. Ибо те, кои дают подаяния, не без разбору дают и вдовицам, но вносят их в общую кружку, именую их добровольными, чтобы ты, знающий бедствующих, уделял им от подаяния со тщанием, как добрый домостроитель: ибо Бог знает, кто дал, хотя бы ты уделял нуждающимся и в отсутствии давшего, и сей имеет награду за благотворение, а ты за

добросовестное домостроительство-ублажение. Говори же им и о том, кто дал, чтобы молились за него и по имени. И так благотворить надобно всем людям, не любопытствуя ни об этом, ни о том, кто они; ибо Господь говорит: «всякому, просящему у тебя давай» (Лк. 6:30), очевидно же, – истинно-нуждающемуся, хотя бы он был друг, хотя бы враг, хотя бы родственник, хотя бы чужой, хотя бы безбрачный, хотя бы в браке состоящий». (Кн. 3, § 4).

Далее ещё более подробно описывается, до каких подробностей доходила заботливость Церкви и епископов о верующих: «вы, епископы, заботьтесь о нужном для пропитания их (т. е. верующих), отнюдь не оставляя их; но о сиротах пекитесь, как родители, и о вдовицах, как мужья, взрослых сочетавайте браком, мастеру давайте занятия, немощному оказывайте сострадание, странникам доставляйте кров, алчущим пищу, жаждущим питье, нагим одежду, болящим посещение, заключённым вспоможение. Сверх сего, ещё более заботьтесь вы о сиротах, чтобы ни в чём не было у них недостатка: девицу, как скоро достигнет она брачного возраста, отдавайте в супружество за брата о Христе, а мальчика снабдите средствами, чтобы и мастерство изучал и от избытка пропитывался, а когда благоуспешно изучит мастерство, то мог бы купить себе тогда и инструменты мастерские, чтобы уже не отягощать нелицемерной любви к себе братьев, но самому довольствоваться. Ибо воистину блажен тот, кто в состоянии будучи помочь самому себе, не стесняет места сироты, странника и вдовицы» (Кн. 4, § 2).

Так епископ имел на своём попечении всё церковное благоустройство до заботы о том, чтобы не было в церкви среди верующих никаких тунеядцев. Но в то же время все верующие должны были помнить, что для них Церковь – это всё, а всякие житейские попечения – дело второ- и даже третьестепенное. «Если кто нерадит о Церкви, читаем в *Пост. Апост.*, придумывая извинение во грехах (Пс. 140:4), выставляя в предлог дело своё, таковой пусть знает, что мастерства верующих суть *занятия*, а дело их – *благочестие*. По сему мастерствами своими занимайтесь вы как бы междуделием,

чтобы питаться вам, а в благочестии подвизайтесь, как в деле, как и Господь говорил: *»старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную (Ион. 6:27)«*. (Кн. 2, § 61).

При таком подъёме духовной жизни среди чад св. Церкви, разумеется, жизнь христианская была образцовой для всех, кто с ней соприкасался. И все исторические свидетельства даже язычников, наблюдавших жизнь церковную в древнее время, преисполнены глубокого уважения и изумления пред высотой тех характеров и настроений, которые воспитывались в церковной жизни. Эта безукоризненная святость церковного учения и образцовая высота жизни христиан первых веков и делали то, что тысячи и десятки тысяч неверующих присоединялись к Церкви в малое количество времени, а потом и целые народы начинали украшать свою жизнь изображением Креста Христова.

* * *

Такова может быть жизнь христианская и такова она должна быть. Как этого достичь в настоящее время, это другой вопрос и вопрос громадной важности, требующий полного молитвенного внимания со стороны тех, кто призван разрешить его.

Но жизнь православной русской Церкви можно будет тогда признать вошедшей в норму, когда поставленный нами идеал церковной жизни будет хоть в малой степени осуществлён. Церковная, церковно-общественная жизнь должны быть очевидны и «для внешних», т. е. для тех, кто ещё живёт вне ограды церковной. А иначе всякий из этих внешних имеет право спросить: «да, собственно говоря, чего же вам от меня нужно, если ваша жизнь ничем от моей не отличается?» А у нас именно дело так обстоит, что жизнь неверных, если и отличается от жизни людей, принадлежащих номинально к православию, то совершенно не в пользу последнего.

Нет, *вся энергия наших церковных деятелей, все усилия наших миссионеров должны быть направлены к устройению церковной жизни в самом православии*. Это будет лучшая его апологетика; это будет необходимейший фундамент для устройства миссии. А без этого фундамента, без введения в полной мере церковной дисциплины в жизнь православия

никакая правильная церковная деятельность невозможна.
Невозможно ожидать и успехов миссии.

Церковник.

Как можно расширить круг деятелей по ипородч. просвещению

(Из доклада Казанскому миссионерскому съезду).

Газета «Россия» (1909 года), в статье – «Самооборона католического общества во Франции» ввиду гонений, воздвигнутых республиканским государством на религию после отделения министерством государства от церкви, по хитрым интригам масонов, указывает на те меры, какие католическая церковь вводит для борьбы с неверием и гонением со стороны французских законов и которые во многом применимы для нашей миссии. Самооборона всего легче может осуществиться, говорит газета, на приходской почве. В печати, в листках и брошюрах, в рефератах и лекциях настойчиво проводится мысль, что в приходах должно образоваться ядро крепко верующих прихожан, способных к активной деятельности, которые, имея во главе священника, обязаны обсудить все меры, направленные к поддержанию церковного дела в стране. По приходам же должны также организоваться местные кружки родителей, которые совместно могут отстаивать своё естественное право давать своим детям религиозное воспитание и потребовать от властей удовлетворения в этом. Эти родительские кружки (как говорится в воззваниях) обязаны безотлагательно выбрать из своей среды делегацию, которая должна потребовать от своего депутата, чтобы он настойчиво защищал в парламенте право католиков учреждать свои училища. Затем, организуются местные общества для защиты и выкупа церковных имуществ устраиваются религиозные процессии и пр. Такому оживлению приходской жизни во многом содействует замечательная «Патриотическая лига католических французских женщин», которая положительно ныне приводит в движение всю Францию по поводу взятой этой лигой на себя защиты религиозного воспитания детей от посягательств на них со стороны нынешнего французского правительства. Эта «Лига» заседала на конгрессе в Лурде, где участвовало 1,500 членов –

женщин, во главе с баронессой Рейль, состоя под покровительством высших духовных властей.

Из сообщений, сделанных на этом заседании, видно, что «Лига» имеет отделения во всей Франции и за последнее время в Марселе было ей открыта 21 библиотека для рабочего населения с католическими изданиями. Образованный католический мир отлично сознаёт, продолжает та же газета «Россия», что слабое знание основ Своей религии во многом способствует падению веры и христианского культа в современном обществе, и для поднятия религиозного знания, уже 12 лет тому назад, учредил в Париже «курсы богословия» для преподавателей и студентов высших учебных заведений, взяв своим девизом изречение: «истинная наука в союзе с чистой верой». Из членов общества многие содействуют оживлению, взаимной связи между приходскими, окружными и епархиальными церковными союзами. В скором времени ожидается созыв грандиозного национального католического конгресса, где будет доказана неоспоримыми фактами вся интрига современного французского масонства, направленная против католической церкви во Франции. В заключение статьи газета «Россия» приводит выдержки из католической прессы о практических советах католику: 1) поддерживать по возможности все епархиальные, уездные и приходские учреждения; 2) покупать по мере средств издания католической прессы и записываться на католические журналы, газеты, а также распространять их среди знакомых; 3) посещать непременно все собрания и заседания тех обществ, где состоишь членом и отнюдь не допускать манкировок под предлогом, что дело сделается само собой, или же, что оно не заслуживает внимания; 4) при выслушивании отчётов промышленных обществ, где состоишь членом, неукоснительно обращать внимание общества на религиозное, нравственное и материальное положение рабочих и требовать, чтобы общество сделало хоть что-нибудь для улучшения этого положения; при заключении сделки с кем-нибудь непременно обращать внимание на то; является ли это лицо добрым католиком и в отрицательном случае не заключать с ними сделки; 6) ни в

каком случае не допускать, чтобы в каком-либо публичном месте безнаказанно и открыто оскорблялась бы религия, догмы её и правила. Уже из таких правил видно, как сильно возрос в католическом обществе дух защиты и самообороны.

Так ли поставлено дело у нас, православных? Имеют ли такое значение открываемые у нас в некоторых епархиях приходские советы? Мне кажется, что эту программу деятельности во многом можно было бы применять и у нас. Конечно, ожидаемый Церковный Собор много преобразований может внести для торжества православия в России, но когда состоится он, неизвестно, а время уходит в пользу усилия ислама и вообще иноверия.

Протоиерей Т. Иваницкий.

Оскудение пастырства

(Из «С.П.Б. Вед».)

Характерной чертой нашего времени является крайняя неудовлетворённость религиозно-нравственных потребностей православного населения. Недостаток в священнослужителях до такой степени ощутителен и резок, что, право, задумаешься над вопросом: чего же у нас медлят с созывом Церковного Собора?

Может быть, на таком авторитете что-нибудь и образовалось бы: пришли бы к какому-нибудь решению, выработали бы более определённые соответствующие жизненным условиям правила и порядок: как быть при недостатке пастырей, кого, при каких условиях ставить священнослужителями к церквам православных приходов? Но сейчас ничего этого нет, и все действуют вразброд.

Из отдалённых, окраинных епархий шлют «воззвания» в центральные; но и центральные, в свою очередь, не находят в должном количестве кандидатов священства...

Одно из таких воззваний туркестанского епископа (помещённое в некоторых епархиальных органах) носит характер прямо-таки заманчиво рекламный. Условия служения и жизни в Туркестане рисуются в самом радужном свете. Указывается и на «жалованье от казны», и на «благодатный климат», и на плодородие земли, и на скорое обогащение новосёлов, а отсюда и – пастырей...

Но, несмотря на эти блага, священнические места всё-таки остаются не занятыми. Что же сказать про епархии, где нет «ни благодатного климата», ни плода родной земли, и где благосостояние новосёлов находится «под сомнением?..».

Недавно нам пришлось получить письмо от инспектора одного учебного заведения отдалённой окраины, близко стоящего к духовным «сферам» и хорошо осведомлённого по этому вопросу.

По буквальному отзыву местного преосвященного, там – два типа священников: одни – кулаки-гешефтмахеры, а другие –

без претензий, т. е., – как поясняет педагог, – люди без образования...

Нужно представить себе нравственное состояние того архиерея: который не может иначе охарактеризовать вверенную ему паству, и на какое «пастырское делание» можно там рассчитывать?!

Некого и не из кого решительно выбирать кандидатов в священнослужительские должности.

Но не в одних отдалённых епархиях чувствуется недостаток в священнослужителях. Так, в Воронежской епархии с многолюднейшей семинарией (500–600 человек), последние 2–3 года считается незанятыми от 15–20 мест священнических. Про диаконские же и говорить нечего. Те почти не занимаются никем. Окончившие семинарию не хотят, а из недоучек, вероятно, не очень подходящий материал... Так что в настоящее время, как видно из списка «вакантных диаконских мест», печатавшегося в «Ворон. Епарх. Ведомостях», всего свободных диаконских мест – пятьсот шестьдесят пять (565) !..

Только всего ...

Кем и как их заместить?

Стародум.

Ответ проф. Владисл. Франц. Залесскому

II.

Г. Залесский благосклонно соглашается признать систему Ильминского в том виде, в каком эта система, по его мнению, «возникла», именно – в смысле допущения инородческих языков лишь при первоначальном преподавании, при условии, чтобы основной целью было – дать инородцам православно-русское воспитание; в невыдержанности Ильминским первоначальных оснований его системы состоит единственный упрёк Залесского Ильминскому: сознание необходимости первоначального преподавания на инородческих языках, как переходной ступени – к русскому образованию, – уступает место убеждению о необходимости преподавания на инородческих языках вообще». В доказательство сейчас высказанного мнения своего г. Залесский приводит следующую выдержку из письма, относящегося к 1886 г., фразу: «в инородческих миссионерских школах непременным условием поставляется употребление родного языка в учебниках, в преподавании и в богослужении». Но следует ли из этих слов Ильминского делать тот вывод, что он совершенно исключал употребление в инородческих школах русского языка в учебниках и в преподавании и славянского в богослужении?

Г. профессор! искать сведений, как велось дело преподавания в инородческих школах надо не в случайно выхваченных, неясных фразах из писем И-го; но из справок о положении школьного дела в то время. Ильминский в 1889 году составил программу преподавания предметов в начальных инородческих школах. В этой программе русскому языку отведено весьма почтенное место. Вот расписание часов занятий в нач. инородческой школе по этой программе:

мл. отд.ст. отд.

Закон Божий	6 ч.	6 ч.
Русский язык	6 –	10 –
Славян. чтение	3 –	4 –
Инородч. чтение	4 –	2 –

Счёт	3 –	3 –
Письмо	6 –	4 –
Пение	3 –	3 –
Гимнастика	1 –	1 –
Итого	32 ч.	32 ч.

Из многих выражений, заключающихся в объяснительной записке к этой программе, настаивающих на мысли о важном значении русского языка в начальной инородческой школе, мы приведём здесь только следующее: «В младшем отделении преподавательским языком должен служить инородческий язык; в старшем – русский. Нет сомнения, что при этом значительно улучшится религиозное воспитание учеников инородческих школ и усвоение ими русской разговорной речи» (стр. 5).

Лица, знакомые с характером преподавания в инородческих школах, находившихся под руководством И-кого около 1886 г. и в последующие годы, могли бы заверить г. Залесского, что в этих школах, кроме инородческих учебников, в эти времена употреблялись и русские учебники, по меньшей мере – инородческие учебники переводились устно учителями на русский язык.

Что обозначают собою слова Ильминского, приведённые Залесским: «должно быть обязательное употребление местного народного языка не только в школах, но и в управлении!

Для того, чтобы правильно понять слова И-го: должно быть обязательное употребление инородческого языка не только в школах, но и в управлении», нужно брать их не отрывочно, вне контекста, как поступил г. З-кий, а в связи с последующими словами, в которых Н. И-ч весьма определённо указывает случай, когда «в управлении должны употреблять инородческие языки, именно – в том случае, когда в присутственных местах полагается иметь для инородцев особых переводчиков. Н. И-ч указывает на вредную практику наших присутственных мест держать для

инородцев, напр. для киргиз, переводчиков из татар и этим способствовать отатариванию инородцев.

Таким-то образом, самая благонамеренная мысль может быть совершенно извращена при некотором искусстве... Не

только в Оренбургской губернии, на которую указывает Н. И-ч, но и в Самарской и Уфимской губерниях и в настоящее время для всех инородцев переводчиками в присутственных местах всегда состоят татары магометане!

После этого упоминания об употреблении народных языков «в управлении», сильно похожего на жалобу самого неприличного свойства, г. Залесский указывает путь, по которому г. И-кий постепенно отклонялся от первоначально будто бы, выставленной им цели употребления инородческих языков, – каким образом «употребление инородческих языков, выставленное сперва как первоначальное средство, как переходная ступень, сделалось постепенно, незаметно, с течением времени *само собою целью*». Эти ступени падения следующие: 1, признание самим И-ским инородцев за лучших учителей для инородческих школ; 2, учреждение с 1868 г. в Симбирске чувашской учительской школы; 3, учреждение в 1872 году в Казани инородческой учительской семинарии; 4, разрешение, определением Святейшего Синода от 21 июня – 12 июля 1867 г., назначать инородцев священниками в приходы, где находится значительная часть крещёных инородцев; 5, разрешение, указом Святейшего Синода от 15 января 1883 г., производить богослужение, в религиозно-инородческих приходах на инородческих языках, а если есть и русские прихожане, то пополам – на славянском и инородческом языках, и, 6, (напечатано курсивом, как указание на окончательное падение стремглав в бездну) явное уклонение с конца 70-х годов переводческой комиссии при Братстве Св. Гурия от поставленных ей задач. Пять из перечисленных мер правительства были приняты, без сомнения, не без ходатайства Н. И. Ильминского; но считать эти меры постепенным, не заметным падением – это значит совершенно не понимать сущности системы Ильминского. Такой взгляд на значение этих мер, высказанный Залесским, совершенно освобождает нас от необходимости отвечать на прочие упрёки Ильминскому и его последователям, по существу своему даже менее значительные, чем рассмотренные ранее; тем не менее, боязнь получить обвинение в недомолвках заставляет нас обратить

внимание и на прочее. Об «уклонении» переводческой комиссии изданием букварей, словарей, грамматик, произведений народной словесности – сказано нами выше. «Старание отделаться», «свести спор» о серьёзных предметах «к пререканиям о мелких ошибках и неточностях», – черта характера, приписываемая г. 3-ким Н. И. Ильминскому, на самом деле совершенно несвойственна ему, как это могут подтвердить лица, хоть сколько-нибудь знавшие Николая Ивановича. При том же, такое, невыгодное для репутации Н. И. Ильминского выяснение мотивов действий его по отношению к Бунину и о. Смелову опровергается уже тем, что Н. И-ч сам выпросил разрешение у Бунина напечатать его письмо; точно также и возражения о. Смелова, с ответами на них священников из чуваш, были напечатаны не без содействия Н. И-ча. Где же тут та неискренность, в которой г. профессор Залесский решается упрекнуть Ильминского, – человека безупречной нравственной чистоты и даже прямолинейности? И утверждение г. Залесского, будто «действительность не опровергла» заявление Ильминского Преосвященному Сергию, что «лучше поддержать мелкие инородческие племена, к татарам не расположенные, чем допустить слияние их с татарством и магометанством, и утверждение, будто «обособленность мелких инородческих племён не мешает им тяготеть к татарско-мусульманскому миру», – ни на чём не основаны и совершенно противоречат фактам. Разве последнее поколение христиан инородцев, – о котором, собственно, и идёт здесь речь, – обнаруживает «тяготение к татарско-мусульманскому миру?» Утверждать это значит говорить неправду. Указание же г. Залесского на «столь авторитетных лиц», печатающих свои корреспонденции в «Казанском Телеграфе», о том, как их «заедает инородчина,» совсем не внушительно и не даёт г. Залесскому никакого повода трагически восклицать: «вот к каким результатам пришли мы через 50 лет после создания «системы Ильминского»! Здесь много деланного трагизма, но мало серьёзного отношения к делу и элементарного знакомства с ним³³.

Перейдём теперь к заключениям, высказанным г. 3-ким в конце заметки в качестве его пожеланий.

Не смотря на обилие пунктов этих заключений (целых 9), их следует свести к трём и, даже, только к двум, если пункт 5, касающийся богослужения на инородческих языках, отнести к группе первых четырёх пунктов. В первых четырёх пунктах высказывается на разные лады, с положительной и отрицательной стороны, одно следующее положение: сообщать инородцам должно православно-русское образование с «первоначальным, в виде пособия, в форме переходной ступени, употребление инородческих языков».

Из программы преподавания предметов в инородческих школах, составленной Ильминским в 1889-м году, видно, что все требования г. Залесского в первых 4-х пунктах заключений, совершенно удовлетворены: напрасно, поэтому, г. 3-кий ломится в открытую дверь.

Относительно требования г. Залесского, изложенного в п. 5-м, чтобы «богослужение на инородческих языках, по мере приобретения крещёными инородцами истинного православного настроения и приобщения их к русской культуре и цивилизации, постепенно заменялось богослужением на церковно-славянском языке, следует заметить, что по учению православной Церкви дела веры не могут устраиваться посторонними для веры соображениями («Божия–Богови»). Политиканствовать в Церкви – значит не понимать её жизни и её задач.

Пункты 6, 7, 8, и 9 направлены против деятельности инородцев в качестве учителей и священников; потому могут быть сведены в общий пункт. Нравственной стороны этих мер мы не касаемся, а коснёмся только целесообразности их, с точки зрения самого г. 3-кого. Признавая, всё-таки, необходимость употребления инородческих языков в народных школах при первоначальном преподавании, г. 3-кий рекомендует такой способ подготовки в инородческих семинариях русских учителей в инородческие школы: (п. 9) «для основательного ознакомления с инородческими языками в преобразованные инородческие семинарии принимаются в

потребном количестве не более одной четверти всего числа учеников – инородческие дети».

Предлагаемая г. З-ким мера обнаруживает полное незнание его с постановкой преподавания и с бытом воспитанников в наших инородческих учительских семинариях и школах. Классное преподавание ведётся в этих учебных заведениях исключительно на русском языке. Во внеклассное время воспитанники из инородцев почти совершенно не употребляют своего родного языка даже во взаимных сношениях, в сношениях же с русскими совершенно не употребляют. Введение, в виде опыта, преподавания инородческого языка в недалёкой от Казани учительской семинарии, Благовещенской, с допущением в эту семинарию некоторого количества татар и башкир именно с указанной теперь г. З-ким целью, закончилось наглым надувательством на экзаменах по татарскому языку, по обоюдному соглашению преподавателя и воспитанников г. попечителя учебного округа, затеявшего это дело. Для тех людей, которые знают, какая трудность предстоит природному арийцу, решившемуся овладеть одним из языков Урало-алтайской группы в той мере, чтобы можно было правильно, «не смехотворно», пользоваться этим языком в серьёзном деле, например в школьном преподавании, совершенно понятно, что опыт, произведённый в Благовещенской учительской семинарии, не мог кончиться иначе, чем как он кончился.

На этом и кончаем свой ответ г. профессору, и в заключение позволим себе сделать догадки: едва ли г. Залесский филолог и едва ли хороший педагог и едва ли хорошо знаком с учением православия...

Православный.

Занятия Царевококшайского миссионерского кружка

(Протокол от 5 февр. 1910 г.).

Члены Царевококшайского миссионерского кружка, собравшись в монастырской школе под председательством местного благочинного священника А. П. Азановского, имели суждение о нижеследующем:

1) Для большого удобства и определённости времени собраний Кружка – составить на 1910 год расписание очередных собраний Кружка, приурочив последние на Воскресные дни в 4 часа вечера в следующие числа месяцев: 5 февраля, 14 марта, 23 мая, 25 июля, 3 октября и 19 декабря – о чём известить всех членов кружка, а также и всех приходских священников благочиннического округа, участие коих на собраниях кружка весьма желательно,

2) В целях взаимного обмена мнений по делу приходской миссии и объединения ревнителей православия приходских кружков – пригласить таковых всех на собрание кружка 15 марта с своими священниками сёл – Нурмы, Ронги и Цибикура.

3) Предложить открыть вновь приходские кружки ревнителей православия в сёлах: Азанове и Малом Абаснуре.

4) В целях уяснения состояния приходской миссии и течения её – завести для вышеназванных приходских кружков пять книг для летописи приходской миссии.

5) В деревнях – Нуж-яле Нурминского прихода, Ашламучаше Цибикурского прихода и Кур-соле и Кугенере Ронгинского прихода – организовать библиотеки всего 4 и тем дать возможность местным обывателям и ревнителям православия удовлетворять потребность религиозно-нравственного чтения, на каковой предмет ассигновать всего 80 руб., считая по 20 руб. на каждую библиотеку.

6) Ввиду усердия книгоноши к своим обязанностям – крестьянина деревни Шойбулака Григория Барцева – избрать его членом Царевококшайского миссионерского кружка.

7) Вследствие появления в селе Малом-Абаснуре подозрительной личности, именующей себя – «пророчицей», просить члена кружка Е. В. Боровицкую съездить в село Малый-Абаснур для ознакомления с означенной личностью.

8) Заслушав отношение Царевококшайского уездного наблюдателя церковных школ от 5 февраля сего года за № 81-м о снабжении учащихся церковных школ уезда брошюрами для посильного содействия целям миссионерского кружка и вместе с тем – об ассигновании какой-либо суммы на уплату за подводы ученикам Ронгинской второклассной школы при поездках их с о. заведующим и учителем школы Токмурзиным в деревни Кур-солу и Кугенер для служения всенощной и бесед – постановили: снабдить через о. наблюдателя и учащихся школ имеющимися в кружке брошюрами и ассигновать на подводы ученикам школы – пять руб. в год.

9) По вопросу о Воскресной школе в городе Царевококшайске; – передать этот вопрос на предварительное обсуждение по распределению предметов чтений и очереди их – священникам города Царевококшайска.

10) Ввиду заявления о. Игумена Мироносицкой пустыни – о непоступлении к нему заявлений от приходских священников о выезде для служения молебнов вновь подтвердить о сём том приходским священникам, в приходе коих служение таковых молебнов признано кружком желательным.

Председатель кружка, священник **Алексий Азановский**.

Делопроизводитель кружка, священник **А. Темин**.

**№ 42. Сотрудник Братства св. Гурия. 22
августа 1910 года**

Колебания русского правительства во взглядах на миссионерскую деятельность

православной русской церкви.

(Доклад Казанскому Миссион. Съезду 1910 г.).

Систематическая миссионерская деятельность в Казанском крае была начата при первом Царе Московском, Иоанне IV, после покорения Казани и присоединения татарского Казанского царства к России. Первым миссионером в ново-завоёванном крае был св. Гурий, которому была дана особая инструкция, рекомендовавшая при обращении с иноверцами и ново-крещёнными меры кротости и участливое отношение к их нуждам³⁴. В то же время, в зависимости от века и согласно с господствовавшим настроением тогдашнего русского общества, «для поддержания успехов вновь водворяющегося религиозного учения» признавалось полезным разрушение мечетей, изгнание магометан из местностей, населённых вновь крестившимися и вообще ограничение татар, как в отношении избрания ими места жительства, так и относительно постройки мечетей поблизости русских храмов. Необходимо при этом иметь в виду, что поход Царя Иоанна IV на Казань проф. Знаменский характеризует, как крестовый поход против магометан. Поэтому и при Царе Феодоре Иоанновиче было повелено разметать мечети, которые стали было снова воздвигать татары в незаконных местах. Такая система в отношении татар-магометан продолжалась в течение всего XVII столетия, а в 1742 году был издан вновь запретительный указ, повелевавший разрушить незаконно построенные мечети. Это даёт право предлагать, что предыдущие запретительные указы по отношению к мечетям не всегда исполнялись и в разных местах обходились.

С современной точки зрения нельзя было бы оправдать упомянутые меры, но в то время (XVI–XVII века), при тогдашнем настроении победителей и покорённых, – других, более гуманных мер нельзя было ожидать от русского правительства, тем более, что в то время никто не изучал ислама, как

религиозную систему, и никто не думал о мерах чисто просветительных. Поэтому указанная, односторонне-суровая система, в отношении магометан, действовала в течение более полутора лет и, вероятно, не содействовала сближению магометан с русскими. Кроме того, деятельность первых Казанских миссионеров не объединялась общим органом и не отличалась последовательностью.

В XVIII веке, при просвещённых заботах Казанских архипастырей Тихона и Сильвестра, была учреждена (1731 г.) при Свияжском монастыре «Комиссия» для крещения Казанских и Нижегородских мусульман и других инородцев. Эта Комиссия и представляла собой первую попытку организовать сложное миссионерское дело на началах общественного обсуждения его. Для утверждения новокрещен в истинах христианской веры, иеромонах Алексей Раифский, начальник «Комиссии», признал необходимым распространение образования среди инородцев и в этих видах ходатайствовал пред Св. Синодом о разрешении избрать из детей инородцев 20 способных мальчиков, которых он намерен был подготовить к священнической службе среди инородцев. Факт замечательный для того времени потому, что и после, во 2-ой половине XIX ст., при Н. И. Ильминском, эта простая и ясная мысль о большом удобстве для инородцев иметь священников из своего же племени не всеми сознавалась, а некоторыми и до сих пор оспаривается³⁵. Такая мера являлась вполне естественной для того времени, потому что из русских священников не было, да и не могло быть кандидатов, хотя сколько-нибудь подготовленных к нелёгкому служению в инородческих приходах. Ведь для этого было необходимо хорошо владеть инородческим языком, знать верования инородцев, иметь перевод свящ. и богослужебных книг и быть знакомым с общим основанием миссионерской методологии, а научиться этому было негде.

Но грустно то, что разумный проект о. Алексея Раифского, тотчас по составлении его, встретил противодействие и притом со стороны духовной власти и породил раздор между составителем проекта и Казанским архиеп. Иларионом, окончившийся обвинением о. Алексея в неправильном

расходовании миссионерских сумм. Оправданный по существу обвинения, но скомпрометированный в глазах начальства и общества, о. Алексей отказался от заведывания миссионерской Комиссией, а на его место был назначен прот. А. Козьмин, «недостаточно опытный в порученном ему деле». Может быть, в этом случае имела значение также замена представителя монашеств. духовенства представителем духовенства приходского. Но во всяком случае печально, что уже самое начало организации серьёзного церковно-государственного дела сопровождалось несогласием и раздором. Несогласия продолжались и при приемнике о. Алексея Раифского и на этот раз осложнились ещё вмешательством гражданской власти в дела миссионерства, так как в канцелярии Комиссии не было порядка, и многие инородцы крестились по несколько раз ради мат. выгод. Вследствие этих и др. упущений и пререканий, восходивших до высших правительственных учреждений, в 1840 г., последовал Высочайший Указ от 11-го сентября о преобразовании Комиссии в Новокрещенскую Контору, которой в руководство была преподана особая инструкция.

Начальник этого нового миссионерского учреждения, иеромонах Димитрий Сеченов, возведённый в сан архимандрита, умел подобрать себе достойных помощников и, при их содействии, на первых же порах был обрадован донесением, что «вся черемиса до сосущего младенца крестилась». Столь же успешно действовали помощники о. Димитрия Сеченова и в других местах, так что в течение первых двух лет было обращено в христианство 17.362 чел. Казалось, что оставалось только радоваться такому блестящему успеху миссионерского дела; но тогда же обнаружился внешний характер обращений: обращённые жаловались, что не получили денежного награждения (не достало средств для 9882 чел.). Кроме того, возник трудный вопрос о льготах для новокрещен – о сложении с них податей и об освобождении их от рекрутской повинности, каковые льготы подлежали раскладке между некрещёными инородцами. Самое переселение новокрещен вызвало в них недовольство и ропот, особенно ввиду оставления и спокойного пребывания на своих местах

некрещёных. Для устройства новых приходов, церквей и штатов у новокрещ. Конторы также не доставало средств. Энергичный о. Сеченов успел устранить некоторые из указанных затруднений, но не мог побороть косность тогдашних чиновников, которые затягивали на целые годы удовлетворение новокрещёных льготами; последние, считая себя обманутыми, озлоблялись на миссионеров, и последние терпели от новокрещёных инородцев разные оскорбления, угрозы и даже нападения. Приходится с грустью согласиться, что такие явления не гармонируют с представлением о высоком, в христ. смысле, деле просвещения новокрещённых иноверцев учением св. Евангелия. В какой степени было здесь действительно «просвещение», а не один только обряд крещения, – сказать по недостатку источников мы не можем, а по переживаемым в настоящее время последствиям приходим к предположениям неутешительного свойства. Такое предположение подтверждается известием, что преемник о. Сеченова, переведённого в Н.-Новгород на епископскую кафедру, о. архимандрит Сильвестр (Гловацкий) обратил внимание на устройство школ для инородцев при Свияжском монастыре, в Елабуге и Царевококшайске (в 1745 году). Но и это приятное известие омрачается указанием на то, что в правление о. Сильвестра новокрещённые стали подвергаться гонениям – от магометан за отступление от веры и от русских ради грубой корысти. Русские старались извлекать для себя выгоды от новокрещен – закрепощали их на своей земле и опутывали долгосрочными обязательствами и долгами, так что многие новокрещены, вместо искания обещанных им льгот, молили охранить их от обид. В 1747 г. последовал Высочайший Указ по этому поводу, но дело миссии мало улучшалось, а между тем в 1749 г. новокрещённых насчитывалось 217.258 д. обоего пола. Сколь благоприятное время было для христ. миссии в этом крае и как неумело оно было использовано!

Плоды неумелой деятельности не замедлили обнаружиться в форме частых вероотступничеств, «свидетельствовавших о непрочности слишком поспешно воздвигнутого здания христианства». Но для нас имеет особенное значение указание,

что причиной вероотступничества уже и в то отдалённое время служила магометанская пропаганда, не встречавшая себе противодействия ни со стороны миссионеров, ни со стороны властей, ни со стороны самих новокрещен. Значит, окружавшая новокрещен «атмосфера» была более благоприятна для магометанства, а не для христианства. Заслуживает внимания и то, что со стороны русских властей замечалось послабление в пользу магометанства, способствовавшее увеличению числа татарских мечетей в то время, когда в церквях и православных школах чувствовался недостаток. Как и всегда бывало на Руси; отрицательные явления в жизни не обращают на себя внимания власть имеющих до тех пор, пока эти явления не усилятся и не станут угрожать общему спокойствию. Так было и с отпадением новокрещен: когда отпадения усилились, тогда приняли противодействующие меры – увещания, угрозы и даже наказания, сопровождавшиеся иногда жестокостями. Но так как одни из этих мер были чисто внешними и притом озлоблявшими, а другие (увещания) надлежащим образом не выполнялись и во всяком случае оказывались запоздалыми, то естественно, что они не приводили к желательным результатам, и магометанская пропаганда до наших дней продолжает составлять одно из серьёзных препятствий успешному распространению христианства среди многочисленных инородцев Казанского края, а вместе с тем и насаждению христианской культуры в среде язычников и мусульман.

Тогда правительство нашлось вынужденным сделать снова шаг назад: тогда было издано распоряжение об ограничении числа мечетей и даже о закрытии тех, которые находились в центре деятельности Новокр. Конторы. А когда признаваемые «лояльными» магометане запротестовали, правительство снова уступило, ограничив право на открытие новой мечети определённым числом (200–300) прихожан и % отношением магометан к крещёному населению в местностях со смешанным населением.

Частая смена лиц, управлявших Новокр. Конторой, также не способствовала успехам христианской миссии: так, в 1749 г. был назначен новый управл. Новокр. Конторой (Евгений

Соколовский), не оставивший воспоминаний о своей деятельности. Но при нём заметно выдвинулся своей энергией епископ Казанский Лука Конашевич, который построил несколько новых христианских храмов и, что особенно важно, – учредил в Казани особую новокрещенскую школу для приготовления кандидатов в священники в инородч. приходы. Зорко следившие за христ. миссионерами татары не замедлили возбудить против епископа разные обвинения, и в 1750 г. был издан Св. Синодом особый указ, затруднявший обращения в христианство, так как требовал от желающих креститься подачи прошений на русск. языке, которого инородцы не знали и потому должны были платить писцам и чиновникам особые деньги. Сами дела затягивались от обыкновенной чиновничьей волокиты. Вскоре (в 1755 г.) и сам ревнитель православия был заменён преосв. Гавриилом (Кременицкий). И что же оказалось при вступлении его на Казанскую кафедру? Оказалось, что новокрещённые не знали даже главных христ. молитв, почему преосвященный был вынужден предписать приход. духовенству обучать новокрещен молитвам и обрядам. Но и этот епископ, принимавший более своих предшественников личного участия, трудов и времени в миссионер. деле, в 1762 году был переведён в Петербург, а в 1764 г. сенат, указом от 6 апреля Новокрещ. Контора была упразднена. Этому миссионер. учреждению были поставлены в вину разные злоупотребления и насилия и чисто внешнее, поверхностное обращение инородцев в христианство, доходившее до крещения преступников, которым за принятие христианства давалось помилование и др.

Одновременно с закрытием Новокрещ. Конторы, правительство действовало в духе, более благоприятном для магометанства. Указом 17 июня 1773 г. было окончательно отменено вмешательство епархиального начальства в дела, касавшиеся постройки мечетей; в 1782 г. был обнародован новый указ от 25 февр. о постройке мечетей в киргиз. Средней Орде; в 1784 г. указом от 2 мая подтверждалось о скорейшей постройке этих мечетей, а в 1785 г. указом от 4 сент. предписывалось построить при тех же мечетях школы, обвести мечети каменной оградой, приискать учителей для школ,

завести караван-сарай и, в случае надобности, увеличить число мечетей; в 1788 г. было учреждено в Уфе Оренбургское Магомет. духовное собрание для центрального управления делами магометан с высшим представителем магометанства – муфтием..

Н. Остроумов.

(Окончание будет).

Французский журнал о татаризации приволжских инородцев

(Продолжение, см. «Сотр.» № 40.)

Н. И. Ильминский начал с того, что перевёл на татарский народный язык некоторые книги Св. Писания и составил на том же языке, понятном всем приволжским татарам, учебные руководства, которые были напечатаны русским шрифтом. Кроме того, он сам лично многократно посещал с проповедью учения Христова крещёных татар, как в совершенстве знавший татарский язык, пользовался большой любовью у них, и наставления его имели огромный успех. Правительство Императора Александра II обратило внимание на успех школы Ильминского и по типу её были основаны школы в других местах (напр. в с. Арняшах). В царствование Александра III произошёл резкий поворот в этом отношении: было введено преподавание в государственных инородческих школах на русском языке и от учеников инородцев потребовали изучение русского языка. Это требование предъявлялось не только к смешанным школам, но и к чисто мусульманским. Из 2086 начальных школ на Кавказе в 1928-ми школах был изгнан туземный язык и оставался только в 158 школах. Последствием такой русской школьной политики было то, что многие школьники, недоучившись оставляли школы; «крещёные» продолжали уходить в ислам. Татары-мусульмане видели в этих школах посягательство на их национальность и религию. В результате же всего этого получилось, по словам автора, то, что мусульмане начали усиленно открывать свои школы, которые одержали решительную победу над русскими школами. Правительство увидело себя вынужденным принять соответствующие меры против указанного явления. В 1905 г. министр народного просвещения созвал комиссию, которой предложено было выработать программу обучения в татарских школах, с целью остановить дальнейшую татаризацию инородцев. Комиссия пришла к следующим заключениям: «Русская инородческая школа по типу Ильминского имеет

целью упрочить распространение православия в среде крещённых инородцев и язычников. Кроме того, она стремится к сближению инородцев с русскими на почве взаимного уважения и доверия. Изучением инородческих языков (в школах) не должно пренебрегать, так как оно может сделаться хорошим пособием при изучении русского языка. Однако, из татарского языка должны быть исключены термины *литературного* татарского языка, арабские и персидские, которые введены в мусульманских школах. Школьным языком должен быть *местный* разговорный язык. На этом именно языке должны издаваться школьные учебники. Кроме того, должны быть открыты нормальные школы, в которых ученики, – христиане и мусульмане – безразлично, приготавливались бы к учительскому званию. Что касается до мектеб и медресе, то относительно них правительство, по мнению комиссии, должно вести такую политику: не вмешиваясь во внутреннюю организацию чисто конфессиональных школ и не вызывая у мусульман подозрения в посягательстве на целостность и чистоту их вероучения, дирекция народных школ должна подчинить эти школы контролю, на сколько возможно, действительному. Для этой цели Комиссия признала полезными следующие меры: – 1) прежде чем открыть новую школу, мусульмане должны представить дирекции народных училищ то лицо, которое будет заведывать школой, учителей, а также доставить сведения о тех материальных средствах, на которые будет содержаться школа; – 2) в конце каждого года администрация школы должна представлять дирекции народных училищ сведения об учителях, учениках и материальных средствах; – 3) мулла, который обучает в школе, должен знать русский язык, быть русским подданным; – 4) не мусульмане не должны быть принимаемы в школы в качестве учеников; – 5) учителя должны принадлежать к той же национальности, к которой принадлежат ученики; – 6) книги для чтения и учебники должны печататься в России под русской цензурой; – 7) школьным языком должен быть местный разговорный язык, а не искусственный литературный татарский язык (который служит средством объединения мусульман разных национальностей), книги для *религиозного* чтения могут

печататься и на арабском языке; – 8) желательно в медресе учредить классы для изучения русского языка и арифметики; – 9) обучение в школах должно соответствовать требованиям общественной морали; – 10) за исполнением указанных требований должны следить инспекторы народных училищ; они же должны следить за татарскими библиотеками, читальнями, литературными вечерами и проч... – 11) должны быть учреждены две школы: одна в Казани, другая в Кяхте, для приготовления опытных драгоманов³⁶ и вообще лиц, знающих инородческие языки» (pp. 262–263). Но, чтобы ни изобретало русское правительство для борьбы с развивающимся националистическим движением мусульман, заключает свои рассуждения г. Аминов, оно должно считаться, как с совершившимся фактом, с тем, что *русский язык и русская школа имеют против себя огромную мусульманскую массу в Восточной России, которая стремится упрочить своё культурное будущее, опираясь на татарский язык и татарскую литературу.*

Нет нужды много распространяться о том, что данные об успехах образования у русских мусульман, приведённые в статье г. Аминова, и заключительный вывод из этих данных, заслуживают серьёзного внимания тех, кому дороги православно-русские интересы в Восточной части России.

Так многозначительно оканчивает преосвящ. Алексей своё обозрение статьи г. Аминова.

О деревенских защитниках православия

Теперь ломают копья все наши публицисты, решая вопросы, связанные со свободой совести. При этом многие ревнители православия совершенно искренне воображают, что одними законами и предписаниями можно оградить и защитить православие от вредных влияний. Между тем ещё на казанском миссионерском съезде 1897 г. нынешний архиепископ Волынский отмечал, что такие мистические секты, как хлыстовщина или малеванщина, нарождаются без всяких посторонних влияний, просто от неправильного развития религиозной жизни кого-либо из самочинных искателей истины. Что же могут сделать в данном случае те, кому хотят навязать защиту православия? – Разумеется, они оказываются вполне бессильными...

Совершенно также они бессильны и в отношении магометанства и его пропаганды. Правда, они, эти мнимые защитники православия, могут «арестовать и выслатъ» какого-нибудь глупого пропагандатора ислама, но с умным они ничего не поделают! Не могут же они запретить черемисам или крещёным татарам ездить на базар? А если те едут, то непременно встречаются татар-магометан и непременно слышат какую-нибудь хулу на христианскую веру или брань по адресу духовенства.

Но бывает и так, что «защитником» православия является лютеранин. Впрочем, такие инциденты являлись прежде, а ныне с объявлением «начал веротерпимости» отошли в область прошедшего времени и лишь дурных воспоминаний. Ещё недавно какой-нибудь русский чиновник-лютеранин оказывался по должности защитником православия. Ему церковь и мечеть были одинаково глубоко безразличны. Но в православном храме он чувствовал себя властью и время от времени там позволял себе делать распоряжения, отдавать приказание церковному старосте, а по временам и производить форменные беспорядки. Так он вёл себя в православном храме, а когда ведомый своей административной мудростью он являлся в

мечеть, то, жалко заискивая расположения магометан, комично клал их поклоны... Был и такой «защитник» православия, который кормил своих собак – очень почитаемым православными христианами хлебом...³⁷.

Можно ли сожалеть, что такие люди теперь уже не унижают православия своим «покровительством?» – Разумеется, можно только радоваться, что наша несчастная инородческая глушь при новом вероисповедном режиме не будет иметь таких «защитников» православия. Мудрость нашего православного Царя избавила нас от такой беды.

Но в указанных нами случаях речь шла только о частных случаях явной несообразности в прежнем устройении жизни православия. Бывали, однако, и положения более серьёзные – полного злоупотребления власти в её отношениях к православию и православным христианам. Чтобы никого не обидеть, мы возьмём примеры этого из переписки почти официальной Н. И. Ильминского и К. П. Победоносцева, напечатанной по распоряжению последнего в органе Казанской Духовной Академии – Правосл. Собеседник.

Выписываем буквальные слова Н. И. Ильминского.

1. Что касается способов отступнической пропаганды, то сначала она действует внушением, разъяснением, вообще устно-полемическим способом, потом переходит к насмешкам, кощунству над христианством, к побоям и угрозам; последнее время магометанство приняло по-видимому новый и более радикальный способ, – забирать в свои руки власть в сельском управлении (так в Елышевской волости, где вместе с магометанскими деревнями находятся деревни крещёно-татарские и даже русские, избран волостным старшиной магометанин, членами волостного суда – или коренные магометане или отступники). Такой состав сельского суда старается засудить и подвергнуть наказанию тех именно крещёных татар, которые ещё держатся православия, дабы этих ревнителей православия лишить правоспособности занимать когда-либо должностные места. Но в Больших Саврушах 12 и 13 февр. (1882 года) разыгралась настоящая драма, неожиданное, быстрое и лютое разорение несчастных людей: кто продал

последнюю лошадь, кто озимь. А это притеснение Василия Терентьева из-за каких-нибудь трёх рублей за его длинные волосы (признак полного усердия к христианству); а этот отказ приложить должностную печать к сделкам, сколько-нибудь полезным для крещёных татар. В два дня смяты и разорены несколько лучших крещёно-татарских семейств, а отступники, которые даже оставались должниками за земский овёс, не тронуты и оставлены в покое. И русские чины: становой пристав, полицейский урядник, стражник не умудрились защитить православных христиан, – кто спал, кто – так».

Так писал осторожный Н. И. Ильминский, прекрасно знавший, что на наших сельских властей или сон или бессонница нападала и нападает совсем не без причины, – а ради очень понятной – дружбы магометан к ним и наоборот. Но ведь это те, кого русские люди хотят ещё до сих пор видеть защитниками православия. Хороши защитники! – Но берём ещё более серьёзный случай «защиты» православия и опять со слов Н. И. Ильминского...

2. В одной из местностей Алтая четыре инородческие семейства, изъявившие желания принять св. Крещение, после надлежащего оглашения и обучения молитвам о. архимандритом Макарием (ныне архиеп. Томский), оставлены были им на месте их жительства, по случаю встретившейся ему надобности отлучиться куда-то надолго. Земский исправник, враждебно относившийся к о. Макарию, узнав о приготовленных им к крещению семействах, в проезд свой через кочевья последних внушил им, чтобы они архимандриту не верили и не крестились, ибо крещёных молодых людей будут отдавать в солдаты, престарелых и женщин в заводские работы. «Узнав об этом, присовокупил исправник, я нарочито приехал сюда, чтобы предупредить вас. Если же вы не послушаете меня, то, уверяю вас, старших из вас замучу до смерти, и тут же закопаю в землю». Напуганные этим инородцы немедленно скочевали в другие места, оставив своё намерение креститься.

Этот факт враждебного отношения представителя христианской власти к первому проповеднику Евангелия на Алтае, послуживший образцом для языческих властей, не раз

повторялся в истории миссий в разных видоизменениях. Особенно скорбны страницы истории миссии второй половины 50-х годов, когда гражданская власть... положила в намерении «стереть миссию с лица земли».

Таково бывало положение миссии и её деятелей!.. Таковы были в провинции «защитники» православия; такими они были и очень давно и ещё очень недавно... И повторяю: нужно благодарить Десницу Царскую, которая спасла миссию от её бывшего унижения. Ныне миссия надеется только на силу и милость Божию и только ими и сильна может быть.

Епископ **Андрей.**

Библиотека миссионера среди магометан

(Составлена прот. **Е. Маловым** для миссионерского съезда 1910 г.).

(Продолжение).

Можаровский К. Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещение Казанских инородцев, с 1552 по 1867 г. Москва. 1880 г.

На память о Николае Ив. Ильминском. П. *Знаменского*. Казань. 1892 г.

Н. Ив. Ильминский, директор Казанской учительской семинарии († 27 дек. 1891 г.) *В. Н. Витевского*. Казань. 1892 г.

Основные черты распространения христианства на Руси 900 лет назад и ныне *Е. Н. Воронца*. Харьков 1890 г.

Лезгинец Ассан. С.-Петербург. 1865 г. (Обратившийся из мухаммеданства в христианство).

Имадеддин. Автобиография мухаммеданина, обратившегося в христианство. Перевод с немецкого языка. Оренбург. 1889 г.

Мухаммеданское учение о смерти, о воскресении из мёртвых и о страшном суде, о рае и аде. М. П. *Ронгинского*. Оренбург. 1891–93 г.

Обзор 25-летний деятельности Казанского Братства Св. Гурия, *Н. Н. Одигитриевского*. Москва. 1892 г.

Критический разбор мухаммеданских сказаний о чудесах Иисуса Христа, *Священника А. Ф. Михайлова*. Казань. 1894 г.

Казанская центральная школа *Н. И. Ильминского*. Издание П. В. *Щетинкина*. Казань. 1887 г.

Ответы на недоумения и вопросы, предложенные мухаммеданами относительно некоторых предметов христианского вероучения. Изд. 2-е. 1896 г. *Миссионера священн. Миропольского*.

Ключ к Корану. *Аббата Бургада*. Перевод с французского языка. Оренбург. 1897 г.

Н. Григорьев. О Пресвятой Троице. Беседа православного христианина с мухаммеданином. Оренбург. 1903 г.

Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Составил *Н. А. Спасский*. Самара. 1900 г.

Крещёные татары Казанской губернии. Этнографический очерк. *Н. Н. Одигитриевского*. Москва. 1895 г.

С. М. Матвеев. Свадебные обычаи и обряды крещёных татар Уфимской губернии Казань. 1896 г.; Погребальные и поминальные обряды крещёных татар Уфимской губернии. Казань. 1899 г.

О киреметях крещённых татар Казанского края. Лекция в Казанском Миссионерском приюте студента Казанской духовной академии Ильи Ив. Софийского. (См. известия по Казанской Епархии 1877 г. № 24).

Его же лекция: Заговоры и заклинания крещёных татар Казанского края. (См. Известия по Казанск. Епархии 1878 г. № 2).

История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы из (книг) *Доза* и *Гольдциера*, *А. Крымского*, ч. I и II. Москва. 1903–1904 г.

Иоган Гаури. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. Перевод с немецк. языка. *П. И. Хомутова*. Ташкент – 1893 г.

Ответ мухаммеданам на их возражения против христианского догмата о Пресвятой Троице, *Я. Д. Коблова*. (См. Православный Собеседник. 1903 г. Декабрь).

Взгляд на женщину в мухаммеданстве. Кандидата Богословия Казанской Духовной Академии *Александра А-ча Гуляева*. (См. Православный Благовестник за 1903 г.).

Противо-мусульманские сочинения *Епископа Феодора*.

Абукары. (См. жур. Миссипнер 1879 г.). *Александра Ив. Агронома*; Противо-мусульманские сочинения св. *Иоанна Дамаскина*. (См. журнал Миссионер 1879 г.).

Положение мусульманского духовенства. О муллах. *Я. Д. Коблова*. Казань. 1906 г.; Религиозные обряды и обычаи татар мухаммедан. Казань 1909 г.

К истории миссионерской молитвы. *Архимандрита Свяжского монастыря Вениамина*. (См. Миссионерское

Обозрение. С. П. Б. 1900 г. Февраль).

Мухаммед Меккский и Мухаммед Мединский П. К. Жузе. Казань. 1905 г.

«Сборник материалов по мусульманству». Ташкент. 1901 г. «Журнал Средней Азии».

«Основы мусульманского вероучения». Перевод П. Жузе. Казань.

«Положение христиан в мусульманок, государств». П. Жузе.

В Касимовской миссии можно приобрести следующие книги миссионера В. В. Доронкина:

1) Второе открытое письмо к татарам-магометанам «ответ вопрошающим магометанам» – 12 коп.

2) Коран божественное ли откровение? 3-е открытое письмо к татарам-магометанам – 5 коп.

3) Был ли Мухаммед чудотворец? – 5 коп.

4) «Явное и несомненное доказательство истинности, святости и спасительности православно христианской веры». 4-е письмо к татарам магометанам – 5 коп.

5) Повреждено ли Св. Евангелие у христиан. 5-е письмо к татарам-магометанам. – 5 коп.

6) Христос и Магомет. – 1 коп.

7) О молитве, особенно церковной. – 1 коп.

8) Касимовская православная противо-магометанская миссия за первое десятилетие своего существования (доклад Казанскому Миссионерск. Съезду) – 1 р.

9) Первое открытое письмо к татарам-магометанам.

10) Беседы священника с мухаммеданами.

11) Беседы священника с магометанами о миградже.

12) Житие свят. Василия, Епископа Рязанского.

13) Первая проповедь о. миссионера при вступлении в должность миссионера.

(Адрес: Касимов, Рязанской губернии, миссионеру, священнику Василию Васильевичу Доронкину).

(Окончание будет).

**№ 43. Сотрудник Братства св. Гурия. 29
августа 1910 года**

Из жизни Братства св. Гурия

Мы уже отмечали, что Казанская миссия постепенно принимает характер всё более живой и жизненной деятельности, мало-по-малу захватывает более и более широкий круг деятелей и проникает в глубь народной жизни.

Так в мае и июне с. г. были открыты отделы Братства свят. Гурия в г.г. Мамадыше и Чистополе. Ныне с радостью можно отметить, что в июле и августе такие же отделы уже открыты в Козьмодемьянске и Лаишеве. Совершенно с такими же задачами, как эти «отделы», уже два года функционирует «Царевококшайский миссионерский кружок».

Теперь у руководителей этих уездных миссионерских организаций должна быть величайшая задача: привлечь к делу церковному без исключения все местные силы. *Этих сил очень много*, стоит их только заинтересовать делом или указать на него. Нужно ещё кроме того нашим церковным деятелям иметь мужество сознаваться в своих ошибках; нужно иметь терпение, чтобы своей пастве внушить сознание её долга служить св. Церкви; нужно ещё ныне много иметь пастырской любви, чтобы прощать чужие ошибки, а иногда и оскорбления, совершенно не заслуженные. При наличности таких условий дело церковного обновления православной Руси и укрепления православной миссии будет расти и давать великие плоды. Тогда и верующие миряне сочтут себя обязанными служить св. Церкви, а не верующие из мирян будут всем известны вместе с их злобными издевательствами над Церковью. Уездный наблюдатель церковно-приходских школ, инспектор народных училищ, – только эти два должностные лица, если будут сочувственно относиться к миссии, то могут совершенно изменить в пять–семь лет всё настроение деревни. И наоборот, если первый будет слегка враждебно относиться к миссии, а второй – ею пренебрегать, то такой же тон по отношению к Церкви немедленно примут и все их учителя, и в тот же срок последует полное развращение всего района их деятельности... Но да не будет сего! И пусть объединение русских православных сил всё

растёт и развивается и в широту, и в глубину, и пусть процветают уездные церковные организации, так быстро народившиеся в Казанской епархии.

Господь да поможет нам всем, возлюбленные отцы и братие.

Епископ ***Андрей***.

Колебания русского правительства во взглядах на миссионерскую деятельность

православной русской церкви.

(Доклад Казанскому Миссион. Съезду 1910 г.).

(Окончание).

Результаты такой неустойчивой политики русского правительства в отношении магометан русская церковь переживает уже в следующем XIX ст. и переживает до сего времени. Разумею с одной стороны целый ряд массовых отпадений крещёных инородцев, нанёсших русской церкви тяжёлый и непоправимый урон, а с другой – открытое наступление магометанства на христианство, выразившееся не только в резких формах татарской печати, но и – к великому стыду русских – в совращениях коренных русских людей в ислам. – Эти факты указывают нам, что магометанство и христианство как бы начинают меняться своими историческими ролями: из гонимой религии воинствующее магометанство превращается в наступающую, а христианство – из наступающей религии превращается в отступающую. Оправдываются т. обр. слова покойного нашего синолога В. П. Васильева: «Старинная борьба христианства с мусульманством не только не окончилась, но и не клонится на сторону первого». Мне тяжело, но я должен привести здесь, в виде вразумления, приписываемые Халифу Омару I зловещие и жестокие слова: «мы должны поедать христиан, а наши потомки – их потомков дотоле, пока не останется на земле искушения».

Истинно верующие в евангельское обетование должны утешаться, что церковь Христову и самые врата адовы не одолеют; но вместе с тем на нас лежит долг готовиться к борьбе и выдерживать начавшиеся со стороны ислама враждебные натиски...

Насколько выполнил наш Съезд эту задачу, я судить не берусь, а с своей стороны позволяю себе так формулировать главные мысли моих докладов Съезду.

1) На основании всех сообщений, какие я имел удовольствие выслушать на нашем Съезде, я уверенно подтверждаю свою основную мысль о том, что имеющий многовековую историю мусульманский вопрос, оставаясь всегда важным для господствующей в Империи, а для нас, русских, родной православной церкви, в последние годы приобрёл политическое значение и при том столь серьёзное, что я страшусь не только за будущее благоденствие русской православной церкви, но и за нераздельность нашего отечества.

2) Такая большая государственная важность данного вопроса требует от современного правительства соответственного внимания и не допускает продолжения колебаний во взглядах духовных и гражданских властей на мусульманский вопрос в России, как я имел честь разъяснить это на нашем Съезде.

3) Во избежание серьёзной ответственности пред отечеством, духовные власти и гражданские начальники должны безотлагательно принять зависящие от них меры к упорядочению этого вопроса в Империи, к постановке его в должные границы и рамки, согласующиеся с одной стороны с законом о веротерпимости, а с другой – с достоинством тысячелетней истории и с будущим господством русского православного народа.

4) Русскому правительству – духовным и гражданским властям – необходимо отрешиться от вольных и невольных ошибок минувшего времени, вступить, наконец, на истинный путь христиански-миролюбивых отношений к враждующему магометанству и следовать по этому пути разумно и твёрдо, без колебаний и без уклонений вправо или влево. Тогда, – я уверен, – многомиллионные подданные России магометане сами поймут своё положение в русском государстве и будут продолжать с нами взаимотесную государственную жизнь, отбросив свои панисламские и пантюрокские фантазии и вождедения о Татаристане. При этом я обязываюсь доложить настоящему собранию, что мусульмане, как граждане и люди, имеют много хороших качеств, выгодных для государства; но они, под влиянием указанных выше идей, безрассудно забывают, что не

инородцы, а русский народ создал обширное и могучее русское государство, в котором он, как хозяин, имеет право на господствующее положение, а не инородцы.

5) Для избегания же ошибок в дальнейшем управлении мусульманами, нам необходимо всесторонне изучить современное движение в мусульманском мире и не только по книгам, в аудиториях и читальнях, но и на практике, в самой жизни, и возможно шире распространять приобретаемые знания путём печати, общедоступных чтений и частных бесед в домашних кружках, как делают это те же магометане.

6) Для распространения знаний об исламе и современных магометан, необходимо поддерживать и расширять существующие в России правительственные учебные заведения, в которых изучаются инородческие языки и верования инородцев мусульман. При этом я с почтением присоединяюсь к провозглашённому 22 сего июня (вторник) Преосвященным Ректором Казанской Духовной Академии, Епископом Алексием, тосту³⁸ за объединение учёной деятельности всех четырёх академий России, не только в отношении богословско-философских знаний, но и знакомства с современным исламом, на основании иностранных исследований, постоянно пополняющих литературу этого вопроса с разных точек зрения.

7) Наряду с этим скромным, но многообещающим желанием, я признаю необходимость и внутренней миссии, как орудия для самообороны и для утверждения крещёных инородцев в православной вере. Представители этой миссии должны отличаться духом апостольского проповедничества и согласоваться с гуманными законоположениями современного правительства.

8) Для обеспечения желательных успехов христианской миссии среди магометан необходимо прежде всего создать в среде инородцев атмосферу, соответствующую высокой задаче христианской миссии, а такая атмосфера может образоваться при восстановлении в православном обществе церковной дисциплины, на чём настаивали на Съезде Преосвященные

Епископы, и при условии распространения среди крещёных инородцев христианских школ.

9) Братство св. Гурия в Казани с его школами, миссионерские курсы при Казанской духовной академии, а равно и епархиальные миссионерские комитеты в епархиях с крещёнными инородцами заслуживают поэтому материальной и нравственной поддержки со стороны русского православного общества и русского правительства.

10) Есть ещё одна могучая правительственная мера к сближению инородцев с русским народом и к закреплению русских окраин за Империей. Это – русские поселения, озабочивающие в последнее время высшие правительственные власти. – Но при этом встречаются иногда затруднения, не вытекающие из существа дела, а объясняемые отсутствием единомыслия среди чиновников разных ведомств.

Кроме того, в Сибири на это важное государственное дело оказывают совершенно разлагающее влияние разные политические ссыльные, которые как бы мстят правительству, развращая русских поселенцев. Так рассказывали мне на Съезде в Туринске (Тобольской губ.).

Изложив таким образом общие мысли своих докладов Съезду, я позволяю себе высказать одно замечание, имеющее значение для упорядочения мусульманского вопроса в России. До последнего времени русское правительство оправдывало своё невмешательство в школьное дело русских магометан видимой лояльностью этих инородцев; но по требованию справедливости, я позволяю себе сказать, что татарское население в России не столь невинно и спокойно, как об этом принято думать: на всём почти четырёхсотлетнем протяжении подданства татар России было немало случаев их беспокойного и нелояльного настроения, о чём можно найти указания в разных архивах и монографиях, особенно за последние десятилетия. Не перечисляя этих указаний, я сошлюсь на факты массовых переселений крымских и кавказских татар в Турцию в разное время, а равно и на волнения татар в разных местах России по разным поводам. Этот ошибочный взгляд на указанную «лояльность» татар необходимо сознать особенно в

настоящее время, после разнообразных выступлений татарских публицистов в периодической печати и в Государственной Думе. Необходимо считаться с современным, далеко беспокойным настроением магометан России, чтобы не создать в ближайшем будущем нового политического вопроса – татарско-мусульманского, который, смею заверить, будет, если мы оплошаем, беспокойнее и опаснее польского, еврейского и финляндского вопросов³⁹.

Yideant et caveant patriae Consules!

Н. Остроумов.

Архипастырская милость

Высокопреосв. Архипастырь Казанский, Владыка Архиепископ Никанор в постоянной своей заботе о миссии и о Братстве свят. Гурия уже давно рекомендовал Совету Братства озаботиться открытием при Братских школах хотя бы небольших библиотек. Было по этому поводу сделано и соответствующее «постановление» в журналах Братства. Но на этом всё и закончилось. Недостаток в средствах лишил возможности Совет Братства что-нибудь предпринять во исполнение своего собственного «постановления».

Ныне Владыка – Архиепископ принял более энергичные меры к осуществлению благих намерений Братства. Его Высокопреосвященство изволил пожертвовать в Братские школы (134) полные экземпляры своих трудов: Толкового Апостола (3 части), Святцы и праздники, Церковные чтения и Нравственное богословие.

Этим крупным пожертвованием Братству положено так. обр. начало великому делу учреждения народных библиотек. И если это великое начало будет надлежаще поддержано всеми членами Братства, то знание русского языка среди инородцев будет постепенно укрепляться и не будет грустных явлений полного забвения ими знаний русской грамоты, приобретённых в школах.

И всех, до кого дойдут настоящие строки, усердно приглашаю пожертвовать или свои сочинения или какие-либо другие книжки назидательного чтения для народа, чтобы ими можно было усилить нарождающиеся библиотеки школ Братства свят. Гурия. Книжки можно присылать на моё имя.

Епископ **Андрей**.

О миссии на Кавказе

(Из докладов в Каз. миссионерский съезд).

Московское миссионерское общество называется всероссийским, свою власть и деятельность распространяет даже за границей, например, в Японии и Америке; между тем это всероссийское общество не простирает своей власти и деятельности на Кавказский край ввиду того, что там существует общество восстановления христианства на Кавказе. Я полагаю, что такое положение дела ненормально; если мусульмане Казанского края и отдалённого Египта преследуют единство в действиях путём установления взглядов и мер, то тем более между обоими вышеназванными обществами должна быть зависимость, согласие, единство в применении миссионерской системы; условия религиозной жизни мусульман всех провинций России сродных между собою, поэтому способ действия среди казанских мусульман приложим и для мусульман кавказских, исключая только в некотором отношении мусульманствующих грузин Батумской области, Ахалцихо-Ахалкалакского края, Закатальского-Нухинского района, имеющих родство с православными грузинами. Просвещением православных грузин естественнее было бы дать отпор мусульманскому влиянию на часть грузин, отторгнутых от православной грузинской церкви огнём и мечом Турции, Персии и Дагестана. Между тем выработанная система Ильминского, каковая стремится оградить в России мелкие народности от слияния по языку и по вере с большим народом, не действует на Кавказе.

В интересах православия и русской культуры на Кавказе должна быть поставлена преграда к ассимиляции грузин-отступников с турками, во избежание усиления турецкой нации на счёт другого народа во вред России. На этот важный вопрос там не обращается должного внимания. Для примера приведём два факта: в Закатальском округе, где кроме мусульман, татар и лезгин живут ещё православные грузины и грузины-мусульмане (ингилойцы), существует так называемый словесный суд,

разбирающий дела при участии казия и других мусульман-депутатов на основании шариата и мусульманских обычаев (адатов). К великому удивлению этому судопроизводству подлежат местные отступники-грузины и даже православное население (один благочиннический округ). Кроме того, в омусульманившихся грузинских селениях, в управлениях делопроизводство ведётся на турецком языке арабской письменностью, из участковых и окружных управлений переписка ведётся на том же языке и тем же шрифтом, для чего содержатся особые писаря и письмоводители из мусульман, хотя мусульманствующие грузины владеют своим родственным языком не хуже чем турецким. Далее: во втором отделе «Программы», из описания мной применения системы, выработанной Н. Ильминским, в Закавказье, видно, какие преграды она встречала в некоторых местах ввиду разных взглядов на способы распространения христианского просвещения среди туземцев. Если бы Московское Всероссийское Миссионерское общество простирало свою деятельность на Закавказье, то применяемые меры к инородцам всего ведомства могли быть вводимы и на окраины с содействия влиятельных заправителей просвещения в Казани в православном русском духе. Я и другие миссионеры неоднократно возбуждали ходатайство пред советом общества об упразднении или освобождении от вышеназванного словесного суда православных приходов и о замене в грузинских мусульманских селениях официальной переписки вместо арабско-турецкой русским государственным языком; но, как видно, положение дела остаётся при том же ненормальном состоянии. К сказанному нужно прибавить, что по уставу общества восстановления православия на Кавказе (§ 1-й) на обязанности его лежит восстановление, а не распространение христианства, поэтому деятельность свою оно сосредоточивает только на мусульманствующих грузин, на горские христианские грузинские приходы, на абхазцев, осетин, удин и друг., а татары закавказские, лезгины и другие туземцы-иноверцы, как видно из отчётов общества и устава, лишены всякого внимания миссии. Ввиду этого – или деятельность Московского миссионерского

общества следовало бы распространить за Кавказом, или же расширить круг деятельности Кавказского общества, предоставив совету Московского миссионерского общества по представлениям миссионерских учреждений гор. Казани входить в рассмотрение миссионерских вопросов на Кавказе и делать соответствующие сношения пред кем следует.

Прот. Т. Иваницкий.

Из Московских Ведомостей

Московские Ведомости отмечают панисламистскую пропаганду в Крыму, которую ведут несколько лиц, лишённых доверия даже своих единоплеменников, татар – крымских уроженцев. Вот что сообщает указанная газета об этих «передовых татарах», которые скрывают истинное просвещение от своего народа и дают ему только вместо просвещения фанатическое невежество.

«Корреспондент Православного Благовестника, органа Православного Миссионерского Общества, сообщает, что кучка представителей крымских татар, в сущности не пользующаяся фактическим доверием большинства татарского населения и всей душой стремящаяся по ту сторону Чёрного моря, решила добиваться разрешения преподавания «светских» предметов в татарских мэктебах на «родном» языке. На первый взгляд в желании «передовых татар», казалось бы, нет ничего особенного, но и тут дело идёт не о национальном крымскотатарском языке, а об языке константинопольском, т. е. османском наречии. Вожаки панисламизма в своём стремлении хотят прежде всего изгнать из среды русского-татарского населения язык государственный, чтобы через это отдалиться от всего русского.

Наше Министерство Народного Просвещения, – говорит корреспондент, – сделало крупное упущение, разрешив крымским татарам открывать, так называемые, школы «мэктебе-рушдие» (турецкие нормальные школы), в которых преподавание ведётся по учебникам на османском наречии. Таких, по-турецки обставленных, школ в Крыму множество; они, именуемые местными инспекторами татарскими «национальными школами», – хотя там ничего нет татарского, – фактически пользуются самой широкой автономией, какой не имеют даже русские школы. (Это не дурно! Ред.).

Мэктебы открываются без всякого разрешения со стороны правительства, до сих пор придерживавшегося политики полного невмешательства. Теперь наступили другие времена и

за дело взялась губернская администрация, которая ясным языком объявила, что она не позволяет в губернии творить анархии по мэктебному делу; мэктебы не должны открываться без разрешения и все должны быть надлежащим образом зарегистрированы. Что творилось в этих злосчастных мэктебах, после более чем векового присоединения Крыма к России, трудно себе и представить.

В Крыму нет ни одной татарской деревушки, даже самой бедной, где бы не было одного или нескольких мэктебов. По мусульманскому закону, обучение в них обязательно для каждого правоверного татарина, и последние исполняют это свято. Если в деревне местный имам не позаботится открыть мэктебе, само местное общество по собственному почину и без всякого предварительного разрешения открывает по несколько мэктебов в своей деревушке. Способы обучения в них и сама обстановка, по свидетельству самих татар, крайне примитивны. Учителя, зачастую турецкоподданные, занимаются обучением грамоте, применяя средневековую пытку «фаланха», которая состоит в том, что ребёнка привязывают к блоку вверх ногами.

Воспитывая детей на строгих законах шариата, учителя-турки фанатично оберегают их от всего русского и проводят сепаратистские идеи панисламизма. Несмотря на то, что большинство русских татар жаждет именно русского образования и охотно отдаёт в наши школы не только мальчиков, но и девочек, кучка панисламистов стремится доказать противное. Нежелание «передовых татар» учиться русской грамоте, – заканчивает корреспондент, – по меньшей мере – обида для русского народа. Ведь наши единоверцы в Турции изучают же османский язык, и странно было бы, если бы они не изучали государственного османского языка.

Revue du monde musulman

(Библиографическая заметка).

Этот журнал⁴⁰ издаётся в Париже. Отдельный номер его стоит с пересылкой 3 ½ франка (приблизительно около 1 рубля 30-ти копеек), а годовая цена с пересылкой за границу – около 12 рублей (30 франков).

В заголовке отмечено, что это – издание «научной миссии Мароккской», т. е., по-видимому, этот журнал предназначен для изучения мусульманства французской колонии в Африке – Марокко. Но в журнале есть особый отдел «Среди мусульманского мира», – в котором сообщаются сведения о современном положении мусульманства в Османской Империи, в России, в Персии, в Индии и др. местах, почему этот журнал приобретает некоторый интерес для всех наблюдателей внутренней жизни мусульманства. Напр. в майском за 1910 год номере 176 страниц чёткого шрифта и на прекрасной бумаге. Иллюстраций нет; только к статье «Современное положение ислама в Восточно-французской Африке» приложена маленькая и довольно убогая карта «Верхнего Сенегал – Нигера» (в Африке).

В начале книги помещена «Биография Сеид-Эдтелль – Омар Шаис-Эддика», введшего ислам в Китае. Эта статья снабжена солидным числом китайских иероглифов в подстрочных примечаниях, которых помечено в статье 124 №№.

Затем, следует – «Современное положение ислама в Восточно-французской Африке», «Кавказ. Армения и Азербайджан по (древним) описаниям арабов, славян и евреев». Все эти большие статьи ещё не закончены и представляют части больших и солидных сочинений с множеством цитат из соответствующих сочинений – первоисточников.

Целый следующий отдел «Заметки и Документы» представляет собой что-то вроде «Смеси», в которой под одним заглавием помещены такие статьи – «Пресса автономистов анти-англичан в Индии», «Шейкизм», «Группа мусульман в

Караджае», «Современные этнографические имена народов Кавказа», «Хаджи-Мурат наиб Шамиля».

Затем следует названный выше, отдел, «Среди мусульманского мира», в котором «мусульманский мир» России представляет статейка – «Обучение у мусульман Кавказа».

Здесь говорится, что в Баку по переписи 1897 года числится мусульман 676,243 человека, т. е. 82 *процента* общего числа жителей губернии. В 1900 году в гимназии Баку школьников-мусульман было 55, а в 1908 году – 120. В реальном училище в 1900 году – 70, в 1908 – 223. В начальных училищах было в 1900 г. – 1300 детей, а в 1908 – 2675. Автор отмечает распространение образования среди мусульман. Там есть даже четырёхклассное учебное заведение специально для девушек-мусульманок, открытое миллионером Хаджи-Зейналь-Абидин-Тагуевым, в котором обучается до 200 мусульманок. Предметы обучения: начальные знания, *языки русский и турецкий*, религия, музыка и рукоделие. Городское управление открыло, после школы Тагуева, ещё новую женскую мусульманскую школу, в которой уже набралось 90 учениц.

Последние отделы журнала касаются мусульманской печати. Озаглавливаются они так: «Мусульманская пресса» (арабская в Турции, Русская, Персидская, Индийская), «Книги и журналы», «Библиографии».

По справедливости, нужно сказать, что на меня самое лучшее впечатление из отдела «Пресса» произвела та (первая) часть его, в которой собраны сведения о новостях периодической и книжной печати *арабской*. Эта (арабская) часть библиографии имеет очень ценное значение *для учёных*: здесь указано много работ *по первоисточникам* средневековой арабской литературы, весьма ценных для истории арабов (на русском языке, по совести говоря, ещё и *не начатой* полной разработкой!). Лучшие издания, как видно по заглавиям книг, принадлежат *английскому языку*.

В извлечениях из периодической русской прессы приведены – корреспонденция газеты *Каспий* (интервью депутата из г. Дербента Гейдарова о мусульманской фракции в Государственной Думе), выдержки из газеты «Вакт», заметка о

собрании С.-Петербургского мусульманского благотворительного общества.

Библиографический отдел журнала составлен очень содержательно (преимущественно указаны английские и немецкие издания).

Я думаю, что Revue du Monde Musulman даст много материала при тщательном изучении ислама.

Свящ. **М. Степанов.**

Библиотека миссионера среди магометан

(Составлена прот. **Е. Маловым** для миссионерского съезда 1910 г.).

(Окончание).

Брошюры *диакона Николая Саркина*:

1) Св. семь отроков Ефесских, по христианск. и мухамеданским преданиям. Оренбург. 1905 г.

2) Чудотворный жезл Моисея по мухаммеданским преданиям. Казань. 1904 г.

3) Предание об Александре Македонском. Казань. 1905 г.

Труды Священника миссионера **Е. К. Елисеева**.

1) Имамеддин – Столп веры. Перевод с немецкого. Автобиография учёного мусульманина, обратившегося в христианство, как пример, чтобы рассеять вековое предубеждение мусульман, что учёный мусульманин не может согласиться принять крещение и убедиться в превосходстве христианства пред магометанством. На русском и татарском языке. Цена 20 коп. Тобольск. 1906 года.

2) Русско-Татарская азбука. Тобольск. 1906 года. Цена 10 коп.

3) О Иисусе Христе и Мухаммеде. Проведена параллель между христианством и магометанством. На русском и татарском языке. Цена 30 коп. 1905 г. Тобольск.

4) Истинная христианская вера есть вера православная. Выяснение превосходства православия пред иноверием и инославием.

5) Практические советы и разъяснения по вопросам миссионерской практики. Разъяснение законов, порядок приготовления ко крещению, указание необходимых документов и способ попечения о новокрещённых.

6) Первоначальные сведения о православной христианской вере, сообщаемые татарину Тобольской губернии, готовящемуся ко Св. крещению. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Цена 1 руб. Спб.

7) Важность и значение миссионерства. Ответ П. Пентрикевичу свящ. Ефрема Елисеева. Спб. 1902 г. Цена с пересылкой 30 коп.

8) О единой истинной вере. Возможно полная книга для постоянной и по возможности живой, наглядной, простой и назидательной, но и содержательной миссионерской проповеди. На двух языках с шрифтами: русским и татарско-арабским. Цена 3 руб. С.-Петербург (печатается).

9) Записки Тобольского миссионера за 1901 год. Спб. 1902 год. Цена с пересылкой 1 руб. 30 коп.

10) Записки Тобольского миссионера за 1902 год. Спб. 1903 года. Цена с пересылкой 1 руб. 25 коп.

11) Русско-Татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка. Цена 30 к. 1905 г. Тобольск.

12) Русско-Татарский словарь. Цена 30 коп. 1905 г. Тобольск.

13) Записки миссионера Буконского стана, Киргизской миссии за 1900 г. ныне Тобольского миссионера. Спб. 1901 г. Цена 1 р. 25 к. с пересылкой.

14) Записки миссионера Буконского стана, Киргизской миссии за 1892–1899 года. Сборник статей и миссионерских записок, с 13 рисунками из миссионерской жизни. Спб. 1900 г. Цена 3 руб. 25 коп. с пересылкой.

15) Учреждение противомусульманской миссии в Тобольской Епархии. – Речь, читанная на общем собрании Тобольского комитета миссионерского общества, по случаю открытия миссии. Спб. 1902 года. Цена с пересылкой 40 коп.

(Все перечисленные книги можно приобретать и выписывать через книжный склад Казанского Спасо-Преображенского миссион. монастыря).

О миссионерском департаменте и миссионерских мельницах

В нашей миссионерской журналистике уже есть сообщение о том, что г.г. петербургские миссионеры решили устроить миссионерский департамент в Петербурге и из этого департамента всё видеть, слышать, предугадывать и всеми миссионерами руководить, сколько бы их на матушке Руси ни было. Дорого ли обойдётся церковной казне это новое учреждение, мы не знаем; насколько оно свяжет руки местным силам, мы угадывать не смеем; но только напоминаем читателям нашим, что ни у татар-магометан, ни у баптистов, ни у старообрядцев-раскольников никаких департаментов нет, а их пропаганда идёт с завидным успехом. Почему? – Потому что там есть инициатива народная, там есть религиозное одушевление в деле проповеди.

Отмечаем новое явление в деле развития способов инославной пропаганды.

В одном из уездов Казанской епархии нашёлся несчастный, отпавший в баптизм. Долго он оставался одиноким в своём заблуждении. Но об нём узнали другие баптисты и общими силами выстроили ему мельницу, исключительно с целью пропаганды баптизма среди простого народа. Замечательно, что и в других местах именно мельницы оказываются в руках иноверных владельцев. Мельница – это народный клуб, а теперь – удобное место для ведения пропаганды чего угодно и в каком угодно направлении.

Такова инициатива врагов православия; а у нас вся миссионерская инициатива уходит на создание департаментов, на переписку с духовными консисториями, на писание отчётов и пр.

Миссия есть подвиг религиозного одушевления, а не принадлежность к миссионерскому чиновничеству.

И чтобы поставить миссию на должную выгоду нужен не миссионерский департамент, а церковное одушевление в жизни православия.

Церковник.

Заметка

В Оренбурге скончался магометанский благотворитель Хусаинов. На постройку мечетей и школ магометанских он завещал, по сообщению газет, 500.000 руб.

**№ 44. Сотрудник Братства св. Гурия. 5
сентября 1910 года**

Духовенство и кредитные товарищества

Главным предметом деятельности духовенства должно быть религиозно-нравственное воспитание прихожан. Исполняя свой долг, священник учит благовременно и безвременно, обличает и умоляет; прихожане слушают, вздыхают, а пользы что-то мало. Как видно, одно только религиозно-нравственное руководство является недостаточным средством для воспитания пасомых, раз цель, которая преследуется им, не достигается. На наш взгляд, деятельность духовенства должна носить более разнообразный характер, обнимать, по возможности, всю жизнь христианина. На ряду с религиозно-нравственным учением и наставлением должно идти пастырско-руководственное указание способов проведения этих начал в жизнь; словом, священник, интересуясь духовными потребностями прихожанина, обязан песщись и об его внешней, подчас весьма безотрадной жизни. Св. Григорий Двоеслов в своём «Правиле пастырском» говорит: «Нельзя одобрить тех пастырей, которые посвящают свои занятия исключительно одним духовным предметам, так что внешние нужды паствы для них как бы не существуют. Следствием этого бывает то, что пасомые, не видя в них сочувствия к своим нуждам, остаются в свою очередь равнодушны и к ним, пренебрегая большей частью их пастырскими наставлениями... Выслушивая из уст их обличения своего невежества и своих поступков, но не видя сочувственного сострадания к своим немощам и нуждам настоящей жизни, они неохотно слушают их духовные беседы, а ещё менее выполняют то, что им внушается в них... Поэтому, пастырям необходимо заботиться и о невинных средствах к процветанию внешнего благосостояния членов паств, если для них вожделенно, чтобы и внутреннее их благочестие тем более процветало».

Ясно, что нельзя ограничиваться только духовным руководством пасомых, необходимо ещё сочувственное отношение и к их горю и нужде, необходимо по возможности

помочь им, облегчить их жизнь, поднять их внешнее благосостояние.

Всем известно, как беспомощен наш бедный крестьянин, как всевозможные пауки и паразиты запутывают его по рукам и ногам, систематически высасывая из него все соки. Хозяйство его падает, урожай и труд продаётся с зимы за бесценок. Вертится он, как белка в колесе. Руки опускаются, теряется надежда когда-нибудь выпутаться. Вечная нужда, вечная кабала засасывает его, он опускается всё ниже и ниже, начинает с горя пить, красть. Отсутствие всяких нравственных принципов делает его глухим и безразличным ко всем наставлениям и поучениям. Глас священника остаётся гласом вопиющего в пустыне.

Вот тут-то и нужна осязательная помощь. Нужно найти причину нравственного падения, которая большей частью кроется в расстроеном хозяйстве.

В деревне почти единственными руководителями являются духовенство да учителя. На них вся надежда. Дружной, энергичной работой нужно помочь крестьянам вырваться из заколдованного круга, разжать крепко сжимающие их кулаки, дать им возможность в критическую минуту стать на ноги. Если им нужна земля, помогите добыть землю, укажите им лучшие способы обработки, а главное, откройте кредит. В кредитно-экономическое спасение крестьян. Сколько процентов только они платят для того, чтобы добыть денег. На какие компромиссы они только ни идут. По своей простоте они становятся жертвами всевозможных надувательств. Кроме ужасных процентов, векселя подписываются на двойную сумму, случается, что долг уже заплачен, а с них тянут ещё и ещё.

В настоящее время гигантскими шагами растут кооперативные учреждения, где крестьяне за нормальный процент достают нужные деньги. В тех местах, где существуют эти учреждения заметно повышение крестьянского благосостояния. Кроме денег вовремя, крестьяне при посредстве товариществ находят нужные земледельческие орудия, продают зерно по выгодной цене, на льготных условиях арендуют землю, при некоторых товариществах существуют

похоронные кассы. Словом, кооперация имеет великую будущность. Она поднимает крестьян на ноги. Нужно радоваться, что священникам теперь не запрещают в ней участвовать. Если они – энергично возьмутся за дело, то в скором времени вся епархия покроется целой сетью кредитных товариществ, которые будут обслуживать все нужды крестьян и, наверное, вырвут их из когтей хищников.

* * *

Эта статья *Кишинёвских Епархиальных Ведомостей* была перепечатана в *Волынских Еп. Вед.* (№ 31, 1910 г.).

С величайшей радостью мы приветствуем появление этой статьи, да ещё в таких аскетических *Ведомостях*, как Волынские! Мы всегда говорили, что если священник или вообще член причта не будет служить своему приходу, своей приходской семье, то скоро принуждён будет служить капиталу вообще в какой бы то ни было форме. И уже были случаи, когда в кредитном товариществе председателем оказывался магометанин, а его делопроизводителем – член причта. Любопытный продукт русской самобытности...

Напрасно бояться, что в таком случае причт будет «приказчиком» у прихода. Нет! Он будет пользоваться тем большим уважением, чем более будет отцом и слугой своего прихода.

Е. А.

Может ли ислам обновиться

Несколько месяцев тому назад в «Revue des Deux Mondes»⁴¹ появилась дельная статья много путешествовавшего по мусульманскому Востоку Луи Бертрана. Автор обстоятельно развивает свои соображения, скептически относясь к возможности обновления ислама, и предостерегает цивилизованный мир от угрожающей ему с Юга и Юго-Востока опасности. Приводим некоторые выдержки, ярко иллюстрирующие замечательные мысли автора.

«Бесполезно скрывать от себя: ислам, как вероучение, не потерял ни одной пяди своей почвы. Можно даже сказать, что он не переставал выигрывать таковую. Он теперь является таким же воинствующим, как и в самые блестящие эпохи своей истории; даже более, так как унижительное присутствие иностранца возбуждает в его приверженцах чувство религиозного фанатизма. Мы, конечно, от них не требуем, чтобы они отреклись от своей веры: такая претензия была бы столь же неуместна, как и смешна. Мы желаем только, чтобы эта вера не осуждала без разбора ни наших наук, ни нашей литературы и философии. Словом, мы хотели бы чтобы ислам, подражая западному христианству, принял свою долю участия в движении современной мысли. Католицизм, – в частности, вовсе не враг науки, как таковой. У нас монах так же, как и мирянин, может быть первоклассным математиком, астрономом, историком. Разумеется, цель христианства – не развитие материальной жизни: его стремления, не оставаясь чуждыми мирским делам, направлены, однако, выше. Делая неизбежные уступки материальной жизни, оно не должно, оно не может забывать, что его назначение прежде всего, духовное и что его царство – не от мира сего. Но существенно то, что оно добровольно сделало разумные уступки, требуемые от него временем. Такого рода компромисс в настоящее время предстоит и исламу, под опасением губительной изолированности. Но затруднения, которые он при этом встретит, весьма значительны.

Во-первых, ислам – религия чисто внешней жизни: внутренняя, которая по преимуществу является сферой христианства, в нём не имеет, так сказать, места. Изгнанный из практической жизни, ислам теряет под собой почву. Если он перестаёт наставлять, судить, регламентировать здоровье и нравы, даже одежду⁴², предписывать частные и общественные обряды, он, в некотором смысле, перестаёт существовать. Его мистическая подкладка крайне убога, его метафизическая подкладка – не менее того. Будучи, таким образом, весьма малоспособным действовать на чувства и интеллект, он, конечно, может ощущать лишь живейшее отвращение к нашей литературе и философии.

Против этого возражают что как раз потому, что он – не метафизическая религия, он более всего подходит к позитивному духу современных наук и что, во всяком случае, он гораздо проще христианства и требует от своих последователей менее напряжённого усилия для уверования. Быть может, это так, если отсутствие всякой серьёзной мысли и поверхностность считать синонимами позитивного духа. Однако, не видно, чтобы библейская космогония предлагала объяснения такие же противные не только современной науке, но и простому здравому смыслу, как космогония Корана. И по сей день хаджи учат школьников, что для поддержания земли в пространстве Бог создал ангела, поддерживаемого громадным утёсом, который, в свою очередь, упирается на спину и рога гигантского быка. По учению самого Корана, падающие звёзды – это пламенные стрелы, которые ангелами мечутся против адских духов. И так далее...

Догмы ислама в общем менее глубокомысленны, чем догмы христианства. На практике, для массы верующих, он сводится к примитивному деизму, подбитому многочисленными предрассудками (магия, волшебство) и, наконец, к верованию, что мусульмане суть избранный народ Божий. Но результатом этого упрощения является вовсе не то, что мы могли бы ожидать. Будучи сужена до небольшого числа объектов, мусульманская вера только усилилась в своём фанатизме. С исламом произошло здесь то же, что и с протестантизмом. Чем

более он облегчает свой мистический багаж, тем упорнее он охраняет его. Эти сокращённые символы суть наилучший фермент фанатизма.

Не следует поэтому удивляться, что ислам, несмотря на всю нашу предупредительность к нему, не разрушается вовсе. Его непримиримая вражда с трудом скрывается под маской равнодушия и презрения. Она чувствуется всегда, даже когда окутывается в формы приветливости. Во имя чего «передовые» реформаторы смогут мобилизовать толпу, если не во имя фанатизма? Волей или неволей им придётся, в конце концов, взывать к старой ненависти, всегда живучей, против неверных. На востоке, – никогда не должны мы этого забывать, – не существует иной связи между людьми одной и той же расы, как связь религиозная. Общность языка представляет только Второстепенное условие для национальных группировок. Есть греки, не говорящие по-гречески. Связью между ними служит литургия, присутствие на том же богослужении, исполнение тех же самых обрядов, повиновение духовной власти константинопольского патриарха, который доныне правил делами общины, как делами семьи.

Ещё недавно избиения⁴³ в Адане жестоко напомнили нам о том, что не может быть устойчивого мира между исламом и христианством: есть только более или менее продолжительное перемирие, могущее перейти в открытую войну по самому ничтожному поводу. Эти избиения, по жестокости и зверству превзошедшие все предыдущие, в достаточной мере внушают нам спасительное недоверие к мнимой терпимости восточных народов. Возражают, что мотивы, восстановившие турок против армян в Адане, были вовсе не религиозные, а экономические: несостоятельные или несправедливо эксплуатируемые должники вообразили момент подходящим для того, чтобы отделаться от своих кредиторов, т.е., их уничтожить. Но точно также не подлежит сомнению, что различие религий между противниками раздуло эти экономические счёты до ужасных размеров, вовсе не пропорциональных первоначальным причинам их. Впрочем, это всегда так бывает. Невозможно указать ни одной религиозной войны в собственном смысле

слова, которая бы не имела исходным пунктом экономического интереса. Случаи подобного взрыва фанатизма – болезнь местная и хроническая. При малейшем ослаблении административного надзора, нередко даже по секретному наущению центральной власти, враждебные религии восстают друг против друга. Люди, знающие Алжир, могут подтвердить, что, если бы французские войска ушли оттуда хотя бы на 24 часа, евреи во всех городах были бы перерезаны, затем очередь дошла бы до европейцев. На Востоке чувство фанатизма возбуждено до высшей степени. Людям, не замечающим ничего, кроме местных причин, во враждебных отношениях рас, достаточно вспомнить недавние факты, которые ещё у всех на памяти. В Константинополе, в апреле сего года, молодая турчанка была мученически умерщвлена, и её жених убит солдатами и толпой единственно за то, что этот жених был грек, и что эта мусульманка хотела выйти замуж за человека не своей веры. Если мы обобщим вопрос и спросим, может ли мусульманин, грек или еврей перейти в другую веру, не рискуя быть умерщвлённым, – то отовсюду мы услышим ответ: нет! Если после этого упорно утверждают, что торжество свободной мысли на Востоке есть лишь вопрос дней, то это – не что иное, как предвзятая уверенность. Если же, напротив, мы подумаем обо всем, таящем в себе фанатические страсти в соседстве с Европой, начиная с Чёрного моря и Анатолии и до крайних утёсов Марокко, то нам станет ясно, что мы окружены кольцом ненависти, сделать которую опасной для нас зависит только от нашей слабости. Гидра фанатизма не раздавлена ещё Единственное средство, имеющееся у нас для того, чтобы обезопасить себя против неё, состоит в её обессилении.

Старые восточные расы, старые национальности начинают шевелиться. Пресловутый восточный вопрос вновь поставлен во всей своей до сих пор ещё небывалой внушительности. Ибо в ветхой империи султана никто, ведь, не доволен своей судьбой: ни болгары, ни греки, ни армяне, ни сирийцы, ни арабы, ни египтяне, ни даже сами турки. Под угрозой Европы современное положение со всеми своими опасностями может ещё продолжаться, но не веками. Эта опасность не

преходящая. В тот день, когда великие европейские нации сцепятся друг с другом, можно предугадать, что произойдёт тотчас же на Балканах и на всём Востоке. И наконец, Турции возрождённой, приподнятой патриотическим рвением и религиозным фанатизмом, позволительны ведь всякие надежды? Если мы не переживём опять крестовых походов, то, во всяком случае, будем свидетелями великих кровопролитий между народами.

(Из СПб. Вед.).

О движении ислама на Кавказе

(Доклад грузинского Епархиального миссионера в Кавказской секции Казанского Противомусульманского Миссионерского Съезда).

Не позволяя себе злоупотреблять вниманием миссион. съезда, я буду по возможности краток, и это тем более, что в недалёком будущем имеет появиться моя история христианского просвещения Кавказских народностей за последние 50 лет, где я детально трактую о предмете, подлежащем обсуждению Кавказской секции. Следуя своему принципу, высказанному мной на первом заседании секции, обсуждавшей вопрос о язычестве среди инородцев, я изложу в самых существенных чертах взаимоотношение элементов, входящих в состав подлежащего нашему обсуждению кавказского троеверия и выскажу мои лучшие пожелания, осуществление которых могло бы принести свою добрую пользу кавказской миссии. Настоящему обзору подлежат народности Грузинской, Гурийско-Мингрельской, Имеретинской и Сухумской епархий.

1. *Ингилойцы* Закатальского округа Грузинской епархии.

Ингилойцы (в перев. на русск. яз. «новообращённые») представляют собой тех горцев, которые были просвещены светом христианского учения, по преданию, св. Апостолом Фаддеем. Церковное христианство впервые было ослаблено здесь проникшим в VI в. к горцам манихейством и армянским монофизитством. В XI в. Грузинская церковная и гражданская власть сделала энергичные усилия к восстановлению затемнённого еретичеством христианства. Попытки эти как в XI-м, так и в последующих веках сопровождались временами добрыми успехами. Но в XVI, а особенно XVII в. в. под влиянием завоевателей местности, занимаемой округом, именно персов и лезгин, горцы теряют христианство и делаются мусульманами – ингилойцами (новообращёнными). В XIX в. и в последнее десятилетие предпринимались новые попытки к

восстановлению православного христианства среди закатыльцев – отступников от Церкви. Но эти попытки не имели и не имеют больших результатов, отчасти вследствие энергичной контрпроповеди странствующих и местных мулл, отчасти за недостатком просвещённых и опытных миссионеров, хотя миссионерская проповедь здесь могла бы иметь успех: ингилойцы доселе почитают развалины христианских храмов, имеют некоторые христианские обычаи. В настоящее время среди ингилойцев работает не получивший специального образования миссионер кустарь, самоучка. Важно при этом отметить и то, что среди даже тех ингилойцев, которые были вновь возвращены в лоно православия, замечается ясно выраженный наклон в сторону мусульманства, благодаря пропаганде мулл.

II. Тушины, Пшавы, Хевсуры, Тионетского уезда той же епархии. Христианство среди этих горцев было проповедано в IV в. (за исключением хевсуров, являющихся, по народным сказаниям, остатками крестоносцев средних веков, затерявшихся в горах Кавказа). Вследствие географических условий, Тушины, Пшавы и Хевсуры, в течение 9 мес. в году оторванные от окружающего мира, не могли, конечно, быть под систематическим благотворным влиянием грузинского церковного центра, а потому христианство и не могло пустить здесь глубоких корней. В настроении хевсура, пшава и тушина христианство до самого последнего времени имело перевес над остатками прежнего языческого сознания, смешанного под влиянием соседей мусульман с некоторыми чертами магометанского упования. Горцы с благоговением относятся к таинству крещения, к св. Евхаристии и т. д. Наряду с этим однако, среди горцев господствует вера в предопределение (фатализм), мусульманское празднование пятницы, а под влиянием т. н. «деканозов» и «хевис беров», т. е. самозванных, непосвящённых священников, являющихся потомками древних законных священников, среди горцев живучи даже доселе чисто языческие понятия и языческие обычаи, вроде праздников в честь волка, моли, огня, ветра, а также принесение в жертву быков и баранов, львиные доли от которых поступают в пользу

деканозов. Пьянство и низкий взгляд на женщину также служат характерными чертами перечисленных горцев. Христианство здесь поддерживается больше церковно-приходскими школами, чем духовенством, которое стоит очень низко по своему образованию и мало обеспечено, а порой, как в Тушетии, не желает жить по приходам, вследствие чего приходится епархиальной власти прибегать к самым энергичным мерам административного воздействия. Миссионеров среди горцев нет. В 1909 г. среди хевсуров замечается движение в пользу мусульманства и, за отсутствием миссионеров, пропаганда последнего не встречает должного противодействия. Материальная помощь проповедников ислама ингушей оказывается сильнее желания церковной власти найти миссионера, который пришёл бы на помощь малообразованному духовенству в борьбе с новым движением.

III. *Кистины* Панкисского-ущелья той же епархии разделяются на две части: христиан и мусульман. Среди кистин-христиан, являющихся выходцами из Северной Осетии, в последнее время, особенно с 1909 г. развивается пропаганда мусульманства. Проповедниками мусульманских идей являются муллы, приходящие из гор и ущелий Дагестана. Кроме одного священника, могущего оказывать хотя и не вполне достаточное противодействие мусульманской пропаганде, нет здесь ни пастырей, ни миссионеров, наличие которых была бы так необходима для борьбы с наступающим на кистин-христиан исламом.

IV. Южные осетины Горийского и Душетского уездов той же епархии. Христианство, среди осетин проповедано, по преданию, св. апостолами Андреем Первозванным, Симоном Канонитом и в IV в. Св. Ниной, просветительницей Грузии. Вследствие проникновения в Южную Осетию мусульманских влияний, а также недостаточной христианизации осетин, бывших до принятия христианства язычниками, южноосетинские религиозные верования представляют собой помесь христианства и язычества, причём последнее настолько сильно, что осетины доселе не оставляют почитания рощ и развалин древних капищ. Коварство, измена, пьянство являются только

новым плюсом в общей сумме причин, заставляющих желать самого благотворного и энергичного воздействия церкви на осетин. К сожалению, плохо обеспеченное духовенство уходит в лице лучших своих представителей в Северную Осетию Владикавказской епархии, где кроме жалования т. н. плоскостное духовенство получает ещё доходы с церковно-причтовых земель, чего в Южной Осетии нет, а наличное духовенство не стоит на высоте своего пастырского положения по своему низкому уровню образования. Миссионеров в Южной Осетии нет. Только церковно приходская школа служит свою службу великому делу просвещения Осетин. Но одной школы недостаточно. Нужны просвещённые пастыри и хороший миссионер.

V. Аджарцы Батумской области Гурийско-Мингрельской епархии были до 16 в. христианами. В 16, а окончательно в начале 18 в. аджарцы подпали под власть турок и магометанства. Бывшие грузины, они сделались под угрозой меча и огня, а затем мусульманских школ и мечетей, магометанами-фанатиками. Но и доселе аджарцы почитают Иса, т.е. Иисуса более, чем пророка, изображают знак креста на стенах домов для отгнания злого духа, посещают развалины христианских древних храмов и приносят там жертвы и т. д. В Аджарии, именно в селении Хуло построена в настоящее время православная церковь, восстанавливаются древние часовни. Есть теперь и миссионер, который, по-видимому, обещает принести пользу миссионерскому делу. Но просвещение аджарцев в желательном масштабе – дело будущего, особенно если принять во внимание фанатическую настроенность и ненависть аджарцев к христианству, поддерживаемую муллами, приходящими из Турции.

VI. *Сваны* Имеретинской епархии просвещены светом христианства св. апостолом Симоном Кананитом. Не смотря на попытки к пропаганде мусульманства со стороны приходивших в Сванетию магометан, Сваны доселе остаются свободными от влияния ислама. Религиозные воззрения сванов отличаются сравнительной чистотой. Однако постановленные крайне дикой и суровой природой в самые дурные условия для культурного

развития, оторванные от окружающего мира ледниками и русскими снежными Альпами на протяжении целых 9 месяцев, имея вследствие климатических условий только 3 рабочих месяца в году, не имея в довершение всего хотя бы сносных путей сообщения, сваны развили в своём характере величайшую лень и склонность к пьянству, ради которого они празднуют в великом посту «Пху», сопровождающийся страшными попойками и кровопролитием, совершают пьяные годовичные поминки, т. н. агапи (греч. слово), по умершим и ухитряются даже в рабочее время, кроме воскресения, праздновать пятницу и субботу в честь пророка Ильи, а иногда плюс к этому и понедельник. Наряду с этим у сванов сохраняются некоторые языческие обычаи, как напр., принесение жертв богине «Даль», покровительнице охоты, совершаемых иногда даже в христианских храмах, выбрасывание из могил трупов умерших людей для прекращения ненастной погоды. Языческие обычаи поддерживаются так называемыми «папами», или «бабами», непосвящёнными, но считающими себя наследственными священниками (тоже, что дека, нозы у хевсуров). Как показал опыт 1890 г., православная миссия может иметь на сванов большое влияние в смысле уничтожения следов язычества. Но духовенство здесь бедно и невежественно, а миссионеров нет. Просвещение поддерживается школами, к сожалению, немногими.

VII. Абхазцы Сухумской епархии приняли христианство от Св. Апостола Симона Кананита. С XV, а особенно с ½ XVII в. здесь распространяется мусульманство. В настоящее время необращённые в христианство абхазцы-мусульмане сохраняют некоторые христианские обычаи, напр., почитание развалин христианских храмов, красят в честь Пасхи яйца, приносят в те же храмы восковые свечи. У абхазцев-христиан христианство смешано с мусульманством (напр., после христианского обряда погребения умершего совершается ещё обряд мусульманский) и язычеством. Самое понятие о Боге («Анца», собственно матери) носит не христианский характер; совершаются чисто языческие жертвы, напр., «жертва земле», а жертвы в честь христианских

святых, напр., «самхорио», в честь архангела Гавриила, носят по форме чисто языческий характер. В последнее время усилились отпадения абхазцев-христиан в мусульманство под влиянием мулл, выходцев из Турции. С 1904 г. миссионеров в Абхазии нет. В настоящее время переводятся на Абхазский язык православные богослужебные книги в русской транскрипции. Духовенство в Абхазии бедно и малообразованно.

VIII. *Самурзаканцы* той же епархии принадлежат к православной церкви, но имеют некоторые языческие понятия и верования. Так, напр., они почитают «бога грома», а также деревья, поражённые молнией, коим они приносят в благоговейном страхе пред ними жертвы из кусков мяса, развешиваемых на деревьях.

Делу просвещения в православном духе посильно служит Общество восстановления православного христианства на Кавказе, построившее и восстановившее 119 церквей, содержащее на свои средства принты приходов, находящихся в его ведении, учредившее и содержащее 94 церковно-приходских школы, Ольгинский женский приют во Владикавказской епархии, субсидирующее (11425 руб.), Ардонскую духовную семинарию. В интересах развития деятельности О-ва нужно увеличить сократившиеся взносы с церквей Империи на дело Кавказской миссии, дать последней просвещённых миссионеров, увеличить жалованье духовенству городских приходов. Это наша обязанность, наш святой долг.

А. Платонов.

Слово к осетинским муллам

(Из газеты «Терек» № 151, 1907 года.)

«Кто обладает точными знаниями, тот должен делиться ими с другими и – говорить об них. Раз этого нет, то лучше сидеть и молчать». Эти слова я отношу к осетинским муллам, которые обманывают народ и этим живут.

У других народов прозрели очи, они идут вперёд к свету, ищут лучших идеалов жизни, стараются возвышать свои духовные силы, ум, религию и уровень развития, для каковой цели учат своих детей. Но мы, осетинские муллы, эксплуатируем народ, отвергли мы Бога, Пророка и религию; бедному народу, который слушается нас, мы завязали глаза и не позволяем ему смотреть на светлый мир. Именем Корана и шариата, мы, ради наживы, творим грязные дела. Кто из народов претендует на культурность, те давно брезгают советами лживых, псевдоучёных мулл и – цыганок-гадалок. Цыганки, гадая на ладонях рук, берут с людей по 5 коп.; муллы же, пользуясь «китапом» (оракул), преусердно эксплуатируют бедный, нуждающийся и больной люд. Так, когда приходит к нам больной, мы спрашиваем имена его и матери, а сами, смотрим в китап (оракул). Известно, что у нуждающегося в помощи – легко узнать его недуги; мы и стараемся выпытать у него всё, чем страдает, а потом, сообразно с этим, сваливаем всю вину болезни на внешние причины, как на «хин» колдовство и проч.

Нередко говорим и так: «ночью кто-то облил детей чёрта помоями... и мать их, от злости, дунула на тебя» (больного). Бедный человек всегда робок... трусит, пугается больной, из глаз его, слушая слова мулл, сыпятся искры....

Начинает бедный больной просить, умолять мулл об оказании ему помощи, а они, муллы то, как будто им очень некогда, не обращают на него и внимания. Наконец, после долгих слёзных упрашиваний больного, мулла умиливается и произносит: «склоняюсь на твою просьбу, дай мне пока «нысайнах» (вроде задатка)... И, таким образом, берёт деньги, а

затем prepares больному талисман, за который берёт с него от 10 до 40 р. Если больной поправляется, то виновником исцеления является мулла, – если же – умирает, то и тогда лицо муллы не краснеет. Оправдывает себя тем, что против рока – судьбы и сам пророк бессилён. Что он, мулла, получил за лечение деньги, – об этом и не заикается... Тьфу, «налат», (бессовестные) муллы, идущие по стопам цыганок-гадалок и перенявшие их девиз!..

Бога ради, осетины-магометане, откройте глаза свои, посмотрите на жизнь людей и светлый мир. Довольно жить в темноте... Назначьте над своими муллами начальника (контроль), иначе, Бог да не простит им, они обесславили и опорочили нашу религию. Они, муллы, состарились, не выучив, по крайней мере, двух мальчиков чему-нибудь разумному. Прошу я мулл, если они считают себя правыми, дать мне ответ на эти слова. Кто же согласен с моими словами, тот пусть укажет лекарство, как средство, для исправления и улучшения затронутого дела.

(Газ. «Ног. цард.» № 29).

Ельхотовский мулла **Цаликов Агубечир-Ефендий**.

Преподавание в школах на родных наречиях

Уполномоченные башкир и киргиз-кайсацкого народа просили у Правительства (в 1904 г.) разрешения вести преподавание в школах на родных наречиях.

Желание это надлежало бы удовлетворить и даже следовало бы придать ему распространительное значение. Народности, обладающие собственными наречиями, имеют не меньшее право, как и татары, охранять свою народность. Не стесняя конфессиональную школу и мечеть обязательным знанием русского языка, т. е. устанавливая автономию школы и мечети, Правительству надлежит охранить их и от татаризма, стесняющего истинную культуру. Свобода школы и мечети среди башкир или среди киргиз-кайсаков нисколько не выиграет от того, что с устранением русского языка усилятся элементы татаризма. Поэтому свобода эта будет достаточно полной тогда, когда народности, хотя и исповедующие ислам, но обладающие собственными наречиями, получают на этих наречиях учебники и будут по ним, а не по татарской грамоте, развивать свою культуру и свой национализм.

Ввиду сего, казалось бы, не только следует допустить племенные наречия в школе и мечети, но и поощрить переводы на эти наречия необходимых книг, что совершенно достижимо соединёнными усилиями наиболее развитых представителей упомянутых народностей и учёных сил по востоковедению Министерства Народного Просвещения, от которого и должно бы исходить окончательное по сему предмету решение.

Вл. Череванский.

**№ 45. Сотрудник Братства св. Гурия. 12
сентября 1910 года**

О животворящем Кресте Господнем

(Слово в неделю пред Воздвижением).

Во имя Отца и Сына и св. Духа.

В грядущую неделю св. Церковь празднует обретение честного и животворящего креста Господня. – Но, братие возлюбленные, что представляет теперь этот крест в нашей жизни? Крестом производятся великие подвиги духа христианского, в нём, можно сказать, сила их, он их венец, им украшаются все христиане истинные. Крест, братие дорогие, похвала смиренных, украшение мира. «Крест, хранитель всея вселенная: Крест, красота Церкви: Крест, верных утверждение: Крест, ангелов слава, и демонов язва» (Канон – песнь 9-я) – крест наше спасение... Это слова угодников Божиих, – слова, которыми Церковь воспекает крест.

Вот так, братие, говорит нам о кресте благочестивая память св. отцов. Но останемся каждый с собою и спросим себя внутренне: что может каждый из нас сказать себе о кресте Христовом? Какое значение для каждого и каждой из нас он непрестанно имеет? – Братие, крест Христов в жизни нашей – действительно, наше спасение, или нет? Когда мы себя осеняем крестом, есть ли это знамение победы?

Я решаюсь на этот вопрос; я даже скажу вам, братие, страшное слово: громадное большинство современных христиан, совершая крестное знамение, *ровно ничего не испытывает!*

Вы всмотритесь только в тех, кто его на себе полагает, в храме, вокруг вас: многие ли знаменуют себе крестом чело, грудь и оба плеча так, как повелела Церковь, многие ли хотя бы истово его совершают? – Я наблюдал за этим, братие; и скажу вам, что то изображение на себе креста, которое мы постоянно теперь видим в храмах, никакого значения иметь не может. Чтобы истово и праведно совершать крестное знамение, непременно нужно собрать свои душевные силы, нужно все их вознести ко Христу. Нужно свою волю грешную, мысли свои собрать и направить ко Спасителю. А мы чувствуем ли и

думаем ли об этом, когда торопливо крестимся? Ведь рассеянное и легкомысленное совершение на себе креста в существе дела есть издевательство и над крестом и над христианской жизнью! И те люди, которые это себе позволяют, ни о чём святом в этот час не думают, а меньше всего о кресте и Спасителе. Обратимся для примера к нашей собственной жизни: когда мы кого-нибудь любим, то ведь готовы всем ему послужить, а вот Христу чем же мы служим, когда даже и креста Его на себе положить не умеем!

Ведь, если бы воскресли св. отцы, они бы ужаснулись, глядя на наш храм, они бы ясно увидели, взглянув, как мы творим крестное знамение, что в сердце креста мы совершенно не носим, даже и пока его совершаем; даже и тут не помним о нём, в эту короткую минуту.

Вот об чём приходится говорить, братие, в предшествующие дни великого праздника! Ведь знамение креста по завету Христову должно научать нас побеждать в себе грех, любить друг друга и в этой любви служить друг другу даже до смерти. Вот какое глубочайшее и священное его значение для истинного христианина; – а в нас оно встречает то обычное и ужасное легкомыслие и невнимание к себе и ближним, о котором мне постоянно – и опять и опять снова – приходится говорить!

Между тем крест есть победа над грехом... Так его чтут св. отцы. Но мы не чтим его силы, потому что не боремся с грехом своим, потому что нам менее любезна святость Христова, чем грех наш. Надо умерщвлять в сердце своём зло и нечестие, надо изменить нашу греховную волю... – а мы служим ей всецело и не боремся с ней даже и тогда, когда полагаем на себе крест, и потому и не знаем, где сила борьбы со грехом. Мы, братие, одним словом, даже просто не знаем, где наше спасение!

Вот половина людей в великий праздник не пойдёт в храм совсем, чтобы больше сберечь сил для развлечений! Не погибельное ли это безумие? Разве храмы вмещают всех, кого они должны были бы вместить, если бы православные христиане истинно чтили крест! И разве можно поклониться как

следует, в истине, кресту и в тот же вечер предаваться греховным увеселениям? Нет, или одно, или другое!

Мы, братие, и к проповеди слишком привыкли нашим внешним слухом, и не слушаем сердцем слов, и не делаем дела святого.

Вот я, сейчас, грешный, обращаю к вам своё слово. Братие мои дорогие, я грешный, и буду отвечать за грехи свои, и за вас, может быть, отвечу на Страшном суде Христовом. Но ведь вам-то от этого не будет легче, ведь ваши грехи всё-таки останутся с вами. Вслушайтесь же в мои слова, пока не опоздано!

Крест есть победа над демонами, над злыми силами, над врагами Божиими. Так? А христиане думают, да и часто говорят: «и демонов-то никаких нет». И неудивительно, что дурные христиане их не знают: демоны на таких христиан и внимания не обращают; стоит ли их искушать, когда и без дьявольского искушения они не способны хотя бы осмыслить свою жизнь; не способны и понимать её, не то, что бороться с ней, с грехами своими, и тем более с демонами.

Братие мои, пусть крест будет хотя бы победой над нашими ежедневными греховными поступками и побуждениями. Хоть теперь поставим его во главу угла жизни нашей и будем каяться перед ним. Дорогие мои, я вас призываю всего только к борьбе со своими страстями! О других великих крестах, которые несли на себе праведники, мы и мечтать не можем. А вот только возьмём на себя крест ежедневной борьбы со грехом: Если вы находитесь под клеветой – стерпите её без возмущения. Если зло, которое измучило вас, вызывает ко мщению – не поддавайтесь искушению. Не отвечайте злом на зло; ведь зло сделать это очень просто, а вот – простите, и около креста Христова победите грех. Боритесь елико возможно! Не только в храме, а всегда будьте с крестом, с Господом вашим. Распинайте себя для греха, тогда вы познаете сердцем, что такое крест; тогда, возлагая на себя его знамение, вы не будете равнодушны, а почувствуете, как будто благодать Божия посетила вашу душу. Тогда и святейший крест Христов предстанет пред вами во всей своей славе.

Итак, последуем за Спасителем... Апостол Павел дерзновенно отвечал на требование чудес и мудрости (1Кор. 1:22–24) проповедью Христа Распятого, креста Его, в котором Божия сила и Божия премудрость. Оставьте же всякое легкомыслие, братие, и будьте премудры для усвоения премудрости Господня креста. Украшайте себя единственным украшением Христовым, украшайте себя этим крестом, его исповедуйте перед всеми и всегда и воспевайте крест от всего сердца своего: Тебе поклоняемся Владыко Твоим крестом укрепляемся и хвалим его, свои грехи прогоняем им. Ты, кресте святой, наше украшение, и слава, и сила. Аминь.

Епископ **Андрей**.

Чуваши Саратовской губернии

(Из Саратовского доклада Казанск. Миссион. Съезду 1910 г.).

Чуваши, проживающие в пределах Хвалынского, Кузнецкого и Петровского уездов, хотя были крещены в начале XIX столетия, но мало усвоили Христово учение, и к концу этого XIX столетия оставались в язычестве и, что ещё хуже, подпали под влияние магометан.

Для миссионерских целей – 1) оградить чуваш от влияния магометан, – 2) просветить их светом Христова учения, – 3) окончательно закрепить их в христианстве – учреждён высшей епархиальной властью в апреле 1888 года Епархиальный Комитет Миссионерского Общества.

Состояние чуваш в религиозном отношении, пред открытием Миссионерского органа в епархии, до 1888 года, так рисуется одним из деятелей в чувашском приходе – священником. Прихожане его села все чуваш и совсем малая часть мордвы. Чуваши все говорят по-русски совсем плохо, а некоторые, и все дети и женщины, по-русски совершенно не умеют говорить. Так, бывало, придёшь к больной чувашке для напутствования, прочитаешь молитвы и приступишь к исповеди, которая состоит только в том, что больная скажет: «я по-русски бельмесь» т. е. не знаю, что заставляло меня уйти.

Не знающему чувашского языка в чувашских селениях священником быть невозможно, потому что объясняться с чувашами иначе нельзя. Иногда приходилось и мне объясняться с ними через переводчиков. Большей частью чувашские селения окружены татарскими. Хотя чуваш из православия не переходят в магометанство, но и православие туго прививается к ним. Они, можно сказать, полу-язычники; обязательно все крестятся, приобщаются, когда заболеют, хотя бы и незначительно, например обрежут палец, или вроде этого, – но потому только, чтобы не умереть без причастия и не пришлось ведаться со становым приставом. В храм они не ходят, кроме мордвы, которые усердны. Постов не существует. Есть у

чувашей свои моляны⁴⁴. Свадьбы венчают, года два или три уже поживши и детей народивши. Без знания чувашского языка священнику нельзя научить их нечему. На русском языке им говорить всё равно бесполезно. Общения с чувашами русские не имеют. Школа с учителем из чуваш более, чем необходима; это есть единственное средство их духовного преуспевания. Говеют и поминают по-христиански умерших только русские и мордва, а чувашаи этого не понимают. Их дело только зарыть умершего, и всё прекращено. У них помин состоит только в том, что в субботу пред Троицей берут лепёшки, идут на могилы и там, ломая кусочки, приговаривают: «это за бачку, это за мачку, это за бабу, это за деду» и т. д.; а собаки, которых в это время много на могилах, хватают эти куски.

Все чувашские поселения в епархии находятся или рядом, или в очень близком расстоянии от татарских деревень. При незнании приходским духовенством чувашского и татарского языков и при незнании чувашами в большей части, а женщинами и детьми поголовно, русского языка, священникам невозможно было пастырски влиять на инородцев. Не зная русского языка, чувашаи знают татарский и, имея много общих хозяйственных и других интересов, давно более и более сближались с татарами-магометанами, роднились с ними, отдавали детей учиться в татарские школы, ходили в мечети и с внешней стороны всё больше и больше принимали облик татар; теперь они поют татарские песни, носят татарские костюмы. — Остатки язычества всё ещё сильны между чувашами. Ходят они и в приходский храм, и к Ириху (балванчик), кланяются, ставят свечи в храме и Ириху приносят деньги и юсман (тонко рассученная медовая лепёшка). Когда с кем-нибудь случается несчастье, то, по совету юмзи (знахарь, ворожейка), приносят жертву Ириху: пекут юсманы, варят кашу, приносят всё к Ириху, одетому во все чувашские одеяния и просят его об избавлении от болезни; кроме того, бросают к истукану старые медные монеты. Если человек сильно болен, то совершают касхи (вечернее жертвоприношение). Для него предназначается 3 ягнёнка одинакового цвета. Эти ягнята приносятся в продолжении 3-х вечеров, по одному каждый вечер, Аншырту,

Эсреиллю и Вопкану. Аншырт – божество, – приносящее несчастье. Эсреиль – дух смерти. Вопкан – дух пучины. Сварив ягнёнка, ставят его на стол и потом молятся, прося о помиловании больного; ягнёнок весь съедается в один вечер.

Чуваши поминают умерших во второй день св. Пасхи, пред Троицей и в октябре, непременно в исходе луны. Поминовение совершается и дома и на могилах. Пред поминовением варят особенное для умерших пиво, пекут блины, режут курицу, варят кашу. Когда всё приготовлено, берут из церкви свечи, ставят у дверей на бревне столько свечей, сколько в семействе покойников, у двери же ставят стол, на котором находятся яйца, блины, хлеб, курица, пироги, пиво, вино и мн. др. Каждый член семьи, отщипывая от каждого кушанья кусочек, отдельно на каждого умершего, кладёт его в пустую посуду, стоящую на лавке у стола, причём поминают имена умерших родных с произношением: «Иван теде умын – да пулдыр», что значит: «дядя Иван, пусть будет сия пища пред тобою.» После поминовения свечи бросают в ту же посуду, а потом выбрасывают из неё всё к воротам, чтобы покойники пришли и ели. При поминовении на могилах льют на могилу вино и пиво, крошат кушанья и бросают на могилу, чтобы покойники не голодали. После смерти человека на 3-й день справляют тризну и провожают покойника с пением песен, пляской, причём один играет на скрипке. Чуваши верят, что покойники причиняют болезни, если их не кормят. Когда кто-нибудь из них заболит, юмзи их говорят, что «виле тытны» (мертвец поймал). По совету их поминают покойника, особенно угощая его разными съестными припасами и просят об исцелении от причинённой им болезни. Из вышеописанного видно, что чуваши проникнуты более язычеством, нежели христианством. Язычество поддерживают старики и юмзи. Они говорят: «деды наши жили по старой вере и были несравненно богаче нас, урожай был хороший, все амбары были полны хлебом, скотины было много, а теперь молодые, слушая учителей, оставляют чувашскую веру, потому Бог вовремя не даёт дождя, бывают засухи и неурожаи».

Факты приверженности чуваш к язычеству и склонности к магометанству нередки. Случаи отпадения чуваш в магометанство целыми семействами вызвали неотложную необходимость открыть в чувашских местностях школы с учителями, окончившими курс в Симбирской и Казанской инородческих учительских семинариях, природными чувашами. Медлить было невозможно, тем более что муллы соседних татарских деревень, хотя и с большой осторожностью, настойчиво пропагандировали магометанство среди чуваш.

Как велико было их влияние, видно из того, что, например, целые деревни, состоявшие из крещёных татар, отпали в магометанство.

В 60-х годах XIX столетия целые семьи чуваш, чтобы беспрепятственно исповедывать магометанскую веру, переселились в Турцию из д. д. Абдуловки, Белой Горы, Каменного Ключа; и там, приняв магометанство, остались навсегда; оставшиеся в России чуваша были полу-язычниками, а что ещё хуже, склонялись тоже к принятию магометанства. Такое серьёзное положение чуваш в религиозном отношении заставило тогда местную епархиальную власть подумать о чувашах, и в 1888 году в апреле месяце открыт был Саратовский Епархиальный Комитет Миссионерского Общества, под председательством Саратовского Преосвященнейшего Епископа Павла и под его непосредственным руководством.

Деятельность Саратовского Епархиального Комитета со времени открытия его и до сего времени состоит в религиозно-нравственном просвещении инородцев-чуваш и в утверждении их в правилах христианской жизни: 1) Путём открытых уже школ; 2) ведением приходским духовенством и учителями школ вне богослужебных собеседований в школе в праздничные дни; 3) беседами инородческого разъездного миссионера, с отпадшими от христианства чувашами для ограждения их от влияния магометан и возвращения их в лоно христианской Церкви; 4) и самое главное – отправлением богослужения, совершением таинств и обрядов на чувашском

языке и привлечением чуваш к чтению и пению во время богослужения.

В ведении и на содержании Комитета находятся 14 инородческих чувашских школ в Хвалынском, Кузнецком и Петровском уездах. Все школы открыты Комитетом в период 1889–1893 г. в глухих чувашских деревнях, окружённых татарским населением, в то время, когда чуваша стали целыми семействами отпадать от Церкви Христовой и объявлять себя татарами. В то время отпадение такое было естественно и неизбежно. Они считались христианами, а христианства совершенно не понимали; к Церкви обращались с необходимыми требами только для видимости; унаследованный от предков языческий культ, также стал терять своё обаяние при общении с более сильными народами русским и татарским, которые презрительно относились к язычеству. Чувашам оставалось сделать выбор, быть или христианами, или магометанами. От русских и церквей приходских чувашские деревни находились в далёком расстоянии, в 8–10 верстах, русскую речь совсем не понимали, потому чуждались Церкви Христовой, не зная, что в ней есть живой источник для жаждущей души. А жажда духовная всё сказывалась сильнее. Тогда-то ближайшие соседи чуваш-татары и явились к ним со своим лжеучением. Большинство чуваш, даже дети, благодаря близкому соседству с татарами, свободно говорят по-татарски. Пропаганде магометанства не трудно было склонить чуваш на свою сторону. Вскоре, однако, милостью Божией, явились у чуваш церковно-приходские школы и стали на страже между чувашами и татарами.

Учителями и их помощниками в количестве 16 человек в школах состоят инородцы чуваша, окончившие курс в педагогических школах специально для инородцев, исключая одного. Для замещения оставляющих по разным причинам свои места учителей Комитет имел своих стипендиатов в Симбирской учительской школе.

Обучение в инородческих школах ведётся по программе церковно приходских школ и методу Н. И. Ильминского.

О Миссионерских Курсах в Казани

В Казани есть т. н. Миссионерские Курсы; существуют они сравнительно давно, с 1889 г., – сначала помещались при Казанской Духовной Академии, а с 1897 г. при Спасо-Преображенском монастыре. Своим возникновением названные курсы обязаны частной инициативе одного-двух лиц, близко стоявших к миссионерскому делу в России и, потому, хорошо сознававших нужду в таком учебном заведении, которое подготовляло бы практических деятелей среди многомиллионных и разноплеменных инородцев нашей необъятной родины. Инициаторы этого благого дела прекрасно также сознавали, что существующее при Казанской Духовной Академии малочисленное миссионерское отделение не в состоянии удовлетворить и сотой доли тех миссионерских нужд, которые вызываются жизнью и деятельностью многочисленных наших мусульман и язычников.

Несмотря, однако, на то, что со времени возникновения курсов прошло уже довольно много времени, несмотря на то, что они являются пока единственным в России учебным заведением, подготовляющим практических деятелей для противомусульманской и противоязыческой миссии, несмотря, наконец, на то, что и церковная власть, и правительство, и даже общество начали уже сознавать государственно-церковное значение нашей внешней миссии тем не менее на курсы обращалось до сих пор мало внимания и они, по этому, находятся в таком состоянии, которое по меньшей мере нужно признать вовсе неудовлетворительным.

Правда, попыток, направленных к улучшению курсов и поднятию их учебно-воспитательной части, было немало, но ни одна из них не достигла своей цели, и это не всегда по вине центральной власти...

Так, например, лет семь тому назад Педагогическим советом курсов была сделана серьёзная попытка преобразовать Миссионерские курсы и устранить из них выяснившиеся недостатки, крайне тормозившие их успешную деятельность, но

попытка эта по некоторым обстоятельствам успеха не имела. Вторая попытка была сделана в 1906 г. покойным Казанским архипастырем Дмитрием, который, как видно из № 19 «Церков. Ведомостей» того же года, представил в Св. Синод совершенно новый проект реорганизации мисс. курсов на новой и, – нужно правду сказать, – не очень рациональной идее перенесения их в Свияжск, что едва ли облегчило бы задачу курсов. Проект покойного высокопреосв. Дмитрия постигла та же участь. Далее, в том же 1906 г. на нужды и недостатки Казанских Миссионерских Курсов обратила внимание одна из предсоборных комиссий при Св. Синоде. 13 апреля 1906 г. названная комиссия, во главе которой стоял высокопреосвященнейший Антоний, архиепископ Волынский, имела рассуждение о курсах и указала, между прочим, на некоторые их недостатки, которые необходимо устранить при предполагавшемся их скором преобразовании.

Наконец, самое серьёзное внимание на Миссионерские курсы обратил бывший недавно в Казани миссионерский Съезд по внешней миссии в России. Всесторонне выяснив церковно-государственное значение внешней миссии для России, плохую её постановку и крайнюю нужду в специально-подготовленных деятелях для борьбы с всё усиливающимися исламом и язычеством, а также недостаточность и неудовлетворительность существующих у нас специальных учебных заведений, съезд постановил, между прочим, немедленно приступить к преобразованию Казанских Миссионерских Курсов на следующих началах: 1) оставить Казанские Миссионерские Курсы в качестве самостоятельного учебного заведения в ранге средних учебных заведений; 2) усилить на курсах преподавание инородческих языков настолько, чтобы каждый из оканчивающих эти курсы миссионеров мог свободно говорить на одном инородческом языке; 3) увеличить число учащихся настолько, насколько это требуется насущными нуждами миссионерского дела среди многомиллионного иноверного населения восточной части империи; 4) увеличить курс обучения до трёх лет, вместо нынешних двух, чтобы учащиеся приобретали более основательную обще-миссионерскую

подготовку и успевали практически знакомиться с будущим полем своей деятельности; для этого совершенно необходимо: 5) выстроить новое здание для курсов, ввиду невозможного состояния нынешних помещений курсов.

Есть основание надеяться, что эти пожелания, высказанные весьма компетентными лицами, близко стоящими к нашей внешней миссии и Казанским Миссионерским Курсам, и душой болеющими о нуждах этой миссии, будут на этот раз приняты благосклонно высшей церковной властью и в скором времени осуществлены.

О приходском благоустройстве

Наступает, кажется, решительный момент в истории нашего приходского благоустройства; наступает время, когда все проекты по организации церковно-приходских советов будут представлены в Государственную Думу и один из них будет принят в качестве нормального устава православного прихода.

Мы уже неоднократно говорили, что успехи православной миссии не мыслимы без благоустройства жизни в самом православии. Миссия – это уже избыток духовных сил того общества, которое её организует; а нанятые миссионеры, – титулярные советники и под., – обходящие море и сушу, но ещё не устроившие церковной жизни «благообразной и по чину» у себя дома, – они ни для кого не будут убедительны, не смотря ни на какую логомахийную ловкость. Поэтому прежде всего: – 1, прежде организации внешней или внутренней миссии; 2, прежде устройства в законодательном порядке жизни инославных и иноверных обществ и, наконец, прежде всякого переустройства нашей русской жизни, – нужно позаботиться о православии; чтобы в народе не разрушались самые устои его нравственно бытовой жизни, чтобы религиозные идеалы народа имели хотя бы отдалённое воплощение в жизни. Иначе духовный быт народа будет быстро ухудшаться, и внутренняя его энергия быстро пойдёт на убыль, начнёт выдыхаться, как выдохся в сильной степени русский патриотизм и в интеллигенции, и в народе.

Действительно, в несвоевременном окончании и совсем не почётном мире после японской войны, – разве не сказалось отсутствие русского патриотизма? Разве этот мир, как и ведение самой войны, не есть проявление глубокой духовной летаргии в русском народе? – И это потому, что слава и благополучие родины у нас сменилось другой идеей: удовольствием или неудовольствием начальства. «Начальство довольно», – значит, всё хорошо; «начальство не довольно», – «быть беде»... А само дело, как дело, перестало нас интересовать.

Полную параллель к такому настроению народа в гражданской жизни представляет и наша церковно-приходская жизнь. Никто ею не интересуется, кроме «начальства» – архиереев; и даже иереи часто и в официальных бумагах пишут, что миссия, как дело Божие, как дело обще-церковное, – это занятие миссионеров, а не их, простых сельских священников... О простом мирянине и говорить нечего: путём исторического воспитания, путём долгого уверения мирян со стороны наших духовных властей, что дело церковное – «не ваше дело», создалось действительно такое положение и убеждение, что служить Богу можно только даяниями на храм и на причт, а другого дела какого-нибудь и быть не может. Таким образом жалкий, нравственно убогий язычник-черемис стремится послужить «своей вере отцовской», стремится распространить её, бросает занятия по дому, делается напр. стекольщиком для более удобной пропаганды, а наши «православные» этого чувства ревности о славе своего исповедания даже не понимают, а если что-либо подобное видят, то только с недоумением пожимают плечами: «и зачем, это?»

И так нужно разбудить приходскую жизнь!

Как в гражданской жизни государства нужен патриотизм, так в церковной жизни нужна церковность, жизненная энергия; а иначе – будущее наше так же будет печально, как и настоящее.

Но где то средство, которое могло бы воскресить нашу церковность?

Конечно, это сделать может только отдельная живая личность, и через неё благодать животворящего св. Духа; а мы должны не мешать святому делу своей косностью, апатией, – просто говоря, – своей ленью и бездеятельностью. Воскресить церковность, церковную взаимопомощь может любящий пастырь, отец своего прихода, а систематизировать эту приходскую деятельность, поддержать её, а не разрушать систематически, должны два начальства: духовное и мирское – государственное. Духовная власть должна всемерно поощрять приходскую самодеятельность, выдвигать пастырей – отцов прихода на свещник церковный, а мирская власть должна охранять приходский труд, приходскую взаимопомощь.

Есть, впрочем, такое мнение, что пастырь, как служитель Церкви, проповедник, душе-попечитель, не имеет времени и не должен заниматься такой общественной деятельностью и организацией своего прихода, хотя бы для взаимопомощи. Это мнение чрезвычайно странно! – Дать нищему пятак – это доброе дело, а научить своего прихожанина напр. заниматься пчеловодством – это уже не доброе дело? – А сделать общественную деревенскую пасеку – это уже преступление? – Всё это удивительно странно, и эта глубокая ненормальность нашей церковной жизни и создаёт её полную неспособность себя защищать, её бессилие пред самой невежественной, но одушевлённой, пропагандой какой-нибудь ничтожной кугосортинской секты черемисских полуязычников.

Итак, без общецерковной жизнедеятельности, без приходского внутреннего благоустройства – православная церковь будет приобретать в своё лоно отдельные единицы, а терять тысячи своих немощных сынов, которые судят об истине чьей-либо веры по делам верующих...

Для организации же этой церковно-общественной жизни нужны общие соединённые усилия и духовной, и светской власти. Таким образом Государственная Дума должна в законодательном порядке признать наиболее полезную организацию церковно-приходских советов и приходу дать права юридического лица.

Епископ **Андрей**.

О состоянии Синерского прихода, Казанской Епархии, Мамадышского уезда

Я посетила за последнее время глухие инородческие деревни: Кня и Мултань, Синерского прихода. Население там – смешанное: вотяки и черемисы. Эта поездка произвела на меня очень тяжёлое впечатление. Там почти все – язычники. Одна старуха мне сказала: «в какой вере мы родились, в той и умрём».

Среди язычников живут несколько «христиан», но и те совершенно забыли, что они – христиане, ни на ком нет даже крестов. Ребята тоже без крестов; говорят, что потеряли; но говорят это так, что по всему видно их нежелание носить кресты. Иконы стоят в углах, но никому не известно, какие это иконы: «батька зачем-то поставил, а кто знает, какие они», – вот ответ этих «христиан».

Спрашивала я их про говенье. Многие не говели десять и более лет, а другие вовсе забыли, когда они говели. Нужно чаще бы ездить в эти приходы, но приходится нанимать лошадь, а нанимать не на что.

Ек. Боровицкая.

Библиографическая заметка

В Редакцию журнала «Сотрудник» присланы десять брошюр (оттисков из Оренбургских Епархиальных известий). Брошюры носят полемический характер; направлены они против мухаммедан, баптистов, хлыстов, молокан. Авторство этих брошюр принадлежит ревнителю духовного просвещения священнику Оренбургской епархии о. Николаю Григорьеву; но досточтимый батюшка выдвигает как полемического деятеля начётчика-мирянина Богдана Колостова, который, пользуясь каждым удобным случаем, открывает беседу то с мухаммеданами, то с сектантами – относительно истин веро- и нравоучения. Начётчик Богдан Колостов, действительно, всю свою жизнь посвятил на благовестническое дело: он состоит сотрудником Оренбургского Михайло-Архангельского Братства, и, получая маленькое пособие от названного Братства, ходит по сельским базарам, ярмаркам в епархии; он неоднократно посещал отдалённые уголки обширной Оренбургской епархии, всюду старается заводить знакомство с мухаммеданами и сектантами разного толка. Неотъемлемое достоинство и богатство Богдана Колостова – это твёрдое убеждение в правоте своего исповедания, сильное желание знакомить с учением Православной Церкви людей иного вероисповедания и сознание, что каждая проведённая им беседа с иноверцем сближает последнего с Православным учением.

Брошюры, составленные из материала, добытого Богданом Колостовым, носят следующие названия:

1. О путешествии Мухаммеда на небо. Беседа с татарами. 38 страниц.
2. О Пресвятой Троице. Беседа православного христианина с мухаммеданином. 53 стр.
3. Беседа с татарами о Мухаммеде. 56 стр.
4. Беседа православного христианина с магометанином о крещении. 12 стр.
5. Беседа с магометанами. 28 стр. Содержание этой беседы – сопоставление Евангелия с Кораном; разъяснения Б.

Колостова собеседникам – татарам-мухаммеданам, что последние должны для спасения душ руководствоваться евангельским учением.

6. Беседа с татарами. 15 стр. В этой беседе тоже трактуется вопрос о Свящ. Писании, опровергается мухаммеданское учение как о Св. Писании, так и о других истинах Православного учения.

7. О мнимой святости баптистов. 8 стр.

8. О молоканстве и молоканах. 22 стр.

9. Беседа о браке и о девстве (против хлыстов-скакунов). 11 стр.

10. Беседа с хлыстами об употреблении мясной пищи и вина.

**№ 46. Сотрудник Братства св. Гурия. 18
сентября 1910 года**

Сила и объединение мусульман

Для человека центральной России представляется невероятным⁴⁵, что татары пересиливают русское культурное влияние на инородцев; но это понятно всякому, кто видел это взаимное отношение племён.

Во-первых, в общем, татары-мусульмане образованнее русского сельского населения, культурнее его, живут чище.

Во-вторых, татары ближе по языку к инородцам и стоят к ним в более дружественных отношениях, чем русские. Татары являются среди живущих по захолустьям инородцев посредниками для общения с миром русским: мелочными скупщиками и продавцами, портными, мастерами разного рода и всюду среди инородцев имеют знакомых и друзей.

В-третьих, татары своей сплочённостью и уверенностью в своём превосходстве над народами, не исповедующими ислам, сумели приобрести громадный авторитет среди малокультурных племён, колеблющихся на распутье между исламом и православием. В полуязыческой деревне всякий мусульманин является почётным гостем. Обаяние татар настолько велико, что инородцы, переходящие в ислам, к какому бы племени они ни принадлежали, отрекаются от своего племени, воспринимают татарский язык и татарские обычаи и с гордостью называют себя татарами.

В-четвёртых, мусульманский приход есть самостоятельная религиозная община, дружно сплочённая около мечети и вся, от муллы до последнего рабочего или работницы, проникнутая религиозным, можно сказать, миссионерским настроением. Каждый татарин, будь то странствующий торговец или чернорабочий подёнщик, при всяком удобном случае является проповедником веры. Горячая религиозная настроенность татар служит источником сильной благотворительной деятельности их в отношении переходящих в ислам инородцев других племён. Достаточно нескольким семьям крещёных инородцев отпасть в ислам, как татары немедленно строят им мечеть; достаточно даже одному семейству крещёных перейти в мусульманство,

как татары являются на помощь, отводят этой семье землю, строят ей избу и проч. Примеров этого множество.

Сила татарства так велика, что бывают даже случаи перехода русских в ислам. За последний год в одном Бугульминском уезде Самарской губ. таких случаев было около десяти. Приведу один пример: в конце 1909 года русский крестьянин села Михайловки Бугульминского уезда Самарской губ. Иван Телегин, ушёл в магометанство. Иван Телегин уже не молодой, ему лет 35–38, православный, женат, имеет детей, грамотный, но бедный. Вёл он себя хорошо, церковь посещал часто, ежегодно говел. Но за последнее время заметно было, что он, под предлогом работы, нередко жил в татарской деревне и вообще вёл близкую дружбу с татарами, которые часто бывали и у него. Наконец Телегин совсем перешёл в магометанство и поселился в татарской деревне Шукрине Бугульминского же уезда. Его переход в мусульманство был обставлен торжественно: несколько мулл ввели его в мечеть под руки, обрили, совершили над ним омовение и моление. Целым обществом купили ему хороший дом, одели в татарский костюм, так что Иван стал теперь настоящим Ибрагимом, хотя по-татарски не говорит. Всю свою русскую одежду он бросил, братьям заявил, что он теперь не русский, и не их брат и не желает больше иметь с ними никаких сношений. Татары обещали ему отвести землю и русских к нему не пускают.

Так с распростёртыми объятиями встречает татарская религиозная община каждого отступника, оказывая ему почёт и материальную помощь. И если русские православные люди лишь в редких случаях поддаются этому соблазну, то для не укреплённых в православии инородцев он часто является непреодолимым, тем более что русский приход решительно никогда не проявляет интереса к распространению православия среди окружающих инородцев. Само приходское русское духовенство, часто нуждающееся, поглощённое требоисправлением и текущей работой по приходу, лишь в немногих исключительных случаях обращает внимание на окружающую инородческую массу; впрочем оно, по многим причинам, и не может этого делать, тем более, что для

воздействия на инородческое население знание местного языка составляет непереносимое условие, а к распространению этого знания среди русского духовенства надлежащих, мер ещё не принято.

Так, напр., в Тургайской области, где до сотни русских приходов разбросано среди слишком восьмисот тысячного киргизского населения и где существует специальная миссия для киргиз, лишь 4 священника, считая в том числе и членов миссии, знают киргизский язык.

Множество фактов убеждают, что для остановки татарско-мусульманской пропаганды среди крещёных инородцев необходимо широкое и добросовестное применение системы Ильминского.

* * *

Обращаясь к племенам, и поведывающим ислам, мы видим, что ни один совет Ильминского, в отношении к ним, не был применён.

Местные власти и даже Министерство Народного Просвещения совершенно игнорировали запрос мусульман на образование оставляя его всецело в руках мусульманского духовенства, придерживавшегося устарелой, схоластической постановки преподавания. Этим обстоятельством мусульмане были подвинуты к созданию самостоятельных новометодных мектеб и медресе, с преподаванием светских предметов, иногда в объёме, приближающемся к курсу средней школы. Эти мектебы и медресе доныне оставлены не только без всякого руководства, но даже и без надзора. Такие условия создали благоприятную почву, на которой развилось в России значительное пантюркское движение, не отвечающее ни интересам государства, ни здраво понятым интересам самих мусульман. Пантюркское движение выразилось с одной стороны созданием объединительного пантюркского литературного языка, а с другой – введением преподавания турецкого языка в мектебах и медресе.

Таким образом, в этих школах молодое поколение мусульман России воспитывается в идеях «единой мусульманской нации». Не смотря на горячие, настоятельные

протесты Ильминского и его преемников, татаризация киргиз, дагестанских горцев и других мусульманских племён происходить невозбранно. Совершенно точно установлено, что русское мусульманство находится в тесных сношениях с мусульманством заграничным и что весь мусульманский мир, достигающий громадной цифры 250 миллионов душ и протянувшийся почти непрерывной полосой от Китайского моря, через Азию и Африку, до Атлантического океана, ныне пробуждается, охватывается новыми течениями и внутренне объединяется.

Если в самом ближайшем будущем мы не обратимся к заветам Ильминского, то весьма скоро России придётся иметь в своих пределах не отдельные, исповедующие ислам инородческие племена, а 20 миллионную «турецко-мусульманскую нацию» (как русские мусульмане уже теперь иногда себя называют), мыслящую себя солидарной со всем мусульманским миром.

Заключение. Каково будет при этих условиях положение России, когда наступит неизбежное для нас огромное столкновение в Азии? Для того, чтобы со спокойной совестью ждать грядущих событий и смотреть в глаза будущих столкновений с убеждением, что мощь русского народа победоносно выйдет из борьбы, надо быть уверенным, что мы выполнили всё, что повелевает благоразумная предусмотрительность.

Во-первых, мы должны принять все меры к защите крещёных и язычествующих инородцев от поглощения исламом. В настоящее время мусульмане пользуются полной, бесконтрольной свободой преподавания в своих мектебах и медресе на каком угодно языке: но раз инородец крестился, он обязан учиться на русском языке, учителю позволено пользоваться природным языком ребёнка только как пособием для изучения языка русского в первые 2 года обучения, и то лишь в исключительных случаях, когда в школе имеется учитель, знающий местный язык. Таким образом установлена премия в пользу инородцев, переходящих в ислам. **Безусловно необходимо, чтобы крещёные инородцы в отношении**

пользования природным языком имели те же права, как и татары-мусульмане.

Во-вторых, мы не должны ничем содействовать слиянию отдельных мусульманских племён в одну мусульманскую нацию. Мусульмане объединяются Магометанским Духовным Собранием, созданным для них Императрицей Екатериной II. Всякий мусульманин, желающий получить звание муллы в Пензе-ли, в Рязани-ли, Астрахани, Казани, Омске, должен явиться в Уфу и здесь сдавать экзамен, причём он получает известное вдохновение и направление.

Это Магометанское Духовное Собрание руководит и далее всеми этими муллами посредством циркуляров и специального журнала (Маглюмат).

Что единство русского мусульманского мира уже в значительной степени осуществлено – видно из того, что вся русская мусульманская пресса, без исключения, держится одного направления (резко выраженного левого), и все мусульманские депутаты Государственной Думы, несмотря на несомненную противоположность экономических интересов с одной стороны татар, а с другой – башкир, киргиз и проч., образуют одну сплочённую мусульманскую группу, как будто бы в России действительно нет свободы для исповедования ислама, и мусульманам поэтому необходимо объединяться в вероисповедную группу.

В задачу этой записки не входит подробное перечисление мер, которые могут быть приняты в настоящее время; но все они, в общем их содержании, могут быть выражены следующим образом; необходимо оградить крещёных и язычествующих инородцев и многочисленные малокультурные мусульманские племена (башкир, киргиз и проч.) от искусственного поглощения их татарством, а для этого **необходимо уравнивать в отношении пользования природным языком с татарами-мусульманами все инородческие племена**, независимо от того, исповедуют они христианство или ислам, и имеют или нет свою письменность. Предоставление исключительно одним только татарам-мусульманам на том основании, что у них есть письменность, права преподавания на татарском языке в своих

школах, является привилегией, противоречащей пользе не только крещёных инородцев и русского государства, но и огромного большинства самих племён, исповедующих ислам.

С. Чичерина.

Насильственное отчисление от православия

Известные Манифесты о веротерпимости, к сожалению, застали православных инородцев Российской Империи в том возрасте православного самосознания, когда не все из них оказывались достаточно утвердившимися в истинах православия. Под влиянием тайных и явных внушителей, пропагандистов ислама и совратителей в язычество, некоторые крещёные татары перешли в магометанство, а также и православные черемисы в язычество. Подобный переход из одной религии в другую был и раньше, лет 50 тому назад, но существующие законы в то время угрожали за подобные поступки уголовной ответственностью. Ныне эти законы отменены и предоставлено для каждого свободное исповедание своей веры. Свобода дарована для всех, но для православных она имеет обратный смысл: «свобода магометанству, неволя православию». Поясним это.

Несколько лет тому назад крестился в Казани один мусульманин, вполне сознавая истинность православия. Что же было после его крещения? Фанатизированная масса магометан напала на него, не обращая внимания на полицеймейстера и его едва не убили. Только конная полиция спасла его. А когда в с. Кукморе, где почти все русские, крестился один магометанин, то татары-рабочие устроили такой шум, точно им всем в деревнях жить не дают.

Не то замечается при отпадении крещёных татар в магометанство; татары не только не боятся православных, но даже партия отступников в деревне представляется как бы господствующей, они при всяком удобном случае способны насмеяться над православным, называя его веру поганой и т. п. Такое явление замечается и в дер. Сардабаше, Арборской волости, Малмыжского уезда Вятской губернии, где число отпавших только пятнадцать дворов. Если православный человек названной деревни идёт в церковь, то ему кричат отпавшие: «Куда пошёл? Невесту выбирать что-ль? Иди – иди, у вас там в п.... доме их много. Большой поклон сделай... – тут

следует страшное кощунство над пресвятой Богородицей, – она сама найдёт тебе невесту». Женщинам и девицам тоже приветствие, но особое. – Но если про всё писать подробно, потребовалось бы много времени и места, потому ограничиваюсь сказанным; много подобных насмешек приходится слушать православным. Всё терпели они, всё переносили на себе, но в конце концов у православных терпения не стало. Видя притеснения и вмешательство татар в православные религиозные дела с разными насмешками, старание их подорвать религию колеблющихся в вере, ревнители православия почувствовали себя душевно оскорблёнными, и религиозная горячая ревность к своей православной вере заставила их обратиться с просьбой к административной и духовной властям привлечь отступников за богохульство к законной ответственности. Приезжали разные должностные лица для судебного следствия; ревнители православия в числе более 30 человек доказали всё подробно, и дело было принято в Сарапульский Окружный Суд (обвин. По 74 ст. Угол. Наказ.). К великому прискорбию православных, суд и в настоящее время ещё не состоялся, скоро уже вот минует пять лет. Богохульственные попытки отпавших остаются вовсе безнаказанными. Теперь распространён между отступниками такой слух о царском законе, будто обязательно нужно переходить крещёным в магометанство.

Откуда же почерпали отступники решимость к подобным насмешкам над православной верой и где нашли царский закон, который приказывал бы переходить из православия в магометанство? – Ко всему этому способны мусульманские муллы. Особенно отличается заботливостью к введению в заблуждение народа совратитель, Мерзянский мулла вышеупомянутой волости. Сардабашские крестьяне показали на следствии о. благочинному, как учит народ ревностный пропагандист ислама и совратитель народа Мерзянский мулла. Такая настойчивая и наглая пропаганда татар-магометан невольно заставляет обратить на себя внимание, как со стороны православного духовенства, так и правительства. Мечты татар, хотя тайные для правительства, постепенно

выходят на свет. Сейчас виден уже политический характер мусульманской миссии, но хитро и гладко разглажены следы. Число мусульман в Российской Империи не первое по месту: чтобы их было больше и стараются всеми мерами в настоящее время увеличить число последователей Мухаммеда, привлекая разными приманками крещёных-татар.

Не подозревая всего этого, некоторые начальники на отпадение крещёных-татар смотрят легкомысленно, а при таком отношении к своей обязанности могут у них проскользнуть и незаконные действия. Так например, в дер. Сардабаше двоих насильно, против их желания, перечислили из православия в магометанство... В названной деревне у крестьянина Михаила Парфенова есть два сына: старший – Феодор 21 года, а младший – Алексей 17 лет. Оба они кончили курс в Сардабашской миссионерской школе и хорошо воспитаны в Христианской вере. Михаил Парфенов 2 года с лишним назад подал прошение на имя Г. Вятского Губернатора о переходе из православия в магометанство, включив в прошение и сыновей: Феодор в то время находился на заработке в Пермской губернии в Богословском заводе, а Алексей – дома у родителя; но о своём отпадении не знали ни тот, ни другой. По просьбе Михаила Парфенова все они исключены из православных метрических книг и вписаны в магометанские метрики – т. е. отпали официально; Феодору дали помимо его согласия и ведома новое имя Шакир, а Алексею – Сабир. Каково было для братьев новое переименование?! Ужасно прискорбно. Сколько слёз они пролили от такого религиозного перерождения. Феодор, переименованный в Шакира, как узнал об отпадении, так и упал в обморок и в таком бесчувственном положении лежал более получаса; привели его в себя уже посредством натирания нашатырным спиртом. Какое же впечатление произвело на молодого брата 17-летнего Алексея это религиозное несчастье? Про этого мученика за веру православную не могу без слёз вспомнить, но опишу кратко.

Отец съездил на базар и привёз что-то новое, небывалое дома – парочку тюбетеек, одну чёрную, а другую лиловую, из

которых даёт сыну Алексею выбрать любую; но Алексей отвечает: «обе носи сам, я не нуждаюсь в тюбетейке!» – «Ах ты негодяй, обрусел знать совсем...» и взяв полено начал Михаил своего сына из православного переделывать в магометанина, а мать побежала за женским орудием – кочергой и тоже хочет размахнуться, но на счастье зашёл в избу сосед Корнилий. Сцена прекратилась; полено на полу и кочерга на месте, а Алексей убежал и с тех пор стал жить у дяди Ивана Парфенова, но недолго пришлось ему там быть. Опять перешёл к родителям, стал жить, покоряясь своей судьбе, терпя натиски нового татарина.

В конце концов однако не стерпел и уехал к брату Феодору на Богословский завод. Там они выработали на дорогу и приехали домой в русском костюме, а сами на бумаге числятся магометанами! Стали они увещевать родителей опять переходить в православие, но родители не слушали их и в свою очередь старались склонить к магометанству. Видя упорство родителей, они от своего имени написали Г. Вятскому Губернатору прошение от 25 октября 1909 года о новом перечислении их в православие, упомянув, что они никогда не желали отпадать и ничего они не знают, почему их перечислили из православия в магометанство. Разрешения о новом причислении к православию ждали, ждали и сейчас ждут! А пока, не дождавшись, уехали опять в Богословский завод.

Из вышеприведённого и можно заключить, что свобода магометанства есть неволя православию. Там – свобода для обмана и насилия, а здесь иногда ни откуда и защиты не дождёшься! Хороша свобода"...

Учитель Сардабашской миссионерской школы **Василий Назаров.**

От редактора.

Искренно благодарю учителя Вас. Назарова за сообщение об изложенном выше почти невероятном факте насильственного перечисления в магометанство взрослых детей озверевшим отцом. – Если бы у нас побольше было таких учителей, как г. Назаров, то наша деревня православная держалась бы и Церкви Божией и храмов Божиих крепче, и

многие несчастные инородческие семьи были бы спасены от всякого магометанского беззакония.

Да если бы и наши пресловутые «истинно» русские люди занялись бы действительною охраной православия, то гораздо более принесли бы отечеству пользы, чем это они делают ныне, когда клеветают на православных инородцев, никогда не видев ни одной инородческой деревни.

Е. А.

Мухаммедов гарем

(По второму и третьему положениям)⁴⁶.

III.

Мухаммед нуждался вообще, частью по болезненному состоянию, частью из вдумчивых основ своей натуры, в тихой и спокойной жизни. Условие это достигалось им в Мекке путём уединения в пещеру, где и посещало его экстатическое состояние духа. Менее удобств в этом отношении он испытывал в Медине, где жизнь гаремных обительниц вызывала многие нестроения в его скромном обиходе.

Жизнерадостная Айша заняла в гареме Пророка привилегированное положение, что возбуждало в её товарках чувство зависти и вело зачастую к возмущениям и партийной борьбе. Располагая сильнее своих соперниц чувствами супруга, она не затруднялась высказывать ему горькие истины и даже упрекать его в том, что, приводя в гарем новую жену, он оправдывался Божьим на то соизволением. – «Твой Бог всегда готов помогать тебе в твоих удовольствиях», заметила она по поводу появления в гареме одной из новых соперниц. Мухаммед ставил своему гарему в пример качества и добродетели своей первой супруги, покойной Хадиджи, но Айша заявляла громко, что беззубой старухе ничего и не оставалось, как быть добродетельной. В гареме появилась иудейка Руфия, которую Айша встретила с крайним пренебрежением как дочь жида и жидовки. Мария Коптянка родила мужу единственного сына, но Айша нашла и здесь чем уколоть супруга, которого старалась уверить, что между отцом и сыном не было ни малейшего сходства. Новую жену Асму Айша научила такому приветствию, благодаря которому Мухаммед дал ей развод при первой же супружеской встрече. Одно время Хавса привлекала в свой домик супруга вкусно приготовленным напитком из мёда. Этого было достаточно Айше, чтобы уверить супруга о дурном от него запахе после каждого посещения Хавсы. Разумеется гаремные товарки платили Айше той же

монетой и коварством, дошедшим в удобно избранный момент до гласного обвинения её в плотской измене.

Нестроение в гареме Пророка увеличивалось ещё и тем, что, по словам Бейзавия, каждая из жён требовала нарядов и украшений лучших, нежели имелись таковые у соперниц. Не довольствуясь показной стороной своих нарядов в стенах гарема, они стремились повеличаться ими и перед соплеменницами, поэтому частенько переступали за пороги своих домов, не спрашивая на то позволения супруга.

Мухаммеду приходилось взглянуть серьёзно на вкравшийся в его семью разлад и, как всегда, в этом случае Коран явился к нему на помощь. В суре XXXIII издан ряд указаний супругам Пророка, как им следует вести себя, чтобы избежать мирских соблазнов. Призывая их к благочестию и обещая двойные награды в будущей жизни тем, которые будут покорствоваться Богу и Пророку, Коран пригрозил двойным наказанием тем из них, которые «сделают гнусность», и отпуском их на свободу или иначе – разводом.

Наконец Мухаммеду пришлось пригрозить всему своему гарему разводом и опять-таки словами Корана: – «Смотрите, ведь Бог, может быть, заменит вас лучшими жёнами из женщин и девиц». – Раздоры женщин и действительно доводили Мухаммеда до формального развода, как напр. с Хавсой – дочерью его сподвижника Омара. Но последний занимал такую позицию в новозарождавшемся культе, что Мухаммеду пришлось уступить настояниям о возвращении Хавсы в гарем.

Все приведённые исторические данные указывают с очевидной наглядностью на невозможность: а) соблюсти в полигамии душевное равновесие и б) на невозможность даже всесильному Пророку внести в гаремную жизнь равноправность, а с тем вместе и первичные условия благоустроенной семьи: взаимность и сердечное единение.

По мере увеличения гарема Мухаммеда разрастались и интриги женщин-соперниц, отстаивавших свои права на чувства супруга. На этом обстоятельстве нельзя не останавливаться по тому уже, что вытекавшие из соперничества события установили на целый ряд веков те или другие частью

коранические заветы, а частью и законы, которым следуют и поныне сотни миллионов мусульманского населения.

Во время похода Пророка на Бени-Мусталик он взял с собой и свою любимицу Айшу, с которой случился эпизод, подавший повод к невыгодному для неё заключению. На одном из переходов Айша исчезла, или по крайней мере её не нашли в закрытом портшезе, хотя её дромадер⁴⁷ и был проведён в веренице общего каравана. Спустя некоторое время она была доставлена к каравану на верблюде, приведённом красивым арабом Савфаном. По её объяснению, когда караван снялся в дорогу, она зашла за пригорок, где искала потерянный ею браслет. Затем только случайно проходивший по дороге Савфан, узнав в ней жену Пророка, доставил её к каравану со всеми знаками глубокого уважения.

Интрига закипела. Поэт Хасан написал по этому поводу стихи, дошедшие и до нашего времени, которые привели Пророка в состояние тяжёлой меланхолии. Соперницы Айши не стеснялись в чёрной клевете, и наконец сам Мухаммед охладел к своей любимице и перестал посещать её домик. Оскорблённая женщина просила о разводе, но Мухаммед не решился расстаться с любимым существом и только просил её оправдаться ради прекращения в народе дурной молвы. Айша ответила ручьями горячих слез и нежными уверениями в своей невинности, что привело её супруга в состояние экстаза, при котором он получил наставления и приветствия от самого Аллаха. На этот раз экстаз разрешился восклицанием: – «Радуйся, Айша, поистине Бог открыл мне твою невинность. Хвала Аллаху».

Эта кажущаяся мелочь в жизни Пророка повела, однако, к установлению целого регламента в право-обязанностях полигамической семьи. Регламент этот выразился в XXIV суре Корана, направленной против нарушения брачных уз и против легкомыслия, вызывающего женский пол на кокетство и на похвальбу нарядами и украшениями. Обеляя перед народом Айшу, Коран спросил (ст. 13), почему клеветники не привели четырёх свидетелей её проступка, а «впрочем если бы они и привели, то солгали бы перед Богом». Муж получил право

обвинять свою жену в нарушении брачных уз, но он должен подкрепить своё обвинение пятикратной клятвой (ст. 6 и 7), но если обвиняемая поклянётся также пять раз в своей невиновности, то этим обвинение признаётся несправедливым. Прелюбодеи мужчины и женщины должны быть наказываемы по сто ударами розог, а клеветники должны быть наказываемы восьмидесятью ударами розог с лишением их права быть когда-либо и в чём-либо свидетелями. Стих 19 суры IV разрешает мужьям «держат их в домах, т. е. в заточении дотол, как постигнет их смерть».

Ради устранения легкомыслия Коран предписал женщинам (ст. 31 гл. XXIV), чтобы они при встрече с посторонними потупляли взоры, показывали наряды только детям, близким людям и прислуге и не обнаруживали наготы. Стих 59 суры XXXIII предписал женскому полу опускать покрывало до низу, чтобы они не были узнаваемы и оскорбляемы.

Таким образом путём божественного откровения, совместившегося в Коране, не только преподаны мусульманскому миру заветы нравственности, но и указаны карательные за нарушение нравственности весьма строгие законы. Несмотря на то, несмотря и на обещание райских за соблюдение нравственности наслаждений, всё же, как видно из многочисленных заявлений, женщины мусульманки не сторонятся публичных домов и не страшатся великого гнева Аллаха. Очевидно отсюда, что людские законы, да ещё полицейского характера, не будут в силах побороть причины, толкающие, женщин на этот греховный путь. Такие законы послужили бы своего рода дополнением к Корану или дополнением к божественному откровению, но нужно думать, что сами мусульмане не желают дополнять Коран законами ума и рук человека, особенно когда упоминаемые причины извращения семейных основ, может быть, и притаются на некоторое время, но всё же или примут скрытые формы или выступят на другой, ещё более скользкий путь. Следовательно ради более правильного понимания вещей необходимо продолжать далее обследование этих причин и поставить перед собой вопрос, не скрываются ли они в полигамии, в формах

брачного союза, в процессе разводов и вообще в самих основах семейных союзов, а может быть и в деспотической власти одной половины над другой.

Вл. Череванский.

О миссии среди инородцев

Иногда, для освещения того или другого вопроса, нужны бывают факты, взятые из жизни. Вот один характерный случай из моей практики. – Когда я был определён ко вновь построенной мной церкви в бывшей приходской деревне Керебеляк, Царевококшайского уезда, то стал думать об открытии при ней церковно-приходского попечительства. Но учредить его желал не для выполнения проформы – согласно предписанию, а ради пользы дела; потому что порча народа в религиозно-нравственном отношении забирается и в Царевококшайскую глушь, и хорошо известно, что гораздо легче предохранить от болезни, чем лечить; несравненно лучше учить, чем после исправлять запущенное. Вследствие этого я стал разъяснять прихожанам-черемисам по «Положению» о приходских попечительствах. На это они начали говорить приблизительно следующее: «Чего надо будет для храма и причтовых домов, то мы сделаем и без попечительства; а с новым попечительством явятся новые сборы и налоги, нужно выбирать ещё новых должностных лиц; и без них, кроме церковного старосты, в ущерб сельскому обществу, стараются уклониться от исполнения всех мирских повинностей: тушения лесных пожаров и многих других – представители от прихожан». Тогда я стал растолковывать им, что звание как представителей, так и членов попечительства лишь почётное, не освобождающее ни от каких мирских повинностей, а попечительства могут иметь целью не собиранье с них денег, а согласно правилам о внутренней миссии, напечат. в № 22 «Ц. Ведом.» за 1908 г., главным образом улучшение жизни прихода в религиозно-нравственном и даже материальном отношении. На это они с удовольствием согласились.

Сказанное красноречиво свидетельствует, что в пастырско-миссионерской практике приходится сообразоваться с местными условиями и взглядами прихожан. Спаситель учение называл сеянием, а Слово Божие зёрнами. В сельской же жизни приходится убеждаться, что пшеница лучше и прочнее растёт на

сродной ей почве, на которой она взошла, и при внимательном уходе за пшеницей, она даёт плод сторицей. Тогда как даже благороднейшее неведомое тепличное растение, пересаженное на чуждую ему нашу суровую почву, захиреет, зачахнет и погибнет. И это приходится иметь в виду, если дорого дело, а не форма.

Дай Бог, чтобы Миссионерские съезды и Архипастыри расшевеливали, будили и зажигали в нас святой огонь апостольской ревности, пастыри же на местах этот христианский дух уже облекут в подходящую плоть и соответствующую одежду.

Священник Пётр Монастырев.

**№ 47. Сотрудник Братства св. Гурия. 26
сентября 1910 года**

Современные обязанности православных христиан

Мы удивляемся, что теперь наступило такое время, что православные инородцы отпадают от святой Церкви. И во всём мы склонны обвинять наше время. А кроме «времени», конечно, виновато наше «правительство»; – спросите любого нашего консерватора, почему у нас в жизни такая путаница, такое неустройство, и вы получите ответ: «что это начальство смотрит; и зачем эти свободы придумали; всё горе в них, одно только с ними беспокойство»...

И вздыхает русская беззаботность над этими свободами и беспечно ожидает; «когда это наше начальство опомнится и отберёт назад все эти свободы?» – И продолжает русская беззаботность по-прежнему сидеть без дела и во всех несчастиях своих во всём обвинять других.

Но переходим к нашей теме, – о современных обязанностях православных христиан ввиду отпадений от православия многих тысяч крещёных инородцев. Это, действительно, тяжкое горе, и все православные христиане должны в этом горе и его причинах очень разобраться, чтобы снова его не приходилось переживать.

Почему, в самом деле, отпадают от православия православные христиане?

Почему многие колеблются?

Это происходит и произошло по двум причинам; первая, конечно, та, что они сами плохие христиане, а вторая – что они живут среди дурных христиан.

Посмотрите вокруг себя: где христианская жизнь? Где христианское убеждение? Можем ли мы указать в жизни, в простой обыденной обстановке, такого человека, который бы знал Христову православную веру и умел её защищать, который, так сказать, «постоял бы за Церковь Божию».

Ещё среди простого русского народа можно найти таких людей: можно найти даже среди инородцев крещёных, которые всегда готовы некрещёным братьям своим по крови сказать хоть

немного о Боге, о Спасителе, о Пресвятой Богородице, о спасении души...

Но пойдите в город, посмотрите на жизнь нашей интеллигенции, всего нашего общества. Какое отношение этих христиан по имени, но не по жизни, – какое их отношение к Церкви? – Да никакое! – Святая церковь, святые угодники Божии – сами по себе, а эти, так называемые христиане – сами по себе. – В храме Божиим идёт молитва утренняя, эти христиане спят; в храме Божиим идёт молитва вечерняя, эти христиане «кушают». В храме всенощное бдение, а у этих христиан «болят ноги», они не могут стоять в церкви и едут в театры, в концерты, на балы. И так во всём и всегда! – А на этих «образованных» людей смотрит наш народ... Видят этих «образованных» людей и наши инородцы, или отыскивающие работы в городе, или очень нередко наблюдающие своё «начальство», ничего общего с Церковью Христовой и храмом Божиим не имеющее.

Среди кого же приходится жить нашему русскому народу и нашим, так называемым, инородцам? Что они видят у тех, кто выше их? Что они слышат о Церкви от тех, кто должен был бы их учить?

Вот где одна из главнейших причин отпадений от святой Церкви! – Прошу прощения у читателя за резкость: мы все живём среди отпадений от Христа, от Его заповедей, от того Святого Духа, Которым жили праведники Божии и вся Святая Церковь.

Отпало от Церкви наше «интеллигентное» общество, за ним идёт русский народ, за русскими следуют инородцы...

Чего же удивляться? И разве собирают смоквы с терновника или виноград с репейника (Лук. 6:44)? – Разве около дурных воспитателей может получить кто-нибудь хорошее воспитание?

Так и инородцы, если отпадают от Церкви, то только потому, что плохо были научены и ещё хуже были воспитаны.

Но что же теперь нам, русским православным христианам, делать? Теперь – каковы наши обязанности по отношению к Богу, ко св. Церкви и к меньшей братии нашей?

Теперь мы должны прежде всего учиться и учиться. Мы должны пополнять своё убогое христианское мировоззрение. Всякий христианин должен твёрдо знать всё, что касается его христианского учения; он должен отдавать ясный отчёт себе и другим, почему он верит и живёт так, а не иначе, и почему необходимо думать и верить по-христиански, а не как-нибудь по-другому.

Выучившись, как мы должны *верить*, мы должны постараться *жить по вере* своей, т. е. так, как заповедала нам св. Церковь: во взаимопомощи и в чистоте христианского служения ближнему. Если этого не будет, если окружающие нас инородцы и люди неверующие – среди нас, христиан, не будут видеть Христа, то они будут только обвинять нас в лицемерии и, разумеется, в такое общество не пойдут.

Вот если направится наша собственная жизнь по заповедям Божиим, если мы сами будем исполнять обязанности, возлагаемые на нас нашим званием, то, с Божией помощью, может быть прекратятся и отпадения от Церкви нашей. И узнают люди, что с нами Бог и мы с Богом устраиваем жизнь свою...

А сейчас – видят ли они что-нибудь хорошее в жизни нашей? Могут ли они в ней найти что-нибудь назидательное?

Епископ **Андрей**.

Тормоза в Миссии

(Из речи Н. П. Остроумова на Казанском Миссион. Съезде).

Религия народа, по существу своему, есть факт психологический: её зарождение, развитие и изменение происходят в глубине нашей души и составляют "святое святых» её; поэтому миссионеру необходимо помнить и всегда иметь в виду, что беседа с язычником о перемене веры, если только не скользит по поверхности, если не происходит внешне на словах, непременно захватывает его душу, его чувство.

Вероятно, вследствие такой природы религии, история религиозных верований не раскрыла пред нами и не сохранила для нас того внутреннего процесса, каким сопровождались в народной жизни перемены религии. Но несомненно, что такие периоды сопровождались особым душевным возбуждением в народной массе, происходившим от неудовлетворённости души старой верой и искания другой, которая отвечала бы зародившимся душевным настроениям. Иначе проповедь новой веры не вызывала бы у староверов раздражения и не сопровождалась бы сердечным умилением у лиц, склонявшихся к проповеди о такой вере. Это особое душевное настроение и создавало ту особую духовную атмосферу, в которой совершались религиозные перевороты в народной жизни. Так без сомнения, было у евреев, у христиан разных национальностей, у арабов, магометан, у нас русских, в эпоху введения и распространения христианства; так должно быть и теперь у местных язычников.

Значит, для успеха миссионерской проповеди, среди них необходимо создать особую духовную атмосферу, которая бы окружала язычников и располагала их к перемене старой веры, веры отцов. А такую атмосферу может составить или христианское или мусульманское общество, которое окружает язычников. Этим соображением и должно быть объяснено то странное на первый взгляд явление, что в одних местах язычники известного племени более склонны к принятию христианства, а в других – того же племени – к принятию

мусульманства. При этом становится ещё более понятным изречение Евангелия: «такое да просветится»... Значит, успех миссии среди язычников зависит не от личных только качеств проповедника, но и от окружающей среды, и потому мне представляется заслуживающим особенного внимания предложение Преосвященного Гермогена о необходимости поднятия «церковной дисциплины», – дисциплины не только внешней, но дисциплины самого духа современных христиан, их мыслей, чувствований и желаний.

При этом почтенный оратор упомянул, что «проезжавший через Ташкент один Лондонский каноник имел встречу с первым по знанию из ташкентских иноверцев Мухатдином хадрой, которому каноник предложил прочитать из св. Евангелия о нагорной проповеди. По прочтении указанных глав, англичанин его спросил: нравятся ли ему прочитанные места? Собеседник ответил ему с серьёзным выражением лица: «заповеди Христа святы и нравственны, но – ведь вы их не исполняете!».

«Нужно обратиться, прежде всего, к современному обществу, к самим себе: мы сами – язычники!»⁴⁸

Занятия Царевококшайского миссионерского кружка

(Протокол от 14 марта 1910 г.)

1910 года марта 14 дня члены Царевококшайского миссионерского кружка 1-го благочиннического округа, собравшись в монастырской церковно-приходской школе, под председательством благочинного, протоиерея о. Азановского, в соучастии ревнителей православия приходских кружков – села Цибикинура, Нурмы и Ронги, после пения молитвы Духу Святому – имели суждение о нижеследующем:

1) В организованные кружком библиотеки в деревнях Нуж-яле, Ашламучаше, Кур-соле и Кугенере – выписать по 106 экземпляров книг религиозно-нравственного содержания от издательской комиссии училищного совета при Св. Синоде и 23 брошюры Булгаковского – против алкоголизма, причём расход по выписке книг в половинном размере – в количестве 49 руб. – просить игумена Мироносицкой пустыни о. Серафима – принять в счёт монастыря, на что бывший на собрании о. игумен изъявил своё полное согласие.

Библиотеки в указанных деревнях – в целях большей доступности их для местного населения – должны находиться на руках грамотных членов приходских кружков – под наблюдением и руководством своих приходских священников.

2) Касательно появившейся в селе Малом-Абаснуре личности, именуемой «пророчицей» – решено просить местного священника о. Андрея Черкасова принять с его стороны все, какие возможно, пастырские меры воздействия к вразумлению и обличению её и посещающих её» и в то же время следить за всеми её действиями, уведомляя о том кружок. Просить также и матушку о. Черкасова – ближе сойтись с названной личностью в целях более возможного доброго влияния на неё.

3) Согласно предложению о. председателя, избрана в члены кружка настоятельница Царевококшайского женского монастыря монахиня Серафима.

4) По заслушании доклада членов кружка – священника села Цибикура о. Николаева, – священника о. Василия Петропавловского (села Нурмы), псаломщика села Цибикура Иванова и крестьянина Гавриила Белякова о результатах беседы их с «кугу-сортинцами» в деревнях Кабак-соле и Нулс-яле, предложено терпеливое, любовное и снисходительное отношение к заблуждающимся и возможно частое собеседование с ними, а главным образом – с православными, надеясь и полагаясь на помощь Божию.

5) Заслушав перечень бесед члена кружка лесника А. Клементьева, – проведённых им с крестьянами разных мест во время лесных работ, постановили выразить ему благодарность с пожеланием продолжать и далее это доброе дело, а в пособие ему выписать на средства кружка журнал «Воскресный день».

6) Препровождённый в кружок о. уездным наблюдателем церковных школ священником А. Теминым, при отношении от 14 марта сего года за № 140, перевод начатков катехизиса по учебнику епископа Агафадора, сделанный учителем Эсекейкинской церковноприходской школы Т. Евсеевым, – как первый опыт переводческих трудов учащихся церковно-приходских школ – передать на предварительное рассмотрение в переводческую комиссию кружка.

В заключение собрания, о. председатель кружка, обратившись к членам приходских кружков, – как сынам православной церкви – убеждал их содействовать благим целям приходской миссии добрым словом и примером, для укрепления верующих и обращения на путь истины заблуждающихся, доводя обо всём, касательно их, до своих приходских священников

Собрание закончилось пением молитвы «Достойно есть»...

Председатель кружка, священник *Алексий Азановский*:

Делопроизводитель кружка, священник *А. Темин*.

К вопросу о воскресном отдыхе у магометан

Смотря на всё, даже на свою обувь и головной убор, исключительно сквозь религиозную призму, наши мусульмане ухитрились и в поступившем на рассмотрение Государственной Думы проекте о воскресном отдыхе для всех служащих видеть не только посягательство на религиозную свободу, но, *horribile dictu*⁴⁹, даже поругание своей религии. Отсюда их протесты, заявленные устно и печатно отсюда шум, поднятый ими в своих и в чужих газетах.

Жаль, что ни одна из мусульманских газет не хочет растолковать своим читателям те гуманные и экономические, а вовсе не религиозные основания, в силу которых Дума вынуждена будет, – мы в этом уверены, – установить по воскресениям праздничный отдых для всех служащих в торговых и других заведениях всех вероисповеданий. Будет ещё грустнее, если никто из мусульманской фракции и в Государственной Думе не воспользуется удобным случаем и публично не заявит, что правительство, устанавливая праздничный отдых для служащих, преследует исключительно гуманитарные цели, а вовсе не религиозные.

Не мешало бы нашим мусульманам растолковать и ту простую истину, что мера эта вызывается также и самыми элементарными требованиями справедливости, ибо она ограждает экономические интересы громадного большинства населения империи. Ведь, разрешая мусульманам или евреям торговать по воскресениям, правительство тем самым нарушит торговое равновесие в пользу незначительной части иноверных своих подданных. Это равновесие останется нарушенным и в том случае, если, вместо воскресений, мусульмане будут закрывать свои лавки по пятницам, потому что известно, что татары и вообще мусульмане почти ничего не покупают у русских, тогда как последние являются почти единственными покупателями некоторых татарских магазинов – галантерейных, фруктовых и др., а это с точки зрения торговой конкуренции и торгового равновесия весьма важно. При живом национальном

самосознании, при развитии коммерческих способностей у русского торгового класса, быть может, не трудно было бы парализовать этот ущерб, но пока этого нет, государство обязано защищать интересы обижаемого большинства своих подданных – кто бы они ни были.

Замалчивая эту сторону дела, наши мусульмане выдвигают другую сторону – религиозную. Им ужасно не нравится, что христианское правительство выбирает для отдыха именно воскресные дни. «Почему этот отдых называется *праздничным*? – восклицает один мусульманин в «Казанском Телеграфе!»⁵⁰) Почему же для этого отдыха выбрано воскресенье – христианский праздничный день? Почему не избран, если уже речь идёт просто об отдыхе, какой-либо иной день?» – Эти вопросы предлагаются и теперь. С такими вопросами обратился недавно ко мне и старый мой знакомый мулла, по-видимому, либеральный человек, и я ему ответил следующее:

Праздничный воскресный отдых установлен для последователей Христа ещё в самом начале христианства, т. е. ещё до появления ислама и, во всяком случае, ещё задолго до включения мусульманских земель в состав русского государства. Русский народ, составляющий не только господствующий, но и многочисленнейший элемент в России, настолько уважает свои воскресные дни и так привык праздновать (отдыхать) в эти дни, что ни одно правительство не решится отменить воскресный отдых. Оставить же эти дни для церковного, так сказать, отдыха и назначить какой-либо другой, нейтральный день в неделю для всеобщего отдыха, как это проектируют некоторые мусульмане, это едва ли вы сами признаете возможным и справедливым хотя бы только с точки зрения торговой конкуренции и жизненных интересов государства и господствующего в нём элемента. Насколько я вас понимаю, вас смущают слова «праздновать, праздник», которые прилагаются к воскресным дням и в которых вы всегда видите указание на религиозный элемент. Но надо же, наконец, понять, что праздновать по-русски означает не только церковно чтить какой-либо день, но и просто отдыхать, ничего не делать. Для нас, христиан, слово праздник имеет то и другое значение,

но для вас оно должно иметь одно лишь значение, – отдых. При таком взгляде на воскресный отдых не остаётся места для недоразумений. Так, по крайней мере, смотрят на это дело мусульмане, живущие в других христианских государствах и, в частности, в Англии и английских колониях, где воскресный отдых соблюдается *всеми весьма строго*. Так на это дело смотрят и все христиане, живущие в мусульманских государствах, где праздничными днями считаются не воскресные, а пятничные. В этом факте христиане, составляющие, напр., в Турции и Египте чуть ли не четвертую часть народонаселения, не видят никакого посягательства на свою религию, так как они хорошо понимают, что мусульманские правительства не могут в угоду своим христианским подданным праздновать (отдыхать) по воскресениям или другим нейтральным дням. Точно также должно поступать и русское правительство, если оно действительно заботится об экономических интересах большинства своих подданных и их национальных и религиозных чувствах.

Нейтральный.

Татарская свобода совести

В Совет Братства св. Гурия поступило интересное описание одного священника, характеризующее нашу свободу совести. Какая-то несчастная русская крестьянка пожелала выйти замуж за магометанина, а поэтому ей нужно было сделать законом установленное увещание. Вот это «увещание» и описывает священник с. Череватырева, Чистопольского уезда.

Совет Братства свят. Гурия поручил мне увещание крестьянки Мариамны Маленьких, ходатайствующей о её переходе из православия в магометанство. Мариамна Маленьких три года уже живёт с Марасинским татаринцом Сафиуллиным, говорит по-татарски плохо. 1-го августа сего года, я был у означенной крестьянки, с псаломщиком Филипповым и кр. Сурманаевым, но, к сожалению, увещевать её не пришлось. *Как только она вышла к нам, незаконный её муж татарин, узнав, с какою целью мы приехали, не дал ей говорить с нами: взял её за руку и втолкнул в избу.* Потом, обратившись к нам, с дерзостью сказал: как вы посмели без моего позволения подойти к моему дому. Убирайтесь отсюда поскорее, мою жену уговаривать не смейте. Если вам нужно что, то требуйте через полицию. – Я сказал, что приехал сюда по приказанию Епархиального Начальства и Господина Губернатора... Но на крик татарина подбежали другие татары, которые со всех сторон окружили нас и начали кричать и ругаться. Один из них, по имени Киамутдин Саддаров подъехал прямо к нашему тарантасу и стал грозить кулаками и вилами (он ехал за снопами). – Что делать? Мы сели и поехали обратно.

Село Мушерань

Русские крестьяне из некоторых деревень близ г. Царевококшайска занимаются по зимам портняжничеством и среди черемис. Благодаря тому, что черемисские костюмы просты и из дешёвого материала, а сами черемисы не взыскательны, как бы ни было сшито, лишь бы можно было только надеть – решаются шить на них и подростки. Отправляются на заработки в ноябре и работают всю зиму до самой распутицы. От этих портных приводилось слышать много смешного и курьёзного, – а на самом деле грустного – из жизни черемис. Особенно много говорили о Мушеранских и Абаснурских черемисах. Каких только анекдотов не услышишь – бывало! Коснись же каких-либо – пороков рассказчиков и сейчас услышишь: «Это что, батюшка! А вот вы бы поглядели на Мушеранских черемис! Все нехристи, в церковь не ходят, постов не соблюдают, с женщинами живут без брака – не венчаются, грязны, слепы. В избах у них и коровы и телята, и собаки и поросята – все вместе. Котлы и чашки после еды сами не моют, а дают чистить собакам».

– «Вы то, как же? значит тоже к этому привыкаете?» – спросишь их.

– «Что же, батюшка, поделаешь! Начнёшь говорить, так сердятся: по неволе и привыкаешь».

И начнут на перерыв выкладывать, где, кто, что видел и что слышал. Скажут и про то, как один черемис пришёл к священнику и просит окрестить его младенца. На вопрос священника – «где же твой младенец?» слышит ответ: «а он, батюшка, у ворот стоит, лошадку держит.»

Или как один черемис в посте пришёл в церковь как раз в то время, когда причащались говельщики. Ничтоже сумняся подходит и он. Причастили и его. Потом он и говорит: «какой мой час (счастье), – пришёл и причастили, а другие целую неделю ходили».

Из разных таких рассказов в продолжении 15 лет, сложилось и во мне убеждение, что Мушеранские, Абаснурские

и другие лесные черемисы весьма темны, не просвещены. И случалось себя утешать тем, что всё-таки живёшь среди сознательных христиан, которые видят в тебе «батюшку», наставника, близкого человека. Куда бы ни пришёл, с кем бы ни встретился, каждый с тобой приветлив, не видно, что он тебя чуждается, а считает своим, родным. И уже начала было назревать мысль о том, чтобы и кости свои сложить в этом приходе, среди любимых своих чад.

И вот, нежданно-негаданно, волей ли Божией⁵¹, или по стечению обстоятельств, вдруг получаю указ о переводе меня в село Мушерань. И всё во мне перевернулось. Упал духом. И что только ни пришлось перечувствовать!.. – А всё, что мне пришлось перечувствовать, передалось и на прихожан. Видя своих духовных чад, мужчин и женщин, старых и малых, – толпившихся с утра до ночи у меня на квартире с горькими рыданиями, почувствовалось мне, что я переносу трудную, тяжкую операцию.

И, с болью на сердце, с мрачными думами, пришлось выехать по назначению...

* * *

Село Мушерань находится среди леса. Этот лес большей частью сосновый. В селе 16 черемисских дворов. Одна изба ещё по-чёрному, курная. От Казани в 80 верстах, от города Царевококшайска в 70. От проезжей дороги в стороне, в глуши. Из села, кроме неба – не видно ничего, кругом лес. В селе церкви не было. Она сгорела в январе месяце 1909 года. Службы совершались в молитвенном доме. Предстояла постройка новой церкви. Лес из казны был выдан, подрядчик поряжен и фундамент под церковь сложен. Только средств для постройки было мало; нужно было изыскивать до 5 тысяч рублей.

Приход состоит из 20 деревень, разбросанных на расстоянии 5–9 вёрст от села. Прихожане черемисы, придерживающиеся язычества. Есть язычники и магометане.

Школ пять. Одна земская, две Братские св. Гурия и две церковно-приходские.

Приехал я в Мушерань 23 декабря. На другой день готовился сказать приветственное слово своим новым чадам.

В день Рождества Христова утренняя началась в 6 часов, в церкви было человек 10. Казалось, что находишься где-либо на Камчатке, или в глуши Сибирской...

Благовест в пудовый колокол, висящий на столбиках под снежным колпаком, молитвенный дом (убогая избушка), пустота во время Богослужения в такой великий праздник, до того подействовали на мои нервы, что вместо возгласов у меня по временам вырывались глухие, судорожные рыдания.

Литургия началась в 9 часов и народ начал прибывать. Мои новые пасомые были стрижены по-татарски и смахивали на татар, у не стриженных же волосы были всклокочены; лица чёрные от сажи, набитой во все поры (живут они на смолокурных заводах и в чёрных избах), глаза испорчены трахомой, загноены; мои прихожане пред зажжёнными свечами как-то особенно, болезненно пригибаясь и морщась, мигали глазами. Много было и совсем слепых. Как есть в лазарете, или в приёмной у глазного врача! Все были подпоясаны кушаками (потому что кафтаны у них без пуговиц и не застёгиваются); костюмы до того сидели безобразно, что походили не на одежду, а на мешки; пазухи набиты шапкой, рукавицами; в таком наряде, они походили более на каких-то вьючных животных.

Многие с полными горстями свечей ходили по церкви и ставили их пред иконами непременно сами. Впоследствии я узнал, что они боятся ставить свечи через других людей, думая, что переданная свеча ставится уже не от них, а от того, кто её ставит. Толкотня продолжалась всю службу. Алтарь был битком набит народом. Ставили свечи пред иконами, на семисвечник, на жертвенник, глазели на потолок, ища икон. Один, заметив икону над окном, вытянулся и прилепил свечку к стене под наклонённой иконой; немного спустя стекло на иконе треснуло. Поставив свечку, каждый молился коленопреклонённо и, чтобы освободить руку от оставшихся в руке свечей, стоявшие около самого престола без смущения, клали их на Престол, а поднимаясь, придерживались за Престол. Приходилось,

отрываясь от Богослужения, делать замечания. С трудом о. диакон произвёл каждение во время Апостола и Херувимской песни.

Подано было на Проскомидии несколько просфор. На записках значилось: девять мученик, Микола, овечкам, коровам, Миколай, Тани (это целая деревня), Педр (т. е. Пётр), Акли (т. е. Акулина), Проси (т. е. Евфросиния); и т. д.

Пойми, как умеешь! После обедни разъяснилось содержание записок. Заказаны были молебны 9 мученикам, Николаю Чудотворцу, Флору, Лавру и Модесту с Власием. – Моё новое духовное стадо произвело на меня весьма тяжкое впечатление.

В общем, народу было за Литургией до 150 человек. Сказал я им приветственное слово, начав с пришествия Сына Божия на землю для спасения людей, затем стал говорить о распространении Его веры среди всех народов; между прочим и среди Мушеранских черемис; сказал, что я послан проповедовать среди них о нашем Спасителе и Икупителе, послан сеять слово Божие среди них. Высказал пожелание, чтобы найти мне здесь почву не каменистую и тернистую, а добрую, на которой могли бы вырасти растения с хорошими плодами. Просил крепко держать Христову веру, не служить двум господам – Богу и керемети, ибо за такое хромание на оба колена Бог посылает наказания и может быть и их теперь постигло наказание Божие в том, что они лишились храма Божия. Утешал их, говоря, что если они усердно примутся за постройку новой церкви, Господь опять будет к ним добр и милостив и что Он за каждую их лепту, пожертвованную на постройку новой церкви, может вознаградить сторицей. Обещал, что сам я всеми силами буду стараться быть им полезным.

Слово сказано было по-черемисски. Бедные мои слушатели стояли затаив дыхание, сильно моргая подслеповатыми, больными глазами. Высказав всё, я почувствовал, что первое тяжёлое, горькое, обидное чувство по милости Божией – отошло от меня. «Овцы, не имущие пастыря», мелькнуло у меня в голове. И вдруг мне стало жаль этих бесконечно несчастных людей.

После обедни для славленья ездили в волостное правление.

Дорогой я заметил в поле много снежных, конусообразных кучек, вышиной аршина в два. Спрашиваю о. диакона о значении этих кучек. – «А это для того, чтобы на полосе было столько кладух (скирд) хлеба; в день Рождества всегда здесь так делают черемисы», поведал мне о. диакон.

По дороге обогнали и встретили несколько человек, спешивших с лопатами в поле...

Свящ. **А. Пчелкин.**

Воззвание

Православные Христиане!

Церковно-приходское попечительство черемисского села **Уньжи**, желая благоустроить церковь своего села, но не имея местных средств, сим обращается к православным христианам с убедительнейшей просьбой оказать помощь в сем святом деле. Село находится в самом глухом углу **Царевококшайского уезда**, вдали от больших дорог и рек, на границе Вятской губернии. **Прихожане** – тёмные инородцы-черемисы. Многие из них исполняют свои прадедовские противохристианские праздники: «Сорта-чуктыш», «Ага-пайрам», «Семик», «Сурэм» и мн. др. В приходе есть значительное число некрещёных черемис, находящихся под влиянием окрестных татар-магометан. **Нужды церкви:** 1) покупка 5 колоколов (всего около 70–80 пуд.) = 1500 руб.; 2) поновление иконостаса с позолотой = 1300 руб. ; 3) окраска внутренних стен церкви, а также и пола – 250 руб.; 4) окраска церкви снаружи, так как обшивка почернела и стала гнить = 250 руб.; 5) приобретение икон и утвари, так как церковь во всех отношениях скудно снабжена утварью: нет облачений, нет многих праздничных икон; нет даже хорошего свечного ящика – 200 руб.

Адрес для жертвователей: через *Моркинское* почтовое отделение, церковно-приходскому попечительству церкви села Уньжи.

Председатель церковно-приходского Попечительства с. Уньжи

Священник *Тихон Ефремов*.

Пожертвования, деньгами и церковной утварью можно также направлять и в редакцию «Сотрудника Братства св. Гурия».

**№ 48. Сотрудник Братства св. Гурия. 2
октября 1910 года**

День взятия Казани

(2 окт. – Память свв. Киприана и Иустины).

Сегодня, братия, мы празднуем день взятия Казани православными русскими людьми, празднуем начало торжества христианства в этом крае, день падения здесь татарского царства.

На этом месте, где мы сейчас стоим, был заложен первый Казанский храм во имя свв. Киприана и Иустины; это был первый луч света во тьме, отсюда стал сиять свет Христова учения во всём Востоке земли нашей.

Великое событие, вспоминаемое нами сегодня, сопровождалось особыми знаменами. Существует предание, что русские люди пошли на приступ, сломивший сопротивление татар, как раз в то время, когда диакон, читая Евангелие, провозгласил: «и будет едино стадо и один Пастырь». С этими словами началось падение стен, защищавших татарское царство, и вместе с тем русские люди, оставив свой лагерь, пошли на смерть, чтобы имя Христово не хулилось здесь более! Татары дотоле не только поносили веру православную, но всё ещё нападали на русские земли, забирали в плен христиан и подвергали их издевательствам и мучениям. Летопись говорит, что во время падения Казани освобождено было из плена 60 тысяч русских людей, терпевших всякие беды имени ради Христова, и они были возвращены братиям своим и родной вере.

Светлый день торжества имени Христова и братской любви и единения празднуем мы сегодня!

Зная хуления татар на истинную веру, великий царь Иоанн не выдержал долее тяжкого испытания православия; он сказал: «не хочу более терпеть унижения христиан», – и войска православные начали свой крестовый поход на царство неверных! Царь православный говорил: «я обязан дать ответ за христианские души Богу», – потому что ясно сознавал себя вождём и защитником их, которому поручено блюсти их невредимыми и защищать от лжеучений и искушений врагами

их веры. Русские же люди, в ответ на призыв Царя и горячую ревность его о вере христианской, без всяких рассуждений пошли вперёд и проливали кровь свою и жизнью своей жертвовали, умирали далеко от родного края, чтобы имя Божие могло славиться на всём Востоке России!

– Итак, сегодня, братия, на крови русских воинов, многие годы тому назад началось великое дело.

Но окончилось ли оно? Можем ли мы сказать, что завершилось то дело, которое тогда было заложено смелым подвигом веры и самоотверженным служением истине? Нет, может быть, ещё века пройдут, прежде чем действительно упадут стены, мешающие единению, прежде чем утвердится во всём крае нашем истинно христианская жизнь, прежде чем наступит торжество любви Христовой в едином Его стаде.

А между тем это торжество св. Евангелия, это дело просвещения светом Христовым тех, которые его ещё не знают и ныне и, может быть, ещё не скоро узнают – было целью, одушевлявшей русских людей на подвиг и направлявшей их жизнь.

Так думали те русские, которые стояли там, где мы сейчас стоим.

А как думаем мы теперь? – В то отдалённое время Святая Русь была единым желанием и единой любовью всех русских людей. Тогда не отделяли ещё Церкви от Государства; цели церковные и государственные были тождественны, рост Церкви был и ростом государства, одушевлённое служение родине было служением церковных деятелей, радость Церкви была и торжеством Родины, – силы не растрчивались, не дробились и могли служить прочным и широким русским успехам.

Каких же продолжателей имеют теперь те, кто принёс в этот край начала христианской жизни? Мы разделились на партии, мы отвращаемся друг от друга и не помогаем одни другим в той мирной работе, которую нам надлежит исполнить. – Люди теперь торопливо и тревожно идут за Русью свободной; они идут за Русью богатой за Русью счастливой... Но кто говорит о *Святой Руси* кто думает об этом древнем идеале наших отцов, кто усвоил себе мысль, что в Православной Руси – Церковь и

Государство должны быть неотделимы, если мы хотим идти неуклонно по великому пути с древних времён избранному нами.

Когда началось покорение Казани, христиане добрые не раздумывали. что им делать, не рассуждали идти им, или не идти. Русские люди – шли и умирали за свою веру, за верных православных братьев своих. А теперь мы страшимся и готовы отступить при всяком и малом гонении. Теперь о Святой Руси говорят, может быть, в храмах – только там. Но в том собрании, где решаются судьбы государства, там о Святой Руси совсем не слышно. Теперь те учреждения, которые управляют жизнью страны нашей, заняты всевозможными вопросами и обдумыванием всяких законов.

Но говорят ли они о *исполнении Закона Божия на Руси Святой*? – Нет, это не наше дело, говорят они, это дело духовенства, и сами к этому делу относятся не с благоговением, а почти с иронией: они отстраняют его от себя и не признают его своим долгом.

А мы, говорим ли мы между собою о исполнении Закона Божия, хотим ли мы видеть Русь святою? – Забыты всеми эти слова! – Но послужило ли нам это на благо? Но теперь сильна ли наша Русь? Решайте этот вопрос сами – как хотите. Соседи наши издеваются над русскими начинаниями во всех областях жизни. Они говорят, что мы отстали от их «культуры» – да и действительно мы только ото всех – «отстали»: мы теперь только подражаем и растрачиваем на это прежние свои сокровища духовные! А раньше мы шли во главе христианских народов и были действительно самобытны и украшали себя именем Христовым.

Я, братия, сейчас говорю вам это и знаю, что мы с вами ничего не можем сделать, чтобы непосредственно возвеличить свою родину, направить по единому пути жизнь нашей Церкви и Государства, поднять на должную высоту нашу древнюю Русь святую. Но, братия мои, мы можем и должны вспоминать, что государство наше было сильно раньше и жило по-христиански, мы можем и должны надеяться, что снова придёт то великое время, мы можем и должны – молиться об этом и личную свою

жизнь устроить, имея в виду эту цель. Мы можем устроить свою семью и мало-по-малу, постепенно объединяться вокруг Церкви; мы можем совершенствоваться в малом кругу нашей братской любви друг ко другу, чтобы всё яснее идеал *единого стада* укреплялся в сознании нашем.

Тогда-то он и объединит всё стадо – и верных и неверных – под водительством Единого Пастыря, в час, который мы не знаем, – но в день, которого мы должны ожидать и желать. Вот это-то мы никогда и не должны забывать, братия, и по крайней мере в своей жизни не должны отделять Церковь и её блага – от своих личных интересов, пользы наших ближних и окружающих нас, непросвещённых ещё, иноверцев; благо Церкви это и наше собственное и совершенное сокровище.

Братия мои дорогие, мне хотелось бы говорить не в этом маленьком храме, и не в большом даже храме, – хотелось бы закричать на всю землю нашу из края в край: «Что ты Русь Святая была – и что ты теперь стала!»...

Но будем молиться тем святым, во имя которых построен этот древний первый Казанский храм, свв. Киприану и Иустине, возлюбившим паче всего истину Христову. Будем молиться святителям Московским, потрудившимся во спасение родного града, свв. митр. Петру, Алексею, Ионе и Филиппу, которых Церковь станет воспевать через два дня. Будем молиться нашим чудотворцам Казанским, просветителям края этого, свв. Гурию, Варсонофию и Герману, которых память мы завтра величаем... Да дарует же нам Господь милость Свою молитвами тех, которые были верными служителями Церкви и ныне остаются яркими путеводными звёздами и для нас, и для наших государственных деятелей. И будем молиться, да даст Господь людям Своим новых проповедников Его Святой любви. Аминь.

Епископ **Андрей**.

Об инородческих монастырях и общинах Волжско-Камского края

На последнем общем собрании Казанского миссионерского Съезда (бывшего в июне сего 1910 г), между прочим, обсуждался вопрос о привлечении православных монастырей к миссионерскому служению среди разно племенных инородцев Восточной России. Причём некоторыми участниками съезда было высказано пожелание, чтобы миссионерские монастыри назывались не просто миссионерскими, а «русско-инородческими миссионерскими», и что «ядро» в этих монастырях должно быть «русское». О том же, как должны быть организованы миссионерские монастыри применительно к нуждам инородческой миссии и какими средствами и способами они будут действовать на инородческое население, – подробных суждений не возбуждалось. Ввиду того, что этот последний вопрос представляется весьма важным и существенным и потому достойным всестороннего тщательного рассмотрения, я решаюсь здесь сообщить по сему вопросу некоторые сведения о том, что мне приходилось наблюдать на протяжении более 30 лет в Казанском инородческом крае.

По моему мнению, основанному на фактических данных, существующие в инородческих местностях православные монастыри, в силу своей особенной постановки и своего направления, не оказывали и теперь не оказывают на инородцев желаемого христианско-просветительного воздействия. В г. Цивильске имеется Тихвинский монастырь, основанный, приблизительно, около 200 лет тому назад. Прежде он был мужской, но в 70-х годах прошлого столетия был обращён в женский, после чего он быстро улучшился как по внешнему благоустройству, так и по количеству сестёр своих. В число последних стали принимать и чувашек. Но духовно-просветительное влияние этого монастыря на массу окружающего чувашского населения как прежде, так и теперь ни в чём особенно не проявляется. Окрестные чувашки оставались до последнего времени в тех же языческих заблуждениях, в

каких они находились до принятия христианства. В 5 верстах от названного монастыря, на высоком левом берегу р. Цивилья, расположена большая дер. Тувси, жители которой все крещёные чуваш и с давних пор числятся православными. Летом 1892 года они целой толпой явились к Цивильскому Исправнику на дом и требовали разрешить им беспрепятственно отправить языческое полевое моление „Уй-чюк» об урожае хлебов. По сему случаю, в августе месяце того же 1892 года Совет Братства Св. Гурия поручил мне посетить деревню Тувси и усовещевать тамошних киреметников-чуваш оставить язычество. Я пробыл здесь два дня, беседовал с чувашами о вере, читал им Евангелие и др. книги на родном им языке, совершал Богослужение. И чуваш и слушали мои беседы и чтение внимательно, а особенно радовались христианскому Богослужению на их материнском языке. Я тут воочию убедился, что Тувсинские чуваш и несмотря на то, что около 200 лет живут под боком монастыря, остаются по религиозным верованиям своим язычниками, не имеют понятия о Христианской вере, не слышали чтения Евангелия и церковного Богослужения на их родном языке.

Присматриваясь к монастырям в других местностях с инородческим населением, например: в г. Чебоксарах, Свияжске и т. п. пунктах, мы замечаем тоже самое, что и в Цивильском уезде. В прежнее время в числе подвижников этих монастырей инородцы встречались весьма редко, и то только в числе послушников. Но с 80-х годов минувшего столетия инородцы обоего пола стали поступать в монастыри в большом количестве. Последнее обстоятельство способствовало к некоторому сближению инородцев с монастырями, но к сближению только внешнему, а не внутреннему – духовному. Инородцы в монастырях быстро русеют и совершенно пропадают, как сила духовно-нравственная, для своих соплеменников, потому что начинают смотреть на последних с некоторым пренебрежением, как на людей отсталых, грязных и тёмных, а в конце концов совсем отделяются от них; вследствие сего тёмной инородческой массе никакой духовной пользы и не возникает.

За последние 20–30 лет религиозные инородцы стали ходить по монастырям на богомолье. Во дни Петровского и Великого постов они в большом числе говеют в монастырях, заказывают здесь сорокоусты, делают пожертвования хлебом, деньгами, домашними животными и проч. Прежде ничего подобного не замечалось в жизни инородцев. Любящие ходить по монастырям инородцы прекрасно знают внешнее состояние посещаемых ими монастырей и расскажут вам о монастырях многое, а именно: в каком монастыре какие порядки водятся, какие готовят кушанья и напитки (квасы), какое богатство и благолепие храмов, где продолжительно и где кратко совершается Богослужение, как мелодично и красиво поют певчие и как кормят и поят богомольцев. Но мне ни разу не приходилось слышать от них рассказов о том, какое назидание и духовнее утешение получает душа их в монастырях, какой внутренний переворот произвела в них та или другая обитель, в каком монастыре находила себе успокоение их мятущаяся совесть, где и какие старцы дают им душеспасительные советы, наставление и утешение. Следует заметить и то, что эти инородцы в нравственном отношении стоят не выше прочих своих одно-деревенцев.

Со второй половины прошлого столетия среди крещёных инородцев Волжско-Камского Края замечается ещё одно новое, довольно сильное, движение: это – стремление их открывать и созидать для себя новые монастыри и монашеские общины. Начиная с 60 х годов, здесь появились следующие монастыри и общины: *в Казанской епархии* – 1) Черемисский Михаило-Архангельский мужской монастырь, 2) Черемисский Троицкий женский в г. Козмодемьянске, 3) Черемисский Введенский женский, 4) Чувашский Александро-Невский мужской, 5) Чувашский Александрийский женский, 6) Чувашская женская община в г. Чебоксарах, 7) Крещёно-татарские обители: Покровская Просветительная женская община и мужской Трехсвятительский скит, 8) Чувашская женская община при селе Мордовской Кармале, 9) Чувашская женская община при селе Старых Айбесях; *в Уфимской епархии* – 10) Черемисский

Николаевский мужской монастырь на р. Каме, 11) Чувашская женская община при дер. Бугабаш и друг.

Здесь естественно возникает такой вопрос: в чём заключается причина этого нового движения среди крещёных инородцев, которые прежде совершенно чуждались монастырей, но во второй половине 19-го века вдруг начинают стремиться к иноческой жизни и воздвигать иноческие обители?

Причина эта кроется в следующем:

В 60-х годах, когда в России возникли особые миссионерские учреждения и на миссионерском поприще явились такие высоко-просвещённые деятели, как например Н. И. Ильминский, к делу христианского просвещения инородцев начали с успехом применять особенные, более действительные меры и средства. Не прошло и 10 лет, как среди слабых в вере инородцев стало обнаруживаться религиозное пробуждение и движение к христианству. Это глубоко знаменательное и желательное явление в жизни инородцев замечалось и теперь замечается в тех только местностях, где заводятся для них правильно организованные христианские школы с миссионерским направлением и распространяются переводы христианских книг, – где церковное Богослужение и поучение совершаются на понятном местном языке людьми хорошо подготовленными к этому, преимущественно из самих же инородцев. Об этом отрадном явлении в 1893 году засвидетельствовано было в отчёте Братства св. Гурия (за 27-й братский год) в таких словах:

«Высокопреосвященнейший Владимир, Архиепископ Казанский принял на себя труд (в сентябре 1893 г.) обозреть те уезды епархии, которые почти сплошь населены крещёными и некрещёными чувашами. Во время этой поездки Его Высокопреосвященство получил о чувашах непосредственное представление и увидел, что они по религиозно-нравственному состоянию находятся не везде на одинаковом уровне. Там, где существуют правильно организованные инородческие школы, при проезде Архипастыря замечалось особенное воодушевление в чувашских деревнях, ученики местных школ встречали и провожали Владыку стройным церковным пением

на славянском и своём родном языках; в тех же чувашских приходах, где отсутствуют инородческие школы с миссионерским направлением, этого явления не было видно».

Многие грамотные чуваша и чувашки, особенно из молодых, ознакомившись с христианским учением из Евангелия, житий святых и т. п. книг, изданных на их родном языке, решительно отказались от своих суеверий и сделали истинными христианами по убеждению. Некоторые же из них, желая полнее и беспрепятственное осуществить идеал христианской жизни, стали оставлять мирскую жизнь среди полуязычествующих соплеменников и удалялись в монастырь. Теперь можно встретить монашествующих инородцев Приволжья не только в монастырях Казанской, но и Нижегородской, Московской и других епархий, даже на Афоне.

Особенно сильное стремление к иноческой жизни обнаружилось среди инородцев-чуваш в 80-х годах прошлого столетия в восточной части Цивильского и в окрестных деревнях села Алакова Ядринского уездов. В 1888 г. при селе Мусирме, Цивильского уезда, пять чувашских девиц построили келью, в которой намеревались проводить богоугодную жизнь в молитвенных подвигах и христианском благочестии; но не получив материальной поддержки и встретив упорное сопротивление своему намерению со стороны родителей, они должны были разойтись по домам. В 80-х же годах 3 молодых чуваша, обучавшиеся грамоте в Аликовском инородческом двухклассном училище Ядринского уезда, сделали попытку поселиться в казённых Сурских лесах в выкопанных ими пещерах, но им не дозволили этого. В тех же годах такие же попытки делались молодыми чувашами и чувашками и в других местах Ядринского, Цивильского и Чебоксарского уездов. В настоящее время тоже самое происходит среди инородцев Самарской губернии. Тому назад 4 года несколько чувашских девушек Бугурусланского уезда намеревались основать иноческую общину близ села Микушкина, но за неимением материальных средств и сильных ходатаев желание их осталось не исполненным. В настоящее время некоторые инородцы-чуваша дер. Чёрного Ключа, Бугульминского уезда, задумали

основать мужской монастырь, но чем кончатся их хлопоты по сему делу, пока ничего сказать нельзя.

Какая же сила двигает этими простыми необразованными инородцами? Не честолюбие-ли? – как думают некоторые. Нет! Сила эта – глубокая, искренняя вера их в Господа нашего Иисуса Христа, Который учит: *«Ищите прежде Царствия Божия и правды Его и это всё приложится вам»* (Матф. 6:33). И ещё: *«кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более нежели Меня, не достоин Меня»*. (Матф. 10:37). Непокколебимая уверенность этих инородцев в истине Христианской веры, искреннее и твёрдое желание их жить согласно заповедям Божиим дают им силу трудиться ради Христа, перенося всевозможные невзгоды, унижения и оскорбления, без которых, как известно, не создаётся ни одно хорошее душеспасительное дело в роде сем лукавом и прелюбодейном. Такова сила Христова учения, что, западая в душу простых неиспорченных людей, оно возбуждает в них возвышенные стремления к богоугодной жизни и даёт им мужество и терпение в перенесении всевозможных трудностей.

Свящ. **Даниил Филимонов.**

(Продолжение будет.)

Переводческая комиссия в г. Казани и её отделения

в епархиях Волжско-Камского района.

В настоящее время необходимо усилить переводческую и издательскую деятельность на инородческих языках. Казанский Миссионерский съезд признал как аксиому то положение, что противодействие распространению ислама среди инородцев Поволжья и Западной Сибири можно создать только при применении просветительной системы Н. И. Ильминского и особенно переводов на инородческих языках. Но правильная деятельность переводчиков возможна только при объединении их в одном центре, каковым являлась и является Казанская Переводческая Комиссия Православного Миссионерского Общества. Как и ранее, ей должно принадлежать руководство переводческими отделениями, окончательная редакция переводов и высшая цензура.

Средства на печатание переводов должны идти из тех учреждений, которые работали над изготовлением этих переводов; сами же учреждения в свою очередь должны испрашивать себе субсидии от Св. Синода: Казанская Переводческая Комиссия – 5 тыс. руб., отделения её – Симбирское 2 тыс. руб., Самарское, Саратовское, Астраханское, Оренбургское, Уфимское, Пермское, Омское и Тобольское, по одной тысяче руб.; Вятское – три тыс. руб. Казанские переводчики должны готовить переводы на крещёно-татарском языке, чувашском, черемисском и вотском. Симбирские – на чувашском; Самарские – на татарском и чувашском; Саратовские – на татарском и чувашском; Астраханские – на калмыцком; Оренбургские – на киргизском; Уфимские – на башкирском, татарском, чувашском и черемисском; Пермские – на пермяцком; Омские – на киргизском; Тобольские – на татарском; Вятские – на черемисском, вотском и татарском языках. При взаимообмене изданиями на языках тех народов, которые имеются в соответствующей епархии, у переводческих комиссий всегда будет необходимый запас переводных книг и следовательно

возможность обслуживать христианско-просветительными средствами и церкви, и школы инородческих местностей.

Представим себе Пермское отделение Переводческой Комиссии.

В Пермской епархии живут по данным всеобщей переписи 1897 г.: башкиры 85.395 чел., вотяки 5907 ч., зыряне 1121 ч., мещеряки 17.600 ч., черемисы 15.345 ч., тептяри 3649 ч., татары 46.711 ч., пермяки 92.641 ч. и чувашаи около 500 чел. С 1897 г., когда состоялась перепись, это количество возросло на 15 %, слелов. башкир надо считать около 90 тыс., вотяков 6 тыс., зырян 2 т., мещеряков 19 т» черемис 16 т., тептярей – 4 т., татар – 50 т., пермяков – 95 т. По языку все они приближаются к инородцам соответствующих народностей других епархий, т. е. башкиры говорят так же, как Уфимские башкиры, вотяки – как вятские вотяки, мещеряки – как Казанские татары, черемисы – как черемисы Вятской епархии; тептяри говорят – часть на черемисском, другая на татарском языке; татары – как Казан. татары, чувашаи – как Казанские и Симбирские чувашаи. Следовательно, книги на языках этих народностей можно выписывать из соответствующих епархий, главное же внимание Пермских переводчиков следует сосредоточить на переводах для пермяков, численность которых превышает численность каждой другой народности епархии.

На расходы по пермяцким изданиям изыскиваются местные средства и, сверх этого, епархиальным начальством испрашивается у Св. Синода 1000 рублей.

В состав Пермской перевод. комиссии входят: свящ. о. Попов, учителя из пермяков – Мошегов, Щапов и другие лица, получившие образование в Казанской Учительской Семинарии и своевременно учившиеся здесь делу переводов. Лица, не имевшие практики по переводчеству, могут учиться у вышепоименованных членов комиссии или же приехать для этого на Казанские миссионерские курсы, хотя бы на полгода.

В первую очередь эта комиссия должна перевести на пермяцкий язык, молитвенник, евангелие, требник⁵² ч. 1 и 2-ю в размерах, необходимых для требоисправлений, – учебный октоих, часослов, псалтирь, молебное пение пред учением

отроков, на новый год, свящ. историю ветх. и нов. заветов – прот. Афинского и издать её с картинками, жития св. Стефана Великопермского, св. Гурия, Германа и Варсонофия, св. Владимира Равноапостольного, св. Алексия человека Божия, проповеди на воскресные дни и двенадесятые праздники, Паримийник. Оригинал для перевода должен служить славянский текст. Трудные места переводятся при участии преподавателей местной духовной семинарии по священному писанию и по литургике. Книги свящ. писания и богослужебные переводятся буквально, для остальных достаточно перифраза^{53. 54} 2). Впрочем, в том и другом случае пермяцкий строй речи должен быть выдержан. Русскую фразу: «я сходил в церковь помолиться» по-пермяцки надо сказать в такой конструкции: «я в церковь помолиться пошедши пришёл». По окончании перевода, напр., молитвенника, один из переводчиков-пермяков должен ехать в Казань. Здесь перевод должен быть пересмотрен при участии члена Казан. Переводческой Комиссии, проф. Каз. Дух. Академии Павла Ал. Юнгера. Под руками у редакционной комиссии лежат тексты: славянский, греческий, татарский и др.; если проверяется текст св. писания, то, сверх этого, еврейский текст и симфонии.

По исправлении молитвенник прочитывается вновь и устанавливается единство терминологии. Рукопись затем переписывается в 2-х экз.; один остаётся в Казан. перев. Комиссии, а другой увозится переводчиком в Пермскую епархию и читается в разных местностях с пермяцким населением; непонятные пермякам слова заменяются другими и в этом виде перевод возвращается в Казань, проверяется вновь и затем разрешается Казан. Комиссией к печати. Корректуру несёт переводчик-пермяк под наблюдением кого-нибудь из членов Казанской Перевод. Комиссии по избранию этой последней.

Окончив свои труды и взяв с собой напечатанный перевод, переводчик-пермяк прилагает все усилия к тому, чтобы все церкви и школы с пермяцким населением приобретали поименованный христианский труд Пермской и Казанской комиссий.

Возможно, что пермяки на первых порах будут относиться равнодушно к молитвеннику или другой какой-либо книге на родном языке. Обязанность каждого миссионера заинтересовать пермяка его родной книгой. Для этого пермяку читаются наиболее замечательные места из книги, наиболее близкие к его настроению. Печальному пермяку хорошо прочитать по-пермяцки: «не имамамы иные помощи», «Господи, не лиши мене небесных Твоих благ» и т. д. Всё это должно сопровождаться такими объяснениями, чтобы равнодушный пермяк признал молитвенник именно *своим, близким* его душе. Так располагали к книгам на родном языке татар, вотяков, и результаты получались вполне успешные; напечатанный в 1909 г. в 1200 экз. молитвенник на вотском языке в Вятской епархии разошёлся благодаря такому приёму в какие-нибудь 5–6 месяцев.

Здесь многое зависит от энергии и умения местных деятелей духовных. Вовремя воодушевив переводчиков и распространителей переводных изданий, епархиальное начальство может обеспечить значительный успех как переводчеству, так и сбыту книг на пермяцком языке.

В целях лучшего оборудования переводов, деятельность Пермской комиссии хорошо бы приурочить к такой двухклассной или центральной школе, в которой большинство пермяки и притом из разных уездов. При помощи таких школьников Комиссия может уяснить себе вопрос, в какой степени те или иные термины могут содействовать повсеместному среди пермяков благоговейному настроению, вызывать в них христианские мысли и чувства.

Постепенно мог бы быть составлен целый лексикон пермяцких слов, необходимых каждому переводчику при его труде. Кто сам занимался переводчеством, тот знает, что переводу иногда одного выражения приходится уделять несколько суток. Словарь же точно установленных пермяцких терминов и выражений значительно облегчит работу и переводчиков, и тех редакторов, к которым переводные труды будут поступать для отзыва.

Желательно, чтобы в этом же роде шла работа и других переводческих Комиссий Волжско-Камского района.

При этих условиях переводные труды будут иметь громадное и богослужebное и школьно-просветительное значение.

Переводчик.

Почему нельзя

Все русские деятели, имеющие прикосновение к инородческому вопросу в Приволжье, единогласно отмечают крайний недостаток в русских деятелях, знакомых с татарским языком. Ни в Министерстве Внутр. Дел, ни в духовном Ведомстве, ни даже у самого Министерства Нар. Просвещения нет среди инородцев полного комплекта таких чиновников, которые бы знали непосредственно жизнь инородцев и могли направлять её. Получается уродливое явление: общая администрация совершенно не знает настроения магометан, инспектор народных училищ заведует школами, ни слова не понимая языка своих школьников, даже полиция русская не имеет достаточной осведомлённости в своей области и принуждена довольствоваться только теми сведениями, которыми русскую власть благоволят снабдить сами же магометане.

Между тем некоторые инородцы, оканчивающие приволжские духовные семинарии и не поступившие в Духовную Академию, для продолжения своего филологического образования должны поступать только в Варшавский университет, где вовсе нет кафедры изучения тюркских наречий. Тут очевидно какое-то недоразумение: в целях заполнения нерусского университета русским элементом – отправляются туда приволжские инородцы... И недоразумение это ведёт к тому, что русское дело в Приволжье лишается самого благонадёжного и рабочего элемента, русские православные силы как бы искусственно выкачиваются из полу-магометанского края и создаётся положение во всех отношениях ни для кого не желательное.

Почему же нельзя в целях увеличения количества деятелей по инородческому просвещению разрешить оканчивающим духовные семинарии и знающим татарский язык – поступать в Казанский университет под руководство такого знатока восточных языков, как проф. Н. Ф. Катанов?

Почему нельзя?

Русский.

**№ 49. Сотрудник Братства св. Гурия. 9
октября 1910 года**

Интеллигентское язычество нашего времени

(Речь Преосвящ. Еп. Гермогена в общем заседании Казанского миссионерского съезда 22 июня.)

Ввиду того, что всеми ораторами в их речах и всеми присутствовавшими на двух собраниях членами, в составе огромного большинства всех членов миссионерского съезда, единодушно и единогласно был выдвинут и поставлен в живую и неразрывную связь с таким или иным успехом нашей противоязыческой миссии в культурных центрах и в отдалённых окраинах России вопрос о бесспорном и весьма теперь обнаружившемся упорном язычестве в современной литературе и во многих фактах общественной жизни, я укажу:

1) Прежде всего на то, что выдвинутый единодушно миссионерами вопрос значится и в программе вопросов, подлежащих обсуждению на настоящем миссионерском съезде в следующей формуле: «состояние церковной дисциплины, искоренение обрядов и обычаев, (а следовательно, и всякого рода явлений), чуждых христианству и имеющих языческое происхождение» (см. А, 11, § 3). Из речей всех ораторов-миссионеров ясно было видно, что всеми глубоко и с болью в сердце сознаётся крайне неотложная и болезненно уже назревшая потребность заглянуть в самую глубину, в самую корневую основу тех условий и обстоятельств, которые задерживают, или совершенно парализуют успех внешней противоязыческой миссии; всеми ясно и глубоко сознаётся неотложная необходимость посредством благотворной церковной дисциплины, как бы некоторыми дезинфицирующими врачебными средствами, очистить атмосферу религиозной мысли и людских нравов на всех без исключения пунктах, где проявляет свою деятельность наша миссия, – атмосферу, которая, к слову сказать, сделалась в настоящее время для тружеников миссии и для просвещаемой ими людской среды более тяжкой, невыносимо удушливой и бесконечно более пагубной, чем удушливая атмосфера для работающих в глубочайших тёмных и сырых каменно-угольных и других

шахтах. Все видимо болеют и скорбят душой о своих младших религиозно-просвещаемых ими братьях, о которых всем хочется серьезнее и как можно решительнее подумать, дабы оградить их от губительного и растлевающего влияния братьев, именуемых старшими по образованию и умственному развитию, но глубоко заражённых тёмным и бурным духом язычества, соединённым с растлением всякой религиозной мысли и всякого нравственного чувства, и убийственно заражающих собой умственную и нравственную атмосферу культурных центров, легко теперь передающих эту же заразу во все другие ближайшие и отдалённые пункты посредством удобных путей передвижения и переселения людей, главным же образом – посредством печати.

2) Сообщениями многих ораторов весьма рельефно была доказана необходимость молитвенной и церковно-богослужебной дисциплины и порядка, а также неуклонного проведения в жизнь церковно-канонических правил и постановлений; это упорядочение церковно-пастырского делания и всех религиозно-нравственных условий в среде, окружающей язычников, может в высокой степени благоприятствовать тому, чтобы язычники склоняли свой слух к восприятию христианской проповеди; было доказано вместе с тем, что эти требования должны иметь место и должны быть применяемы не только в отдалённых и темных углах подлинного непросвещённого ещё язычества, но главным почти образом и по преимуществу в главных и бойких центрах, – вообще же сказать – на всех местах, где проявляет своё служение наша миссия, тем более, что эта миссия обязана использовать все условия, благоприятствующие просвещению тёмных углов язычества и борьбе с магометанством.

Такое именно расширение этих религиозно-церковных требований на всю сеть просветительного служения нашей противоязыческой миссии оправдывается особенно ещё тем обстоятельством, что теперь многие язычники выходят из своих отдалённых тёмных углов и витают уже среди образованного общества культурных центров. Таким образом вопрос о церковной и религиозной дисциплине должен касаться и этих

центров. В интересах наиболее успешного проведения задач миссии, казанский миссионерский съезд должен сказать своё веское слово о применении церковной дисциплины не только к тёмным углам язычества, но и к культурным центрам. Надо иметь в виду как тот факт, что есть образованные язычники, склоняющие свой слух к принятию христианства (сообщение Архиепископа Никанора), так и тот, что находятся образованные язычники, уходящие в мусульманство (сообщение священника казанской епархии Чистоп. у. о. Алексея Николаева).

3) Значение дисциплины на местах будет живее и действеннее, обязательнее, глубже будет заинтересовывать работников миссии, когда это требование будет применяться во всей церковной жизни, на всех местах, где миссия может иметь соприкосновение с обществом, среди которого могут быть ещё и непросвещённые христианством язычники. Такое общеобязательное требование дисциплины объединит всех деятелей миссии в единый сонм воодушевлённых работников христианской проповеди. Дисциплина, при такой её общецерковной постановке, будет казаться деятелям миссии не частным или случайным требованием, а общецерковным правилом (канон). Она будет одушевлять и самого отдалённого деятеля миссии, как общецерковный долг, а не как нечто временное, могущее быть исполняемым и неисполняемым, зависящее от мимолётных условий места и времени. Такова должна быть истинная, идейная постановка дисциплины. В сфере миссии она вызывается ещё и тем обстоятельством, которое так прекрасно раскрыто в сообщениях многих членов съезда, что для искреннего, глубокого и действенного влияния христианской проповеди на тёмных язычников безусловно необходимо воодушевление миссионера. Какое же может быть воодушевление, если наличность серьёзных и строгих требований дисциплинирования как внешних сторон церковно-миссионерского служения, а равно и религиозной мысли и религиозно-церковного исповедания, будет ограничиваться только отдалёнными и тёмными углами язычества и не коснётся всех мест, где миссия имеет свои точки приложения?

Если миссионер будет сознавать, что все его сотрудники и собраты по духовному оружию, влекущие эту священную Петрову сеть миссии одинаково воодушевлены чувствами и сознанием серьёзности и строгости религиозно-церковной дисциплины, он будет дышать этим сознанием единства и силы. Сознание это и сообщит миссионерам горячее воодушевление в их деятельности: в единении сила, – в смысле общего успеха и влияния.

4) Было бы несправедливо применять требование дисциплины к простецам и младенцам по вере и жизни, оставляя возрастных, живущих в бойких и культурных центрах. Эти требования должны быть предъявлены, как ко всем миссионерам (речь самарского миссионера о. Иванова), так и ко всему обществу, в среде которого живут язычники и где, следовательно, миссия имеет свои точки приложения.

Общества культурных центров должны дать образец исполнения требований церковной дисциплины. (Сообщение Н. П. Остроумова и тифлисского миссионера Платонова).

В сём деле странно требовать добрых и благочестивых нравов и дисциплины от простецов и не требовать того же от людей культуры. Возьмём обычную семью. Увлечёт ли требование известных правил жизни сына, если отец не даст собой примера исполнения своих собственных требований?

Миссия наша должна работать и в культурных центрах: Казани, Самаре, Симбирске, Саратове, Москве, Петербурге и др. городах. И в этих центрах – в своей ближайшей среде, как бы в семье своей, коллективный пастырь – миссия должна проявить свою истинную мощь, свою созидательную власть и творческую силу, чтобы попытки влиять, просвещать и созидать отдалённые миссионерские пункты не были пустыми и бесплодными. В самом деле, если из главных и культурных центров будут даваться только одни распоряжения, то живой деятель – миссия уподобится телеграфисту, передающему чужие распоряжения. Такого рода механизм в нашем деле убийственен.

И разве действительно этот вопрос может быть чужд съезду деятелей по внешней миссии? Разве внешняя миссия не имеет

места, напр., в Петербурге, Москве и Казани?

Подобное расчленение не апостольское, а какое-то сибаритское, полицейское. Принимая его, мы во всей силе подлежим грозному обличению нашего Господа, изложенному в Мф. 23:15. Получившие просвещение за морем в самых отдалённых местах суши, попадая затем в культурные и бойкие наши центры внутри России, погибают, да и не могут не погибнуть многие и весьма многие.

5) И простецы и люди культуры, младенцы, как справедливо говорил преосвященный епископ Андрей, часто нарушают церковную дисциплину только потому, что не знают её, ни от кого не слышали о ней; не ведая духовной дисциплины, как в домашнем быту, так и в жизни религиозной мысли, они в конце концов утрачивают понятие о грехе и греховности.

6) Была речь и об ошибках нашей миссии. Одной из самых крупных ошибок в миссии нужно признать ослабление дисциплины, лучше сказать – её отсутствие. Посмотрите на миссионерскую деятельность апостолов Христовых. Вслед за проповедью и устройением перво-христианских общин они дают Церкви правила и незыблемый порядок. Их примеру следуют их преемники св. отцы на поместных и вселенских соборах. И, действительно, вся наша церковная жизнь и её дисциплина должна иметь основу в канонах Церкви, а не в зыбком и скоро исчезающем потоке гражданских, а теперь, зачастую и церковных указов и циркуляров, несущихся со всей быстротой, но вдали и совершенно мимо незыблемых и вековых правил и установлений православной Церкви Вселенской.

Только тогда и миссионерская работа будет иметь характер апостольского служения и подвига, когда она будет воодушевлять и духом, и истиной, и разумом, и правилами святой православной Церкви Вселенской, здесь она получит своё истинное освящение.

Восстановлением церковной дисциплины, её духа и силы будет возвращён миссии апостольский характер.

7) Весьма существенным мотивом, доказывающим необходимость истинно-церковной дисциплины в общественном

быту и в жизни религиозной мысли, при том во всех без исключения местах, где действует миссия, следует указать ещё на развитие индифферентизма там, где нет общности религиозно-церковных требований и задач как в жизни, так и в служении слову Божию. Это отсутствие общности не только ослабляет воодушевление, но и прямо воспитывает и развивает как в пастырях-миссионерах, так и в окружающей их среде явный и упорный индифферентизм. В особенности великое горе бывает там, где этим индифферентизмом заражены на местах лица правящие, представители гражданской власти, которые, предполагается, должны быть помощниками пастырей в просвещении народных масс. С уверенностью можно сказать, что эти лица заражаются индифферентизмом именно в культурных центрах, где миссия имеет свои организационные учреждения. Являясь отсюда на местах самых отдалённых, у самой, так сказать, динамики язычества (выражение г. Платонова), они не только не сочувствуют и не помогают делу христианского просвещения тёмных масс язычества, но и всячески иногда, к великому прискорбию, ему противодействуют. Пастырь-миссионер в данном случае является прямо мучеником, попадая между двух и более огней. Долг миссионерского съезда прийти на помощь такому пастырю. Эта помощь и должна выразиться прежде всего в том, чтобы люди, идущие из культурных центров в места действия современных нам апостолов – миссионеров, шли не с индифферентизмом к вере и с враждой к Церкви и её делу, но шли бы как послушные чада св. Церкви, любящие свою мать, одушевлённые её общими нуждами, горячо сочувствующие христианскому просвещению. Необходимо, чтобы миссия, действующая в культурных центрах, в своих организационных учреждениях являлась не одним только формальным повелителем, предписывающим свои распоряжения отдалённым лицам и учреждениям, но сама давала первый пример истинно-апостольского служения Церкви Божией. А это будет возможно только тогда, когда миссия культурных центров открыто пред всеми будет держать как священное знамя, как нерушимое правило для себя и для всех обще-церковные

уставы, правила и законы, в которых, как в вековой колыбели, должны воспитываться и расти все лучшие и святые чувства и мысли – всей религиозно-нравственной жизни церковных детей.

8) Религиозный индифферентизм не может ограничиваться только культурными центрами. Он не только, как случайная зараза, передаётся отдельными лицами на отдалённые места, но, как лава, эпидемически движется вперёд, завоёвывая всё больше и больше места под своё ужасное владычество. В обществе и литературе кругом раздаются жалобы на религиозный индифферентизм, а с ним вместе и на крайнюю распущенность нашей городской молодёжи и нашей, так называемой, «молодой деревни». Злостный дух времени заразил и крепкую, некогда прекрепкую, нравственными устоями деревню. Из доклада г. Иванова мы слышали о фактах индифферентизма язычников к своей вере. Такого рода факты ужасны. Язычники-индифферентисты не могут являть собой той почвы, о какой говорит о. протоиерей Стрелков и какая действительно необходима для успешного сеяния Слова Божия. И это уже не единичные факты. Что же будет, когда религиозный индифферентизм приблизится к тёмным углам язычества? Это будет опасно уже не только в церковно-миссионерском отношении, но и в государственном, чисто политическом, так как индифферентная языческая среда легче может объединяться тогда между собой под чуждыми религии знамёнами панисламизма или пантюркизма, о чём говорили весьма многие ораторы как нашего, так и других отделов.

Вот мотивы, по которым выдвинут и принят единодушно вопрос о язычестве современного общества и литературы, о язычестве философов и практиков, как выразился по сему вопросу высокопреосвященный председатель съезда.

9) Ни для кого не тайна, что есть целая довольно ясная и определённая система языческого направления в нашей литературе и общественной среде. В литературе надо считать представителями такого языческого направления мысли Льва Толстого, Андреева, Протопопова, Максима Горького, Мережковского, Розанова и многих других. Это направление в

особенности захватывает нашу молодёжь. Через сцену (театральные подмости), прессу и литературу это направление проникает и в самые отдалённые центры наших миссионерских организаций, напр. Томск, Омск, Оренбург и др. То же надо сказать и о Кавказе. Эти, так сказать, венозные течения движутся от центра к периферии, заражая собой всё по пути и достигая крайних пределов. В отдалённых пунктах, в самых медвежьих углах легко могут встретиться они с нашими меньшими братьями. Вследствие этого на подобное зловерное течение из центра, где миссия имеет корень своей деятельности, не только нельзя смотреть равнодушно, но должно решительно принять и с полной ревностью осуществлять все меры борьбы, доступные для нашей миссии. Потребность этой борьбы ещё более обнаруживается ввиду языческого направления и духа в жизни. Известную часть нашего образованного общества можно вполне уподобить языческому обществу древних времён по той злостно-напряженной ненависти к христианству и его духу, которая ясно обнаруживается в возмутительных формах кощунства, издевательства и высмеивания Христова учения и благоговейно чтимых христианами священных лиц и предметов. Эта антихристианская злоба и её направление не меньше тех, какие мы знаем по истории первых веков христианства. Таково, напр., кощунственное изображение Распятия Господа нашего Иисуса Христа, таково крайне унижительное и оскорбительное для религиозного чувства православных христиан употребление священных изображений на предметах незначительных, не имеющих религиозного значения, и вообще на предметах домашнего обихода, напр. туфли (с изображением св. ангелов), брошки (с изображением страдающего Христа), и т. п. Поразителен случай, иллюстрированный на прошлом собрании В. М. Скворцовым. На обороте входного билета одного жидовского театра изображены преподобные Антоний и Феодосий Печерские. А почтовые открытки, где священные изображения в большом ходу?! Судьба их в большинстве случаев самая печальная: они выбрасываются и попираются.

Отношение некоторой части нашего общества к учению веры, постам, посещению храма, св. таинствам: что это как не проявление язычества в жизни? И с уверенностью надо сказать, что такое отношение к вере и правилам жизни имеет самую тесную, непосредственную и живую связь с языческой литературой нашего времени, ей окормляется. Посему языческая литература наших дней, а равно и лица, имеющая деятельное соприкосновение с нею, распространяющая этот злостный дух времени вокруг себя, должны быть подвергнуты второй церковной дисциплине, такой же, о какой говорят члены съезда в отношении себя и окружающей тёмные массы язычества христианской среды.

Таково было отношение к этому делу св. Апостолов и св. Отцов и учителей Церкви. Для иллюстрации в качестве примера возьмите 9 прав. св. Апостолов и 80 прав. Трульского собора. Ещё строже была дисциплина в отношении людей, чуждающихся и пренебрегающих св. Таинствами и учением веры, отпадающих от единства веры и её исповедания. Факты эти общеизвестны. «Да предаётся анафеме всякая ересь». (1 пр. 2 Вселен. собора). Анафеме предаются и те, которые притворяются, будто веру нашу исповедуют здраво (того же собора прав. 6). Миссионерский съезд, несомненно почитающий своим долгом отнюдь не сходить с почвы апостольской, должен ясно и открыто сказать своё могучее слово по возбуждённому вопросу касательно язычествующих лиц и их направления в наши дни.

«И да речем вкратце, – желаем, да бывают в Церкви вся приятная от Божественных писаний и Апостольских преданий» (Гангрского собора пр. 21).

Гермоген еп. Саратовский.

Об инородческих монастырях и общинах Волжско-Камского Края

(Продолжение⁵⁵).

Наблюдая за жизнью и деятельностью ново-возникших инородческих монастырей и общин, о которых я упомянул выше, мы видим, что эти учреждения (по крайней мере те, в которых я сам бывал) не принимают надлежащего участия в миссионерском служении среди тех инородцев, усилиями и средствами коих они появились на свет. Отсутствие в них миссионерского направления может быть, объясняется тем, что они устроились и организовались по образцу существующих русских монастырей общего типа, без всяких приспособлений к местным христианско-просветительным нуждам и запросам. Попытки же некоторых инородцев дать основанным ими монастырям и общинам соответствующее инородческой религиозной жизни и миссионерским нуждам устройство потерпели полную неудачу. В подтверждение своих слов я расскажу здесь один хорошо известный мне факт, который состоит в следующем:

В 1896 году в приходе села Кошлодш, Ядринского уезда, Казанской губ., несколько грамотных чувашских девушек основали монашескую Общину и при ней женскую миссионерскую Братства Св. Гурия школу для обучения девочек. С помощью некоторых богатых чувашей, оставивших языческие верования, эти простые девушки создали на отведённом месте необходимые постройки, завели маленькое хозяйство, собрали около 8 тыс. рублей денег пожертвованиями и приступили к постройке церкви. По частному поручению покойного архиепископа Казанского Пр. Владимира я принимал непосредственное участие в этом деле. По принятии этой Общины в духовное ведомство, в 1897 году в октябре месяце Викарий Казанский, Преосвященный Антоний (ныне архиепископ Волынский) назначил начальницей сей общины старую монахиню Цивильского монастыря, из природных чувашек, М. Маргариту, которая была ученицей преподобного Серафима

Саровского (с 1828 года по 1831 год). Мать Маргарита прибыла сюда 24 ноября 1897 года. Сёстры Общины и старатели-чуваши чрезвычайно были рады прибытию М. Маргариты и встретили её с иконами и пением молитв. Жизнь сестёр в Общине под руководством старицы Маргариты пошла прекрасно. Богослужение, утренняя и вечерняя молитвы, а равно монастырские правила совершались на местном инородческом языке и отчасти на славянском. В Общине никаких притеснений и насмешек за употребление родного языка сестры не испытывали. В числе первых сестёр была одна русская, затем сестры приняли ещё трёх русских девиц, чтобы научиться русскому языку. Пожертвования сыпались в Общину со всех сторон. Вследствие старческой немощи М. Маргариты (82-х лет), в начале 1899 г. возникла мысль о назначении ей помощницы. 3-го февраля мне было сообщено, что, по рекомендации о. благочинного монастырей, помощницей выбрана монахиня Козмодемьянского монастыря м. Смарагда. Но через 2 недели после этого случилось то, что старицу Маргариту совсем удалили из Общины и на место её водворили монахиню Смарагду, – женщину очень энергичную, но, к сожалению, совершенно не знающую инородцев-чуваши и их языка. 27 марта чуваши-строители Общины заявили мне, что м. Смарагда запрещает своим сёстрам-инородкам читать вечерние и утренние молитвы на чувашском языке и церковные службы велит совершать исключительно по-славянски; а привезённые ею из Козмодемьянского монастыря русские девушки-послушницы поднимают чувашек на смех за плохое знание русского языка, насмехаются над ними за совершение молитв на родном языке, называя последний «тарабарским», «поганым» и проч. В тот же день я написал м. Смарагде горячее, откровенное, искреннее письмо, в котором выразил ей желание, чтобы в Общине со школой религиозно-воспитательное дело было поставлено обязательно по системе Ильминского. Но мои советы м. Смарагдом были отвергнуты с негодованием. Строители Общины чуваши и сестры-основательницы (в том числе одна русская) возбудили пред Епархиальным Начальством ходатайство – дать им прежнюю

начальницу или другую, которая знала бы чувашский язык и матерински-сердечно относилась бы к чувашкам. В ответ на сие ходатайство со стороны Епархиального Начальства последовало распоряжение об удалении старших сестёр из Общины.

Так как эти сестры созданную ими Общину считали своим детищем и отказались уйти из неё добровольно, то, по требованию о. благочинного монастырей игумена Димитрия, была прислана в Общину полицейская команда. Но сёстры не поддались и действию полиции, за что были преданы суду. Дело кончилось тем, что девять сестёр-чувашек были приговорены к тюремному заключению 1) за неисполнение распоряжения Епархиального Начальства и 2) за сопротивление полиции.

Этот факт некоторыми лицами из русских был истолкован как выражение вражды инородцев к русской нации, а на окружающих инородцев он подействовал очень нехорошо. Чуваши-кереметники радовались изгнанию чувашек из созданной ими Общины, а те, которые положили начало основанию сей Общины, плакали и говорили: «мы приготовили пищу для себя, но скушали её другие». – Горячее сочувствие к Общине со стороны инородцев-христиан остыло и приток пожертвований значительно уменьшился.

В каком направлении действует эта обитель в настоящее время на окрестных инородцев, мы никаких сведений не имеем.

Свящ. Даниил Филимонов.

(Окончание следует).

Инородцы в Церкви

Среди нескончаемых разговоров и споров относительно употребления инородческих языков иногда можно встретить такое непонимание ни задач Церкви, ни сущности православия, что приходится просто недоумевать, уж не шутят ли люди серьёзными вопросами и под видом православия не хотят ли проповедовать какую-нибудь нравственную антропофагию? Так, недавно, один мыслитель изрёк след. афоризм по адресу Казанской миссии: «если вы хотите удалить от этих инородцев время их полного обрусения, то заводите богослужение на инородческих языках»... Сколько здесь иронии победителя, сколько гордого сознания своего нравственного и умственного превосходства над «этими» инородцами и над их миссионерами ... И такая ирония сильных мира сего, произносимая тоном непогрешимости на страницах какого-нибудь патриотического печатного листка, – может действительно более малодушных служителей Господа Спасителя и Его Церкви привести в уныние... Шутка ли, в самом деле: с одной стороны какой-нибудь полуголодный учитель «Братской школы», учащий «этих» инородцев святым молитвам на своём языке, а с другой самый православный граф или князь с именем истинно-русского патриота и всеобъемлющего знатока таких «простых вещей», как обучение инородцев... Ведь можно даже просто испугаться от такого сопоставления; – и бедный учитель сразу может быть обвинён и в ничего не понимании, и в отсутствии патриотизма, и в противлении власти и пр. и пр.

Но не будем смущаться и в этих «простых вещах» постараемся разобраться... Прежде всего: *инородцев в Церкви нет*, – все, и русские патриоты и «эти» инородцы совершенно уравниены в своих правах на Царство Небесное; только раб, ведевый волю Господина, биен будет много, (Лк. 12:47) – вот единственное преимущество наших защитников православия в политических целях...

И миссионер, как церковный деятель, должен заботиться не о каких-нибудь теориях, системах и пр., – его цели очень

маленькие для земли, – он должен привести к Богу и ко Спасителю вот эту толпу злых в своём фанатизме магометан или вот тех жалких невежественных язычников. Ни о чём другом миссионер по духу своего служения не должен заботиться, и *других целей у него нет*. И навязывать ему какие-либо соображения о том, что будет в XXV веке, – это значит ничего не понимать в учении Христовом или сознательно его извращать.

Вследствие этого и богослужебные книги наши имеют своей целью только просвещение светом Христова учения тех, кто молится Богу, а вовсе не представляют из себя учебников по филологии. Да и самое богослужение – не кафедра по сравнительному языковедению, а нечто совершенно другое: это есть возношение ума и сердца к Богу любви, которая так мало известна нашим вечно ссорящимся «патриотам».

Кстати: они всегда и не переставая бранят евреев; бранят за то, что евреи – делят род человеческий на две части: евреи и все остальные... И совершенно так же и наши безрелигиозные «патриоты», в полное подражание евреям, на себя смотрят, как на некоторое тоже избранное племя, а все остальные или «изменники» или «эти инородцы».

Но господа! Ведь первое слово вашей политической формулы: православие. Где же оно у вас? в чём оно у вас проявляется? Ведь о Церкви Христовой вы всегда молчите? Где же забота ваша о православии? А «этих инородцев» вы не только не любите, но и прямо отгоняете от ограды церковной... Это ли защита ваша православия? Нет, вы должны признаться, что *святая, нравственно-безупречная* формула славянофилов: православие, самодержавие, народность, – она вам не по плечу, вы нравственно до неё не доросли... И напрасно её треплете.

Епископ **Андрей**.

Чувашское почитание икон

Святитель Николай у чувашей в большом уважении, и особенно ими чтится его чудотворный образ в селе Ишаках, Козмодемьянского уезда. Сюда обращаются чувашаи во всех трудных обстоятельствах жизни, а главным образом, в случаях болезни кого-либо из членов семьи. Тогда чувашаи дают обещание св. Николаю поклониться его Ишаковскому образу. Делается это так:

Вся семья, собравшись вместе, зажигает пред домашними иконами свечу, встаёт на колени и молится. Потом берут серебряную монету, достоинства разного, смотря по достаткам семьи, завёртывают её в чистую, белую тряпку и кладут пред иконами. Эта монета обещана Ишаковскому св. Николаю и далее к ней никто не должен прикасаться. После этого топят баню и моются, затем, если не поздно, то в этот день, или рано утром на другой, один из семейных отправляется в местную церковь и здесь пред каждой иконой ставит свечу. Делается это для того, чтобы местные иконы небыли в претензии за поклонение чужому дальнему святому. Когда всё это сделано, чуваш отправляется в Ишаки. Дорогой старается вести себя как можно лучше, избегает посторонних занятий и лишних разговоров с попутчиками. По приезде в Ишаки отправляется в церковь, пред иконой св. Николая ставит свечу и служит молебен. После чего обязательно побывает в часовне, на ключе. Здесь опять ставит свечу, а иные вместо свечи в прежнее время приносили сюда $\frac{1}{2}$ бутылки водки и калабашку⁵⁶ белого хлеба. Водку выплёскивали на стенки часовни, а хлеб кусочками бросали в воду.

На обратном пути из Ишак домой, многие заезжают в Цивильский женский монастырь и здесь ставят свечу пред иконой Божией Матери, а другие возвращаются прямо домой. Если, того, кто не заезжает в Цивильск, спросить – не заедет ли он туда, то он ответит: «мы не приучили». Вот что это значит: чувашаи уверены, что если в каком-нибудь храме по пути из Ишак поставить свечу пред иконой, то тот святой, чья икона,

привыкнет и будет ежегодно требовать, чтобы ему ставили свечу. Потом чувашаи говорят, что св. Николай очень капризный и часто жалуется Богу на тех, кто почитает не его одного. Поэтому многие даже избегают на пути смотреть на ту сторону, где имеются церкви. Но тем, у кого старики приучили к жертве попутных святых, невольно приходится заезжать и в Цивильск, и в другие церкви в сёлах. Так чувашаи, живущие на восток от Ишак, посещают село Багильдино, Цивильского уезда. Багильдинская святыня считается, однако, младшей, здесь молебнов служат мало, ставят только свечу или, если торопятся домой, оставляют деньги на неё церковному сторожу.

Если почему-либо поездка в Ишаки выходит неудачной, т. е. больной не выздоравливает, то чувашин вскоре едет туда вторично. Бывает и наоборот. Больному тут же после обещания делается легко, тогда поездка в Ишаки откладывается, но в таких случаях семье, в которой дано обещание, нельзя бывать за службой в местном храме до тех пор, пока не исполнено обещание. Иногда чувашину по разным обстоятельствам долго не удаётся съездить в Ишаки, тогда он к обещанной монете кладёт добавочную и просит св. Николая, чтобы он подождал с поездкой. Иные же делают так; обещанную монету берут ночью, тайно выносят со двора и бросают к соседу на двор. Это никто не должен видеть, – если кто увидал, то напрасны хлопоты. Таким образом обязанность поклониться Ишаковской иконе переходит к соседу. Нашедший у себя монету сосед считает это дурным предзнаменованием и, не взирая ни на какие препятствия, собирается в Ишаки.

Изредка обещанную монету выносят и в поле и бросают в сторону Ишак.

С. М.

**№ 50. Сотрудник Братства св. Гурия. 16
октября 1910 года**

Речь пред открытием Царевококшайского отдела Братства Св. Гурия

(20 Сентября 1910 г.).

Возлюбленные о Христе преподобные отцы и все боголюбивые братья-христиане!

С великой благодарностью к нашему Архипастырю, высокопреосвящ. Архиепископу Никанору, принял я от Его Высокопреосвященства поручение открыть в Царевококшайске местный отдел Казанского Братства свят. Гурия. Мне Господь таким образом благословляет осуществлять мало-по-малу мою заветную мечту, чтобы церковное дело святой миссии православной было не делом одного духовенства, а предметом общецерковного попечения и сыновней любви православных христиан к общей нашей Матери – св. Церкви.

Но я счастлив вдвойне, возлюбленные отцы и братья: мне приходится здесь в вашем богохранимом граде не столько насаждать новое дело, сколько продолжать начатое вами уже года два тому назад. Я имею в виду ваш Царевококшайский Миссионерский Круг. Правда, он был мал, его деятельность была скромна, но он всё-таки *был*, он *осмелился быть* тогда, когда в других местах ещё ничего не было. И я счастлив сообщить вам, что скромная деятельность вашего Миссионерского Круга послужила для меня наиболее убедительным аргументом для тех, кто искренне недоумевал, можно ли в уездном городе организовать что-либо подобное. На такие недоумения я отвечал: «можно», и указывал на ваш миссионерский круг...

Ныне, ввиду полной тождественности задач Миссионерского Круга и Братства свят. Гурия, а равно и одинакового состава обоих учреждений, – первый должен, очевидно, прекратить своё существование, и это тем более обязывает меня принести вам, инициаторам и участникам этого миссионерского начинания, искреннюю благодарность и пожелать вам успеха в новом вашем деле.

Но сейчас вы начинаете своё дело при самых лучших обстоятельствах. И прежде всего вас должно одушевлять сознание, что вы – не одиноки; если вы решились в своё время начать дело своего кружка, так сказать, на свой риск и приняли его на свою нравственную ответственность, то ныне, – вы это уже знаете, – ваш Царевококшайский отдел Братства свят. Гурия открывается пятым⁵⁷ и, – это вы ещё лучше знаете, – Высокопреосвящ. Архипастырь наш, Владыка Архиепископ Никанор, и к самому Братству свят. Гурия и к его Уездным Отделам относится с исключительным Архипастырским вниманием и благоволением. Таким образом по милости Божией успех ваш как будто обеспечен: нужно только молиться Богу и просить Его св. помощи.

Есть и ещё одно обстоятельство, которое вам, скромным приходским деятелям, должно влить много бодрости и одушевления в вашем церковном деле. Чтобы быть понятнее, я прямо иллюстрирую свою мысль след. примером. Великий создатель сильной своим патриотизмом Германии (Бисмарк) говорил, что Германскую империю сделал грозною для врагов и славною народный учитель.

Наши русские учителя и особенно инородческие по своему кругозору не могут ещё быть такими великими создателями русского народного одушевления ни в церковном, ни в гражданском отношении... И вся эта обязанность должна ещё долгое время лежать на руководителях этих учителей, на воспитателях и охранителях молодой России на г.г. директорах и инспекторах народных училищ. Эти две должности наиболее близкие к народу должны ныне стать рядом плечом к плечу с духовенством в деле воссоздания величия святой Руси и вести богатый духовными дарованиями русский народ по пути его возрождения во всех отношениях. Это будет и осуществление идеи о союзе Церкви с государством – не только в бюрократическом Петербургском понимании этой идеи, но и на самом деле. А если народный учитель будет стоять на пути народа, когда народ идёт в храм Божий, и будет издеваться и над храмом, и над народными святынями, – то это будет началом конца нашей родины. И вот сейчас здесь я счастлив

приветствовать и г. Директора Нар. Училищ нашей губернии и г. Инспектора вашего Царевококшайского уезда. Пусть этот добрый пример воспитателей народных послужит убедительным для г.г. народных учителей, и пусть эта великая армия тружеников народных в Казанской губернии будет среди народа великим оплотом не иной какой-либо культуры, как культуры христианской любви. Приношу благодарность г. Директору Нар. Училищ М. Н. Пинегину и всем представителям М. Н. Просв. за их участие в нашем сегодняшнем скромном торжестве.⁵⁸

Перехожу к перечислению тех способов, которыми может быть достигнута общая наша цель.

Но их перечислить невозможно! Как нельзя предусмотреть жизнь во всех её подробностях, как жизнь не поддаётся даже фотографии, так нельзя перечислить и виды церковной взаимопомощи и нравственной взаимной поддержки, – а дело миссии ведь и есть по существу своему нравственное одушевление ближнего на духовный подвиг.

Я напр. знаю одну вотскую деревню, в которой живёт юноша, почти мальчик, лет 16, единственный и прекрасно настроенный грамотей на всю деревню, очень удалённую от приходского храма. Этот юноша может быть при опытном и внимательном руководстве прекрасным миссионером. К сожалению, местный батюшка сам думает менее всего о миссии. Но если подобные ещё почти дети будут сотрудниками нашей миссии, то дело у нас быстро пойдёт вперёд.

Вот вчера крестьяне прихода с. Шапов, Царевококшайского, уезда мне заявили о своём твёрдом решении прекратить винопитие. Они просили моего на то благословения. Это, отцы и братия, великое начало! Если люди начинают трезвую жизнь по религиозным побуждениям, то есть надежда, что они и выйдут победителями над своей ужасной страстью. Вот дайте этим Шапинским трезвенникам возможность их одушевление религиозное передать в ближайшие приходы, сделайте их миссионерами трезвости, научите их, дайте им возможность их убеждением поделиться с теми, кто ещё не сознает всего ужаса алкоголизма. А наше народное пьянство достигает громадных размеров и имеет страшные последствия: пропивается совесть

народная, народ теряет свой облик человеческий, становится неспособным к пониманию высших целей жизни, становится в полном смысле слова атеистом. Я лично видал этих атеистов из народа, – страшные типы, кроме великих бед никому ничего не обещающие.

Вот какое огромное поле для нашей миссионерской деятельности нам открывается... Да и вообще в нашей русской жизни нет угла, в котором не нужно было бы воздействия Церкви и её служителей в самых разнообразных видах и способах воздействия на окружающую среду.

Но мы должны твёрдо усвоить только одну истину, что русские православные люди должны идти во главе жизни, а не отставать от неё, как это замечается сейчас. А этими православными силами должно руководить выдержанное во всех отношениях духовенство, безусловно требовательное к себе и не подающее никаких поводов к каким-либо упрёкам.

Я указал уже, что сотрудниками у духовенства могут быть все; даже и детей нужно приучать к сознательному и радостному служению Церкви. Но есть и правительственные учреждения, которые могут быть использованы в церковных целях, – напр. имеющие большую будущность кредитные товарищества. Они должны развиваться под руководством духовенства, вернее: духовенство должно взять их в свои руки, чтобы доказать, как христианская идея о любви к ближнему и помощи ему может осуществляться в жизни.

И удивительно, как наше духовенство косно, как оно мало проявляет инициативы в жизни. Между тем враги наши не дремлют, обнаруживая в своих действиях не только энергию, но и большое остроумие и даже планомерность. Напр., в Мамадышском уезде, как я уже сообщал в «Сотруднике Братства свят. Гурия», все мельницы находятся в руках магометан; это дело замечательное по своему хитроумию: никто ведь не объедет мельницы, всякий должен быть её посетителем. И всякий, таким образом, сам добровольно попадает в атмосферу, не только чуждую христианству, но и враждебную ему.

Но совершенно так же в других местах, напр. в Саратовской губ., мельницы захватываются сектантами; а один из священников, здесь присутствующих, мне говорил, что кугосортинцы устроили общими силами своему вожаку кузницу, чтобы через неё влиять на окружающее инородческое православное население. Я это вам сообщаю для того, чтобы доказать, насколько мы должны быть умудрены и знанием жизни, и житейскою практичностью, – своего рода: змеиной мудростью, и готовностью всеми мерами охранять свою паству.

А ныне открываемый здешний отдел Братства свят. Гурия да послужит вам всем лучшим средством к изучению жизни, вас окружающей, и к изысканию способов церковного на неё воздействия.

Будем молиться Богу, чтобы Он умудрил всех нас создать «стены Иерусалимские» для охраны всех немощных духом от всякого вражеского нападения. Пусть эти стены будут утверждением церковной истины и христианского благочестия. А все мы, кому вверено духовное стадо Христово, да станем на Божественной страже, и да не погибнет из этого стада ни одна душа, искуплённая пречистой Кровью Христовой.

Епископ **Андрей**.

Об инородческих монастырях и общинах Волжско-Камского Края

(Окончание⁵⁹).

Вышеизложенные факты и наблюдения показывают, что монастыри наши в том виде, в каком они устроились и существуют в настоящее время, не могут удовлетворять задачам и целям миссионерского служения среди инородцев. Для того, чтобы они были полезными учреждениями в миссионерском деле, нужно их приспособить к этому, руководствуясь, между прочим, нижеследующими мыслями и соображениями:

1) Необходимо, чтобы миссионерские монастыри устраивались по образцу древних русских обителей. Во святых обителях в древности процветало прежде всего искреннее благочестие, и это необходимо и теперь в обителях инородческих. В старину русские монастыри были богаты только внутренними духовно-нравственными силами, добродетелями благочестивых и смиренных иноков, их молитвой, трудолюбием и деятельной любовью к ближним; по внешнему же своему виду они были очень просты и бедны, и вот таким именно и должен быть в настоящее время монастырь для простых младенчествующих в вере инородцев. Но древние русские монастыри, не смотря на свою простоту и бедность, были главными рассадниками истинного христианского просвещения в народе и имели великое религиозно-нравственное влияние на современное грубое общество; такое же влияние должны иметь и теперь обители на окружающих тёмных наших инородцев.

2) Многие инородцы Волжско-Камского Края, между которыми много и некрещёных, не знают ещё истинного Бога и истинной веры в Него; а остаются в языческих заблуждениях, поклоняются киреметям и другим ложным богам. Не мало между ними и склонных к мусульманству. Необходимо нужно поскорее дать им христианское образование; повсеместно распространить и утвердить между ними православную веру, обогатить, облагородить ум, сердце и жизнь их христианскими

понятиями, чувствами и православными добрыми обычаями. Это представляется тем более необходимым для инородцев, что те из них, которые живут в соседстве с татарами-магометанами, постоянно подвергаются опасности со стороны ислама. Чуваши, черемисы и вотяки нередко делаются добычей тайной и явной пропаганды всюду проникающих хитроумных магометан. И потому в высшей степени необходимо, чтобы иноческие обители среди инородцев были твёрдыми опорными точками в борьбе с мусульманством, где инородцы могли бы найти себе нравственную поддержку и защиту против грозной всепоглощающей силы ислама.

3) Всякая инородческая обитель должна быть светочем истинной христианской жизни и благочестия, в полном смысле этого слова. Благочестие здешних подвижников всегда должно быть искренним, а не лицемерным, жизнь их по нравственной чистоте и святости должна быть по возможности выражением высокого учения Христа Спасителя. Обитатели инородческих монастырей, посвятившие себя на служение Богу и ближним, постоянно должны помнить слова Божественного Учителя: *«Вы – свет мира. И зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляла Отца вашего Небесного... Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведность книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царствие Небесное»* (Матф. 5:14, 16, 20).

Иноки инородческой обители всеми силами души должны стремиться к исполнению этой заповеди.

4) Для образования инородцев устраиваются миссионерские, церковно-приходские и друг. начальные школы, в коих преимущественное внимание обращается не на светские предметы, а на преподавание Закона Божия. Но там, в школе учат больше словами и книгами. Монастырь же должен проповедовать христианскую веру не словом только, как в школе, но по преимуществу делом и жизнью. Здесь все правила христианской жизни должны проявляться во всей полноте и силе живым, видимым и понятным образом.

5) Инородцы, как люди мало развитые и грубые (как и русские простолюдины) придают большое значение внешним достоинствам монастыря. Подвижники инородческих монастырей должны быть носителями духовно-нравственной силы и своими нравственными подвигами, своим воздержанием и благочестием возбуждать в народе уважение к себе и вызывать подражание. Тогда духовно-просветительное влияние их на инородцев будет очень велико; религиозные инородцы в такую обитель будут приходить со всех сторон и будут получать здесь духовную пищу и благодатное утешение для своей души.

6) Во всех монастырях, назначенных к миссионерскому служению среди инородцев, церковное Богослужение должно совершаться и пастырское поучение должно произноситься обязательно на местном инородческом языке. Это необходимо для религиозного назидания и воспитания инородцев, как обитающих в монастыре, так и приходящих в него. Богослужение на родном языке, когда оно совершается правильно, при участии хорошо организованного хора певчих, весьма нравится инородцам: они от души восторгаются им и любят его.

7) При миссионерских монастырях и общинах необходимо нужно завести начальные школы, в коих инородческие дети, особенно девочки, учились бы христианской грамоте, русскому языку и, под благодатным обительским покровом, воспитывались бы в православных христианских понятиях и правилах, чтобы по выходе из школы распространять и вводить их в своих деревнях и семьях, в которых, в большинстве случаев, отсутствует христианское воспитание.

8) При всех миссионерских монастырях и общинах необходимо устроить склады книг религиозно-нравственного содержания на инородческом языке. В каждом монастыре должны быть свои книгоноши, обязанные ходить по инородческим селениям с книгами для распространения их в народе. Во время остановок в деревнях, книгоноши могут беседовать со своими сородичами о всём добром и полезном, читать Евангелие и душеспасительные книги на инородческом

языке. Особенно это нужно в таких глухих деревнях, где языческие суеверия остаются в силе и где есть язычники или магометане.

9) Желательно, чтобы при монастырях были устроены больницы или, по крайней мере, амбулатории с аптечками, для оказания бесплатной медицинской помощи приходящим больным. Желательно также иметь здесь богадельни и приюты. В этих благотворительных учреждениях уход за больными и старыми людьми возлагается на иноков, как особый вид послушания. Средства на учреждение и содержание благотворительных заведений при монастырях составляются из добротных пожертвований и тех пособий, которые могли бы ассигновать местные земства из своих источников.

10) Главнейшие обязанности подвижников миссионерских монастырей и общин определяются тремя понятиями: *Молитва, труд и дела милосердия*. Братия и сестры в этих монастырях должны содержать себя своими трудами, для чего отводятся им земельные угодья в достаточном количестве. Земли обрабатываются самими монашествующими, но не наёмным трудом. Монашествующие лица и послушники ни в каком случае не должны отлучаться из своих обителей в города и сёла с кружками для сбора пожертвований. Теперь в больших городах нередко приходится видеть молодых девиц-послушниц, которые с кружками на руках ходят по всем местам для собирания грошей и видят всякие безобразия. Этого не должно быть в инородческих монастырях. В Казани во время миссионерского съезда на улицах немало попадалось очень молодых послушниц, ходивших со сборными кружками. Одна из них оказалась чувашка; она послана собирать пожертвования на монастырские нужды начальством одной инородческой женской обители. По её словам, ей весьма тяжело ходить по городу, где приходится ей слышать от негодяев и пьяниц всевозможные оскорбления; в действительности ей 18 лет, но в паспорте умышленно ей пишется 25 лет.

11) В отношении управления, инородческие монастыри подчиняются епархиальному начальству; общины же могут находиться в заведывании епархиальных комитетов Правосл.

Миссионер. Общества, или же других религиозно-просветительных обществ, председательствуемых и покровительствуемых местными преосвященными архипастырями.

Вот те мысли и соображения, которые следует принять во внимание при устройстве миссионерских монастырей и общин; – в противном случае едва ли можно будет ждать от них желаемых успехов в миссионерском деле среди инородцев.

Заканчивая настоящую статью, я считаю необходимым заметить, что, по моему пониманию, нет никакого основания и нужды называть миссионерские монастыри «Русско-Инородческими». Сила монастырей не в названии их, а в целесообразном устройстве и благотворном христианском влиянии их на инородческое население. Что же касается того, что в инородческих монастырях должно быть «русское ядро», то это пожелание, мне кажется, тоже не имеет для дела особой ценности. Тут под словом «ядро» я разумею монастырских настоятелей и старших братий. Мне представляется, что во главе инородческих монастырей должно быть поставлено лицо прежде всего разумное, опытное, испытанное и вполне благонадёжное, с достаточным образованием, непременно хорошо знающее не только язык, но и всю жизнь инородцев, а главное сердечно расположенное и благожелательное к инородцам; по происхождению своему настоятель монастыря может быть или русский или инородец соответствующего племени. Мне думается, что термины «русско-инородческий» и «русское ядро» нисколько не прибавят силы миссионерскому значению инородческих монастырей. Миссионерское служение – дело весьма высокое, апостольское и святое, оно выше всяких национальных, политических интересов и расчётов. В это дело не должны бы вмешиваться земные мирские интересы и выгоды. Там, где рассуждают о том, кто должен быть господином, и кто рабом, нет и не может быть дела Божия⁶⁰.

Священник **Даниил Филимонов.**

О призвании женщины на служение миссии

Весьма отрадное явление представляют собою женские группы, образовавшиеся в г. Казани на почве религиозного единения и труда. Дай Бог, чтобы их пример вызвал соревнование в других больших центрах нашего обширного отечества. Оттуда они могли бы шире распространять своё благотворное влияние, получая в то же время все необходимое для своего развития. Но в чём будет выражаться их влияние и как оно будет распространяться? В этом приходится отчасти разойтись во мнении с автором доклада Казанскому Миссионерскому Съезду «О призвании женщины на служение миссии».

Имея образец работы католических женщин, посвятивших себя на служение миссии, О. Ермолаева, хотя и говорит, что православие не нуждается в заимствованиях, тем не менее намечает ту именно непосредственную деятельность, в которой и исчерпывается в католичестве всё значение женских миссионерских обществ. Там возникновение этой организации совершенно естественно и является необходимым добавлением в церковной жизни; *у нас же уже имеется готовая организация, какой нет в католичестве.* В этом отчасти наша сила, а иногда и уменьшение силы. Что значат 8 или 10 женщин, принадлежащих к миссионерскому обществу, на огромном пространстве целого района епархий, когда у нас в одном благочинии до тридцати матушек, а во всём уезде их сто и более? *Хорошая матушка является благодетельницей в своём приходе и помощницей для мужа.*

Но, к сожалению, большинство из них не возгревают идеализма у своих батюшек, а наоборот расхолаживают их и лишь заняты домоводством и накоплением имущества. При объезде черемисских приходов пришлось познакомиться с матушкой, которая чистосердечно признавалась, что она всем существом своим до того ненавидит черемис, что с ней делается дурно, когда она бывает вынуждена с ними разговаривать, поэтому она старается не пускать их даже во

двор священнического дома. Понятно, что черемисы платят ей такой же нелюбовью, в чём пришлось убедиться из разговоров с ними. По воскресениям и в другие праздничные дни в этом приходе в церкви бывают только священник, псаломщик и староста.

Интересно, что бы тут могли сделать, принадлежащие к женскому миссионерскому обществу? В настоящее время влияние матушек очень часто проявляется в самом беззастенчивом нарушении постов, переходящем в обычай⁶¹. В одной из епархий, где мне пришлось довольно долгое время жить, везде, где только не доводилось бывать у духовенства, не только в обыкновенные среды и пятницы, но и великим постом в эти дни угощали коровьим маслом, сметаной и творогом, оправдываясь чаще всего просто шуточками или детскими рассуждениями, вроде того, например, что «обидеть или оклеветать кого-нибудь это большой грех, а скушать вместо невкусного и вредного масла немного сливочного – в этом нет никакого греха». Всё это, очевидно, происходит от недостатка правильного религиозного воспитания и сознания необходимости быть в единомыслии и согласии со всей Церковью, с бесчисленным сонмом святых. В добавление к этому можно привести ещё несколько весьма характерных примеров из нашей практики.

Братия в одной обители жаловались, что хотя им назначили учителем монастырской школы самого лучшего, благонравного и наиболее религиозного из всего семинарского выпуска, который добивался уже священнического места, но неожиданно для всех произошла неприятность. Учитель этот наговорил дерзостей некоторым монашествующим, когда настоятель монастыря запретил, чтобы в постные дни учителю готовилось хотя бы и из его провизии мясное кушанье на монастырской кухне. Одно время, посещая довольно часто семинарскую церковь, приходилось не мало удивляться, что в ней никогда не видно было ни одной матушки, никого из преподавателей, за исключением инспекции. Причина этого вскоре стала весьма понятной, когда однажды после воскресной всенощной пришлось посетить одного из преподавателей. У него оказались

ещё другой преподаватель и две матушки, причём все с большим азартом играли в карты. Таким образом, когда мы печалимся о недостатке церковной дисциплины среди мирян, оказывается, что у самих насадителей церковности религиозные начала сильно ослабели. Аналогично этому невольно вспоминается жизнь одной знакомой семьи. Когда в ней родители укоряли младшего сына за его постоянные шалости, то он обыкновенно отвечал им: «сами виноваты, если так воспитали». И действительно, как мирянину приобрести правильные понятия, когда его не воспитывают в церковном духе.

Возьмём для примера хотя бы библиотеки в наших учебных заведениях. Имеются ли при них отделы для духовного и религиозно-нравственного чтения? Нет. Между тем молодёжь жаждет чтения и, при теперешнем обилии материала, нуждается, чтобы её руководили в этом. Без руководства поневоле многие теряют напрасно дорогое время и зачитываются Майн-Ридом, Жюль-Верном, Пинкертоном, Поль-де-Коком и т. п. Даже получившие аттестат зрелости очень часто вовсе не подозревают, что Церковь имеет ещё иные богатства кроме тех, с которыми их так тщательно знакомили, заставляя наизусть заучивать непонятные тексты в связи с трудно запоминаемыми ответами и вопросами. Сколько чудных образцов святоотеческой литературы, подобно, например, грозным словам Ефрема Сирина о втором пришествии Спасителя, об Антихристе, о кончине мира, или подобно поучениям Иннокентия Херсонского – и всё это остаётся в неизвестности. С грустью вспоминается, как однажды, когда потребовалось достать творения Ефрема Сирина в русском переводе, их не оказалось даже в духовной семинарии.

Стало-быть, можно предполагать, что во всей епархии не было творений этого великого христианского гения, тогда как православие тем именно и сильно, тем и отличается от прочих христианских исповеданий, что находится в наибольшем единении со святыми отцами, черпая от них для себя силу и красоту. Как необходимо поэтому, чтобы в каждом уезде были хотя бы по одной подвижной библиотеки для религиозно-

нравственного чтения. Заведующие такими библиотеками могли бы быть в то же время и миссионерами или проповедниками, пока у нас не заведутся в приходах постоянные библиотеки и постоянные миссионеры.

Коснувшись вкратце некоторых печальных сторон нашего религиозного развития, невольно приходится пожелать, чтобы благочестивые труженицы на ниве Господней помогли пробуждению в нашем отечестве христианского самосознания вместе с жаждой к его удовлетворению, то есть к стремлению потрудиться для Господа. В этом и будет возможная для них главная заслуга и значение. Но как же достичь практического осуществления этих идеалов? Прежде всего через единение между разбросанными отдельными силами. Примером этого до некоторой степени являются те же недавно образовавшиеся женские группы. Несмотря на всю их незначительность, они всё-таки действуют, становятся известными, заставляют считаться с их мнениями. Не говоря уже об издании «Сотрудника» и об иных проявлениях деятельности, уже самый факт единения есть немалое дело и является проповедью того, чего у нас чаще всего нет и что так необходимо во всех отношениях. Хорошие примеры очень полезны и отсутствие их причиняет всегда большой ущерб в духовной жизни.

Мы уже говорили, что у нас есть готовая женская организация, – матушки. Большинство из них безусловно самые лучшие из русских женщин. Несмотря на это, влияние матушек в церковной жизни вообще мало заметно и несколько не увеличивается от того, если они собираются вместе. Причина этого очень простая. Им в большинстве случаев неизвестны примеры и требования, чтобы женщины, собравшись вместе, занимались чем-либо иным, кроме как сплетнями или соперничеством.

Полную противоположность обычной будничной пошлости и составляют образующиеся новые группы женщин. И, если они в отдельности становятся уже заметны в своей полезной деятельности, то очевидно, что это значительно увеличится, если группы станут объединяться. Тогда издаваемый ими печатный орган, очевидно будет иметь более обширную

программу, большее разнообразие содержания и, что особенно важно, наибольшую независимость от отдельного влияния. Существование такого органа крайне необходимо, как для удовлетворения духовных потребностей, так в особенности для влияния на существующие издания, хотя-бы, например, для оживления академических органов. Ещё, как на предмет деятельности для объединённых женских групп, можно было бы указать на устройство образцовой женской православной школы. Существующие почти всегда носят отпечатки казёнщины или же коммерческого предприятия. Уже программы обучения и выбор педагогов в большинстве случаев заставляют желать многое иное.

Интересно воспоминание высокообразованного человека, в начале окончившего классическую гимназию. Он с волнением рассказывал о том нравственном мучении, которое доставляло ему изучение некоторых предметов, например светской литературы и повестей из жизни богов, в особенности, когда этим предметам предшествовали уроки по Закону Божию. Христианская душа неиспорченного юноши искала правды, хотела слушать поучения святых, любоваться их нравственным обликом, а её заставляли изучать ложь и разную гадость. От этого происходили внутренняя борьба и недоумение... С одной стороны послушание, уважение к наставникам – и вдруг требование этих самых наставников изучать то, что противно христианской нравственности. Вопреки своему мировоззрению и внутреннему чувству приходилось читать романы, переводить языческие повести, делать характеристики мнимых героев, по долгу останавливаться и разбираться в том, о чём Апостол Павел и говорить запрещает.

Интересно, как в этом отношении мог бы проявить себя женский православный гений, свободный от разных вредных влияний? В политической жизни, благодаря существованию групп, участие русских женщин тоже могло бы быть плодотворнее. В годину испытаний, когда революционная буря колебала наши устои, то, к стыду для русских женщин, их благоразумного голоса мало было слышно. Конечно, это могло происходить вследствие природной женской слабости или от

неожиданности, с какой нагрянула буря, отчасти от разрозненности, которая почти повсеместна в нашем обществе, но вероятнее всего происходило от тех же причин, которые и теперь поддерживают настроение недостаточно религиозное и не патриотическое.

Да – нужно, чтобы на всё это было обращено должное внимание, потому что только тогда может вполне получиться торжество православия. Помоги, Господи.

О. Пантелеймон.

**№ 51. Сотрудник Братства св. Гурия. 23
октября 1910 года**

К нашим читателям

Скоро наступает время, когда появятся у всех обеспеченных журналов объявления об условиях новой подписки в наступающем году.

А наш маленький «Сотрудник» должен много подумать при наступлении этого времени, но не об условиях подписки, а о более важном: стоит ему быть или нет...

И тут много и мыслей и чувств приходится переживать и редактору, и издателю его!

Прежде всего приходится вспомнить, что в течении десяти лет нам приводилось слышать: вот если бы у нас, у Братства, был свой журнал, наша деятельность была бы для всех понятна, и мы могли бы расширить круг своих единомышленников.

Когда началась с одной стороны непозволительная газетная травля всего, чем живёт св. Церковь, а с другой стороны явились такие защитники православия, которые ещё более давали поводов злословить его, тогда жизнь тем более настоятельно выдвинула вопрос хотя бы о маленьком издании при Братстве свят. Гурия, которое бы оправдывало инородческое дело Братства в глазах истинных сынов православной Церкви.

Вместе с тем и деятельность врагов св. Церкви так усилилась и получила такой интенсивный характер, что для самих миссионеров нужны были постоянные указания: что им делать, на что обращать более внимание, чтобы не переживать снова той нравственной растрёпанности, какая среди отцов и господ миссионеров наблюдалась в 1905–1906 годах.

Но вместе с миссионерами переживали и переживают большие затруднения в своей деятельности и все защитники русского дела среди инородцев. И народные учителя и их руководители не знают иногда, как им поступать с иноверными инородцами, напр. магометанами, чтобы приучить их не бояться жизни и живой мысли.

Всё это, вместе взятое, заставляло некоторых русских деятелей неоднократно (кажется, шесть раз) ходатайствовать пред разными ведомствами о субсидии на издание журнала, который освещал бы русским людям пути к инородческому сердцу, а инородческому уму давал бы указания на русские идеалы.

Наконец, в нынешнем 1910 году два высокоавторитетные совещания, и из них Казанский Миссионерский Съезд, признали необходимость хотя какого-нибудь миссионерского издания.

И все ходатайства и все пожелания субсидий и все программы будущих высоко-полезных «толстых» журналов были встречены «с живейшим интересом» со стороны всех сильных мира сего, кому вверено попечение о нас, но... но будущий редактор будущего субсидированного журнала ждёт этого своего служения «Церкви и отечеству», – а мы пишем эту слезницу к нашим читателям,.

* * *

Первый год издания «Сотрудника» обошёлся издателю очень дорого и, разумеется, совершенно законна мысль: стоит ли тратить деньги на это издание, если затрачиваемые деньги могут содержать пять-шесть Братских школ.

А ваше мнение, читатель, какое?

Я хорошо помню полученные мной ответы на этот вопрос; очень многие просят продолжать начатое дело, пока оно, по крайней мере, не имеет хотя бы субсидированного продолжения. Самая подписка на 1910 год в сентябре месяце уже указывает, что «Сотрудником» дорожат, что он даёт новые сведения.

И всё-таки, добрые читатели, расходы на издание «Сотрудника» слишком велики, чтобы на них не обращать внимание. Поэтому в ближайшем будущем открывая подписку на «Сотрудник», усердно прошу всех его читателей как можно более распространить объявления о нём. Члены Епархиальных Миссионерских Комитетов пусть доложат Епархиальным Преосвященным о нашем маленьком издании, а через Комитеты известят о нём и всех деятелей епархиальных миссий.

Есть ещё одна большая просьба: если кто-нибудь будет находить ошибки в «Сотруднике» или даже неправильное освещение того или другого вопроса миссии или церковной жизни, то прошу всякое мнение и суждение немедленно исправить или дополнить. Но только, братья, не стойте в сторонке, не ставьте себя «с краю», и не «умывайте рук», когда видите Христово дело в опасности. Нет, усердно прошу: помогайте общему делу.

В существе дела, мы не имеем права предаваться пессимизму по поводу издания нашего Братского «Сотрудника» после того сочувствия к нему, которое мы встретили среди членов бывшего Миссионерского Съезда. Но в то же время, зная нашу славянскую неспособность к общей работе без субсидий и приказаний, нашу общую нерешительность, решаюсь напомнить деятелям миссии, что для них настал час не словом, но на деле помочь единственному миссионерскому изданию, которое отмечает всё, что касается церковной жизни и миссии в Приволжье.

Епископ **Андрей**.

К вопросу о церковной дисциплине

Дисциплину можно понимать двояко: как порядок внешней жизни, порядок действий, и как плановость жизни внутренней, порядок волевых самоопределений. Первая основывается главным образом на внешнем принуждении, она не считается с желаниями и настроениями данного лица. Типичным выражением «духа» её является известное требование иезуитов по отношению к членам своего ордена: – ты должен быть трупом в руках своих начальников, – то есть должен слепо исполнять всякое данное тебе дело, каково бы оно ни было. Такова, по существу, военная дисциплина и, пожалуй, партийно-политическая. Понятно, что дисциплина этого рода может быть поддержана только страхом кары, внешним принуждением.

Вторая дисциплина, наоборот, вытекает из внутреннего самоопределения и коренится на внутреннем самопринуждении. Она необходимо предполагает ясное знание основной цели своей жизнедеятельности и ясное понимание нравственной ценности тех действий, которые употребляются, как средства её достижения. Каждый человек здесь является ответственным деятелем в общем деле (спасения). Точным выражением смысла этой дисциплины являются слова Господа Иисуса Христа: да отвержется (человек) себе, возмет крест свой и грядет за Господом (Мф. 16:24). И – истинствуя в любви, люди только и могут возвращать всяческая во Христе, по образу Которого всё тело (Церковь) растёт через практическое индивидуальное участие в общем деле каждой части (каждого отдельного лица) в меру силы её. Из дружной совокупной свободной работы всех членов общества и образуется планомерно развивающаяся цельная, гармоническая жизнь.

Церковной дисциплиной и должна быть эта дисциплина самоопределяющегося, на основе самоотвержения, духа человеческого, ищущего вообразить в жизни своей Христа Иисуса. Вы сыны, а не рабы, сказал Христос, вы в свободу призваны, – повторяет неоднократно и настойчиво Апостол.

Ясно, что именно дух свободы и сыноположения только и может быть духом церковной дисциплины. Там, где в церковной практике приобретает главенствующее значение внешнее принуждение в ущерб внутреннему самоопределению лица, там жизни церковной угрожает опасность заразиться духом мирской государственности (что мы видим в католичестве), сделаться царством от мира сего со всеми его типическими особенностями в жизнеустройстве людей. Церковь примет в этом случае третье диаволово искушение (Мф. 4:8–9) и откажется от прямого своего назначения – быть богочеловеческим единым организмом, в основе которого лежит личная святость каждого человека, восполняемая Христом.

Итак, для укрепления церковной дисциплины в практической жизни так называемого христианского общества прежде всего надо вывести это общество из того состояния религиозного невежества, в котором оно ныне пребывает, чтобы каждый, именующий себя христианином, действительно связывал с этим именем некоторое конкретное представление об особенностях его отношений к Богу и о тех обязанностях, которые на него этим именем налагаются. По существу говоря, знание своих христианских обязанностей у ⁹/₁₀ именуемых православными христианами сводится почти исключительно к внешнеобрядовой стороне – крестам, постам, хождению в церковь, исповеди и вообще обрядам таинств и т. д. Этим религиозным невежеством объясняется и та лёгкость, с какой мало-мало подучившийся русский интеллигент разрывает с церковностью в жизни своей, а также и то, почему напр. тупой по существу и балаганный баптизм всё-таки имеет успех в народе: он поднимает краешек обрядовой завесы и ставит резче вопрос об отношениях человека ко Христу. Повторяю – без усиления учительства церковного, без изменения традиционных омертвевших приёмов этого учительства и направления его, – без уяснения неверующим членам Церкви основ, целей и средств христианской жизни ни о какой церковной дисциплине в собственном смысле не может быть и речи. Наводить дисциплину полицейским порядком теперь нельзя, да

насильственное загоняние людей в двери спасения и по существу – дело глубоко антицерковное.

Итак – первое, что надо делать, – это учить, учить и теоретически, и практически. Но – чему, кто должен учить и как? – Учить должно тому, что Бог есть живое начало, основание, движущая сила и завершительная цель жизни человека; что Церковь есть тело Христа, Богочеловеческий организм; что таинства суть формы реального общения с Богом, через которые только и образуется тело Христа; что свободное и сознательное решение воли человеческой есть необходимое условие действительного богообщения; что самоотречение есть существенная основа нравственно христианской жизни, а любовь есть её характерное настроение и главная движущая сила. Надо учить умению понимать личность Христа, как живой образец для нашей жизни, а не как редкостное историческое явление, окутанное туманом исторической отдалённости, для нас чуждое, далёкое и практически бесцельное. Аще мя любите, заповеди моя соблюдете (Ин. 14:15), – раньше, чем человек не познает и не полюбит Христа, как личность, не установит живых отношений к Нему, он не станет и жить по установлениям Церкви, ему будет чуждо сознание связи с организмом церковным, и церковная дисциплина будет для него бременем тяжким и бессмысленным. Люди, имевшие возможность разговаривать об этих предметах с рядовыми интеллигентами, могут подыскать много примеров в подтверждение указанной мысли.

Обязанность учительства, конечно, лежит на тех, кому сказано: шедше научите вся языки, т. е., по общему пониманию, – на пастырях Церкви. Но я думаю, что учить должны не пастыри только по положению, а все, кто получил на это талант от Господа, лишь бы это учительство не было самочинным, не чуждо было благословения Церкви. Иначе это будет учительство не созидательное, а разрушительно-сектантское, не от Бога, а от лукавого духа человеческого. Спасение есть дело общее, и помощь нуждающемуся брату есть также общая обязанность, а не дело одних только пастырей. Последние должны быть во главе дела – это несомненно. На такое положение они имеют

право по своему посвящению. Они должны бы были иметь для этого и надлежащую учебно-воспитательную подготовку, так как обучаются в специальных духовных учебных заведениях.

Но, к несчастью, фактически именно нужной-то подготовки там они почти совсем не получают и выходят оттуда глубоко невежественными по части самого необходимого в пастырстве знания слова Божия. Особенно это нужно сказать о высшей духовной школе академии, где людей, занимающихся чтением слова Божия, бывает не более 2–3%, да и в семинариях познания по Священному Писанию неясны, не систематичны и безжизненны. Они неясны, потому что не имеют под собой историко-философско-догматического основания, они несистематичны, потому что не объединены одним религиозно-философским принципом, они мертвы, потому что воспринимаются не как живой глагол живого Бога, по образцу Которого создан человек, а как археологические реликвии седой и чуждой нам старины. Евреи времён Христа думали в Писаниях иметь живот, а всё-таки слово Божие не пребывало в них потому, что они любви к Богу не имели в себе. То же самое бывает и в духовной школе, подготовляющей пастырей Церкви – представителей и учения, и жизни церковной, и её дисциплины. Отрывочно усвоенный текст слова Божия, без ясного понимания отношения слова Божия к своей личной жизни, отсутствие строго-библейского мировоззрения – имеют своим следствием то, что вся жизнь пастырей получает двойственный характер: теоретически в проповеди – она есть компиляция текстов, а больше чужих мыслей о священных текстах, исторических сведений о них: практически – она есть воплощение естественных нравственно-физических начал в жизни личности. Бог и мамона уживаются хорошо, потому что Бог заполняет собой только речь людей, всем же ходом практической жизни фактически заправляет мамона. Для иллюстрации из многого укажу малое: есть пастыри, которые почти совсем не блюдут постов, картёжничают, публично курят табак, даже посещают увеселительные места и, за редкими исключениями, совершенно не понимают святости предпраздничных вечеров; есть (не мало) таких, которые

небрежно относятся к надлежащему подготовке к богослужению – не читают положенных правил и т. д.

Ясно, что для таких людей формы церковной дисциплины будут непонятными, нелепыми, стеснительными и тяжёлыми. Ясно, что даже при самом добросовестном подчинении этой дисциплине из всего этого, кроме лицемерия, едва ли что выйдет. Ясно, что и назидательного для паствы будет в такой жизни пастырей очень мало. Боюсь, что мы тут имеем дело с солью обуявшей.

Из изложенного можно сделать только один вывод: дисциплину церковную надо начинать вводить с дисциплинирования жизни тех, кто должен бы быть, по Апостолу, *«образом стаду»* и к кому законно может быть направлено слово укора; *«врачу, исцелися сам»*. Не указом, а показом – вот первое правило для практического осуществления высоких мечтаний о насаждении церковной дисциплины в обществе. Наглядное, на примере личной жизни обучение людей и тому, как подобает в дому Божиим жити, есть самый целесообразный приём для поднятия религиозного самосознания общества. Всегда найдутся люди, которых добрый пример «заразит», и около здорового центра церковно-дисциплинированной личной жизни начнёт кристаллизироваться всё наиболее духовно живое в обществе. Этим путём естественного отбора, естественной духовной ассимиляции людей, идёт развитие всяких сект и содружеств; этим путём должна идти и работа по укреплению церковной дисциплины. Все сочувствующие делу церковному должны сознательно объединяться между собой, возводя природную религиозность свою в сознательный принцип жизни по указаниям церкви православной.

Понятно, конечно, что эта органическая работа церковного возрождения общества может идти успешно только при реорганизации приходской жизни. Только под этим последним условием всё духовно-здоровое в обществе станет прочно на ноги, и все чада Божии расточенные будут собираться воедино – под одно знамя церкви православной. При теперешней нравственной, идейной дезорганизации общества иного пути к

возрождению церковности не видится. Внешняя борьба с языческими или магометанскими обычаями в простонародной среде бесцельна и, пожалуй, при ревности не по разуму, вредна: с плевелами можно вырвать и пшеницу. Обрядная сторона почти во всех религиях сходна, существенная разница в духе и смысле веро и нравоучения той или иной религии. Например, идол есть та же икона; почитание его вытекает из той же потребности – иметь Бога возможно ближе к себе. И всё-таки идолопоклонство и иконопочитание вещи глубоко несходные, – только религиозное невежество может сближать иконопочитание с идолопоклонством. На эту сторону и должно обратить внимание. При изменении «веры» в душе человека произойдёт естественным порядком и пресуществление идола в икону: язычество выпадет из обычая само собой, если в сознании, в сердце человека воссияет свет мысли и чувства христианского. Ищите прежде Царствия Божия, которое внутри человека, а остальное всё приложится.

Те же соображения приложимы и к «оцерковлению» жизни так называемого образованного общества. Разница сравнительно с простым народом только в том, что у последнего при религиозном невежестве есть здоровое религиозное чувство, неподавленная потребность *быть с Богом*. У образованных же (в массе) этого нет; тут жизнь строится на основе трёх диаволовых искушений, на принципе широкого эгоизма в формах сластолюбия (по телу), самодовольной гордости (по душе) и властолюбия (по духу). Очевидно, тут нужно коренное перевоспитание, радикальная перемена взглядов на жизнь и свои обязанности в ней, чтобы церковная дисциплина могла привиться к этой среде и укрепиться в ней. И здесь правильно устроенный приход мог бы сыграть роль в смысле оздоровления духовно искалеченной интеллигентской жизни, чтобы всё здоровое в ней могло организоваться, сплотиться и окрепнуть. А то ведь теперь в публичных местах даже перекреститься стыдятся интеллигентные люди, – настолько «измалодушествовались» в своей разобщённости!

Итак, для поднятия церковной дисциплины в общественной жизни надо следующее: 1) дисциплинировать жизнь духовенства, 2) развить широкую церковно просветительную деятельность – через школы, газеты, собрания, лекции и т. п. и 3) организовать приходскую жизнь. Без последнего всё дело сведётся к бесполезным, упражнениям в красноречии и будет бесцельным биением воздуха.

А. Миролубов.

Мухаммеданский взгляд на брак и полигамию

(По 4 и 5 пунктам)⁶².

Хотя догматическая и практическая части мусульманского вероучения различны, сообразно с воззрениями основателей и законоучителей различных сект, тем не менее о главнейших основах брачных союзов доступно вывести и общие положения.

Брак, как действие гражданское, подчиняется договорным обязательствам и поэтому он обставляется в мусульманском законодательстве *правилами о торговле*.

Подъярёмное положение мусульманской женщины начинается с коранического перифраза книги Бытия, а именно. – По ст. 27 и 28 главы I книги Бытия «Бог сотворил мужчину и женщину, благословил их и сказал; плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и *обладайте ею*». – Равноправность полов в данном случае очевидна; земля предоставлена в общее пользование мужчины и женщины, и им обоим Бог предоставил владычествовать над рыбами морскими, над зверями, птицами небесными, над всяким скотом и над всякими на земле животными. Коранический перифраз этих основных положений Божественных Законов изложен в ст. 189 суры VII, по которой женщина лишена раз навсегда всякой тени равноправности и самостоятельности. – «Бог сотворил вас от одного человека, произвёл из него супругу, *чтобы она жила для него*». Вот этот удел женщины жить только «для него», для мужчины, обездолил её на многие века, до времени неизбежного в мусульманстве реформационного движения.

По мусульманской казуистике вступление женщины в брак приносит ей большую пользу тем, что с материальной стороны она получает естественного защитника, а с духовной ощущает блаженство, видя мужа довольным. Брак бывает трёх родов: постоянный, временный и с невольницами. Второй вид брачных союзов допускается только у шиитов.

Предшествующие брачному союзу правила свидетельствуют ясно, что в этой сделке не участвует духовная сторона брачующихся. Избирающий жену удостоверяется

посредством родственников, что избираемая принадлежит к числу законнорожденных, хорошего поведения, девственна, если не вдова и не разведённая жена – и в состоянии иметь детей. Мужчина, заявивший о намерении сочетаться браком, пользуется правом взглянуть на лицо, руки и волосы невесты, причём девицы могут изъявлять согласие вступить в брак молчанием, а женщины должны изъявлять своё решение словами.

Вступая в брачный союз, мусульманка вступает из бесправия отроковицы в бесправие жены и принимает на себя обязанность посвятить всю свою жизнь мужу и никогда ни в чём не выходить из повиновения ему. Таковы положения Корана, таковы и основанные на Коране нравы и обычаи всякого мусульманского народа. В этом отношении особенно важно указание Корана на то, почему муж должен главенствовать над женой. Вопрос этот разрешается торговым характером сделки. – «Мужчины выше женщин», говорит ст. 38 суры IV. *«Они выше потому, что делают на них траты из своего имущества»*. Для того же, чтобы не оставалось и сомнения в превосходстве мужей над жёнами, этот же стих Корана разрешает мужьям наказывать упрямых жён отлучением от ложа и *прямо-таки побоями*. Наконец, чтобы устранить от женщины всякую мысль об её индивидуальном в семье значении, Коран сравнил её с нивой, которою муж, как хозяин, может пользоваться согласно с своими прихотями.

Жена обязана поддерживать свою красоту и стараться нравиться мужу. Ей позволяется с этой целью украшать себя чёрными, белыми и румяными красками, кудрями, мушками и т. д. Мужчине же Коран предписывает сдерживать свои душевные порывы и относиться к жёнам только с властной покровительностью. – «Вы не можете быть одинаково расположенными к жёнам своим», говорит 128 ст. IV суры – «даже если бы вы того и желали, поэтому не привязывайтесь к жёнам» и проч.

Нельзя отрицать, что в этом замороженном состоянии мусульманского брачного союза жене всё-таки предоставлены кое-какие права, но и самые права эти подтверждают лишь то,

что женщина сотворена Богом для мужчины и больше ни для чего.

Лишив жену и женщину всех прав человека, Коран обещает им, однако, райскую жизнь наравне с мужчинами, с одеждой из шёлковой материи зелёного цвета, с золотыми и жемчужными запястьями, с постелями и седалищами, украшенными золотом и камнями, с райскими яствами и питьями и вообще со всеми степенями блаженства. Но это кораническое уравнивание полов не льстит, по-видимому, женщине и она, томясь своей земной жизнью, страдает настолько от мужского деспотизма и от деспотизма гарема, что вызывает многие и многие ходатайства, о запрете ей полицейским порядком права губить свою душу в омуты нравственной распущенности.

Расторжение брачного союза среди арабов язычников совершалось, как и многое в их домашнем обиходе, в крайне грубой форме. Не прибегая ни к каким процессуальностям, араб объявлял жене, что он более для неё не муж, и что брак их расторгнут. Жена должна была оставить тотчас же шатёр мужа и предаться на волю судьбы. Коран осудил эту лёгкость развода; – «Те из вас, которые отвергают своих жён, назвавши их хребтом матери, говорят бессмысленные слова и ложь» (Сура 58 ст. 2). Тем не менее эта обидная фраза оказалась настолько всесильной, что она перешла и в позднейшие поколения, которые и разработали этот повод с различными казуистическими тонкостями. Произнёсший таким образом отпусковую, не лишён однако права раскаяться и взять её обратно, но с условием покаянного штрафа. Размер последнего может быть определён судом: от 2-х месячного поста до освобождения невольника и в случае бедности неосторожно обмолвившегося мужа, на него может быть наложено в виде штрафа прокормление шестидесяти бедных людей.

Заслуга Корана в облагораживании развода по сравнению с обычаями арабов бесспорна, но всё-таки и в этом случае страдательным лицом является женщина, которой приходится выносить все последствия то самодурства мужчины, то чувственных вспышек и огорчений гаремного типа. По толкованиям мусульманских законников муж может развестись с

одной и той же женой три раза и снова жениться на ней, после каждого из этих разводов. Ничего подобного не предоставлено женщине, которая может просить духовные власти о разводе, но не по силе душевных движений, а по чисто реальным на то основаниям, и главнейше, если муж оказывается неспособным к супружеским обязанностям, не даёт необходимой пищи или платья, не даёт денег на первые потребности и т. д.

Развод сопровождается обычно различными расчётами как о возможных сроках беременности, так и о возвращении приданого или выдачи отступной платы и вообще о том или другом обеспечении обездоленных женщин. Но так как массы многоженцев сами бедны, то женщинам приходится покидать мужей без средств к дальнейшему существованию. Отсюда и нарождается тот контингент голодных и бесприютных существ, которые так озабочивают теперь мусульманство, не желающее взглянуть в корень вещей и взывающее к тому, чтобы скрытая язва продолжала оставаться скрытой, а в случае проявления её, чтобы она была преследуема полицейскими мерами.

Не желая вскрывать свои язвы, мусульмане как бы не видят и тех чудовищных последствий, какие вытекают из излюбленной ими полигамии. Властные и богатые люди, а с ними и небогатые сластолюбцы, захватывают в свою собственность по несколько женщин, нисколько не заботясь об интересах людей небогатых, не могущих соперничать в привлечении женщин к своему очагу. В эпоху Мухаммеда этот недостаток в контингенте женщин пополнялся сиротами после павших борцов за веру и пленницами из противного лагеря, что теперь недостижимо. Отсюда бедные люди мусульманства лишаются самой возможности устроить свой семейный очаг. По сцеплении всех приведённых обстоятельств делается очевидным, что мусульманство стонет уже под гнётом полигамии и если оно не расстанется с многожёнством, то познает в наше свободолюбивое время очень горькие последствия своей чувственной невоздержности. Культурным мусульманам, разумеется, известно, что женщина ведёт борьбу за свою свободу, начиная с сотворения мира. Мужчина создал для неё гинекей⁶³ значительно ранее, нежели возымел начало гарем

мусульманина. Женщина уступила силе. Спрятанная за глухую ограду, она не пожелала, однако, расстаться с тайным средством борьбы и в конце концов гинекей рушился и из него вышли и куртизанки, и вакханки. Далее и законы Ликурга⁶⁴ не удержали женщину в положении общественной самки. Вот эта эпоха разрушения гинекея повторяется ныне воочию в наследовавшем его гареме, из которого, однако едва ли выйдут типы великих женщин, занявших почётные места в ходе мировой цивилизации.

Достойно внимания, что и съезды ориенталистов, несомненных поборников моногамии, хлопочут лишь об улучшении средств в прокормлении и содержании жён, об установлении процессуальных порядков в разборе их претензий и т. д. Очевидно полигамия так воплотилась в мусульманскую жизнь, что даже европейцы-ориенталисты не решаются провозгласить полигамию корнем грядущих бедствий мусульманских народов.

Мусульманские софисты не имеют права уверять, что многожёнство исходит из кодекса веры и что никто не имеет права провозгласить полигамию бичом современного состояния общества. В этом случае ст. 3 суры IV Корана советует каждому мусульманину, боящемуся несправедливости, жениться только на одной женщине, а не на многих особях.

Не лишне повторить, что многожёнство вовсе не вытекает из коранических предписаний и что вера в данном случае относится только снисходительно к чувственной стороне человека, а вовсе не вменяет ему в обязанность захватывать толпы женщин в своё крепостничество. Вред от этого крепостничества ещё не совсем ясен самой мусульманке по её отсталости в культурном отношении и по вековечному преобладанию в ней материи над духом. Время, однако, берет своё и мусульманский мужской пол напрасно закрывает глаза перед неизбежным реформационным движением в брачных и семейных отношениях народа.

Должна ли вмешиваться в разрешение этого вопроса правительственная власть? – Всестороннее вмешательство пока нежелательно, хотя бы потому, что весь отряд

многоженцев мусульман, имея во главе корпорацию верослужительского персонала, поднимет страстные дебаты и будет отстаивать всеми мерами многожёнство. Доводы в пользу многожёнства можно предвидеть и разобрать ныне же до полного их разоблачения и тем не менее благоразумие обязывает удержаться некоторое время от крупной реформы. Просветление в этом отношении нарастает медленно среди мусульманства, но какие бы оно ни принимало меры ограждения от требования мировой культуры, последняя всё-таки поднимет в конце концов бурю у семейного очага и рассеет преобладание грубой чувственности над высшими идеалами, вложенными творческими силами в существо человека.

Предоставляя самой полигамии рушиться на её подточенных уже основах, правительственная власть могла бы всё же войти на помощь обездоленной мусульманке и отчасти удовлетворить многочисленные ходатайства о воспреещении ей поступать в дома терпимости. С этой целью надлежало бы установить, законодательным порядком, следующие меры:

I. Содержание разведённых жён, не располагающих собственными средствами существования, должно обращаться на общественные сборы мусульманских общин.

II. Получающие от общин содержание мусульманки, в случае поступления их в дома терпимости, должны быть лишаемы общественной поддержки до конца их жизни.

III. Для установления переходных мер от полигамии к единожёнству следовало бы признать, что мусульмане, имеющие более одной жены, не должны быть избираемы и назначаемы на общественные и государственные должности, не исключая из последних и верослужительских званий, начиная от муэдзина и кончая муфтием или председателем правления по делам веры. Единожёнство в данном случае было бы только одним из видов ценза, устанавливаемого законами для лиц служебного персонала.

Указываемые меры, несомненно, способствовали бы проведению в жизнь мирным путём института моногамии, к чему не может не стремиться всякое культурное государство.

Вл. Череванский.

Вышла из печати

книга Ник. Петров. Остроумова

Исламоведение.

1. Аравия, колыбель Ислама ц. 1 р. 50 к. Ташкент 1910 г.

Выписывать эту книжку можно через Книжный Склад при Спасо-Преображенском монастыре г. Казани.

**№ 52. Сотрудник Братства св. Гурия. 30
октября 1910 года**

О церковно-учительских школах в Приволжье

«Н. И. Ильминский сделал одну большую ошибку, её он и сам, весьма вероятно, не замечал. Но ошибка большая: он навязал миссионерскую деятельность тому ведомству, которое не хочет её признавать и от неё отказывается. Между тем у нас нет помощников, воспитанных на церковном деле; нет хорошо подготовленных псаломщиков, а хорошие псаломщики – это главные органы миссии. И только псаломщики, заявившие себя серьёзными трудами в миссии, могут претендовать на священнические места».

Так говорил один архипастырь, изучивший церковную жизнь Приволжья. Его мысль, выраженная в несколько неожиданной форме, по существу своему, совершенно правильная.

В самом деле, – Ник. Ив. Ильминский основал два учебных заведения, тесно связанные между собой: Казанскую Инородческую Учительскую Семинарию и Крещёно-Татарскую школу. Последняя своим названием уже ясно указывает, что вся цель её существования – ярко миссионерская; первая – создана для учеников второй и школ подобного типа. И все эти учебные заведения должны были готовить учителей для народных школ Министерства Нар. Просвещения, которые Ник. Ив. Ильминский называл школами «повышенно-идейного типа», т. е. тоже миссионерскими по своему характеру и задачам.

Так Министерство Нар. Просвещения, несколько само не ожидая этого, занялось православной миссией. И прекрасно! Чем же русское просвещение может отличаться от татарского, как не своим православием, своей повышенной идейностью, ибо для всякого ясно, что татарское просвещение может распространяться и на русском языке, и сам язык не может ещё характеризовать того или иного просвещения.

Так идеально дело стояло при Ильминском. Правда, миссия точно вовсе как будто ушла из рук церковных деятелей... Но это было печально для них и ни в каком случае не было минусом в деятельности Министерства.

Однако времена меняются, и мы только что пережили такое направление в жизни Министерства Нар. Просвещения, когда оно совершенно определённо давало понять: «миссия не наше дело», и значит от всякой идейности на почве религии отказывалось.

При таком положении дел и Казанская Учит. Семинария и Крещёно-Татарская школа оказались в положении глубоко печальном: жить без традиций, без идей...

И в этом пункте вполне исполнилось предсказание того мудрого Святителя, слова которого в начале мы привели. – Остаётся теперь «не надеяться на князи, на сыны человеческие» и то дело, которое «по ошибке» Н. И. Ильминского отдано в руки Мин. Нар. Пр., взять в ведение Церкви.

Это ныне в высшей степени возможно сделать при наличности церковно-учительских школ, которых во времена Ильминского не было. Нужно лишь, чтобы эти школы были обставлены так же, как Учительская Семинария Ник. Ив. Ильминского. А последняя главным образом отличается составом учащихся, которые делятся на группы: русскую, чувашскую, черемисскую, вотскую и мордовскую. Поэтому, хотя бы приблизительно, образцу необходимо делать приём и в церковно учительских школах в районе инородческого населения. Так это в своё время делалось и в Александровской Миссионерской Дух. Семинарии, администрация которой соблюдала то главное требование практической миссии, чтобы из каждого инородческого селения было в семинарии хотя бы по одному представителю; через это устанавливалось знакомство с самыми глухими горскими магометанскими аулами и являлся предлог к посещению их.

Что касается персонала учащихся, знакомых с инородческими языками, то на первое время можно найти кандидатов академии, знакомых с татарским, чувашским и черемисским языками, а потом через три-четыре года педагогический персонал можно подыскать уже вполне подготовленный к миссионерской деятельности, в качестве преподавателей церковно учительских школ.

И нет, кажется, ни малейших препятствий к тому, чтобы идеи и система Н. И. Ильминского были всецело осуществлены и в нашем духовном ведомстве; а ведь до сих пор мы всё время работаем, так сказать, на чужой машине. Это наблюдение в меньшей степени касается Казанской епархии; но за то в остальных инородческих епархиях, как Пермская, Уфимская, Симбирская и многие другие нет ни одного своего епархиального учреждения, сколько-нибудь серьёзно поставленного в целях миссии. Это красноречиво отметил Казанский Миссионерский Съезд, указав несколько пунктов для устройства церковно-учительских школ.

Такое серьёзное ходатайство нужно бы поскорее удовлетворить, а самые школы поставить по типу Учительской Семинарии Н. Ив. Ильминского, чтобы эти новые школы не остались без всякого влияния на миссионерское дело.

Епископ **Андрей.**

Отрадное явление

(Из ревизорских заметок и-ра нар. училищ).

Первая поездка по ревизии находящихся в моём ведении школ дала мне массу самых разнообразных (приятных и неприятных) впечатлений. Но особенно глубокий след оставило в моей душе посещение одной инородческой школы.

Приезжаю туда часов в 10–11 утра. Дело было в конце января. На дворе очень морозно. Вхожу прямо в класс и снимаю доху. Встречает учительница, годов под 30 девица. Ученики встают, кланяются, оборачиваются к иконе и, по указанию учительницы, начинают петь «Царю Небесный» по-славянски и по-черемисски. Поют хорошо, с одушевлением, стоят чрезвычайно благоговейно, но, за исключением двух учениц, никто не крестится. Только, при окончании молитвы, ученики сделали жесты, весьма похожие на те, которые мы употребляем при умывании лица. Это меня крайне удивило. Начинаю ревизовать по Закону Божию. В старшем и среднем отделениях довольно правильным русским языком рассказывают различные события из Свящ. Истории и толково объясняют молитвы, безошибочно читая их по-славянски. В младшем отделении знают по-славянски лишь несколько коротеньких молитв. По русскому яз. и арифметике познания оказываются тоже вполне удовлетворительными.

Между прочим, во время ревизии, случился такой печальный казус. Два мальчика, один за другим, начали как-то подозрительно краснеть и держать себя, при общей образцовой дисциплине, несколько беспокойно, очевидно, желая что-то сказать. Учительница, тотчас обратив на них внимание и пояснив мне: «у них начался дифтерит», попросила позволения отпустить их домой.

Я, разумеется, дал своё согласие. Оказалось, что в селении свирепствовала эпидемия и некоторых учеников в школе не было. Урок продолжался, – Расспросив учительницу обо всём, интересовавшем меня, относительно училища, я на прощанье предложил учащимся пропеть несколько молитв на их родном и

славянском языках. Та же история, что и в начале моей ревизии. Изумлённый, я хотел было поставить учительнице на вид, что учащиеся не совершают крестного знамения во время пения молитв, а делают какие-то странные жесты, но учительница объяснила мне, что, за исключением двух учениц-русских, все остальные учащиеся черемисы-язычники.

Припоминая их твёрдые и осмысленные ответы по Закону Божию, видя их благоговейное отношение к христианским молитвословиям и слыша их одушевлённое пение, я посмотрел уже другими глазами и на учительницу-миссионерку и на детей и невольно о последних подумал: «Недалеки вы от Царствия Божия».

А. А. С.

Источники Ислама

III глава.

(Продолжение⁶⁵).

IV. Гарут и Марут. В Коране заключается много рассказов, взятых из сказочных примечаний еврейских писателей; но мы удовольствуемся только последующим примером, прежде чем перейти к более общим вопросам. Приведём сперва историю двух этих духов согласно Корану и преданию и затем сравним её с тем же самым по рассказу еврейских писателей. Соответствующее место Корана таково:

«Соломон не был неверным; а неверными были диаволы: они учили людей волшебству и тому, что было ниспослано двум ангелам в Вавилоне, Гаруту и Маруту; но и сии оба не учили никого, не сказавши ему; «мы – искушители, а потому не будьте неверными». (Сура 2, 96).

Дальнейшее взято из Арайш-аль-Маджалис: толковники говорят, что когда ангелы увидели, как злые деяния людского рода вздымаются к небу (это было во дни Идриса), они ужаснулись и сетовали в таких словах против них: Ты избрал их, чтобы им быть повелителями на земле, и вот они согрешают перед Тобой, – Тогда Всемогущий сказал; Если бы Я послал вас на землю и поступил с вами, как поступил с ними, то вы делали бы то же самое, что и эти. Они сказали: О Господь наш, нам не прилично грешить пред Тобой. Тогда сказал Господь: Изберите двух ангелов, из среды лучших между вами, и Я ниспошлю их на землю. И вот они избрали Гарута и Марута, которые были из числа лучших и наиболее богопослушных среди них.

Изложение Аль-Кальби: – Всемогущий сказал: выберите троих: и они избрали Азза – т. е. Гарута, и Азаби – т. е. Марута и Азраила; а Господь переименовал имена этих двух, когда они впали в грех, подобно тому, как Он изменил имя сатаны, которое было Азазиль. Бог вложил в сердце их то же плотское сладострастие, как и в сыновей Адама; и послав их на землю, повелел им право править среди рода людского, удаляться идолопоклонства, не убивать, иначе как по правой причине, и

соблюдать себя от наложничества и сильного питья. И вот, когда Азраил почувствовал сладострастие в своём сердце, он стал молить Господа освободить его и был взят на небо, но в течение сорока лет был не в силах поднять главы от стыда перед своим Создателем. А прочие два остались тверды, творя суд над людьми в течении дня и восходя с наступлением ночи на небеса для воздаяния хвалы имени Всемогущего. Катада⁶⁶ сообщает, что уже прежде, чем истёк месяц, они впали в искушение, ибо Зогра, одна из наиболее прекрасных женщин (Али называет её царицей над одним из городов Персии), имела выход перед ними, а когда они увидели её, то возымели любовь к ней и искали обладать ею, но она ответила отказом и удалилась. Во второй день она снова пришла, и они сделали то же самое, но она сказала: нет, – покуда вы не почтите то, что я почитаю, и не склонитесь перед этим идолом, и не убьёте человека, и не выпьете вина. Они возразили: нам невозможно сделать те вещи, которые Бог воспретил; и она отбыла обратно. В третий же день опять пришла, протягивая чашу с вином, и сердце её склонилось к ним; когда же они желали иметь её, она сказала то же самое, что накануне, а они ответили: молиться другому, чем Богу – страшная вещь, как и убийство кого-либо; самое лёгкое из трёх предложений, это выпить вина: таким образом они и выпили вина, после чего, опьянённые, бросились на неё и совершили прелюбодеяние: некто увидел их и они убили его. И говорится, что они поклонились и идолу, а Господь обратил Зогра в звезду. Али и другие говорят, что она сказала: Не приближайтесь ко мне, пока вы не научите меня тому, силою чего вы можете подыматься на небеса. Они сказали: мы возносимся именем великого Бога. Она опять возразила: не подходите ко мне, пока вы не научите меня тому, что это такое. Тогда они научили её; и немедленно-же, повторяя за ними, она поднялась к небесам, а Господь обратил её в звезду.

Переходя теперь к книгам евреев, мы имеем то же описание в двух-трёх местах Талмуда, особенно в следующем отрывке из Мидраш Иалкута⁶⁷.

Рабби Иосиф, будучи спрошен своими учениками об Азаиле, говорил им так: – когда после потопа превозмогло

идолопоклонство, Святой был во гневе. Тогда два ангела, Шамгазай и Азаиль поднялись, и обращаясь к Нему сказали: О, Господь Вселенной, когда Ты сотворил мир, не говорили ли мы Тебе: «что такое человек, чтобы Ты был внимателен к нему?» – и вот теперь мы в смятении о нём. Господь возразил: Я знаю хорошо, что если бы вы были посланы править землёй, то ваши дурные страсти возобладали бы над вами, и вы стали бы тиранами над родом человеческим. Они ответили: Если Ты благоволишь отпустить нас, и мы будем жить среди них, Ты увидишь, как мудро мы будем святить имя Твоё. – Идите, сказал Он, и живите среди них.

Вскоре после сего, Шамгазай увидел прекрасную девушку по имени Есфирь и обратил взоры на неё, чтобы она пришла и была с ним, но она сказала: Я не могу отдаться тебе, пока ты не научишь меня тому великому имени, которым ты можешь восходить на небеса вверху. Он сказал ей, а она, как только произнесла это имя, немедленно стала возноситься. Тогда сказал Святой: так как она соблюла себя чистой от осквернения, то она будет вознесена в высоту среди семи звёзд, чтобы там хвалить Господа. А они оба тотчас последовали далее, соединились с прекрасными дочерьми людей, и дети рождались им. И Азаиль украшал женщину, к которой он имел склонность, всевозможными роскошными уборами (Азраил тот же самый, который в Талмуде называется Азаилем).

Всякий, кто сравнит теперь эти два рассказа, должен будет увидеть, что они сходны, исключая того, что в мусульманском ангелы именуются Гарут и Марут, а в еврейском – Шамгазай и Азаиль. Но если мы проследим, откуда эти имена вошли в Коран и предание, окажется, что Гарут и Марут были два идола, почитаемые издавна в Армении. По крайней мере так об них говорится у писателей этой страны и именно в следующем отрывке одного из них:

Конечно, Горот и Морот, покровительствующие боги горы Арарат, и Аминабег, и, вероятно, другие, теперь неизвестные, были споспешниками богини Аспандарамит. Они помогали ей и были отличаемы на земле.

Упоминаемая в этом отрывке Аспандарамит представляет богиню этого имени, почитавшуюся издревле и в Иране, так как нам известно, что последователи Зороастра видели в ней Духа Земли и считали, что все добрые произведения земли исходят от неё. Аминабег тоже считался армянами за бога виноградников; они называли Горота и Морота помощниками Духа Земли ввиду того, что считали их за духов, имеющих наблюдение над ветром, чтобы он приносил дождь. Эти духи восседали на верхушке возвышенной горы Арарат и ниспосылали ливни, оплодотворяющие землю. Оба они таким образом были повелителями ветра⁶⁸. Армяне, вообразив, что Морот происходит от Мор – родительного падежа от Мэр-Мать, образовали Горот, тем же путём, от Гэр – Отец. Когда же говорится, что эти два ангела спустились для распространения человечества, это означает, что они побудили землю произвести свои дары для этой цели.

Зогра по-еврейски читается Иштар или Есфирь, та самая, которая в древности была почитаема в Вавилоне и Сирии, как богиня над рождением младенцев и возбудительница страсти и влечения. Как доказательство всего этого, в развалинах между Тигром и Евфратом, на первобытных древних черепицах находится это имя. Историю некоего Джильгамиш, в которого Иштар влюбилась, но была им отвергнута, удалось разобрать в древних вавилонских письменах на этих черепицах: Иштар пришла к нему с короной на голове и просила, чтобы он поцеловал её, в множестве нежных слов и с подарками упрашивая его быть ей мужем, обещая, что тогда он будет в её дворце иметь покойную и счастливую жизнь. Но Джильгамиш с насмешкой отверг её предложение, после чего она вознеслась на небо и предстала пред Господом небес. Очень замечательно, что вавилоняне представлены в этом первоначальном рассказе считающими, что Иштар – она же Зогра, поднялась на небо, – точь-в-точь так же, как нам говорят и мусульманское предание и еврейские толкования.

Если мы теперь начнём искать источник данного рассказа, то мы без сомнения найдём его в том, что Талмуд говорит про ангелов, имеющих сношения с женщинами, в своих толкованиях

на ниже приводимые два стиха кн. Бытия⁶⁹. Говоря об этом втором стихе, один еврейский толковник даёт следующее пояснение: – «то были Шамгазай и Уззиэль, которые в те дни сошли с неба». Отсюда мы и видим, что вся эта вымышленная история произошла от ошибки этого и других невежественных толковников: ибо слово «исполины», указанное ниже, было признано ими в значении не разбойников, нападавших на бедных окружающих людей, а ангелов, которые сошли или «упали» с неба⁷⁰. Эта то несчастная ошибка и повела к распространению описанного странного идолопоклоннического проявления. Но не было и видимой причины для такой ошибки, так как в Таргуме мы находим это имя (Нефилим) объяснённым в своём правильном и естественном значении, как «исполины». Однако, постепенно, евреи полюбили те дикие сказки, которые получили уже распространение; так, в поддельной книге, приписываемой Эноху, говорится, что 200 ангелов при Самиазе (т. е. Шамгазае) сошли с небес, чтобы совершить прелюбодеяние на земле, как мы читаем:

Ангелы небес, увидя дочерей человеческих, полюбили их и сказали один другому: давайте, возьмём себе этих женщин, дочерей рода человеческого, и приобретём детей себе. А Самиаз, который, был старший среди них, сказал... Азазиль научил людей делать мечи, кинжалы и щиты и научил их носить кольчуги. Вот для женщин, они сделали различные украшения, браслеты, драгоценности сурьму, чтобы красить их ресницы, красивые камни высокой цены, одежды роскошных цветов и ходкую монету.

Припомним, что мы имеем указание об этом и в Коране: «От них (т. е. Гарута и Марута) научались тому, как разлучать мужа от жены его; да и то, чем вредили они кому либо, происходило только по допущению Божию. Они научались тому, что приносило им вред, и не приносило им пользы» (Сура 2, 96).

Всё это походит на то, что мы уже видели в Мидраш-Иалкуте, где говорится, что Азаиль украшал дочерей человеческих разными уборами, чтобы сделать их прекрасными и привлекательными.

Но достаточно и этого, чтобы показать, что история о Гаруте и Маруте, как мы её находим в Коране и мусульманских книгах, воспроизведена из еврейских источников.

О. Е.

Ответ Кн. Кропоткину

Вы, князь, спрашивали на страницах *Казанского Телеграфа*: «кто меня может заставить в русской Церкви в России слушать инородческое богослужение». Я точных слов ваших не помню, а мысль ваша та, что в России, в смешанных русско-инородческих приходах никто не может вас и русских людей заставить слушать богослужение на инородческом языке.

Не знаю, рассеял ли кто ваше недоумение, но я решаюсь вам сказать, что это может сделать не какая-нибудь земная логика, а Сам Христос.

Сам Христос, пострадавший для спасения и инородцев и повелевший апостолам научить вся языки, – Сам Христос может и вам, князь, напомнить, что инородцы – Его, Христовы, братья, нисколько не менее, чем мы, русские.

И что если русские люди истинно познают *Отца Небесного*, то и в инородцах увидят своих *братьев*, и *любовь Христова заставит* их хоть десять минут общей молитвы уступить и для инородцев. Очень грустно мне будет, если для вас, князь, мой язык будет не понятен.

Епископ **Андрей**.

Языческое жертвоприношение в Цивильском уезде

В Цивильском уезде, вследствие сильнейшей засухи, погибли озимые хлеба. Можно было ещё надеяться на поправку яровых – если бы выпали дожди, но дождя с ранней весны не было. Население уезда крайне встревожилось. Большинство населения уезда чуваша, они существуют одним земледелием без знания каких бы то ни было ремёсел. От урожая зависит не только благосостояние их, но вообще всё в их жизни. Они уверены, что ни правительственная помощь, ни частная благотворительность не спасёт их от голода со всеми его последствиями: им памятны ужасы голода 1890 и 1891 годов. И вот они, пред лицом страшного бедствия, вспомнили, в сущности, не забытые ими общественные языческие мольбища с кровавыми жертвоприношениями, надеясь вызвать с неба дожди этим путём.

Стали доходить слухи, то из одной, то из другой местности уезда о совершении там жертвоприношений. На первых порах трудно верилось, чтобы ныне, в XX столетии, решались на такие чисто ребяческие попытки к умиловлению неба, тем более что почти повсюду в уезде в приходских храмах и на полях были совершаемы молебствия от бездождия. Но слухи держались упорно: известно стало, что в центральных частях уезда, жители десятка деревень, *крещёные* чуваша устраивают совместные жертвоприношения, известные под именем Тук (чук). И вдруг я узнаю что в соседней с нами деревне варили жертвенную кашу, а с 21-го по 23-е мая представители жителей с. Ч. и деревни Т. при стечении многочисленной толпы народа, в ближайшей к селу рощице (остаток от прежней священной рощи) совершили усиленное языческое моление с обильными жертвоприношениями; были заколоты: 3 жеребёнка, 4 телёнка и до десятка голов мелкого скота. Всё это совершено среди белого дня чувашами более 200 лет уже крещёными. Здесь, в селе Чуратчикове, церковь существует с 1748 года и земская школа с 1864 года, но не взирая на это, жители села по ныне совершают языческие мольбища.

Грустный факт! Сама природа казалось благоприятствовала заблуждающимся людям: в 1-й день мольбища 21 мая, как-то сразу около полудня небо покрылось тучами и пошёл небольшой дождик, заставивший тёмных людей убедиться в силе их молений настолько, что когда местным причтом устроен был крестный ход в поля, в противовес языческому мольбищу, то очень немного людей явилось в церковь, несмотря на то, что день был воскресный (23 мая), и ещё меньше присоединилось к крестному ходу. Не подействовала и проповедь священника.

Но настоящего дождя всё нет, призрак неумолимого голода приближается, и чуваши упали духом. Теперь было бы самое благоприятное время для пастырей церкви убедить несчастных чуваш в ничтожестве их языческих молений и в греховности их, и призывать их к покаянию. Да, – пора уж! Давно пора!

Между тем духовенство уезда менее всего могло ожидать проявления язычества в такой резкой форме среди так давно крещёных и официально православных чуваш.

Помнится, даже поговаривали о желании упразднить должность уездного противоязыческого миссионера. Многие находили также лишним совершать богослужение на инородческом языке, а на практике действительно в большинстве инородческих приходов уезда оно и не совершается. Замечательно, что даже в таких громадных, чисто инородческих приходах, каковы с. Шихазан и др. не совершается богослужение на инородческом языке; так говорить ли о смешанных приходах, каковы: с. Ивановское и др., в коих, однако, огромное большинство прихожан – инородцы, в этих приходах и помину нет о языке инородцев. Инородцы этих приходов, как и в других, конечно, не свободны от языческого образа жизни и языческих убеждений, *но о них не принято открыто говорить, а тем более писать*. Редкие причты признают, что прихожане их не совсем настоящие христиане.

И вот, кажется мне, не только приходские храмы, но и местные монастыри могли бы служить училищем благочестия для мирян, если бы в них совершались богослужения на понятном для инородцев языке. Такие монастыри как Цивильский и Кошлоушский могли бы много содействовать

пастырям в их апостольском деле просвещения чуваш, если бы в них службу отправляли хотя бы отчасти на чувашском языке. Почему же в самом деле в них не употребляется инородческий язык, природный для окружающего населения?

Следует убедить монастыри и приходское духовенство в необходимости употреблять инородческие языки при богослужении, хотя бы ради собственной материальной пользы, если о духовной приходится умолчать. Разумеется, в том случае, если приход состоит из инородцев или монастырь находится близ инородцев.

Чувавам, всё ещё не усвоившим сущности христианства, вероятно, предстоит одна страшная опасность – столкновение с исламом и гибель в его омуте. Как ни удивительно такое предположение, но удивляться не приходится, если принять во внимание, что и самая отдалённая от татар чувашская деревушка не избавлена от нашествия татар в виде мелких торговцев, корабейников и торговцев дешёвой рыбы, составляющей лакомство для чувашей. Вот эти самые татары и есть самые искусные проповедники ислама, пред которыми трудно устоять чувашам.

Часто сельские причты удивляются, что чуваш, самые аккуратные плательщики руги, вдруг перестают платить ругу и стараются уклониться от посещения храма Божия. Да и трудно бывает иногда духовенству угадать истинную причину сего, хотя дело объясняется часто очень просто: чуваш, подпав под влияние еженедельно приезжающего к нему татарина, постепенно отвыкает от христианского образа жизни, возобновляет языческие домашние моления, а при случае и общественные жертвоприношения, каковые ныне наблюдаются по всюду, и таким образом чуваш превращается снова фактически в язычника, а от язычества до магометанства всего один шаг. Татарин знает, что чуваша христианина не перетянешь легко в ислам, а язычника обратить в магометанство не представляет никакого труда.

Вот к чему ведут чувашей их языческие мольбища с кровавыми жертвами «Тук».

Д. С.

Продажа дочери в мусульманство

(Из «Волынск. епарх. Вед.»)

В Голодной Степи произошло небывалое торжество – вступление в мусульманство и свадебный обряд дочери переселенца-арендатора казённых участков к-на Харьковской губ., Ахтырского уезда, Афанасия Бовы с мусульманином-лавочником Абдулой Атабаевым.

Дочь крестьянина Бовы, девица около 16 лет (по словам знающих её – 15 л.), вышла замуж якобы по добровольному согласию, в чём и сделана формальная расписка с «приложением рук» нескольких крестьян-свидетелей.

Жених-сарт Абдула обязался выдать за новую жену христианку калым в 500 рублей, большую часть которого уже и выплатил отцу, который, говорят, сильно нуждался в деньгах.

Туземцы, жители Голодной Степи, весьма обрадовались такому торжеству – переходу православной в мусульманство, делали угощение родне жениха и невесты и увезли её в ближайший аул.

Сама невеста, новая мусульманка, ещё недели за 3 до торжества приготавливалась к восприятию новой веры и обрядов, ходила уже в костюме сартянки, закрывалась от мужчин, а ныне надела чадру и стала мусульманкой по всей форме.

Больше всего старались в этом деле родители новой мусульманки, видя перед собой калым в 500 рублей.

Соседи и другие, знающие крестьянина Афанасия Бова, заверяют, что дочь здесь почти ни причём, а всё дело рук отца, который за 500 рублей продал сарту свою дочь.

История высокогнусная. «Свобода вероисповедания» повела к тому, что невежественные и наглые люди стали торговать совестью своих родных детей.

Успехи православия среди корейцев

30 августа во Владивостоке крестились 125 корейцев.

6-го сентября – крестились 100 корейцев там же.

1-го сентября в Никольске Уссурийском приняли св. Крещение 200 кор.

И в разных местах епархии Владивостокской за прошедшее лето просвещены св. Крещением до 400 человек. Таким образом без преувеличения можно сказать, что тысячи корейцев ныне принимают св. Крещение.

К сожалению, местные русские власти держатся очень странной политики по отношению к этим православным инородцам. Местные русские власти немецкого происхождения, конечно, нисколько не ценя православия и вообще не обращая внимания на религиозную сторону жизни китайцев, японцев и корейцев, гонят православных корейцев в Китай. – Таким путём:

1, Россия лишается надежнейшего православного элемента населения.

2, в Китае создаются корейские поселения из людей, обиженных Россией и, конечно, не очень к ней расположенных.

И повторяется там, в далёкой русской окраине, обычная русская ошибка: не отличаем мы своих друзей от врагов и, оскорбляя первых, получаем полное презрение вторых. Этого достигают и те, кто смешивает всех инородцев в одну кучу и всех их заодно величает «жидами». Такое разрешение инородческого вопроса, конечно, ни к чему хорошему нас не приведёт.

Е. А.

**В ближайшем времени выйдут пять выпусков из
печати**

**Училища Благочестия
на крещёно-татарском языке,**

издание Трехсвятительского Крещёно-Татарского Скита. Желательно распространение этого издания среди крещёных татар Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний. – Об этом просит и Братия Крещенского Скита, затратившая на издание большую сумму. Цена одного выпуска от 15 до 25 копеек.

**№ 53. Сотрудник Братства св. Гурия. 6
ноября 1910 года**

От редакции

Ноябрём месяцем и ноябрьскими номерами 1910 г. кончается первый год издания «Сотрудника Братства Свят. Гурия». – Последние четыре номера с 52–56, не предусмотренные при подписке, оказываются бесплатным приложением к первому году «Сотрудника»...

Заканчивая первый год своих трудов, редакция просит у своих читателей прощения за невольные редакционные грехи, искренне благодарит своих сотрудников за их сочувствие и просит их общего сочувственного отношения к нуждам миссии и в будущем 1911 году.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа

Обращаю к вам слово, братия, – «во имя Отца и Сына и Св. Духа», – слово во имя Святой Троицы, – чтобы объяснить вам эти слова, которые мы так часто слышим.

Но только ли проповедь, молитву, нужно таким образом начинать? – Нет, это начало напоминает нам, что всякое наше слово должно быть во имя Св. Троицы, и не только слово, а вся жизнь наша должна быть всегда и везде во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Всегда и везде надо жить, совершать всякое дело, говорить и мыслить во имя Пресвятой Троицы.

Но чем же, братия, такая наша христианская жизнь во имя Пресвятой Троицы будет отличаться от естественной жизни человека неверующего? – Решительно всем, конечно! – И вот начнём с вопроса, знает ли естественный человек, как он должен все явления своей духовной жизни относить не к своей воле, а рассматривать их во имя воли Отчей? И, разумеется, он не знает и не понимает даже, чтобы это было возможно! Во имя чего естественный человек может жить? – во имя земли, своих земных желаний и интересов, иногда, при более высоком развитии, во имя разума или эстетики, – но больше всего для наживы и внешнего торжества. А между тем, если только он начнёт обдумывать своё существование, то заметит, что он не исполняет в жизни даже тех немногих требований, какие ему предъявляет его природа и, следовательно, путём самонаблюдения он постепенно может сознать и своё несовершенство. А как только вдумчивый человек, хоть немного имеющий серьёзного отношения к жизни, начнёт себя чувствовать неудовлетворительным перед самим собой – перед своей совестью, то дальнейший путь его сознания приведёт его к последующим двух ступеням духовной жизни: это – увидеть совершенную Высшую Волю, по благоусмотрению Которой он существует на земле, а затем – признать себя грешным перед Ней. – И что же далее?

Первая страница Библии даёт на это ответ: когда человек согрешит и *узнает* свой грех, он старается избежать присутствия Божия; он ищет способов укрыться от Лица Божия, т. е. в это время он уже твёрдо знает волю Отчую, но ещё не признаёт её: он хочет избежать Божественных откровений и не хочет *жить* во имя Отца своего. Так, возлюбленные братья, мы все можем на себе убедиться, что для подчинения воле Отчей надобно нам много развиваться нравственно, надо много следить за собой и работать над собой. Надо уметь отыскивать волю Божию везде, в каждом явлении нашей жизни и в каждом явлении окружающей нас природы, во всём, решительно во всём и всегда.

И теперь ответим себе: кто из нас живёт так всецело по воле Отчей? Ведь Господь Бог, Отец наш Небесный, нас признал сынами Своими, а мы чувствуем ли это усыновление? Или мы только пасынки Его, или только наёмники, или совсем ничем не чувствуем себя по отношению к Богу?.. Мы часто говорим: «во имя Отца и Сына и Св. Духа», а сами – говорящие эти св. слова, во имя чего живут свою долгую жизнь? Они сами этого не знают, как не знают этого и прочие творения, лишённые сознания.

Однако, допустим, мои слушатели дорогие, что человек начнёт изучать волю Отчую, волю Отца своего Небесного. Что же из этого произойдёт? – Да то, что он всё более будет чувствовать своё ничтожество пред величием Божиим и бессмысленность своей жизни. Представьте же себе, до какого отчаяния такое состояние его должно довести? Сознать своё полное бессилие – ведь это ужасно! Человек будет знать, что он непрестанно не удовлетворяет даже и собственным требованиям совести. И что же ему дальше делать, в чём искать спасения?

В том, братья, что Закон Божий не есть одно *знание*, а *исполнение* его в жизни. И действительно, – если бы знание не имело удовлетворения в возможности исполнения, оно было бы только преддверием адских мучений, тех ужасных терзаний, которые мы теперь охватить даже сознанием вполне не можем;

тех мучений, которые вечно будет переживать душа, когда мы будем уже *всё знать и не иметь силы ничего сделать!*

Но всех этих душевных терзаний, от сознания, своей беспомощности исполнить волю – Божию, человек может избежать тогда лишь, когда он станет *жить во имя Сына...*

В неизмеримой Своей милости Бог послал нам для нашего спасения, для возрождения (перерождения) нашей природы, Сына: Своего, и человек должен жить в постоянном подражании Господу Иисусу; чтобы действительно исполнить волю Отчую, человеку нужно жить в постоянном крестоношении Христовом и в радости Его., нужно жить *во имя Сына Божия и креста Его святого* чтобы жизнь наша стала – не мучением адским и не бессмыслицей, – а только игом благим...

Жизнь человека есть бремя и иго всегда, и только иго Христово – единое благое и лёгкое.

Когда человек иго это святое захочет сбросить с себя, – ему не станет легко от этого; он сам того не зная, тотчас же будет искать себе другого ига и непременно возьмёт его на себя, но это иго – земное, бессмысленное и не благое.

А если, познав волю Отца, он будет жить *во имя Сына Его*, если возьмёт на себя иго Христово, то предстанет пред ним час, когда ему станет легко и он будет дышать полной грудью, не смотря на тяжесть жизненного своего ига, и исполнит своё назначение в жизни.

Да, человек должен взять на себя крест; но долго он его понесёт и долго этот крест будет ему тяжёл, долго, – пока он всецело не отдаст себя – *в водительство Св. Духа*, – только тогда крест Христов истинно станет для него тем, что он есть, – только многоценным игом лёгким и благим!

Опять и опять, братия, надо работать над собой! И если человек сумеет выработать в себе такое настроение, если он будет таким образом жить во имя Отца, и Сына, чтобы собрать *все свои душевные силы* и отдать их в водительство Св. Духа, – тогда этой радости, предваряющей вечное блаженство, никто уже у него не отнимет.

Тогда он и будет иметь *плоды духа* – любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость,

воздержание... (Гал. 5:22–23). Тогда и с внешней стороны жизнь его будет светлая, и внутренних мучений у него не будет.

Братия мои возлюбленные, так вся наша жизнь и должна устроиться во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Я не случайно говорю, братия, что жизнь нашу надо устроить во имя Пресвятой Троицы: Если бы кто из вас много читал Ветхий Завет, он бы знал, как устроить свою жизнь, он бы знал, что Закон Божий всю её должен проникать и распределять, что жизнь его вся должна быть жизнью церковной во имя Божие, – для нас христиан, во имя Троицы Святой.

А ныне мы забыли Церковь и жизнь её и требования её. Мы и не знаем вовсе, что всё у нас должно быть подчинено церковным уставам, даже и поклоны наши поясные и земные, и самая наша одежда. Мы и не помышляем вовсе, что постановления Ветхого Завета об одежде исполнены смысла и что поистине одежда церковная не может быть та, в которой мы предаёмся земной суете. Мы приходим в Церковь, чтобы услышать Слово Божие и получить его благодать – мирская одежда тут не годится, как не годится никакое настроение суетное и греховное.

Возлюбленные братия, нужно, чтобы Слово Божие было повязкой над глазами нашими (Втор. 11:18), т. е., чтобы жизнь свою и весь мир мы рассматривали *через Слово Божие*, чтобы мы ничего не видели и не воспринимали, и не совершали без него; пусть везде и всё нам напоминает о Законе Господнем. Устраивайте, братия, внешнюю обстановку своей жизни по установлениям церковным, чтобы внешняя обстановка давала вам сил, ободряла вас на внутреннюю, духовную борьбу, на борьбу с грехом и делание духовное во имя Св. Троицы.

Начните хотя бы с этого: пусть всякий христианин приобретёт Евангелие и пусть эта святая книга украсит первый угол первой комнаты вашей. Пусть Библия будет принята и почтена в доме вашем, предлежит каждому деланию вашему и освящает жизнь вашу. Да не будет сего, чтобы Библии не было места в домах христианских; говорите о ней друг с другом, читайте её, «да не отходит сия книга от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять всё, что в ней

написано» (Нав. 1:8). Устраивайте, братия, жизнь вашу, подчините её Закону Божию, живите во имя Божие, пусть св. Библия украсит дома ваши и сердца ваши наполнит ведением словес Божиих и силы Божией.

Это и будет жизнь во имя Отца и Сына во святом Духе. Аминь.

Епископ **Андрей**.

Из записок алтайского миссионера

I.

О развитии духовно-проповеднических сил алтайской миссии.

Общее настроение, общий подъём духа, общая работа в преобразовании и улучшении во всех сферах жизни и деятельности, особенно церковной, – вся эта воодушевляющая настроенность переживаемого нами знаменательного момента, побуждает и нас, скромных тружеников, затерявшихся в горах и ущельях Алтая, восклониться, оглядеться кругом и внимательнее всмотреться в наше дело и делание: нет ли и в нём неразлучных с делами человеческими недостатков, требующих скорейшего исправления? Как бы нам не отстать от общей работы самоопределения и самоисправления, не уронить этим своего дела и не подпасть порицанию общества, поддерживающего нас и наше делание своим сочувствием и средствами.

Старые алтайские миссионеры (времен протоиерея Ландышева и архимандрита Владимира) были крепки духом взаимной любви и братства. Они жили между собой как родные братья. Начальник между ними являлся, как старший между равными, – был душою братства. После года тяжёлых трудов, лишений и испытаний миссионеры спешили на братские собрания. Любовь, братство, искренность, откровенность в отношениях и живой обмен впечатлений и мыслей на собраниях уврачевывали их сердечные раны, поднимали дух и воодушевляли на новые опасности и труды. Они разъезжались по станам с облегчённой душой, с новыми силами и надеждами. Дела и нужды миссии рассматривались и удовлетворялись тогда начальниками не единолично, а сообща со всеми миссионерами. Поэтому в ту пору не могло быть ни у кого недовольствия или ропота на невнимание. Но с течением времени, под влиянием разного рода обстоятельств, облик миссии сильно изменился.

В настоящее время миссионеры в деле своего служения являются лишь беспрекословными исполнителями воли и предначертаний своего начальства; своей же инициативы, воли и голоса в деле они не имеют. Но здесь необходимо оговориться, что когда во главе дела стоял такой авторитетной опытности архипастырь, как высокопреосвященный Макарий, ныне архиепископ Томский, то миссионеры, увлекаемые живым и самоотверженным примером начальника, шедшего всегда впереди своей трудовой дружины, охотно несли своё нелёгкое служение. Теперь же приходится отметить частые смены начальников миссии (пост начальника миссии сделался переходной ступенью в движении к дальнейшим повышениям по службе), официальную отдалённость их отношений к миссионерам, полный упадок духа братства среди них, потерю съездами оживляющего и объединяющего характера (в последние годы 1903 и 1904 собраний миссионеров в смысле обмена между ними мыслей и суждений – не было), и тогда станет понятным, почему миссионерское дело на Алтае клонится к упадку.

И так, чем и как оживить падающее миссионерство? Вот вопрос, занимающий всех, кому дороги интересы миссионерского дела на Алтае.

Попытаемся сказать хотя бы немного в разрешение этого важного вопроса.

Прежде всего припомним, что миссия есть учреждение апостольское и, как таковое, оно требует и устройства возможно близкого к духу и заветам апостольским.

Начальства в миссии нашей в настоящее время много: епархиальный и викарный преосвященные, помощник начальника миссии, благочинный, наблюдатель, письмоводитель... Но есть ли в самом деле действительная потребность в таком многоначалии? – Едва ли. Это свидетельствует, что строй миссии принял характер бюрократический, что и есть в действительности. Если начальник миссии будет ведать одно только миссионерское дело, лично и внимательно будет входить во все нужды миссии и возможно ближе станет к служащим, то, полагаем, не будет

потребности в других второстепенных начальниках, в этих нередко вредных для дела и во всяком случае не выгодных с материальной стороны средостениях. Вообще, чем меньше начальствования, чем больше любви, братства и простоты в отношениях, чем менее рангов в общем деле, тем лучше для дела.

Поэтому, для дела достаточно, чтобы начальник миссии был и в сане архимандрита или протоиерея (по возможности с высшим образованием) и жил не в городе,⁷¹ а где-либо на стане, среди своей боевой дружины, разделяя с нею все тяжести служения.

Но говоря так мы вовсе не вооружаемся против епископства начальников миссии. Перед епископством мы благоговеем. Пусть начальник наш епископ, но пусть он будет близок к нам, живёт среди нас, с нами, за одним делом, и сносится с нами непосредственно, без посредников.

От всякого приставленного к живому делу необходимо требовать и живого сознательного отношения к этому делу. На основании этого принципа необходимо дать всем младшим членам миссии право участвовать на миссионерских собраниях с правом голоса.

На этих общих собраниях, которые удобнее созывать в весеннее или осеннее время где-либо на стане, рассматривались бы сообща всеми членами миссии, под руководством начальника, дела миссии, не исключая и денежных, и решались бы единодушно, или большинством голосов. Такая постановка дела служила бы наилучшей гарантией полной беспристрастности, внимательности и всесторонности рассмотрения и разрешения всякого вопроса, к удовлетворению и удовольствию всех и каждого заинтересованного делом; – тогда не было бы поводов к возникновению у миссионеров взаимных неудовольствий и личных счётов; – тем скорее и удобнее водворился бы среди них дух братства и любви.

Нашим миссионерам действительно необходимо встряхнуть с себя апатию и рознь, проснуться, объединиться и начать действовать дружнее. Наиважнейшее, что должны мы прежде

всего предпринять, это воскресить в среде своей дух братства и любви, этот залог её успешности, как подобает это истинным ученикам Христовым по завету Его: *«потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»*. Необходимо нам тоже усилить проповедническую деятельность свою по отношению как к крещёным, так и язычникам. Но, к сожалению, миссионеры, будучи обременяемы всё более возрастающими требоисправлениями, не могут уделять достаточно времени и трудов на усиление проповеди. Поэтому является необходимость или умножить число станов, или дать миссионерам для требоисправлений помощников – священников, хотя бы пока на вакансиях диаконских. Затем необходимо усилить проповедническую деятельность катехизаторов.

Возможно также большинство существующих станов, с значительным количеством русского населения, передать в ведение и содержание епархиального начальства, оставив на содержании миссии только отдалённые станы с чисто инородческим населением, каковы: Ининский, Чуйский и Улаганский. Взамен переданных в ведение епархиального начальства станов (которые, продолжая сохранять миссионерское значение, ради единства действий, должны находиться под руководством начальства миссии), на освободившиеся этим путём средства назначить особых участковых миссионеров, не связанных требоисправлениями и приходом, с двумя-тремя помощниками – катехизаторами. У такого, не связанного другими обязанностями миссионера с помощниками, была бы только одна обязанность: ездить и проповедовать. К заведыванию этих действительных миссионеров можно отнести район двух-трёх теперешних станов. Тогда дело проповеди пошло бы успешнее.

Свящ. **Стефан Борисов.**

Что тут делать

(Из частного письма).

Магометане – это у нас люди совсем бесконтрольные. Что хотят, то и делают; никого не спрашивают. Напр. в с. С. вполне достаточно было бы иметь одного муллу. Нет, оказывается, – по совету настоящего муллы выбрали ещё муллу для тех, кто ещё не отчислен от православия; этот будет исправлять требы между колеблющимися крещенцами и вновь отпадающими от Церкви.

В настоящее время у неотчисленных от Церкви крещенцев имеются некрещёные дети. Родители, фактически отпавшие от Церкви, не соглашаются их крестить; и осторожные муллы подсмеиваются над такими отпадшими и тоже не соглашаются вносить их в свои метрические книги. – Дети уже взрослые таким образом не числятся ни в каких метрических книгах, ни в магометанских, ни в христианских. Что же будет с ними далее? И что тут делать тем, кто должен следить за правильностью ведения книг.

З.

Издания Переводческой Комиссии при Управлении Казанского Учебного Округа

за 1906–1910 годы.

№ 1. Русские глагольные приставки и русские предлоги. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в чувашских школах. Казань 1906. Типо-литография Императорского Университета. III+133 стр. в 16 д. л. Цена 30 коп. Вес 7 лотов⁷². Напечатано 1200 экз.

№ 2. История Православной Церкви до начала разделения церквей, К. П. Победоносцева. Чувашский перевод. Казань 1906. Типолитография Императорского Университета. 207 стр. в 8 д. л. Цена 70 коп. Вес 17 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 3. Первоначальный учебник русского языка для крещёных татар. 4-ое издание, исправленное и дополненное. Казань 1907. Типо-литография н-ов М. А. Чирковой. 189+III стр. в 16 д. л. Цена 20 коп. Вес 8 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 4. Буквардян-сунг укый-торган княгя. Первая после букваря книга для чтения на крещёно-татарском языке. Казань 1907. Типография н-ов М. А. Чирковой. 91+ III стр. в 16 д. л. Цена 20 коп. Вес 5 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 5. Первая книга для чтения, на вотском языке. Казань 1907. Центральная типография. 80 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 35 коп. Вес 8 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 6. Букварь для вотских детей. Казань 1907. Центральная типография 48 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 20 к. Вес 5 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 7. Вэсь марла книга (книга для чтения), на восточном наречии черемисского языка. Казань 1907. Центральная типография. 112 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 40 коп. Вес 11 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 8. Вэсь марла книга (книга для чтения), на луговом наречии черемисского языка. Казань 1907. Центральная типография. 112 стр. в 8 д. л. с рисун. Цена 40 коп. Вес 11 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 9. Книга для чтения на чувашском языке. Выпуск I. Казань 1907. Центральная типография. 57 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 40 коп. Вес 6 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 10. Тунгалтыш марла книга (букварь и первая после букваря книга для чтения), на восточном наречии черемисского языка. Казань 1907. Центральная типография. 60 стр. в 8 д. д., с рисун. Цена 25 коп. Вес 7 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 11. Тунгалтыш марла книга (букварь и первая после букваря книга для чтения), на луговом наречии черемисского языка. Казань 1907. Центральная типография. 59 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 25 коп. Вес 7 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 12. Насыхат халерден озун аман сактау хакында. Наставление о мерах личного предохранения от холеры. Переведено с русского на киргизский язык. Казань 1908. Центральная типография. 1 стр. в 4 д. л. Цена 2 коп $\frac{1}{4}$ лота. Напечатано 3000 экз.

№ 13. Халер. тирентен. йеплс сыхланса пуранасси синтен ве- рентсе калани. Наставление о мерах личного предохранения от холеры. Переведено с русского на чувашский. Казань 1908. Центральная типография. 4 стр. в 16 д. л. Цена 2 коп. Вес $\frac{1}{4}$ лота. Напечатано 2400 экз.

№ 14. Наглядный арифметический задачник, на вотском языке. Казань 1908. Центральная типография. 68 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 25 к. Вес 6 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 15. Марла чот. Методический сборник арифметических примеров и задач, на восточном и луговом наречиях черемисского языка. Казань 1908 104 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 35 к. Вес 8 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 16. Книга для чтения, на чувашском языке. Выпуск II. Казань 1908. Центральная типография. 184 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 85 коп. Вес 15 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 17. Наглядный арифметический задачник, на чувашском языке. Казань 1908. Центральная типография. 60 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 30 коп. Вес 5 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 18. Сборник черемисских песен, записанных А. Т. Аптриевым в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905–1907 годах. Тексты. Казань 1908. Типо-литография

Императорского Университета. 30 стр. в 8 д л. Цена 20 коп. Вес 4 лота. Напечатано 600 экз.

№ 19. Букварь для киргиз. Казань 1908. Центральная типография. V+37 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 20 коп. Вес 4 лота. Напечатано 2400

№ 20. Вторая книга для чтения, на вотском языке. Казань 1908. Центральная типография. 104 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 45 коп. Вес 9 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 21. Русские предлоги и наречия в значении предлогов. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в вотских школах. Казань 1908. Типо-литография Императорского Университета. V+48 стр. в 16 д. л. Цена 15 коп. Вес 3 лота. Напечатано 1200 экз.

№ 22 Сборник черемисских песен, записанных А. Т. Аптриевым в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905–1907 годах. Русский перевод. Казань 1908. Типо-литография Императорского Университета. 22 стр. в 8 д. л. Цена 20 коп. Вес 4 лота. Напечатано 300 экз.

№ 23. Русские глагольные приставки и русские предлоги. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в киргизских школах. Казань 1908. Типо-литография Императорского Университета. V+129+IV стр. в 16 д. л. Цена 30 коп. Вес 6 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 24. Букварь для пермяцких детей. На чердынском наречии. Казань 1908. Центральная типография. 40 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 20 к. Вес 5 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 25. Вторая книга для чтения и практических упражнений, на пермяцком языке. Казань 1909. Центральная типография. 80 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 40 коп. Вес 10 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 26. Русские предлоги и наречия в значении предлогов. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в начальных школах среди восточных и луговых черемис. Казань 1909. Типо-литография Императорского Университета. 60 стр. в 16 д. л. Цена 15 коп. Вес 3 лота. Напечатано 1200 экз.

№ 27. Рассказы из русской истории, А. Ф. Смирнова, на татарском языке. Казань 1909. Центральная типография. 172 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 75 коп. Вес 13 лотов Напечатано 1200 экз.

№ 28. Русские предлоги и наречия в значении предлогов. Пособие для учителей при ведении разговорных уроков по русскому языку в татарских (мусульманских) школах. Казань 1909. Центральная типография. 56 стр. в 16 д. л. Цена 15 коп. Вес 3 лота. Напечатано 1200 экз.

№ 29. Русско-чувашский словарь. Казань 1910. Центральная типография. 640 стр. в 8 д. л. Цена 2 руб. Вес 60 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 30. Первоначальный учебник русского языка для восточных черемис. Материалы для разговорных уроков. Казань 1909. Типо-литография Императорского Университета. 258+III стр. в 16 д. л. Цена 30 коп. Вес 11 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 31. Третья книга для чтения, на татарском языке. Казань 1909. Центральная типография. 152 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 65 к. Вес 12 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 32. Четвертая книга для чтения, на татарском языке. Казань 1909. Центральная типография. 264 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 1 руб. 15 коп. Вес 20 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 33. Наглядный арифметический задачник, на татарском языке. Казань 1909. Центральная типография. 72 стр. в 8 д. л., с рисун. Цена 30 коп. Вес 6 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 34. Краткий русско-киргизский словарь. Издание 2-ое. Казань 1910. Типолитография Императорского Университета. 91+II стр. в 16 д. л. Цена 15 коп. Вес 5 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 35. Практические уроки русского языка для киргизов. Казань 1909. Типо-литография Императорского Университета. 131+X стр. в 16 д. л. Цена 20 коп. Вес 6 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 36. Первоначальный учебник русского языка для киргизов. Казань 1909. Типо-литография Императорского Университета. 149 стр. в 16 д. л. Цена 25 коп. Вес 7 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 37. Рассказы из русской истории, на чувашском языке. Казань 1909. Центральная типография. 57 стр. в 8 д. л. Цена 50 к. Вес 5 лотов. Напечатано 1200 экз.

№ 39. Кумышы марла книга (третья книга для чтения, в 4 отделах), на луговом наречии черемисского языка. Казань 1910. Центральная типография, в 8 д. л., с рисун. 141+ III стр. Цена 50 к. Вес 12 лотов. Напечатано 2400 экз.

№ 40. Первоначальный учебник русского языка для татар (мусульман). Казань 1910. Типо-литография Императорского Университета, в 16 д. л. 182+ III стр. Цена 30 коп. Вес 8 лотов. Напечатано 2400 экз.

Печатаются большие словари: чувашско-русский, татарско-русский, русско-татарский и русско-киргизский.

Условия приобретения изданий:

1) при заказах по почте или телеграфу, взамен подробного заглавия или описания заказываемого издания, достаточно указать по настоящему каталогу соответствующий № его и количество заказываемых экземпляров;

2) казённым, общественным и земским учреждениям и должностным лицам, покупающим издания на наличные деньги или выписывающим их в кредит или наложенным платежом посредством официальных бумаг, делаются уступки со стоимости изданий; с №29 – 20% и № 37 – 40%, а с остальных – по 30%.

3) показанная в п. 2-м уступка делается при продаже на наличные деньги или при выписке наложенным платежом и частным лицам;

4) бесплатно или до востребования, а также в посылках без цены и в бандеролях простых книги никому не отпускаются и не посылаются;

5) книги могут быть доставляемы заказчикам – городским на дом, а иногородним – лишь по почте, но с условием отнесения расходов по доставке книг на дом, а равно по укупорке и пересылке их по почте обязательно за счёт самих заказчиков;

6) заказы и платежи должны быть делаемы в г. Казань, непосредственно на имя Переводческой Комиссии при

Управлении Учебного Округа.

Открыта о подписка

на 1911 год

на «Сотрудник Братства свят. Гурия»

(второй год издания)

Подписная цена в год, с 1-го января, 3 руб.

Рассрочка допускается в таком виде: при самой подписке 2 руб.: 1-го июля – 1 руб.

Журнал будет, как и в первый год издания, посильно служить церковному делу и миссии среди инородцев, соприкасающихся с магометанством.

Подписчики на 1911 год, внесшие единовременно полную подписную сумму, в январе вместе с первыми №№ журнала получат в виде бесплатного приложения доклад проф. М. А. Машанова Казанскому Миссионерскому Съезду 1910 г.; **«Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам»**.

**№ 54. Сотрудник Братства св. Гурия. 14
ноября 1910 года**

Русские дети Богу не молятся

При обозрении сел и деревень нескольких епархий, мне приходилось встречать и русские, и инородческие: крещёно-татарские, чувашские и черемисские школы. – Ко всем из них, кроме самых низших, я предъявляю почти одинаковые требования и отыскиваю среди учащихся прежде всего таких, которые могли бы хоть сколько-нибудь говорить сознательно. И во многих школах дело обстоит в этом отношении прекрасно: дети с любовью говорят о святых угодниках Божиих, с чувством читают молитвы и очень толково, своими словами могут объяснить всё, что они в школе учили по Закону Божию.

Ещё недавно мне пришлось быть в одном чувашском селе, где дети своими словами, но совершенно твёрдо рассказывали, что они любят Спасителя за то, что Он научил нас молиться, а через молитву мы беседуем со всеми святыми и со святыми ангелами, которые живут на небе; значит, Иисус Христос научил нас, как мы должны жить, чтобы жить с ангелами и со всеми святыми. В другом случае дети – даже язычники – рассказали, что такое грех, как Господь «спас нас от греха», что такое смерть и от какой смерти Господь избавил нас. И всё это твёрдо, толково и отчётливо.

Кроме этого знания, хотя бы и очень небольшого по объёму, но твёрдого и сознательно усвоенного и детским умом и детским сердцем, я проверяю знание молитв и, кроме того, всегда и неизменно удостоверяюсь, молятся ли дети Богу утром и вечером. – И во многих местах сразу видно, что дети действительно не только знают молитвы для экзамена и для ревизора, но и молятся по-христиански Богу. В таких случаях дети без всякой заминки на вопрос: «как ты сегодня молился Богу», начинают читать наизусть по молитвеннику положенные молитвы.

Если же дети не приучены к молитве, то на вопрос: «ты молился сегодня Богу», отвечают: «молился», а на следующий: «как молился», отвечают красноречивым молчанием.

Или бывают и такие ответы:

- Молился...
- Какие молитвы читал?
- Вечерние...

А подобный разговор происходит, обыкновенно, в 10–12 часов утра....

Но вот что безгранично грустно: самые лучшие и твёрдые знания молитв обнаруживают всегда инородцы и более слабые – всегда и почти неизменно – русские дети. В особенности русские девочки поражают убожеством своих знаний христианских молитв и в этом отношении уступают девочкам инородкам.

Мне недавно пришлось посетить два села с одинаковым названием, но одно чувашское, другое русское. И на этих сёлах поразительно подтвердилось моё вышеприведённое наблюдение: младшие девочки чувашки прекрасно говорили, как они молятся Пресвятой Богородице, а старшие объясняли, почему и для чего нужно молиться. И рядом в другом селе русские девочки буквально ничего не ответили, а младшие ни одной молитвы даже Пресвятой Богородице не знали. На моё недоумение по этому поводу, выраженное местному батюшке, я услышал холодно-академический ответ:

– «По программе указано сначала выучить о свойствах Божиих, а потом – молитвы»... Вот что значит понимать детскую душу и иметь пастырское попечение о приходе!..

А в данном-то случае, как и во всех подобных, самое ужасное – это то, что дети не слышат дома хотя бы даже ломанных и изуродованных молитв родителей, не видят дома ничьей молитвы, не видят никого молящегося.

В русских крестьянских семьях 20–25 лет тому назад детей не нужно было учить молитвам; они знали эти молитвы, бессознательно заучивая их со слов молящейся матери или старухи – «баушки». Всякий ребёнок уже лепетал, по-своему, хотя бы и коверкая каждое слово: «Богородице, Дево, радуйся». Не знаю, как сейчас дело обстоит в Ярославской, Владимирской губ., но здесь, в Приволжье, это дело семейного воспитания детей в молитве, приучение детей к этой молитве, стоит – очень дурно; почти ничего не делается в этом направлении...

И это несомненная вина пастырей приходских. Не звучит проповедь приходского батюшки, нет нравоучения ни за литургией, ни за другим богослужением. А именно ныне, в дни великого блуждания народного, в дни, когда враг спасения человеческого сеет плевелы неверия и нечестия, — ныне и должно неумолчно греметь слово пастыря, отца и учителя и руководителя стада своего. В настоящее время по каждому небольшому поводу можно для народа говорить без конца, освещая жизнь с религиозной точки зрения. А главное: нужно приучать народ к церковности, где он её не знает, и охранять в народном быте то, что ещё напоминает о Церкви. Вот и домашнюю молитву нужно поддерживать всеми средствами в тех местах, где она ещё живая, и через школьников или иначе ввести её в жизнь, как самую необходимую для христианина его обязанность, там где о ней забыли.

Тогда и дети 8–9–10 лет не только твёрдо знали бы молитвы утренние и вечерние, но и умели бы молиться, молитвенно себя настраивать.

Епископ **Андрей**

Р. S. *Очень полезно было бы приучить христиан, по условленному в известный час звону колокола, утром и вечером всеми семьями совершать соответственные молитвы; ведь даже у иноверцев такой приблизительно порядок существует, почему же нет его у православных, — разве православие не нуждается в общем порядке в молитве?*

Из записок Алтайского миссионера

II.

Школьное дело в Алтайской миссии⁷³.

Школьное дело в миссии, носящее случайный, неопределённый характер, требует необходимых и серьёзных улучшений, при обязательном участии учителей школ в разработке вопросов об этих улучшениях. Нелегко определить, на ком лежит в настоящее время ответственность за школьное дело в миссии, – на миссионерах, или наблюдателе. Ещё Преосвященный Мефодий поставил учителей почти вне зависимости от миссионеров. Бывшим перед сим начальником миссии Епископом Макарием было предложено учителям обращаться со своими нуждами прямо к своему непосредственному руководителю – наблюдателю. Кстати, об этой должности, Высочайше утверждёнными штатами церковно-школьного ведомства, как известно, в каждом уезде положено по одному наблюдателю; у нас же, в Бийском уезде, их два: уездный – штатный и миссионерский. Об открытии особой должности последнего и. назначении на эту должность ни по епархии, ни по миссии не было сделано официального распоряжения, так что миссионерский наблюдатель, получающий 500 р. содержания, продолжает существовать на своей должности как бы частным образом.

Итак, отношения учителей и миссионеров продолжают оставаться в неопределённом состоянии, порождая немало недоразумений и столкновений между ними и вредно отражаясь на школьном деле. При таком порядке многого ожидать от школ не приходится. Думаем, что школьное дело следует поставить под полную ответственность миссионеров, которые никогда не подавали повода к отстранению их от влияния на школы; напротив, они всегда считали это дело дорогим и близким их пастырскому сердцу. Каждый из миссионеров есть наблюдатель школ своего района потому уже, что он имеет полную возможность чаще всякого другого начальства контролировать деятельность учителей, которые посему должны находиться в

полном подчинении у миссионеров. Поэтому полагаем, что в особом наблюдателе миссионерских школ нет надобности, тем более что общее руководство миссионерскими школами и надзор за ними принадлежат начальнику миссии.

Школы наши, ограничивающиеся ново-крещенскими селениями, ожидают очереди, чтобы проникнуть в среду язычников. Мы ждём учащихся из язычников к себе, а нужно пойти со школой к ним. Многие из язычников желали бы учить грамоте своих детей, но последние боятся поехать для этого в селения, да и не могут сразу свыкнуться с жизнью в избах. Поэтому походная школа, приютившаяся в какой-нибудь юрте по какой-либо населённой речке, может с пользой действовать среди язычников. Удобным для этого временем являются май и июнь месяцы, а также и осень, когда нет урожая орехов и уборка сена окончена вовремя. Нет надобности открывать для этого особые школы, а поведут это дело те же учителя школ; только им в этом случае нужно назначить особое вознаграждение.

Теперь, при совершающемся государственном обновлении, жизнь быстро пойдёт вперёд. Потребность грамотности и образования в народе возрастёт сильно. Неизбежно, зашевелятся и наши алтайцы, из среды которых даже до этого времени уже находились люди, серьёзно бравшиеся за дело образования в постройке и открытии на свой счёт школ, как например, калмыки Чокураков в Соок-ярыке и Кульджине в Кенге. Вообще школьное образование отныне и в среде язычников приобретает особенно важное значение. Отныне дельно написанная книжка на алтайском языке, западая в не загубелые ещё сердца молодёжи, едва ли не больше будет завоёвывать прозелитов из язычества, нежели проповедь словесная. — Здесь следует оговориться, что вместе с тем необходимо пересмотреть и исправить все старые переводы миссии. Вновь издаваемые необходимо писать живым и понятным языком и печатать не иначе, как с рассмотрения комиссии из хорошо знающих язык членов. Доселе изданные переводы, за редкими исключениями, рассмотрению миссионеров не подвергались.

С объявлением свободы вероисповеданий, в предотвращение могущих возникнуть отсюда нежелательных колебаний в вере тех из новокрещённых, которые ещё не вполне окрепли в истинах православия и не утвердились ещё в духе истинного христианства, настаёт и безотложная необходимость в составлении и издании соответствующих поучений в помощь членам миссии и для чтения грамотных.

Доселе миссионерскими школами преследовалась специальная цель обучения религиозно-нравственного. Теперь, идя навстречу назревающей потребности, необходимо дать им направление и общеобразовательное. С этой целью необходимо прежде всего обратить внимание на изучение инородческими детьми русского языка, на которое в школах до сих пор посвящалось мало труда и внимания. Необходимо ввести в школах как предмет преподавания уроки русского языка. Для этого нужно издать особый практический учебник русского языка для алтайцев, в чём у нас до этого времени был большой пробел.

Свящ. **Стефан Борисов.**

Источники Ислама

III глава.

(Продолжение ⁷⁴).

V. Некоторые заимствования ислама у евреев. – Если бы позволяло время, мы легко могли бы рассказать о многих повествованиях в Коране, взятых не из нашего св. Писания, а из нелепых рассказов евреев об Иосифе, Давиде, Сауле и пр.; но недостаток места не допускает этого, исключая только для некоторых из них. Вот, например, данные о «поднятом Синае», которые мы читаем в Суре 7, 170:

«Вот, когда Мы над ними поколебали гору, и она была как чёрное облако, они думали, что она падёт на них. (Мы сказали:) «Соблюдайте то, что даём Мы вам, с твёрдостью, и помните, что есть в нём: может быть, будете богобоязливы)».

Есть и ещё два других места (ст. 60 и 87) в Суре II, в том же смысле: а именно, что когда евреи отступали от принятия Торы, Господь чтобы истребовать у них её признание, потряс над ними горой Синаем. Тот же рассказ даётся одним еврейским писателем таким образом: «Я поднял гору, чтобы она была покрытием над вами в виде кровли».⁷⁵ Вряд ли надо сказать, что ничего подобного нет в Торе. Сказка эта, однако, могла вырасти (Исх. 32:19) из того факта, что, когда Моисей, вернувшись с горы Синая, увидел народ свой поклоняющимся тельцу, «он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали (закона) и разбил их под горой». Слова «под горой», просто значат, что он бросил скрижали вниз к подножию горы Синай. Вот откуда и взялось всё это дикое представление о горе, поднятой над головами их! Его можно сравнить только ещё с похожим индусским рассказом о горе, которая подобным же образом была поднята над головами народа, – что очень напоминает находящееся на ту же тему в Коране.

Имеется и ещё один–два других рассказа о Моисее в пустыне; во-первых, о том, как золотой телец вышел из огня, разведённого народом подле Синая. Коран говорит, что тогда «Самирий бросил то (что он имел) в огонь, и вылил для них

тельца, по телесному складу, – и он мычал»⁷⁶. Источник этой выдумки мы находим у одного еврейского писателя⁷⁷ в таком виде; «Телец вышел с громким мычанием, и дети Израиля видели его. Рабби-Иуда говорит, что Самаил изнутри его произвёл мычание тельца, чтобы ввести в заблуждение израильтян». Без сомнения Мухаммед в этом случае получил свои сведения от евреев; даже странно, что оказалось возможным привести его к принятию этой необоснованной сказки. Но он неправильно употребил самое имя Аль-Самирий. Это народное имя, конечно, часто встречается в Библии, и евреи смотрели на самаритян, как на своих врагов; но так как город Самария возник не ранее, как лет четыреста после Моисея, то трудно себе представить, как произошло, что имя это попало в данную историю⁷⁸. Мы отметим также, что в этом случае Коран находится в противоречии с Торой, где говорится, что то лицо, которое из боязни окружающих израильтян воздвигло литого тельца был Аарон. Другой, дважды данный в Коране⁷⁹ рассказ заключается в том, что когда израильтяне настаивали увидеть Господа, они были наказаны смертью, но потом снова возвращены к жизни; а в дополнение этого пустого рассказа говорится, что «Тора молила о помощи» (!) и таким образом добилась их воскрешения.

VI. Ещё другие предметы повествований Корана еврейского происхождения. В Коране есть известное число халдейских и сирийских слов, которые мусульмане не были в состоянии хорошо объяснить, как напр. Тора, Геенна и т. п.⁸⁰ Чтобы понять их значение, его приходится искать в языках еврейском, халдейском и сирийском, ибо это не природные арабские слова.

Дальнейшие мысли общи для евреев и мусульман:

Коран говорит о существовании семи небес и семи ворот в геенну, – которые мы тоже находим и в еврейских писаниях⁸¹. Подобные же указания о небесах и земле мы имеем и в санскритских источниках, а также из мусульманского предания; и ещё из таких рассказов в книгах последователей Зороастра, как те, что есть семь земных поясов и т. д.

В Суре 11, 9 – говорится про Бога, что престол Его был над водой; и подобным же образом еврейский Раши, в толкованиях на Бытие 1:2, говорит; «славный престол воздвигался в небесах и парил над лицом вод». Мусульмане ещё говорят, что Господь избрал некоего ангела Малика правителем над геенной. Также и евреи толкуют об князе над адом; но только мусульмане называют его Маликом, следуя за древними идолопоклонниками Палестины, почитавшими повелителя огня под именем Молоха.

В Суре 7, 44 есть упоминание о стене, или завесе, называемой Аараф (преграда) и разделяющей рай от ада, в таких словах: – «Между теми и другими будет завеса, а на преградах – люди». Так и в еврейском Мидраше, когда ставится вопрос о том, каково расстояние между небом и адом, один Рабби отвечает «стена», а другой – «четверть;» или ещё: «наши руководители говорят нам, что они так близко друг от друга, что луч один проглядывает из одного в другой». И также подобные места мы находим в Авесте и в писаниях на языке Пали, как напр., что – «расстояние всего такое, как между светом и тьмой».

В трёх местах Корана⁸² говорится, что диавол тихонько подслушивал и был прогнан камнями; и эта мысль тоже заимствована у евреев, в одной из книг которых мы находим написанным про гениев, что «они подслушивали за завесой», для того, чтобы приобрести знание о будущих вещах.

В Суре 50, 29 – мы читаем: – «Тогда Мы спросим геенну; полна ли ты? Она скажет: уже ли ещё больше этого есть? ». Точно также у одного еврейского автора: – «Князь ада скажет, день за днём; «дай мне пищи, чтобы я был полон».

В Сурах 11, 42 и 23, 27 говорится о потопе, – что «пещь, вскипевши, прольёт из себя воду»; и в одном еврейском произведении имеется следующее: «Люди потопы были наказаны кипящей водой».

Эти сходства интересны потому, что они указывают близкое соотношение между Кораном и примечаниями еврейских книг.

О. Е.

Господам миссионерам

*(Открытое письмо)*⁸³.

Почему вам, отцам миссионерам, все – чувашаи, черемисы, татары, мордва, японцы, корейцы, китайцы и все наконец наши сектанты неизмеримо дороже нас, простых русских православных христиан? Неужели за то, что они, будучи неправославными, гораздо лучше, честнее, нравственнее нас, – что с ними вам легче и приятнее иметь дело?

Видя их сравнительно хорошую с русскими жизнь, вы окончательно хотите дать им перевес над нами, неся им свет православного учения, способствуя их культурности и зажиточности. Неужели они, какой бы они веры ни держались, не могут подождать ещё вашего просвещающего слова, как ждали до сих пор, не падая нравственно, многие годы?

Нет, они могут ждать, но мы русские ждать больше не можем. Они, хотя и неправославные, но здоровы, потому что, хоть и по-своему, а всё-таки веруют в Бога. Мы же, хотя и православные, но заразились неверием; болезнь наша растёт, а на помощь к нам никто не приходит.

Когда какой-нибудь русский переходит в магометанство, но начинает вести трезвую, честную жизнь, вы бьёте тревогу; а когда русский вовсе теряет веру, что несравненно хуже, чем переход в какую угодно религию и, падая постепенно, делается вором, развратником, святотатцем, убийцей и в конце концов предаётся казни, об этом перестали уж и сожалеть.

Вы не думаете о том, что, если бы своевременно не дали ему христиане потерять веру в Бога, он не дошёл бы до преступления и не был бы казнён. И сколько пролилось русской крови за эти годы лишь потому, что мы так мало и плохо верим!

Вас, миссионеров, не тревожит ни наше возрастающее неверие, ни наша повышающаяся с каждым годом преступность, как результат неверия. Вас не трогают наш духовный голод и жажда правды, заставляющие нас с жадностью бросаться к каждому сектанту и иноверцу, заговорившему с нами о Боге и нашем спасении не по

приказанию начальства, не казённо, но искренне, с вдохновением?!... С вас довольно знать, что по метрикам мы православные. Заботу об остальном, по отношению к нам, вы всецело возлагаете на светское начальство, которое страхом тяжких наказаний удерживает православных уже от слишком больших преступлений, или надеетесь на полицию, которая не попустит совращать нас каким-нибудь пропагандистам иноверных или еретических учений?

Нет у вас, г.г. миссионеры, сердца внимательного к душе своего русского народа и потому его душа далека от вас. И народ наш уже не имеет к своему духовенству прежнего доверия; он видит в нём не посланников Божиих, а казённых людей, по-казённому служащих и Богу и людям. Потому то народ и имеет столько необъяснимого доверия к проповеди всякого иноверца и сектанта. От вас, г.г. миссионеры, народ уже перестал ждать чего-нибудь... – для своей души, слишком долго ждал он... и не дождался. Не веря больше в вас, начал он отыскивать себе учителей жизни у себя, в среде своих, в людях, не принадлежащих к духовенству, хотя и не ушедших ещё из Православной Церкви. Этот факт знаменательный! Он открывает нам перспективы или будущего обновления и возрождения Православной Церкви, или великих религиозных движений, миссионерами не предусмотренных.

Русский народ, потеряв веру в духовенство, надеется спастись, хотя ещё и в Церкви, но помимо духовенства, раз оно само забыло о его духовных потребностях! И вот братцы Иванушки и отцы Петры предвосхищают апостольскую деятельность. И можно ли удивляться, что наш бедный, изболевший и изголодавшийся духовно народ стекается к ним, несёт им открытую, жаждущую спасения душу. Разумеется, гражданская власть может спрятать от народа и этих немногих утешителей русского народа, но заменить их она никем не сможет. Чем более будет расти неверие и преступность в нашем народе, тем более возрастет в нём и жажда веры и спасения, и чтобы утолить эту жажду найдутся люди, которые не побоятся ни тюрьмы, ни преследований. Возрождение Православной Церкви начнётся, очевидно, не сверху, а снизу... Мы все ждём

Собора епископов, спорим, каков он должен быть, а народ, душа народная не ждёт, и обновят Церковь простые, тёмные, но верующие люди, вышедшие из недр народа, молящиеся с народом и его понимающие.

И вы, отцы миссионеры, единственная свободная, несвязанная, духовная сила России, по призванию врачи душ наших, не замечаете таких глубоких переживаний души народной, не всматриваетесь в грядущее... Вам некогда! Надо спасать черемисов, камчадалов, карелов, – на это вы получаете стипендии, субсидии, собираете средства... На то вы собираете ваши мёртвые миссионерские съезды и не видите, что самый-то русский народ вовсе уходит от вас, а когда вы, просветив всех инородцев, вернётесь к своему народу, пожалуй будет поздно... Вы будете ему чужие; религиозная жизнь русского народа проложит себе новое русло, миновав вас.

Не вы его поведёте! Если вы оставили его в трудную годину его духовной жизни, то и он без вас встанет сам. И поведут, его ко Христу свои мученики, апостолы, святые!

Скорбящий.

О предполагаемом издании библии на чувашском языке

В течении 50-летней работы Комиссии по переводам на чувашский язык изданы – евангелие от Матфея, затем последовательно – четвероевангелие, псалтирь, книга Иисуса сына Сирахова, Руфь, книги Маккавейские, Паримии из Ветхого и Нового Завета. В этой кропотливой работе в течении многих лет участвовали – член Комиссии И. Я. Яковлев, свящ. Д. Ф. Филимонов, П. В. Васильев. А. В. Рекеев, А. П. Петров, М. П. Петров, учитель Ф. Д. Данилов и многие другие. Много труда было положено на это дело учителями и учениками Симбирской чувашской учительской школы. Редактирование поименованных переводов происходило при участии некоторых профессоров Казанской Академии.

Ныне уже имеется перевод всей Библии на чувашский язык, завершивший собой многолетний коллективный труд. К сожалению, Православное Миссионерское Общество не имеет на издание этого колоссального труда необходимых 10 тысяч рублей.

Не касаясь вопроса о важности Библии на чувашском языке для христианского просвещения миллионной чувашской народности, как ясного и самого по себе, мы рассмотрим дело со стороны материальной.

Как мы слышали, Британское Библейское Общество готово принять на себя расходы по изданию Библии на чувашском языке.

Если этот слух сбудется, мы в праве горько посетовать. Дело в том, что если это издание будет предпринято Британским Обществом, то из Библии будут предварительно вычеркнуты книги неканонического характера, что внесёт большой соблазн в среду тех чуваш, которые узнают, что Библия у них не такая, как у всех православных, а урезанная.

Потом, английское вмешательство в дело русско-православного просвещения в высшей степени не желательно по мотивам патриотического свойства. Не дай Бог, если в среде

чуваши появится фраза: «по милости Англичан мы имеем Библию на своём языке». Это громадный ущерб для русского дела в среде чуваш.

От всей души желаем, чтобы предполагаемое издание Библии на чувашском языке было делом исключительно русским. Пусть на издании этого громадного труда значится: «издание Православного Миссионерского Общества», или: «издание Православного Миссионерского Общества на средства, пожертвованные таким-то» (титул имя, отчество и фамилия).

Тогда чувашин будет с благоговейной благодарностью вспоминать имя незабвенного издателя и ещё глубже проникнется сознанием единства его с русским народом.

Повторяю, что издание Библии на чувашском языке на русские деньги вдвойне будет благоприятно как для христианско-православного, так и для русско-патриотического воспитания чувашской народности.

Русский.

Пермский миссионерский съезд

С 16-го по 27-е сентября в г. Перми был деловой съезд специалистов миссионеров. Такого съезда в Перми давно уже не было. А между тем нужда в нём, особенно за последнее время, чувствовалась громадная. Пермскую епархию прямо наводнили новейшие старообрядческие произведения. Старообрядцы, охотно покупая все книги Коновалова, Агапова и других своих начётчиков, почувствовали себя бодрее и смелее стали пропагандировать свой раскол. Необходимо было серьёзно разобраться в новейшей литературе старообрядцев – прежде всего самим миссионерам, а потом уже этот разбор пустить и в народ. Ещё задолго до съезда епархиальный миссионер предложил всем своим помощникам избрать тему и написать на съезд доклад, в котором бы разбиралось то или другое новейшее произведение старообрядцев. Миссионеры серьёзно отнеслись к предложению г. Куляшева и представили на съезд 15 обстоятельных докладов.

Открывается съезд.

Председательствует преосвященнейший Палладий, епископ Пермский, членами съезда являются все миссионеры епархии, их сотрудники и миссионеры-пастыри; всего членов съезда 20 человек; Заниматься на съезде пришлось усиленно; материал, представленный на съезд был громадных размеров; чтобы переработать его требовалось много труда и усилий. Дело на съезде велось таким образом. Читался доклад. Главное, существенное из доклада члены съезда должны были записывать. После чтения члены съезда делали свои добавления: или приводили новые по рассматриваемому предмету доказательства, или знакомили с теми возражениями какие приходится слышать на беседах. Таким путём достигалась и главная цель съезда – взаимный обмен познаниями, выработка общих приёмов при ведении полемических бесед и разбор новейших произведений старообрядческих начётчиков. Кроме вопросов полемических на съезде решались вопросы и другие, именно о том, как привлечь

к миссии духовенство епархии,⁸⁴ какими мерами на должную высоту поднять церковную дисциплину, как привлечь к миссии народные сипы, монастыри, какие меры и средства нужны для поднятия церковного чтения и пения.

Дружно и гладко шла на съезде работа; усердно, с редкой энергией занимались члены съезда. И нельзя было так не работать, когда сам преосвященнейший председатель уделял съезду так много времени и внимания, когда сам архипастырь так много трудился для съезда. Его сердечное отношение к съезду, его активное участие в нём вдохновляли и одушевляли и членов съезда. Под таким мудрым руководством съезд быстро справился с той трудной задачей, которая стояла перед ним и 27 сентября, был торжественно закрыт.

Участник.

**№ 55. Сотрудник Братства св. Гурия. 21
ноября 1910 года**

От редактора

Печатая ниже статью С. Макаровского (псевдоним), мы приносим ему благодарность за его миссионерские советы очень ценные. Благодарим его и за исправление ошибки Ек. Боровицкой о составе Синерского прихода. Предположение автора этой поправки относительно возможности *заметного* улучшения в Синерском приходе за 14 лет его отсутствия – к сожалению не оправдывается жизнью. В 1908 году при проезде через д. Кня я это мог испытать на себе: вся деревня поголовно от меня заперлась. Вышли на «архиерейскую встречу» лишь староста и полицейский десятский, которые мне и вынесли, с выражением лица приговорённых к смерти – только – *пустой стол*. В д. Мултане, где была Боровицкая, меня встретили только дети школьники, причём почти никто не умел принять благословения. И Синерский приход, конечно, большое место Казанской миссии.

Замечательно, что эти несколько строк Боровицкой вызвали на страницах «Казанского Телеграфа» по моему адресу целое наставление, – разумеется, анонимное. Хитрый автор, чтобы скрыть своё авторство этой дурного тона статьи, пометил её: «Малмыж» и с подписью «Очевидец». Напрасно, – г. знакомый «Очевидец» из Казани! О деле миссии нужно говорить, по крайней мере, без злорадства, без потирания рук от удовольствия при виде чужих ошибок. И особенно нужно быть хотя бы настолько нравственно чутким, чтобы не издеваться над человеком, который отдал святой Церкви свою жизнь, как Боровицкая и ещё четыре-пять человек, служащих св. Церкви в Казанской епархии без всякой награды, не говоря уже о вознаграждении. Да, г. «Очевидец», вам то нужно бы знать, что такое христианская любовь, если уж вам не знакомо служение Церкви «за совесть».

Епископ **Андрей**.

Воспоминания о Синерском приходе

Прочитав заметку г-жи Боровицкой «О состоянии Синерского прихода, Мамадышского уезда, Казан, губ.» (жур. «Сотрудник» № 45 сего года), я вспомнил своё 8-летнее учительство в Кнегорском земском языческом училище (ныне) Синерского прихода и своё миссионерское там служение.

В один из дождливых сентябрьских вечеров 1888 года, накануне моего выезда из Каз. Учит. Семинарии в Кнегорское училище, Н. И. Ильминский, снабжая меня, молодого и неопытного в миссионерстве человека, разными советами и миссионерскими приёмами, раза два повторял; «прощу тебя, никогда не укоряй, не обличай в идолопоклонстве этих грубых в религии, но нравственно не испорченных черемис. Укорами и обличениями никогда не заслужишь у них расположения и любви, а только оттолкнёшь их от себя. Твоё дело говорить им одну истину Христову, противопоставляя превосходность её мухаммеданству и язычеству. А главное следи, чтобы они не женились на магометанках. Если один подобный случай есть в селении – всё пропало, все твои черемисы будут невозвратными магометанами. Знай, язычество не так опасно и не так трудно с ним бороться, как с магометанством».

* * *

Напутствованный такими советами, приехал я в Кнегоры около 15 сентября. О, ужас, к великому моему удивлению, вместо ожидаемых мною своих соплеменников – черемис, вижу вокруг себя татар. Все мои черемисы внешне отатарились. Мужчины и женщины носят татарские рубашки и бишметы; от татар можно отличить их только тем, что мужчины без тюбетейки, а женщины без покрывала и без крашенных зубов. Даже имена их оказались чисто татарскими: Муса, Шакир, Фатима... О своём учительском труде не буду говорить, а скажу лишь несколько слов о миссионерстве вне школьных стен. В первое время о миссионерстве нечего было и говорить. Смотрели на меня с недоверием и презрением и даже от разговоров со мной отстранялись. Памятна первая моя

миссионерская попытка. В первый же год службы, я как-то раз, с целью узнать религиозные обряды язычников, зашёл в один дом на поминки. По окончании обряда поминовения, стал я говорить им о загробной жизни. Сначала, по-видимому, слушали меня, а когда коснулась речь об участи не верующих во Христа, то один из слушателей, подойдя ко мне поближе, спросил меня – откуда я приехал и, получив ответ, сказал своим: «Эх, я думал он с того света пришёл, что так уверенно говорит, а оказывается он там и не бывал. Не верьте ему, он в Иисусову веру хочет нас обратить. Наши татары рай ещё лучше описывают, да и к ним не идём». На это сколько я ни старался доказать, что для знания о будущей жизни не нужно бывать там, моя беседа только раздражала их. После этой неудачной попытки, старался я как можно ближе сойтись с ними, тщательно изучить мировоззрение их, или так сказать, самому переселиться в их духовный мир, а также прислушиваться к татарской пропаганде, в какой степени развита она в их среде.

Впоследствии, всесторонне изучив их внутреннюю и внешнюю жизнь, и несколько познакомившись из разных брошюр с мухаммеданством, я говорил более доступно для слушателей, и проповедь моя о слове Божиим всеми слушалась уже без возражений. К концу же моей Кнегорской жизни черемисы-язычники, особенно женский пол и дети, изредка стали посещать Синерский храм (выстроенный по моей инициативе в 1892–1893 годах на средства Петергофского купца Г.), где с церковной кафедры говорил я проповедь на черемисском языке, а ученики кое-что пели на клиросе. Были и единичные крещения черемис.

* * *

Черемисы Синерского прихода (Мултань, Большая и Нижняя Кни и Кнегоры) находятся под сильным влиянием татар. Они прекрасно знают религиозные обряды магометан, владеют татарским языком, как своим, но от перехода в магометанство удерживает их только язычество. Если они сознают ложность язычества, или не будут удовлетворяться в своём религиозном чувстве, – ранее проникновения в их сердца света Христова, то они очень легко могут принять магометанство. Поэтому здесь

проповедь Евангелия должна быть очень умелая, должна вестись умелыми и опытными проповедниками, знающими не только мировоззрение и язык этих черемис, но и магометанское терние, посеянное в сердца их.

Налётные миссионеры, не владея упомянутыми данными, не столько принесут пользы миссионерскому делу, сколько могут осложнить его ход.

* * *

В заметке г-жи Боровицкой есть явная ошибка: в Синерском приходе ни одного вотяка нет – одни черемисы и русские, по крайней мере лет 14 тому назад там вотяков не было.

В данной местности проповедь слова Божия должна быть на родном языке. Беседы по селениям должны сопровождаться пением молитв, службой всенощного бдения в школах, а летом на открытом месте, молебным пением на хлебных полях. Миссионеры укореняя христианские понятия в черемисах, должны стараться истребить в умах их, не столь языческий, сколь магометанский взгляд на веру.

* * *

В минувшем сентябре месяце, на палубе Кашинского парохода, заинтересовал меня очень оживлённый разговор кучи татар-магометан. Уловив из разговора фразу «кафр пут, амаз тутми», я присел неподалёку от них на скамейку и стал прислушиваться к разговору их. Разговаривали о бывшем священнике Громе и о других единичных случаях перехода в магометанство. Разговор их прекратился сетованием одного из них, по-видимому, знатока миссии среди инородцев, что ныне крещёных татар очень трудно совращать в магометанство, так как они, изучая закон Христовой веры на родном языке, прекрасно защищаются от магометанских пропагандистов. И черемисы означенных селений Синерского прихода, слушая проповедь Евангелия и богослужение на своём языке, постепенно будут отталкиваться от магометанского влияния и усвоять истину Христову.

* * *

Кончая свои воспоминания о Кнегорско-Книнских черемисах и мнение относительно местной миссии, не хотелось последнее

никому навязывать и считать его авторитетом, так как в продолжении 14 лет, как я уехал из Кнегор, может быть, положение для миссионерства изменилось к лучшему. И дай Бог.

С. Макаровский.

Герои веры (христианской)

Под таким заглавием в сентябрьской книге Сообщений Палестинского Общества явилась статья Архимандрита Ионы. В этой статье автор передаёт кратко историю страдальцев от турок христиан ставриотов и спафиотов⁸⁵, а кстати говорит и об общем современном положении христиан в Турции.

Особенно трогательна история ставриотов. Со времени завоевания Трапезунта Магометом II до 1600 года христиане анатолийского побережья Чёрного моря жили в мире со своими завоевателями. Но потом турки стали мучить христиан. Многие из них ушли в горы. Но и там их преследовали турки. Тогда жители Ставра решились наружно принять магометанство, оставаясь тайно христианами. И несмотря на все притеснения ставриоты во множестве остаются доселе христианами. Теперь их насчитывают до 30,000 человек, которые все говорят по-гречески, причём женщины не говорят по-турецки. Воспользовавшись свободами конституции турецкой, ставриоты объявили себя христианами, но из этого ничего не вышло, кроме их новых мучений, ибо конституционное право ещё не вошло в нравы турецких властей, а – фанатизм турок остаётся прежний. Посему, как ставриотам, так и спафиотам остаётся держаться христианства втайне.

Однако, о. Иона надеется, что фанатизм турецкий скоро рушится и тогда многие тысячи христиан объявятся. Он, между прочим, передаёт, что в Константинополе нередки случаи, когда греческих священников зовут служить в потаённые места, закрывая священникам глаза, чтобы они не могли знать и указать потаённых христиан. Сообщает он ещё и о том, что на так называемых младотурков надежда плохая, ибо они заражены масонством, которое не лучше, а хуже самого истового ислама.

Итак, с одной стороны, будто блещут надежды на светлое будущее тайных христиан и героев веры истинной, а с другой стороны, они заволакиваются современными туманами,

которые только Солнце Правды может разогнать и вывести Своих героев на свет Божий.

А. Н.

Источники Ислама

III глава.

(Окончание ⁸⁶).

VII. Религиозные обычаи ислама, взятые от евреев. Мы видели, что соблюдение поста Рамазан заимствовано у сабеян, а не у евреев; однако одно обстоятельство несомненно происходит от последних, а именно касающееся еды и питья в ночь, в течение этого месяца. Мы читаем в Суре 2, 183:

«Ешьте, пейте дотолё, покуда вам нельзя будет различить белую нить от чёрной нити. От зари же и до ночи исполняйте пост».

И в одной еврейской книге (Мишна Берахот) мы находим, изложенным аналогичным образом, что «начало дня есть то время, когда только и можно отличить синюю нить от белой нити» – здесь наблюдается поразительное совпадение.

Затем, мусульмане всех стран, в назначенное для их пяти молений время, где бы им тогда не случилось быть, безразлично в доме ли, или на улице, совершают свои молитвы на этом самом месте, – особенно там, где проходят люди. Это странное обыкновение исключительно присущее им и не было бы благопристойным ни в какой другой религии. Но во дни Мухаммеда в Аравии были евреи, которые держались такого обычая, так как многие из них происходили от фарисеев, о которых наш Спаситель говорил, что они: «любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми» (Мф. 6:5). На этом основании и вследствие взгляда на евреев, как на людей Писания и Детей праотца Авраама, приверженцы Магомета смотрели и на такие их обыкновения, как происшедшие от Авраама и потому приняли их и продолжают и до настоящего дня, – как мы видели, совершенно неизменными, хотя они более и не соблюдаются самими евреями.

Не кажется ли странным читателю, что хотя Коран повторно обозначает наше св. Писание как Слово Божие, из него взята всего одна цитата: Сура 21, 105. «После Закона в Псалтире Мы

написали, что землю примут в наследие праведные рабы Мои»; это очевидная ссылка на Псалом 36:11 – «а кроткие наследуют землю»...

Всякий мусульманин думает, что Коран был на небесной скрижали (Ляух) до сотворения мира, как отмечено в одном месте Корана (Сура 85, 21. 22), которое мы уже приводили: – «Это учение есть славный Коран на хранимой скрижали». И вот, прежде чем сказать что-либо об этой скрижали, можно спросить, существовала ли уже на свете книга Псалмов до Корана, или нет? Мы привели выше стих, в котором дано откровение о наследии, даруемом Господом рабам Его, упомянутое в Псалмах до того, как было получено откровение Корана. Коран даёт цитату из Псалмов: не ясно ли поэтому, что Псалмы были до Корана? Как же мог Коран, так поздно появившийся на свет, быть помещён на хранимой скрижали до сотворения мира?

Посмотрим же теперь, что нам сообщает предание об этой скрижали:

Говорят, что престол сделан из единой жемчужины, как и хранимая скрижаль, высота которой 700 лет пути, ширина же 300. Кругом она разукрашена рубинами. Бог повелел, чтобы на ней было написано то, что Он совершил при сотворении мира и далее до дня судного: – «Во имя Бога, милостивого, милосердного: Я Господь и нет другого, кроме Меня. Того, кто принимает Мои повеления, терпеливо несёт Мои наказания и благодарит за Мои милости, Я напишу и поставлю с праведными: а тот, кто не принимает Моих повелений, да изыдет он из-под небес Моих», и т. д.⁸⁷

Источник этого рассказа может быть найден в еврейских книгах, но мусульманами он значительно преувеличен. Мы находим в Торе, что, когда Бог захотел вручить Свои 10 Заповедей, Он обратился следующим образом к Моисею, который сам дал описание этого во Второзаконии (Втор. 10:1–5).

«В то время сказал мне Господь; вытеши себе две скрижали каменные, подобные первым, и взойди ко Мне на гору, и сделай себе деревянный ковчег: и Я напишу на скрижалях те слова, которые были на прежних скрижалях, которые ты разбил; и положи их в ковчег. И сделал я ковчег из дерева ситтим⁸⁸, и

вытесал две каменные скрижали, как прежние и пошёл на гору; и две сии скрижали были в руках моих. И написал Он на скрижалях, как написано было прежде, те десять слов, которые изрёк вам Господь на горе из среды огня в день собрания, и отдал их Господь мне. И обратился я, и сошёл с горы, и положил скрижали в ковчег, который я сделал, чтоб они там были, как повелел мне Господь».

Также и в других местах Писания говорится, что обе скрижали: хранились в ковчеге завета, сделанном Моисеем по повелению Божию⁸⁹. Но с течением времени евреи вообразили, что все книги Ветхого Завета и даже и самый Талмуд были вложены в ковчег на скрижалях. Услышав это о еврейском законе и писаниях, Магомет вообразил тоже самое и о своих собственных и сказал (как мы уже видели выше), что и Коран был записан на хранимой скрижали: а его последователи, не понимая о какой небесной скрижали он говорил, раздули всё это в тот рассказ, который передан нами.

Последующее принадлежит одному еврейскому писателю Рабби Симеону.

«Что это такое, что написано, что сказал Господь Моисею «взойди ко Мне на гору и будь там и дам тебе скрижали каменные и закон, и заповеди, которые Я написал для научения их? (Исход 24:12). Скрижали – это десять заповедей: это Тора – закон, который читается; и заповеди тоже обозначают Мишну; и «то, что Я написал» означает пророков и священные писания: и «для научения их» – указывает на Гемару⁹⁰. А отсюда мы узнаем, что все они были вручены Моисею на горе Синай».

Никакой образованный мусульманин не поверил бы и одной минуты всей этой глупой истории, зная, что Мишна была написана не ранее, как около 220 года христианского летосчисления; Гемара Иерусалима в 430 году: а Гемара Вавилона около 530 года. Но невежественные мусульмане, поверив всему этому, причислили к прочему и свой собственный Коран, откуда и произошла вся эта несчастная выдумка. Можно добавить, что и сами евреи считают свои скрижали происшедшими вне всякого времени и говорят, что они были

созданы «при сотворении мира, при закате солнца до шаббата»⁹¹.

Гора Каф. Источник мусульманских рассказов об этой горе очевидно проистекает от евреев. Вот как гласит мусульманское предание:⁹²

Бог Всемогущий образовал великую гору из зелёного хризолита, – отсюда зеленоватость неба – и она называется гора Каф; ею окружил всю землю, и вот чем клялся Всемогущий и назвал её Каф (см. Сура 50, 1). И далее:

Однажды Абдаллах вопрошал Пророка о том, что образовало высшую точку земли. – «Гора Каф», сказал он. «А из чего же сделана гора Каф? » – «Из зелёного изумруда, последовал ответ; – и вот отсюда зеленоватость неба». – «Ты сказал истину, о Пророк; а какова же высота горы Каф»? «Путь в пятьсот лет». – «А какова даль её окружности? » «Двух-тысячелетний путь».

Все эти своеобразные измышления основаны на еврейском писании, именуемом Хагига, где мы встречаемся со следующим толкованием на слово «тогу» в Быт. 1:2; «тогу есть зелёная черта (Кав или Каф), которая окружает весь мир, и отсюда происходит тьма». И вот приближённые Мухаммеда, услышав это объяснение слова Кав, и не понимая его значения, вообразили, что это должна быть гора, или цепь гор, окружающая мир и затемняющая его.

Из всего, что было сказано, читателю должно быть ясно, что еврейские писания и особенно фантастичные рассказы Талмуда образовали один из главных источников ислама. Далее мы должны обратить своё внимание на однородное влияние на ислам, произведённое религией христианской и в особенности теми пустыми рассказами, которые через свои измышлённые и нагромождённые сказки, во времена Мухаммеда, распространяли еретические секты.

О. Е.

Из записок Алтайского миссионера

III⁹³.

Три назревшие реформы.

I. Все миссионерские церкви очень бедны средствами. Некоторые из них, как например, Созоповская, не могут справиться даже со своими нуждами. Между тем все они обложены 25% сбором: Улапинская и Мыютинская церкви в пользу духовно-учебных заведений епархии, а остальные на усиление средств содержания школ миссии.

Но при этом много местных нужд по станам остаётся неудовлетворёнными. Например, во всех станах миссии общая нужда, на удовлетворение которой специальных средств от миссии не полагается, а именно – отсутствие в станах библиотек, или крайняя скудость имеющихся. Члены миссии, в особенности низшие, по своей бедности не в состоянии приобретать материалов для чтения и саморазвития, а потребность чтения возрастает также и в прихожанах. Итак, было бы более целесообразным не брать с миссионерских церквей средств с тем, чтобы последние шли на удовлетворение местных нужд, так, например, на образование библиотек при церквях, как того безотложно требует возрастание духовных и умственных запросов причта и прихожан. Затем, если есть где излишек средств, он может быть употреблён на помощь бедным или на устройство новых школ. Остающиеся свободными миссионерские средства всегда могут быть с пользой употреблены, в том или другом месте. Не следовало бы обременять миссионерские церкви также разными частными сборами, – подписными и сборными листами, значения которых новокрещённые ещё не понимают. Вообще, миссионерские церкви, пока они ещё остаются в заведывании миссии, должны быть освобождены от всяких поборов на посторонние нужды, тем более, что вследствие бедности и малого сознания прихожанами своей обязанности содержать церковь и исправлять школьные здания и причтовые помещения, эти нужды приходится покрывать из церковных

средств. На таком именно основании консистория освободила от подобных сборов церковь Черно-Ануйскую, а по примеру последней и прочие церкви должны быть освобождены от взносов на епархиальные нужды.

II. Хотелось бы здесь сказать несколько слов и о деятельности, – насколько трудной, настолько же и полезной для миссии. Деятельность эта – *врачебная*. Хотя, по существу, вечное неизмеримо важнее временного и духовное вещественного, но таково могущество вещества, окружающего и заполняющего всюду наше временное существование, что первейшей потребностью каждого из нас является удовлетворение нужд временных, телесных. Поэтому, врачевание, от телесных болезней по необходимости должно быть близко тому, кто занят врачеванием духовным.

Человек, которому чувство человеколюбия и сострадания чуждо, никогда, наверное, не согласится быть миссионером. И тот, кто сделался таковым, кто в своём служении руководится чувством сострадания к погибающим душой для вечной жизни, таковому в равной степени свойственно сострадать и страждущим во временной жизни, телесно, и стремиться помочь им.

Поэтому, некоторые из миссионеров по необходимости занимаются лечением болезней простыми домашними средствами, или по лечебникам. Но дело это в руках тех, в чьих оно должно бы быть необходимейшим и могущественнейшим пособием в деле завоевания сердец человеческих, развито плохо и ещё первобытно.

Занимающиеся из нас лечением, не получив специального медицинского образования, бродят как в потёмках – на ощупь, по лечебникам. Только многолетняя практика даёт возможность более или менее свободно и с пользой оказывать эту помощь. Между тем, если бы врачебное дело в миссии было организовано должным образом, если бы хотя теперь дали нам возможность теоретически и практически ознакомиться в пределах возможности с этой отраслью, то куда бы плодотворнее было наше служение! Но как помочь миссионерам ознакомиться с медициной? Вопрос этот

насколько важный, настолько же и трудный. Попробуем указать кажушиеся нам целесообразными способы решения его. Если бы у нас был *свой миссионерский доктор*, то он, объезжая станы и подавая помощь местным больным инородцам, давал бы советы и указания членам миссии и тем постепенно расширял бы круг их познаний и практики в этой области. Члены миссии, по желанию, могли бы приезжать на месяц на два, куда-нибудь во врачебный пункт, например в Бийск и здесь, при больницах, наглядно и практически ознакамливались бы с тем, что теоретически узнавали бы из Книг по указаниям доктора.

На съезде о.о. миссионеров юго-западного Алтая, созванном Преосвященным начальником миссии, по настоянию автора настоящих записок, для обсуждения мер к ограждению новокрещённых, от увлечения идеей напряжённого ожидания калмыками легендарного царя – Ойрота и движения их в сторону ламаизма, было, между прочим, постановлено, по предложению того же автора, просить начальство миссии учредить медицинские курсы, для ознакомления членов миссии с медициной. Но увы, это заявление миссионеров осталось без последствий, хотя это и есть, сознание самими миссионерами и ими испрашиваемое, удовлетворение одной из насущнейших нужд миссионерского дела.

Наилучший способ решения вопроса мы хотели бы видеть во введении в курс катехизаторского училища преподавания медицины в объёме курса фельдшерских школ, хотя бы с некоторыми сокращениями объёма или количества других предметов. Но нельзя этого сделать без радикальной реформы катехизаторского училища, несоответствие которого его задачам сознаётся всеми в миссии, и высшими, и низшими. Есть и ещё повод в необходимости серьезнее заняться медициной членам миссии. Язычники, вследствие последнего движения (речь идёт о так называемом Чет-Чолпановском религиозном движении в среде алтайских калмыков с 1904 г.), поотставши от камлания, начали, по-видимому, понимать пользу лечения. Это видно из того, что к нам приезжали калмыки лечиться издалека.

В заключение коснёмся насущнейшей меры помощи тем из миссионеров, которые, приобретя навык, с пользой занимаются

лечением, но испытывают большие затруднения в приготовлении более или менее сильнодействующих и сложных лекарств. Помощь эта – учреждение при центральном стане аптеки, которая по требованию миссионеров снабжала бы их готовыми медикаментами. Большую бы пользу принесла эта мера в развитии в руках миссионеров вспомогательного орудия проповеди, лечения больных.

III. В настоящее время трудности пастырского служения усугубляются «тяжкой повинностью века», (эта фраза принадлежит покойному блаженной памяти Высркопреосв. Владимиру, архиепископу Казанскому, первому епископу-начальнику Алтайской миссии), вести массу делопроизводства бумажного, формального, официального, – в составлении отчётов, писании и ведении различного рода метрических, исповедных, обыскных книг, журналов, ведомостей, таблиц, списков, путевых и не путевых журналов, исходящих, входящих, разных срочных и бессрочных сведений и представлений. Словом – шагни шаг и пиши... Иной раз столько накапливается этой пустой работы, что поневоле и с сердечной болью оставляешь и запускаешь живое дело, чтобы сидеть, не разгибая спины, над бумагами и убивать дорогое время. Но прискорбнее всего то, что бумажная деловитость в делах человеческих возымела такую силу, что имеет вредное отражение даже на самых понятиях людей о долге и даже на совести их... Так, например, исполнить какую-либо бумажную работу, отчётность, и представить её во время считается нередко такой высокой доблестью, что одна аккуратность в этом отношении ставится в образец и пример для подражания, поощряется и награждается... Напротив, нередко, тот, кто трудится в слове и учении, искренно и до самозабвения предан делу служения, но в увлечении этой живой работой имеет несчастье забывать и запускать бумажную сторону дела, – тот считается в числе худших, неисправных. Наконец есть люди, которые, исполнив своё дело на бумаге, в отчёте, этим удовлетворяются, успокаиваются, считая это чуть ли не сущностью дела, хотя бы в действительности дела их обстояли и не так благополучно... Всё это неестественно, всё это

прискорбно, всё это требует того, чтобы дело не было приносимо в жертву безделью, живое – мёртвому, дух – букве, содержимое – форме, золото – мишуре. Опасность от этих бумажных кип для нас пастырей, служителей живого дела, кроме потери на них дорогого времени, заключается ещё в том, что ими может быть затемнена или скрыта искра Божия, как в нас самих, так и в других, искра, – которую мы, возгревая в себе, призваны зажечь и в других.

И это говорится не в отвержение бумажного делопроизводства, без которого обойтись нельзя, но в защиту живой пастырской работы от мертвящего формализма и бумажного столпотворения и его пустого шума, и звона...

В деятельности духовенства канцелярщина и формализм развились в высшей степени. Не отстаёт в этом отношении и миссия. У нас, в Алтайской миссии, в прежнее время старались всячески оградить миссию от влияния консистории и её бумажного перепроизводства. Так, например, известно, что Преосвященный Тобольский Афанасий запретил своей консистории непосредственно сноситься с основателем Алтайской миссии архимандритом Макарием. Канцелярская работа в миссии при первых начальниках велась только в центральном стане, – для того, чтобы миссионеры могли беспрепятственнее отдаваться делам своего служения.

В настоящее время совсем не то. Нас как бы спешат окунуть во все подробности, во все частности и тонкости бумажного делоразведения.

О всяком пустяке нужно писать формально: иногда велят об одном и том же деле одному и тому же лицу, писать, по два рапорта зараз... Разные поборы, взносы, проценты и вычеты из церковных и собственных малых средств миссионеров на различные нужды епархии, с придумыванием подобных же взносов и своих местных – всё это отягощает миссионеров не менее, чем епархиальное духовенство. Вообще, сокращение канцелярского бумажного делопроизводства в миссии крайне необходимо.

Свящ. Стефан Борисов.

Вышли из печати:

Издания Крещёно-Татарского Скита.

1. Таинственное толкование на литургию – Блаженнейшего Симеона, Митрополита Солунского. Цена 10 коп.

2. Шесть выпусков Училища Благочестия. Цена книжки 10 коп.

В книжке от 60 до 80 страниц нравоучительных рассказов из житий святых. Это издание необходимо для крещёно-татарских приходов.

**№ 56. Сотрудник Братства св. Гурия. 27
ноября 1910 года**

Пред образами в шапке

В деревнях привился возмутительный обычай сидеть дома в шапках. При проезде через чувашские, черемисские и даже русские деревни можно замечать высовывающиеся из окон головы в шапках.

Не знаем, как на это ранее смотрели в Казанской губернии, но в центральной России среди русских людей сидение «в шапках пред образами» считается величайшим преступлением пред образами, пред своей семьёй и своим домом.

«Нехристь ты этакий, креста на тебе что ли нет? Шапки не снимешь, как басурман, пред св. образами», – вот какие слова укори́зны посыпались бы на голову того дерзкого, кто осмелился бы в доме сидеть с покрытой головой. И русский, искренне православный человек никогда не позволит оскорбить своего дома надеванием шапки. Ныне, под влиянием глупой манеры солдат стоять в шапках во время крестных ходов и быть в шапках в казармах, отставные солдаты принесли и в деревню неуважение к образам и возмутительную привычку сидеть дома в шапках.

Это – одно из несомненных проявлений падения церковной дисциплины, и пастыри Церкви должны бороться с этим явлением, как в нравственном отношении глубоко не безразличным. По отношению к простому русскому народу это вдвойне дурной признак: православные русские люди, входя в свой или чужой дом, непременно трижды совершают на себе крестное знамение. Для этого, разумеется, всякий должен снять шапку. А снявши шапку, снова её надевать не ловко... Поэтому сидящий в шапке ясно указывает, что он и не крестится, входя в дом и не уважает св. образа, сидя дома. Если бы это делали какие-нибудь дикие черемисы Царевококшайского уезда, – это было-бы, пожалуй, понятно; они не доросли до почитания икон. Но то и горько, что это непочитание в грубой форме замечается в русской части населения, которая – очевидно переживает нравственный регресс. Русские перестают считаться с семейными обычаями и традициями, перестают уважать

церковность и всё, к Церкви относящееся. Одним словом – *разрушается русский народный церковный быт.*

Это грозит нашему отечеству совсем не добрыми последствиями. Пастыри и учителя церковные! Не опускайте ни одного дня, ни одного случая, чтобы произнести поучение по тому или другому случаю. Учите благовременно и безвременно. Устраивайте или, вернее: охраняйте то доброе и святое, что осталось в жизни русского народа. Это ныне самая основная и самая насущная потребность русской жизни. А вам, г.г. защитники русских начал, вам, членам «Союза Русского Народа», рекомендую, как можно скорее, перековать мечи свои на орала⁹⁴ и заняться долгой, но благодатной работой по приведению в порядок семейной и общественной жизни в нашей нравственно-растрёпанной русской деревне.

Епископ **Андрей**.

О миссии на Кавказе

(Ответ о. Т. Иваницкому на его статью в № 43 «Сотрудника»).

В своей статье, напечатанной в «Сотруднике» под заглавием, являющимся заголовком и моего ответа на неё, о. Иваницкий пытается доказать необходимость подчинения, существующего на протяжении 50 лет на Кавказе Общества восстановления православного христианства – Московскому Всероссийскому Миссионерскому Обществу. Это подчинение, по мнению автора, является требованием современного миссионерского среди инородцев дела. О. Иваницкий указывает на нужду в объединении инородческих миссий, ссылаясь на необходимость единства просветительного метода (Н. И. Ильминского), наконец на то, что ведению указанного Кавказского О-ва подлежат только те народности, которые некогда были христианскими, а затем утратили своё христианство, и что О-во не обращает внимания, согласно своему уставу (§ 1), на просвещение татар, вообще исконных мусульман.

О. Иваницкий, вынужден я сказать, сильно заблуждается⁹⁵, надеясь, что Кавказская миссия выиграет в продуктивности своего влияния через подчинение О-ва восстановления православия – Миссионерскому Обществу. Если о. Иваницкий считает деятельность Кавказского О-ва не всегда полезной, то почему же эта полезность увеличится с подчинением, проектируемым автором? Разве из Москвы лучше, чем из Тифлиса, видно, что делается на Кавказе? Нужен единый метод Н. И. Ильминского? Но почему же этот метод введёт на Кавказе скорее Москва, чем Тифлис? Кавказское О-во стремится только возвратить в лоно православия ренегатов и не касается мусульман? Но ведь и возвращение отступников – это такая задача, которую О-во доселе не выполнило, и в сильной степени потому, что *ренегатов – более ста тысяч*. Зачем же О-ву расплывать свою энергию? гнаться за 2-мя зайцами, не поймав ещё и одного? А известен ли о. Иваницкому тот

мусульманский фанатизм, который доселе служит часто непобедимым препятствием к проповеди христианства среди омусульманившихся грузин (аджарцев, ингилойцев и др.)? А эта злосчастная история с обращением в православие инородцев Эриванской губ.? Вспомните, о. Иваницкий, Кульпы, Агино, Вагаршапат. Разве не инородцы этих местностей «пришли, получили и ушли»? Да, за деньги, за землю, за всевозможные льготы неправославные Кавказа принимают православие, но только для того, чтобы... потом оставить его с таким же лёгким сердцем, с каким они и принимают его...

Не отрицаю того, что деятельность Московского О-ва почтенна, что оно много сделало для просвещения инородцев. Но я не отрицаю и того, что это О-во сделало не мало ошибок и что эти ошибки происходили иногда именно вследствие централизации *местных* миссий в *Московском* О-ве. В бытность мою в Енисейской епархии, я был знаком уже в 1902 г. с проектом организации Туруханской миссии, состоящей в ведении Моск. О-ва. Этот проект был весьма целесообразен. Комитет Московского О-ва, заседаая, конечно, в Москве, не принял, однако, этого проекта. Но теперь он принят, и не Комитетом, а Иркутским миссионерским съездом, заседавшим в Сибири и потому видевшим на месте, узнавшим от местных работников, что нужно многострадальной Туруханской миссии. Наша миссия нуждается скорее в децентрализации, чем в централизации своей деятельности и своих учреждений. Общие директивы и общий контроль имеют свой центр – Св. Синод. Будем молить Бога, чтобы Он даровал нам всероссийский *соборный* центр. Но о центрах комитетских нам, в интересах святого церковного дела, надо перестать думать. На Казанском съезде я много говорил на эту тему. Сказанное мной сделалось достоянием и печати. Поэтому я и не считаю нужным повторять свои доводы против всяких центральных комитетов. Но я считаю своим долгом заявить, что Кавказская инородческая миссия страдает не от той причины, какую указал о. Иваницкий. Причина нестроений в этой миссии другая. Семь лет я присматриваюсь к Кавказу и, не скрою, в ужас прихожу от здешнего проповедничества и миссионерства. Среди русского и

инородческого приходского и бесприходного духовенства *нет ни одного хоть сколько-нибудь хорошего проповедника*. В этом отношении Кавказ с его горами, уносящими ваш взор к небесам, с его благоухающими долинами, представляет собой страшную пустыню. Инородческие миссионеры над общим уровнем духовенства не возвышаются ни своими талантами, ни своей проповедью. Где вы услышите из уст кавказского пастыря горячее, воодушевлённое слово, благодатную, вас возвышающую речь, подкрепляемую при этом «духовным деланием»? Разве не внутренние раздоры заменили собой в сильной степени пастырскую работу на Кавказе? Был миссионер Епископ Гавриил, были о.о. Токаевы, Гатуевы, Сухиевы... Но ведь их уже нет. Даже подобных им нет. Даже их теней не осталось... Но живы их образы и деяния... И вот, когда появятся на Кавказе подражатели Епископа Гавриила, этого апостола Абхазии и Сванетии, когда начнут работу новые о. Токаевы, тогда и зацветёт высыхающая миссионерская нива Кавказа.

Одна из ошибок нашего времени – это тот предрассудок, в силу которого люди думают, что новые внешние порядки и учреждения – «панацея от всех зол». Нет, всякое зло побеждается людьми тогда, когда они сами стремятся к улучшению себя, возвышают свой духовный облик. Кавказской миссии новые комитеты не нужны. Она ищет людей живого дела, людей, преданных душой и сердцем Христу, людей, которые любили бы свою страдавшую Церковь так же горячо и чистосердечно, как дитя любит свою мать, нежно лаская её и вместе с ней плача в минуты её горя, её слез, её рыданий.

Детская, всепреданная любовь к Церкви – вот где начало оздоровления нашей миссии, в частности кавказской. Где этого нет, там нет места ни проповеди, ни миссии. И сколько бы комитетов ни было создано, они не введут не познавших Спасителя в Его вечное царство. Приснопамятные успехи митрополита-миссионера Иннокентия не комитет создал, и миссионерская святая работа архиепископа Николая,

подвизающегося в Японии, не в комитете и не комитетом возжена.

Чистое сердце, чистая жизнь, чистота помыслов, стремлений и работы – вот что дало силу и мощь этим людям и их именам, и вот где, о. Тарасий, где секрет, где великая тайна, могучая причина успеха их проповеди.

Слышал я на Казанском съезде речи защитников центрального миссионерского комитета в Петербурге. Для живого церковного дела они были настолько же полезны, а на меня производили такое же впечатление, как шум от листьев, падающих осенью с деревьев.

Грузинский епарх. миссионер

А. Платонов.

Простительно ли это

Простительно ли для православного христианина в какой-либо мере содействовать отпадению от православия кого бы то ни было?

Неужели наша дисциплина в Церкви так упала, что даже такие преступления считаются маловажными и «разрешаются» для того, чтобы снова повториться?

Я не знаю, как об этом думают православные наши канонисты, да и сомневаюсь вообще, думают ли они об жизни что-нибудь. Они только читают лекции, но жизни знать не хотят и её не знают. Повторяю, я не канонист; но я оплакиваю горькими слезами современную нашу разруху в церковной жизни и задаю вопрос: неужели мыслимо, чтобы православный христианин мог содействовать другому православному в отпадении, оставаясь вполне безнаказанным и пребывая в церковном общении? Если бы солдат стал употреблять своё оружие для того, чтобы истреблять собственных своих соратников? – Не признали ли бы его все величайшим преступником, предателем и изменником? И разве его не нужно было бы немедленно изгнать из числа воинов?

Но православный христианин, содействующий отпадению от Церкви брата своего и тем убивающий не тело, а душу его, – разве не величайший преступник и пред Христом, и пред Его св. Церковью? И разве его преступление не должно быть Церковью отмечено, как величайшее преступление пред ней, а он сам разве не должен быть заклеимён, как отступник от Церкви?

По моему мнению, это должно быть так; иначе церковные каноны – остались у нас только на бумаге, как достояние археологии и академических диссертаций, – иначе церковная дисциплина не мыслима, ибо далее идти в её отрицании некуда...

Вот сейчас мы имеем проверенные сведения об отпадении от православия крестьян деревни Старой Икшурмы, Мамадышского уезда – Галея Тимирбаева, Мустафы Бикбова, Карима Ахтямова и других⁹⁶. Оказывается, что их прошение

писано русским и православным человеком и человеком для села совсем «не последним», а по знанию узаконений и циркуляров и вовсе даже важным. Его подпись – «к-н Просвиряков». Если эта фамилия и вымышленная, то во всяком случае с несомненностью можно установить, что *прошение об отпадении неграмотных татар и всё дознание по этому делу написаны одним и тем же лицом, одной рукой.*

И несомненно, что местный священник, духовник этого писаря, знает о его подвигах на пользу ислама, – знает и молчит... По какому праву? По какому праву он не обличает этого волка в овечьей шкуре? Почему его слово не предупреждает немощных, не призывает падшего к исправлению?

Всё это потому, что Церковь Христова у нас в жизни отодвинута на задний план потому, что мы Слово Божие, осуждающее грех, забываем в жизни и совсем забыли о церковных канонах и дисциплине. И, может быть, сам даже этот несчастный Просвиряков, с нашим попустительством в делах Церкви, не подозревает, что подлежит осуждению по страшному 70 правилу св. Апостолов.

Пора же серьёзно заняться устройением церковной жизни! Пора православным понять, что все беды наши в нас самих и никакие миссионеры ничего не сделают, если в корне не будет уничтожена главная наша церковная болезнь: полное отсутствие религиозного одушевления в среде православных и полное непонимание ими церковной жизни в её постоянном общении душ верных и их единомысленном устремлении к Богу.

Церковник.

Р. S. Замечательно, что в указанном деле все *православные* люди своих отпадающих (но ещё не отпадших) братьев именуют по-татарски, и только один *мулла* д. Татарской Икшурмы *назвал их христианскими именами*: Тимофей Николаев, Пётр Федоров, Степан Данилов и пр. Вот до чего дошла у нас русская «самобытность»...

Из записок Алтайского миссионера

IV. ⁹⁷

Миссия и гражданские власти.

Наша миссия в своей просветительной деятельности не отвергла помощи и содействия гражданских властей и законов. Эта помощь заключалась в предоставлении новокрещённым права на трёхлетнюю льготу от платежа податей, в защите их от насилий язычников, в выборе крещёных зайсанов⁹⁸, в поддержке оседлых посёлков новокрещённых, в предоставлении последним некоторой доли самостоятельности от языческих властей и самоуправления, в выборе сельских старост с печатью и пр... Вообще содействие гражданских властей выражалось главным образом в ограждении и поддержании культурной работы миссии в целях общегосударственных и было благотворно для инородцев, из которых в Алтае образовалось до двухсот селений и засёлков⁹⁹. С точки зрения чисто евангельской, однако, те успехи в деле Божиим, которые достигнуты средствами не евангельскими, качественно не высоки и сомнительны по своей прочности. Имея это в виду, руководители и деятели нашей миссии всегда заботились о том, чтобы акт принятия язычниками крещения был добровольным, глубоко и искренно ими сознанным. Христос сказал: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30). Всё, что достигается в деле устройства Его царства на земле не Его благодатною помощью, – не угодно Ему, не ценно пред Ним и, следовательно, не прочно. Будем же собирать только с Ним и ни с кем больше, чтобы заранее не обречь собранного на расточение, на расхищение врагов. Всё, что не согласно с заветами св. апостолов, что не мирится с духом св. Евангелия, то не должно иметь места в приёмах и действиях проповедников Евангелия. Когда мы будем надеяться только на небесную, помощь, будем работать только в духе Единого Божественного Начальника нашего, тогда только истинно успешно, ценно и прочно будет наше делание.

Следует заметить, что льгота от платежа податей не имела такой побудительности, в решениях язычников принять христианство, как это можно было бы полагать со стороны. Она им даже совсем малоизвестна; по крайней мере из нескольких сот язычников, крещёных нами, ни один не говорил об этой льготе также, как и я сам. Но всё-таки следовало бы отменить эту льготу, – пусть не говорят, что язычники принимают христианство из нечистых побуждений.

За обращение из иноверия и раскола более ста человек полагается в награду орден Анны третьей степени. Блаженной памяти основатель миссии Архимандрит Макарий, узнав о существовании такого параграфа в статуте орденов, писал по начальству, что награждение миссионеров внешними знаками отличия за обращение в христианство вредно для миссионерского дела. Преклоняясь пред благородством блаженного первоначальника нашего и воздавая должное его бескорыстию, самоотвержению и гражданскому мужеству, спешим присоединиться к этому мнению его относительно этих нежелательных для дела и делателей Христовых приманок светской власти. Вообще право награждать духовенство внешними знаками отличий, как несогласное с духом и обетованием Евангельскими, должно бы быть отменено. Пастыри – слуги Христовы, ничьи более. Они Ему служат, Его дело исполняют, поэтому им нужно ожидать награду только от Него. Да и какая польза от этих наград и отличия для награждаемых! Они вызывают и питают в интересующихся ими мелкие чувства самообожания, тщеславия и высокомерия. А между тем... Христос сказал: «Когда исполните всё повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали то, что должны были сделать». – «Не за что вам награды получать здесь, как бы говорит Христос Своим ученикам, – Сам пребуду с вами, Сам награжу вас. Если вы проходите своё служение с тем, чтобы получить за это награду от людей, не будет вам награды от Отца вашего небесного».» Итак, будем служить только одному Господу и искать только Его славы, не себе угождать и не обесценивать пред Ним своего служения Ему.

Единственная награда, в которой в настоящее время нуждаются миссионеры та, чтобы: 1) в целях лучшей организации дела, иметь возможность свободно обсуждать постановку своего дела и устроиться на началах братства, любви, свободы слова и мнений в делах им вверенного служения, словом устроиться на началах совещательных под руководством возможно меньшего количества начальствующих лиц; и 2) чтобы вошли в их незавидное материальное положение, дабы они, имея возможность существовать безбедно, беспрепятственнее могли проходить своё нелёгкое служение. Что материальные условия существования членов миссии нашей незавидны, едва ли кто будет оспаривать. Начальство возбудило в Миссионерском Обществе ходатайство о необходимости уравнивания алтайских миссионеров в размерах получаемого содержания с киргизскими. Ходатайство это было вполне благовременное и законное. И мы питали надежду, что Миссионерское Общество войдёт в положение алтайских тружеников и удовлетворит их ходатайство; но начальство миссии разослало в 1906 г. миссионерам уведомление, что Прав. Миссионерское Общество не только не уважило ходатайства о прибавке алтайским миссионерам содержания, но оказалось вынужденным и обычную смету миссии сократить на 10%. Подобное обстоятельство произвело на бедных алтайских тружеников тяжкое впечатление... Оно не преминет, конечно, печальным образом отразиться и на состоянии их духа, а через это и на деятельности их. Укажем и ещё на одну меру, которая бы послужила к облегчению трудного служения миссионеров и поощрению их, это – отнесение на казённый счёт, или на счёт Правосл. Мисс. Общества, воспитания их детей в учебных заведениях, до высших включительно.

Позволим себе сказать здесь несколько слов и о необходимости и долге поддержания отечественных миссий в их просветительных задачах средствами от Государства.

Полагаем, что задача православной России по отношению к сопредельным с ней азиатским народам заключается не в политическом только обладании ими, не в подавлении их страхом своего могущества, силы и величия, а во влиянии

культурном, в проведении в их жизнь и мировоззрение благотворных идей христианского учения, христианской цивилизации. И потому мы вправе желать и надеяться, чтобы несколько десятков тысяч рублей было уделяемо ежегодно на нужды наших православных миссий, на потребности мирного завоевания соседних племён и просвещение уже состоящих в подданстве, – с целью приобщения тех и других к семье просвещённых народов.

Если бы представители русского православного народа, члены Государственной Думы, оказали должное внимание высокой идее и – вопиющим нуждам христианского просвещения многочисленных полудиких языческих племён, ставших в ряды полноправных граждан Империи, и подобного же мирного завоевания племён сопредельных, ассигновав на указанный предмет из средств Государства несколько десятков тысяч рублей, то, думаем, *что такое дело было бы вполне достойно представителей православной России.*

Итак, вот, в общих чертах, те изменения, которые желательны в видах поддержания и оживления духа и энергии тружеников на миссионерском поприще в Алтае. И эти улучшения в строе миссии, как мы видим, заключаются не в каких-либо неведомых и неслыханных новшествах и выдумках: Наоборот обобщая все изложенное выше, мы должны сказать, что сущность преобразования миссии, как учреждения евангельского, заключается в возможном упрощении и приближении её к идеалу, указанному во св. Евангелии и осуществлённом св. апостолами, этими первыми и величайшими из людей всех времён, носителями и насадителями Божественных идеалов вечного Евангелия.

Свящ. Стефан Борисов.

Магометанско-татарское застрашивание русской власти

Магометане-татары, которые усиленно хотят доказать, что их много и что они такая величина, которая может более робких людей и испугать, – недавно вспомнили свой обычный приём коллективных петиций правительству с разных сторон. Несомненно, они надеются, что этот способ воздействия на правительство и нынче им удастся, как неизменно удавался ранее. Позволяем себе мы, русские люди, нынче в этом усомниться, – не те уже времена...

Дело в том, что татары очень недовольны в настоящее время новым проектом правительства о начальном народном образовании. И вот, отвергая законные способы обсуждения этого вопроса, они прибегли к сверхзаконному, – к посылке петиций в Петербург. Все эти петиции, из разных мест посланные, неизменно начинаются словами: «мы, мусульмане, собравшись в своём многолюдном собрании» и пр. – *и далее идёт слово в слово – одно и тоже.*

А на самом деле, если бы говорить правду, то нужно было бы писать: «мы, казанские татары (из-за Булака) во главе с Максудовым, решили и приказали»... и далее пункты петиции; это безусловно так, потому что ни башкиры, ни тем более киргизы об организации народного просвещения ещё и не думают, – им ещё не до того.

И вот пред нами сейчас две петиции – из Челябинска (сообщение газеты «Речь») и из Оренбурга (сообщение «Русского Слова»). Читаем известие из Оренбурга:

Оренбург. С разрешения администрации, состоялось многочисленное собрание мусульман, с участием членов Государственной Думы З. Н. Байбурина от Оренбургской губернии и С. Н. Максудова – от Казанской.

Обсуждался внесённый в Думу законопроект о всеобщем обучении, согласно которому мусульманские школы подвергаются русификации.

После горячего обсуждения вопроса, постановлено обратиться к председателю Государственной Думы, в комиссию по народному образованию, к Думским фракциям и к министрам со следующей резолюцией:

«Собравшись в числе 3.000 человек в городском театре и обсудив законопроект о всеобщем обучении, мусульмане города Оренбурга приняли следующие пожелания: 1) Действие новых правил о частных низших заведениях не должно распространяться на наши конфессиональные мектебе; 2) наша религия и родной язык должны обязательно преподаваться во всех начальных училищах, где учатся дети мусульман; 3) преподавание всех предметов, кроме русского языка, должно вестись на родном языке учащихся; 4) вопросы, относящиеся к преподаванию вероучения, родного языка и нравственно-религиозного воспитания учащихся мусульман, как то: назначение учителей вероучения и родного языка, приглашение членов-мусульман в училищные советы, выбор и одобрение мусульманских учебников, – должны разрешаться по соглашению с мусульманскими духовными правлениями». Секретарь собрания Шараф.

(«Русск. Сл.».)

Читаем сообщение «Речи» о петиции из Челябинска:

Челябинск. Отсюда послана председателю комиссии Государственной Думы по народному образованию фон-Анрепу следующая телеграмма:

«Мы, мусульмане города Челябинска, собравшись в своём многолюдном собрании в здании городской управы и обсудив законопроект о начальных училищах, не можем не выразить следующие наши пожелания: 1) чтобы действия вырабатываемых законопроектом новых правил о частных низших учебных заведениях не были распространяемы на наши мусульманские конфессиональные мектебе и медресе; 2) наша религия и родной язык должны обязательно преподаваться во всех начальных училищах, где учатся дети мусульман; 3) преподавание всех предметов, кроме русского языка, должно вестись на родном языке учащихся во всех классах; 4) назначение учителей мусульманского вероучения и родного

языка и приглашение членов-мусульман в училищные советы должны разрешаться по соглашению с мусульманским духовным правлением. Челябинские мусульмане присоединяют свой голос к общему пожеланию мусульман в вопросах о начальных училищах и просят вас, господин председатель, принять во внимание наши пожелания и доложить Государственной Думе эти пожелания, вытекающие из особенностей нашей религии и народности. Мы твёрдо надеемся, что наша общая мусульманская просьба и доклад мусульманской фракции Государственной Думы будут удовлетворены».

Председатель собрания Ахунд Мухамед Хаким Салимов.

Неужели не ясно, что оба документа писала одна рука? – Повторилась в миниатюре та же история, что в 1905 году, когда все магометанские петиции (по другому вопросу) были написаны в Казани одним присяжным поверенным (и даже евреем!).

Но повторяем нашу надежду, что нынче «все мусульмане» или ещё лучше «вся мусульманская нация» скоро забудут о своих сепаратистских тенденциях и мирно подчинятся общероссийскому закону. Ведь нельзя же этой «мусульманской нации» выдавать привилегии за её мусульманство!..

Русский.

Несколько слов о преподавании Закона Божия в иностранческих школах

В № 48 «Сотрудника» некто «Русский» поместил небольшую статейку под заглавием «Почему нельзя?» В этой статье автор выражает сожаление по поводу того, что у нас замечается крайний недостаток в русских деятелях, знакомых с татарским языком. И между прочим говорит: «инспектор народных училищ заведует школами, ни слова не понимая языка своих школьников». Эти последние слова автора заставили меня задуматься над постановкой школьного дела в иностранческих школах. Благодаря незнакомству с иностранческим языком ревизующих лиц, в означенных школах особенно страдает преподавание Закона Божия. Конечная цель преподавания Закона Божия та, чтобы «преобразовать» внутреннего человека. Эта цель в иностранческих школах должна преследоваться особенно, ввиду младенческого состояния иностранцев вообще в отношении понимания христианской религии. Преподавание же Закона Божия, конечно, только тогда может благотворно отзываться в образовании сердца, когда преподаётся на понятном для детей языке. Вот и досадно, что преподавание Закона Божия в иностранческих школах иногда ведётся на непонятном для детей русском языке. Чтобы удовлетворить требованиям инспекторов и наблюдателей приходится слово в слово заучивать статьи из священной истории. Могут сказать некоторые, что можно рассказывать своими словами, не придерживаясь книжного рассказа. Но ведь чтобы рассказывать прочитанное своими словами, нужно иметь некоторый навык, а эти иностранческие дети, которые обыкновенно с восьми девяти лет поступают в школу, на своём то материнском языке рассказать ничего не могут. Можно себе представить, какую египетскую работу приходится выполнять этим бедным детям, заучивая рассказ на русском языке!

В моём приходе есть церковно-приходская школа, где дети крещёные татары. В этой школе целую неделю уже мы бьёмся с учителем над усвоением учениками статьи «Следствия

грехопадения прародителей». В школе редко дети остаются до экзаменов; обыкновенно родители года через два берут детей домой помогать в домашних работах. В результате получается то, что дети уходят из школы с полу-зазубренными статьями на русском языке из священной истории которые, нужно сказать, по дороге домой они уже начинают забывать, между тем, как ведь необходимо развитие религиозного чувства и воодушевления в этой захолустной крещенской деревне, которую кругом окружают татары-магометане! «Почему нельзя» преподавать все евангельские истины на родном языке?

Да потому, что наблюдатель не понимает языка своих школьников. В недобрый час наблюдатель может донести о законоучителе, как о ленивом деятеле на ниве Божией... Я вполне сознаю, что одна из главных задач наших инородческих начальных школ, это – знакомство инородцев с русским языком и через это приближение их к великому русскому народу. Но эта цель должна преследоваться в преподавании предмета русского языка, а не на уроках Закона Божия, особенно там, где рядом живут магометане.

Сельский Священник **Иос. Кирилов.**

ИЗДАНИЕ

«Сотрудника Братства св. Гурия»

В О З О Б Н О В Л Я Е Т С Я

с 1-го января 1911 года

на прежних условиях годовой подписки.

Редактор – Епископ Андрей.

Казань. Типо-лит. М. П. Перовой, Булак, соб. дом.

Примечания

¹ - Из Турк. Еп. Вед.

² - Батоги – палки или толстые прутья толщиной в палец с обрезанными концами, употреблявшиеся в XV–XVIII веках в России для телесных наказаний, вначале за мелкие провинности, а с XVII – по решению суда. Битьё батогами считалось более лёгким наказанием, чем битьё кнутом. – прим. эл. ред.

³ - Этого требуют, вероятно, высшие политические соображения?

⁴ - Иерократия (от греч. ieros – святой, священный и kratos – власть). – форма организации и понимания власти, при котором носитель власти считается священным и в силу этого обладает властью. – прим. эл. ред.

⁵ - См. прекрасное сочинение В. Ф. Кипарисова «О церковной дисциплине».

⁶ - Из Уфимского доклада Казанск. Миссионерскому Съезду 1910 г.; по нашему мнению, предложенная организация – почти идеальная. Епископ Андрей.

⁷ - См. «Сотр.» № 31, 32.

⁸ - Пользуемся сочинением В. Ф. Кипарисова «О церковной дисциплине», стр. 97 и послед.

⁹ - Подробнее об этом см. «Сотрудник» 1909 г. 1 ноября.

¹⁰ - По сему письму посланы из склада книг при Центральной крещёно-татарской школе все издания Переводческой Комиссии бесплатно.

¹¹ - С радостью приветствуем и помещаем эту статью истинного защитника православия от проф. Залесского и ему подобных партийных деятелей, одинаково не знающих православия и потому вредных для миссии. Еписк. Андрей.

¹² - Система Н. И. Ильминского и сейчас действует очень часто не в полном объёме и прилагается почти всегда как-то не искренне, на половину... В этом, местах и продолжают

частичные отпадения, а где нет вовсе системы Ильминского, там отпали уже все (напр. в Тетюшск. уезде). Еписк. Андрей.

¹³ - Фамилия автора записки не приводится здесь с целью охранить его от возможных неприятностей со стороны исповедников мусульманского культа.

¹⁴ - Феру́ла – гнетущий и бдительный надзор, гнетущая стеснительная опека, строгое обращение (переносный смысл). – прим. эл. ред.

¹⁵ - Вза́пуски, нареч. (разг.). – Наперегонки. Бегать взапуски. Толковый словарь Ушакова – прим. эл. ред.

¹⁶ - Конкуби́на (лат. concubina, от лат. con – вместе, и лат. cubare – лежать) – в древнем Риме незамужняя женщина низшего сословия, находившаяся в сожительстве с мужчиной. – прим. эл. ред.

¹⁷ - См. № 3, 19 декабря 1909 г. «Сотрудник».

¹⁸ - Петлоглаше́ние – пение петуха – прим. эл. ред.

¹⁹ - См. «Сотр.» № 25–26.

²⁰ - Таргу́м (ивр. תרגום, мн.ч. targumim, букв. «перевод, интерпретация») – общее название для переводов Ветхого Завета на иудео-арамейский язык; он должен быть отнесён ко временам второго храма. – прим. эл. ред.

²¹ - Потату́й м. – то же, или кто поддакивает, такает, у кого нет своих мыслей, убеждений; тут – птица угод, Урира Ерорс – Толковый словарь Даля – прим. эл. ред.

²² - Смотреть также 2Пар. 9:1–9.

²³ - Коранические тексты приводятся здесь в переводе известного арабиста Георгия Саблукова из его «Корана, законодательной книги Мохамеданского вероучения» изд. 1894 г.

²⁴ - Горцы из грузин, принявшие мусульманство в XVII и XVIII в.в. и насильственно отторгнутые от христианства лезгинами и персами.

²⁵ - Педагогические издания для ингилойцев обозначены в хронологии, каталоге изданий Правосл. Мисс. О-ва. Казань, 1910 г., отд. 3 стр. 5.

²⁶ - Стр. 120.

²⁷ - См. Отчёт Совета О-ва восстановления православного христианства на Кавказе за 1897 г., стр. 137.

²⁸ - Логома́хия (от греч. λόγος – слово и μάχη – сражение, битва, бой) – противоположность логоцентризма – спор, в котором спорящие не могут правильно понять друг друга, потому что употребляют неточные слова для выражения своих мыслей. – прим. эл. ред.

²⁹ - Обзор мусульманского мира

³⁰ - "Терджиман" (крым. Terciman, , рус. Переводчик) – газета, которая выходила с 1883 по 1918 год в Бахчисарае и фактически была печатным органом тюркоязычного населения Российской империи. Основателем и издателем был крымскотатарский просветитель Исмаил Гаспринский. «Терджиман» был первой в истории крымско-татарской газетой, которая выходила 35 лет. – прим. эл. ред.

³¹ - Адрес: Казань, Крепость. Спасская лавка.

³² - Склад издания: СПб., Надеждинская ул., д. 16. Ц. 10 коп.

³³ - Напоминаем читателям «Сотрудника» о серьёзной критике проф. П. В. Знаменского всех этих корреспонденций «Казанск, Телегр.» Ред.

³⁴ - См. Миссионер. противомусульм. сборник, вып. V и Историю русской церкви – проф. Знаменского и др.

³⁵ - См. в «Каз. Телеграфе» ст. г. Залесского, №№ от начала Съезда.

³⁶ - Драгоман (от араб. , [tarzuma:n], [targuma:n] – название переводчика и писаря при посольствах в Османской империи и империи Великого Войска Степного. Позже этот термин также использовался в делопроизводстве Речи Посполитой, Войска Запорожского Низового и Российской империи. – прим. эл. ред.

³⁷ - Существуют, впрочем, и ныне удивительные экземпляры таких русских просветителей инородцев, но о них – до другого раза. Е. А.

³⁸ - На обеде в Духовн. Академии. Ред.

³⁹ - Рекомендуем читателям ст. Б. Юзефовича, напечатанную в № 3 «Русского Вестника» за 1883-й год, под заглавием: «Христианство магометанство и язычество в восточных губерниях России».

⁴⁰ - *Revue du monde musulman* (франц.) – «Обзор мусульманского мира» – прим. эл. ред.

⁴¹ - «*Revue des Deux Mondes*» (фр.) – Обзор двух миров – прим. эл. ред.

⁴² - Ношение европейских шляп запрещено мусульманам, как говорят, из религиозных мотивов: поля наших головных уборов помешали бы челу правоверного прикоснуться к земле, когда он падает ниц при совершении установленной молитвы.

⁴³ - Киликийская резня (погромы в Адане, арм. , *Adanayi kotorats*) – массовые убийства этнических армян в османских вилайетах Адана и Алеппо, произошедшие в апреле 1909 года. ... По существующим оценкам, жертвами резни стало до 20–30 тысяч армян. – прим. эл. ред.

⁴⁴ - Моля́н – мордовский религиозный праздник. Толковый словарь русского языка Ефремова Т. Ф. – прим. эл. ред.

⁴⁵ - Эту статью мы заимствуем из прекрасной книжки С. В. Чичериной (1910 г.): «О языке преподавания в школах для восточных инородцев», в которой можно познакомиться хотя кратко с положением просвещения восточных инородцев. Е. А.

⁴⁶ - См. № 37, 38.

⁴⁷ - Одногорбый верблюд (лат. *Camelus dromedarius*), или дромеда́р (дромаде́р), или арабиан – вид млекопитающих, один из представителей семейства верблюдовых (*Camelidae*), относящийся наряду с двугорбым верблюдом (бактрианом) к роду собственно верблюдов (лат. *Camelus*). – прим. эл. ред.

⁴⁸ - Надо было слышать, как сказал эти последние слова своей речи-проповеди досточтимый Николай Петрович! Его скромная, с каким-то чувством сдержанной скорби манера говорить публично особенно оттеняла общепризнанные его достоинства, как учёного труженика и была живым примером смирения для ораторов.

⁴⁹ - Horribile dictu (латынь) – страшно сказать – прим. эл. ред.

⁵⁰ - См. № 3724 за 1905 г.

⁵¹ - Верю: по промыслу Божию! – Батюшка о. Алексей Пчелкин послан спасать несчастных Мушеранцев. Он согласился для этого хороший приход переменить на расстроенный. – Бог наградит его. – Епископ Андрей.

⁵² - Литургию на пермяц. яз. можно приобретать из склада изданий Прав. мис. общ. при Казан. Учительской Семинарии.

⁵³ - Перифр́аз, также перифр́аза (от др.-греч. περίφρασις «описательное выражение; иносказание»: περί «вокруг, около» + φράσις «высказывание») – это не прямое художественное описание предмета, который легко узнается по его характерным признакам, например, «голубая планета» вместо «Земля», «однорукий бандит» вместо «игральный автомат» и т. п. – прим. эл. ред.

⁵⁴ - Подробные наставления о переводчестве см. в брошюре Н. И. Ильминского: «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках» – Вятка 1904. 8°.

⁵⁵ - См. № 48.

⁵⁶ - Калабáшка – ж. вологодск. грубо обделанная деревянная чаша, миска, черпачёк. (Толковый словарь В. Даля) – прим. эл. ред.

⁵⁷ - После Мачаиышского, Чистопольского. Козьмодемьянского и Лаишевского.

⁵⁸ - Но по многим вопросам общей службы я всё-таки остаюсь непоколебимо при прежних мнениях. Е. А.

⁵⁹ - См. № 49.

⁶⁰ - По десятилетнему опыту могу удостоверить полную справедливость мыслей отца Даниила. Е. А.

⁶¹ - Да и не одни «матушки» в этом виноваты: и у многих «батюшек» очень часто встречается хронический катар желудка, решительно вредный для прихожан, как мешающий батюшке поститься. Е. А.

⁶² - См. «Сотрудник» № 46.

⁶³ - Гинеке́й или гинекейон (др.-греч. γυναικεῖον или γυναικον, от гуне жена) – в Древней Греции – женские покои в доме, занимавшие его заднюю часть или второй этаж. Гинекей сообщался с мужской залой посредством особой двери и состоял обычно из спальни для супругов (θάλαμος), комнаты, где помещались дочери, и комнат, где работала женская прислуга. Позади гинекея нередко был расположен небольшой сад. – прим. эл. ред.

⁶⁴ - Ликург (др.-греч. Λυκοῦργος) – древнеспартанский законодатель, которому древние писатели единогласно приписывают политическое устройство, господствовавшее в Спарте в течение нескольких веков. Ликург издал законы, заимствованные с о-ва Крита, где он изучил государственное устройство, перенесённое им в Спарту. – прим. эл. ред.

⁶⁵ - См. «Сотр.» № 38.

⁶⁶ - Ката́да ибн Ди́ама (араб. ; ум. 735) – мусульманский богослов, табиин, хадисовед, толкователь Корана, знаток арабского языка. – прим. эл. ред.

⁶⁷ - Мидраш (ивр. מִדְרָשׁ, букв. изучение, толкование) Ялкуп Шимони (ивр. יְלִקוּט שִׁמּוֹן, «Антология Шимона», обычно упоминается как «Ялкуп» Шимона из Франкфурта) – это поздний сборник еврейских мидрашей (разъяснений стихов Торы), сохраняющий многие древние традиции, прямые источники которых утрачены. – прим. эл. ред.

⁶⁸ - Источник этого имени возводится и далее вглубь Востока к санскритским богам ветра – Маратам.

⁶⁹ - Бытия 6, 2. 4. Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы и брали их себе в жёны, какую кто избрал. – В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди. – «Сыны Божии», согласно автору, означает – праведные люди семени Сифа. Имеемый в виду толковник – Ионафан сын Уззиэля... Есть санскритский рассказ о подобном же восшествии двух ангелов и гурии, как Зогра, из которого,

возможно, армяне и почерпнули эту свою историю: и из этого-то идолопоклоннического источника без сомнения евреи её и получили: а от них – мусульмане.

⁷⁰ - Точный термин – Нефилим, т. е. люди, которые напали на беспомощных вокруг них людей и произвели насилие и угнетение на земле.

⁷¹ - Центральный стан, находящийся в городе, кроме отдалённости от станов миссии, стоит в материальном отношении дорого для миссии.

⁷² - Лот – дOMETрическая единица измерения массы (в России использовалась во второй половине XVIII – начале XX веков), равная 1/32 фунта или 3 золотникам или 288 долям или 12,79725 граммам. – прим. эл. ред.

⁷³ - См. «Сотр.» № 53. Эти записки о. Стеф. Борисова относятся к 1905 году.

⁷⁴ - См. «Сотр.» № 52.

⁷⁵ - Из еврейского рассказа в Абода–Сара.

⁷⁶ - Сура 20, 90.

⁷⁷ - Пирке–Рабби–Елезар.

⁷⁸ - Несомненно, Пророк думал, что евреи произносили Самирий (Самаритянин), когда они говорили Самаил. Они считали Самаила ангелом смерти.

⁷⁹ - Сура 2, 26; 4, 152.

⁸⁰ - Также и (сад Эдема, Тагут, Форкан, Секина, Табут, Хибр и пр., которые все взяты из того или другого из языков еврейского, сирийского или халдейского.

⁸¹ - Сура 15, 44; 17, 46. – Еврейские книги, Хачига и Зогар.

⁸² - Сура 15, 17, 34; 37, 7; 67, 5.

⁸³ - Редакция не со всеми мыслями автора согласна: – несомненно, г. г. миссионеры, столь порицаемые автором, делают своё дело по мере сил своих. – Но что общее направление церковной жизни заслуживает гораздо большего внимания со стороны наших церковных властей, – это совершенно верно. Кроме того, вера в русский народ и любовь

к нему у автора печатаемой статьи столь велики и почтенны, что отказать ему в напечатании мы были не в силах. Редакция.

⁸⁴ - Очень характерная забота почти всех миссионерских съездов. Еп. Андрей.

⁸⁵ - Криптохристианство (также крипто-христианство, криптохристиане, подпольное или тайное христианство; греч. κρυπτός – «тайный», «укрытый») – христиане подвергались дискриминации и периодич. гонениям, насильственной исламизации в Османской империи. Этот субэтнос носил наименования: «ставриоты» (от дер. Ставри в санджаке Гюмюшхане), «кlostы» (κλωστοί – обращающиеся), «месо-месо» (μέσο μέσο – половина на половину), спафиоты (Албания), «кромиоты» (κρωμιώτες; от топонима Кромни (Кром; в горнорудном районе к югу от Трабзона). Во 2-й пол. XIX в. местные криптохристиане стали открыто возвращаться в христианство, но в годы первой мировой войны подверглись новой принудительной исламизации и тюркизации. – прим. эл. ред.

⁸⁶ - См. «Сотр.» № 54.

⁸⁷ - Кысосу-ль-Анбия.

⁸⁸ - На иврите словом «ситта», а во множественном числе «ситтим», именуют деревья, принадлежащие к роду акаций. В России мы привыкли называть акацией робинию ложноакациевую – *Robinia pseudacacia*, относящуюся к роду *Robinia* из семейства бобовых. Это дерево происходит из Северной Америки и завезено в Европу только после 1600 года н. э. Именно робинию чаще всего разводят в садах и парках России под видом акации. – прим. эл. ред.

⁸⁹ - Исход 24:12; 3 Царств 8:9; Евреям 9:3–4.

⁹⁰ - Гемарá (арам. גמרא, букв. «изучение», «воспринятое от учителя» или от ивр. גמול, «завершение, совершенство») – В обиходе термином «Гемара» часто обозначают Талмуд в целом, а также каждый из составляющих его трактатов в отдельности. – прим. эл. ред.

⁹¹ - Из Пирке-Абот, ст. 6.

⁹² - Араиш-аль-Маджалис.

⁹³ - См. «Сотр.» № 54.

⁹⁴ - "...И перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2:4). «Орало» (от лат. ago – «пахать, возделывать землю») в переводе с церковно-славянского – «плуг». – прим. эл. ред.

⁹⁵ - Этим своим заявлением я, конечно, нисколько не умаляю миссионерских заслуг о. Иваницкого, в настоящее время не состоящего в Кавказской миссии. О его деятельности см. мою статью в «Сотруднике» 1910 г., № 38.

⁹⁶ - К. Г. П. 1908–1624.

⁹⁷ - См. «Сотр.» № 55.

⁹⁸ - Зайсан, зайсанг (от китайского титула «цзай-сян», «канцлер, великий визирь») – должность у монголов, бурят, калмыков, алтайцев. Зайсан – древний титул, известный ещё со времён Юаньской империи, обозначает наследственного владельца отока, улуса. – прим. эл. ред.

⁹⁹ - Заселок, засёлок – поселение заселение из ближних выходцев отсельных крестьян из села деревни, отделившихся и занявших пустошь или заполье, образовывались в результате межевания и подселения крестьян из других мест или выхода части землепользователей из основного селения села, деревни. – прим. эл. ред.